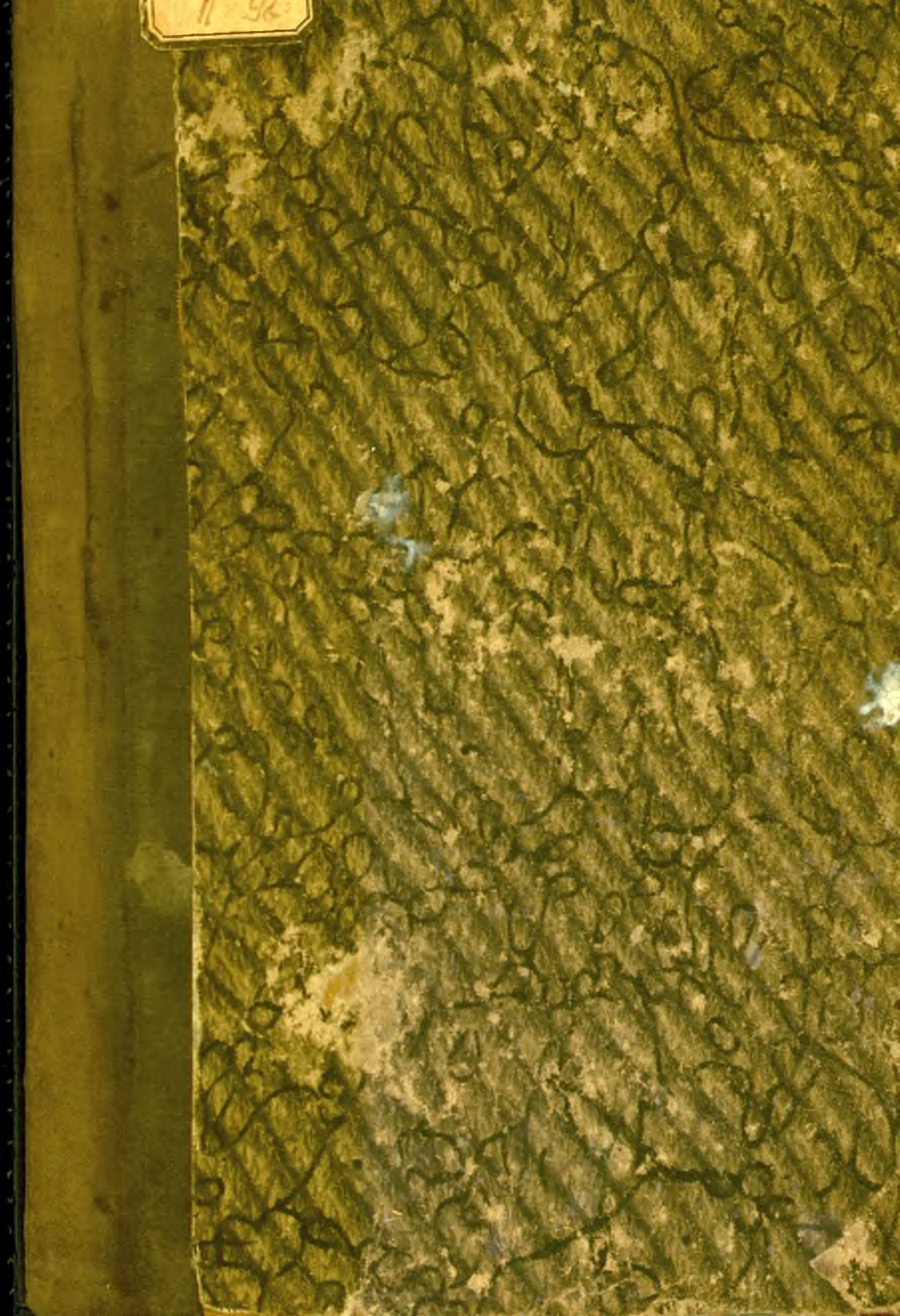

11 56

Коммунистический Университет имени Я. М. СВЕРДЛОВА

901
К-95

П. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

Уч. № 8391

1ф

К-96

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ПБФ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ ■ ■ ■ ■ ■

№ 0161-06

80 РИСУНКОВ В ТЕКСТЕ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СЕМНАЦАТИСОК
Библиотечный № 11 В ТОГОДА

РЕКОМЕНДОВАНО ГУС'ОМ
В КАЧЕСТВЕ ВВОДНОГО КУРСА
ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВУЗ'ОВ

86
СФ 869 2938

Иллюстрация №

МОСКВА — 1924

Отпечатано
в типографии Морск. Ведомства,
зд. Главн. Адмиралтейства,
в количестве 15000 экз.—25 л.
Ленинградский Гублит № 14677.

10/10/19

ВВЕДЕНИЕ.

1. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМЫ И ИХ РАЗВИТИЕ.

Под обществом обычно понимают длительное объединение людей, связанных каким-нибудь общим делом, действием или даже настроением. Экономисты дают более точное определение общества, как объединение людей, связанных хозяйственной, то-есть трудовой, связью. Однако это определение не расходится с обычным понятием об обществе, потому что всякая связь между людьми или вызвана хозяйственной деятельностью или, как например, половая связь, вызывает сама эту деятельность. Вне сферы хозяйственных интересов, направленных на поддержание существования самого человека, сохранение его вида или обеспечение его потребностей—нет и никогда не было людской связи или, что тоже, человеческого общества.

Понятие об обществе.

Общественность присуща человеку, потому что она одна дает ему возможность жить. Без связи с другими людьми, без работы многих рук, без опыта всех предыдущих человеческих поколений современный человек не может существовать. Представьте себе человека, лишенного всего того, что создано не им, а окружающими людьми; лишенного жилища, инструментов, спичек, тканей, наконец всех знаний, приобретенных у других людей, всех средств сообщения, которые помогают перебрасывать продукты, сделанные другими людьми, в место, где он живет—и вы поймете, как велика, как исключительна роль общественной связи для человека. Лишенный всего того, что делают для него другие люди, человек беспомощен, так как самостоятельно сделать для себя все необходимое он не может; чем ближе этот человек живет к нашей эпохе, чем отдаленнее от первобытных времен, тем беспомощнее делается он, будучи предоставлен самому себе.

В жизни общества участвует каждый человек, независимо даже от своего желания; но участвует он

далеко не одинаково: один создает, творит — другой только расхищает или пользуется готовым. Рабочий, создающий новые ценности, строящий дома, машины, орудия производства, с одной стороны и — с другой стороны, рантье, стригущий купоны процентных бумаг, всю жизнь расходующий труд других — оба участники этой общественности. Но, в то время, как один, создавая новые ценности, участвует в общественной деятельности положительно, другой, расхищающий, участвует в той же деятельности отрицательно.

Польза и вред, приносимые отдельными людьми, есть все-таки часть этой общественной деятельности, и в истории развития человеческих отношений мы одинаково должны учитывать не только пользу, приносимую одними людьми, но также и тот вред, который неизменно приносят другие.

Каждый человек сталкивается с другими людьми и входит с ними в те или другие отношения при различных условиях: с одними он встречается при совместном добывании средств к существованию (работа у станка, работа в поле, в конторе); с другими он встречается дома, в семье; с третьими — где нибудь на лекции, в клубе, в кино; с четвертыми он не встречается вовсе, но незримые нити связывают этих людей — через газету или через книгу. Связь с каждым из людей устанавливается, правда, в различных формах и бывает то двухсторонней, как у людей, работающих совместно у одного станка, то односторонней, как у писателя и читателя; она может быть длительной, продолжаться многие годы (жизнь совместная в семье) или, наоборот кратковременной (связь между читателем и человеком, написавшим статью в газете).

Все эти различные стороны человеческой связи проявляются, следовательно, в различных формах и носят название форм общественности.

Общественные формы.

Таким образом создаются связи хозяйственные, которые зависят от той или другой формы производства, связи семейные, зависящие от форм семьи и брака, связи политические, зависящие от форм государственных или других общественных объединений, связи религиозные, зависящие от форм религии. История человеческой общественности — непрерывная смена этих хозяйственных, семейных, — политических, религиозных и проч. форм, непрерывное изменение человеческих связей. Развивается производство, заменяются формы хозяйства — развиваются связанные с ними формы общественности. Падает производство — падают

и эти связи. Следовательно, смена форм общественности, или, как мы будем их называть, общественных форм, вызывается изменением тех основных приемов, при помощи которых человечество добывает себе все необходимое для жизни.

Знание форм, в которые отливаются общественная жизнь, а также тех причин, которые вызывают изменение этих форм, обязательно для каждого мыслящего человека. В особенности необходимо оно для представителей того класса, который творит новую жизнь— для пролетариата.

В борьбе за лучшее будущее необходимо знать не только формы новой, творимой жизни, но также и причины возникновения, или длительного существования прежних, старых форм. Бороться за новые формы можно успешнее тогда, когда корни старого поняты и путь к новому хорошо усвоен.

В отличие от истории вообще—история развития общественных форм исследует только главные этапы того пути, по которому шло человеческое общество; этапы, общие всем народам. Независимо от некоторых характерных отличий, свойственных отдельным народам в силу географических или иных условий, в ходе исторического развития каждого из этих народов есть общие черты, отливающие развитие общественности у них в одни и те же совершенно схожие формы.

История развития общественных форм.

Из большого, сравнительно, разнообразия общественных форм необходимо выделить наиболее типичные, встречающиеся у каждого народа: формы хозяйства, формы брака и семьи, формы власти, формы идеологии (мышление, верования, искусство и наука), и проследить их последовательное развитие на протяжении всей истории человечества. Для удобства исследования, весь ход предыдущего исторического развития разбивается на ряд эпох, то-есть отделов, включающих в себя весьма значительные промежутки времени, объединенные каким нибудь характерным признаком.

Как же разбить эту историю человечества на эпохи, и что положить в основу деления по эпохам?

Рассматривая общественные формы, мы замечаем, что они далеко не все равноценны: есть формы, возникающие только как следствие других, более простых форм; есть, наоборот, такие формы общественности, без которых самое существование человека невысказимо.

Основной и первой потребностью человека является удовлетворение голода и обеспечение возможности продолжения вида (забота о потомстве). Для существования человека необходимо длительное напряжение всех его физических сил и всех его знаний, которое отличается в форму борьбы человека с природой или — что то же — хозяйствования. Вот это хозяйствование человека и является основной общественной формой.

„Экономические эпохи, — говорит Маркс, — отличаются не тем, что производится, а тем как производится, какими средствами труда.“ Орудия труда, рабочая сила, количество ее, навыки технические, являются причиной тех результатов, которые получает человек в борьбе за существование. От развития орудий труда, от количества рабочей силы, наконец, от умения пользоваться орудиями труда, повышается производительность труда или, как говорят экономисты, уровень развития производительных сил. Степень удовлетворения минимальных потребностей человека повышается в зависимости от повышения этого уровня. Этот уровень может быть очень низким, едва достаточным для прокормления самого человека, и наоборот — при развитии производительных сил, и при повышении уровня их — может создаваться даже избыточный продукт, превращающийся в запасы на черный день или в излишки, обмениваемые на другие продукты.

Основы
социологиче-
ского деле-
ния по эпо-
хам.

Чтобы подразделить весь ход истории развития общественных форм на отдельные эпохи, необходимо положить в основу этого деления именно уровень развития производительных сил.

Вначале в человеческом обществе господствует неустойчивое равновесие между минимальными потребностями человека и теми возможностями, которые дает ему низкий уровень развития производительных сил. Не имея возможности повысить производительность труда, приобрести новые технические навыки, человек искусственно ограничивает свои потребности или путем уменьшения числа едоков (дробление больших групп на меньшие, убийство стариков и детей, искусственные выкидыши и пр.), или, частично, путем физического воздействия на организм (как например, голодный пояс у австралийцев). В таком обществе господствует самая простая, присваивающая форма хозяйства (сборание плодов, корней, насекомых; неорганизованная охота, не дающая человеку возможности обеспечить себя на несколько дней вперед). Основной ячейкой

этого общества является орда—не вполне оформленная группа, из которой еще не выделилось отдельных семей. Власть отсутствует: подчинение совпадает с стадным инстинктом, заставляющим подражать вожакам. Медленно слагающаяся членораздельная речь укрепляет связи между членами орды, создавая основу общественной идеологии.

Эпоху эту мы назовем первобытной.

Постепенно, на протяжении многих десятков, а может быть и сотен тысяч лет, улучшаются орудия труда, приобретаются новые технические навыки, увеличивается количественно рабочая сила и создается некоторое равновесие между минимальными потребностями человека и тем, что он может получить от природы. Это равновесие постепенно переходит даже в небольшой избыток получаемых от природы продуктов над минимальными потребностями человека. Уровень развития производительных сил повышается, увеличивается количество народонаселения, формы общественной связи все более и более усложняются. От примитивного присваивающего хозяйства человечество переходит к хозяйству производящему—к скотоводству, земледелию, и тем самым создает прочную базу для своего существования. Орда распадается на роды, из родов выделяются семьи. Из общей массы членов рода выдвигаются сначала отдельные люди, потом целые группы, занимающие привилегированное положение (старейшины, жрецы, воины). Появляются зачатки власти, основанной на экономическом неравенстве семей и родов; зарождается политическая жизнь в форме, так называемой „примитивной демократии“. Неоформленные верования слагаются в универсальную систему религии, являющейся самой ранней формой общественной идеологии.

По основной форме связи между отдельными членами этого общества—роду—мы назовем такую эпоху родовою.

Дальнейшее развитие техники приводит к избытку продуктов в пределах того или другого хозяйства, к созданию прибавочного продукта и появлению эксплуатации человека человеком. Развитие земельной техники и техники скотоводства дробит большие человеческие группы на более мелкие, обособляет хозяйства, устанавливает между ними обмен продуктами. Из целостного общества выделяются отдельные группы, присваивающие себе прибавочный продукт и стоящие как бы над обществом. Общество этой эпохи имеет большие возможности в смысле дальнейшего экономического

развития, но борьба отдельных групп и хозяйств внутри него надолго задерживает дальнейшее поступательное движение.

Окончательно сложившиеся военные группы становятся во главе общества и, пользуясь борьбой родов и отдельных семей между собою, заменяют „примитивную демократию“ своей диктатурой. Однако, централизация власти („племенное государство“) оказывается в резком противоречии с слабым развитием хозяйственных связей (обособленность хозяйств, слабое развитие обмена); области, изолированные одна от другой хозяйственно, изолируются и политически, превращаясь в самостоятельные политические единицы. Раздача земель за службу, образование множества крупноземлевладельческих хозяйств—окончательно распыляют политическую власть.

Каждый крупный земельный собственник делается политически независимым. Общины попадают в экономическую кабалу к этим крупным собственникам; в такой же зависимости оказываются и мелкие землевладельцы.

Своеобразная лестница экономической зависимости землевладельцев друг от друга (мелких от более крупных) приводит к такому же строению и политической власти.

По основной ячейке крупного (в начале условного— за службу) землевладения—феодалу—мы назовем эту эпоху феодальной.

Производительные силы между тем продолжают расти. В результате накопления в руках отдельных лиц (или групп) значительного количества излишков, обмен постепенно из простой формы переходит в развитую—торговлю, создавая профессию посредников-торговцев. Развитие торговли приводит к образованию городских центров, стягивающих к себе ремесленников и избыточное сельское население. Рост городов вызывает приток к ним сельско-хозяйственных продуктов и заменяет натуральную форму сельского хозяйства товарной. В городах развивается денежное хозяйство, промышленность. Ремесленный способ производства не может удовлетворить потребностей общества, растущих вместе с ростом торговых сношений. Его место занимает мануфактура, но рост рынков и увеличение спроса на промышленные изделия требуют все новых технических усовершенствований. Машина и пар производят революцию в промышленном производстве, и место мануфактуры занимает крупная промышленность.

Человечество подчиняет себе силы природы, и уровень развития производительных сил достигает необычайной высоты. Средства производства централизуются, но собственность на них сосредоточивается в немногих руках. Собственник средств производства (машин, фабрик, земли и пр.) распоряжается не только этими средствами производства, но и всеми продуктами, которые производятся при помощи их. Вследствие этого создается уродливое распределение производимых обществом продуктов между отдельными его членами: в руках людей, являющихся собственниками средств производства (класс капиталистов), скопляются громадные богатства и, наоборот, производители всех ценностей (класс рабочих — пролетариат) оказываются лишенными всего необходимого.

По той форме, в которую отливается накопление богатств в эту эпоху, — капиталу — мы назовем ее капиталистической.

Вместе с ростом капиталистической техники растет и крепнет пролетариат, растет и его классовое сознание. Он пытается активно изменить существующий общественный уклад, уничтожить неравенство в распределении жизненных благ.

Так как производство капиталистического общества не носит равномерного характера, а руководится исключительно интересами получения наибольшей прибыли для класса капиталистов, то рост его часто оказывается в разительном несоответствии с потребностями или платежными средствами населения. Товары производятся в расчете на предполагаемый спрос, отдельные отрасли находятся в полном несоответствии друг с другом. В результате возникают промышленные кризисы, захватывающие, по мере развития капиталистического хозяйства, все большие районы, и потрясающие со страшной силой всю хозяйственную организацию капитализма.

Для устранения кризисов капиталистические государства пытаются вооруженной рукой захватить и монополизировать все новые рынки. Милитаризм, рожденный ожесточенной конкуренцией капиталистических групп, распыляет и расточает колоссальные количества человеческого труда. Кровавые войны, ведут к истреблению накопленных веками богатств. Капитализм изживает самого себя.

Наступает момент, когда пролетариат — в результате длительной классовой борьбы — приходит к мысли о необходимости уничтожения всего капиталистического строя. С захватом власти этим новым общественным

классом и переходом всего производства в руки ассоциаций (об'единений) производителей создается новый общественный уклад, начинается новая эпоха, которую по основной форме распоряжения средствами производства—коллективной—мы назовем коллективистической или, что то же, коммунистической.

Таковы те основные эпохи, по которым мы делим историю человеческого общества.

Настоящий очерк не захватывает всех очерченных эпох: он обнимает лишь эпохи первобытную, родовую и феодальную, а из эпохи капиталистической только самое начало капитализма—тот период, когда постепенно начинает складываться торговый капитал, выдвигаются предприниматели и начинается зарождаться машинное производство. Дальнейшее исследование чисто капиталистического общества удобнее делать по отдельным странам, так как близость к нам этой эпохи делает затруднительной правильную перспективу и определение сущности того или другого общественного явления.

Несмотря на различие отдельных сторон общественной жизни (например,—формы хозяйства, формы религии), между всеми этими формами общественности в определенную эпоху существует определенное взаимодействие, дающее возможность говорить о всех сторонах общественной жизни как о чем-то целом.

Условность
деления.

Указанное нами деление по эпохам является, конечно, условным. В действительности очень трудно указать грань между отдельными эпохами—тот момент, когда кончается одна эпоха и начинается другая. Мы условимся считать вполне сложившейся новую эпоху в тот момент, когда все основные признаки этой эпохи находятся в ней в преобладающем количестве по сравнению с отживающими или уже отжившими прежними формами.

Обычно, ряд эпох существует одновременно. Если исключить первобытную эпоху, которую в настоящее время нельзя найти нигде на земном шаре, то родовую эпоху, феодальную и капиталистическую можно наблюдать повсюду в самых причудливых сочетаниях.

Общественные формы более развитые оказывают, конечно, некоторое влияние на остальные общественные формы у народов—соседей, но и, наоборот, иногда более отсталые формы вызывают определенную деградацию, (т.-е. отступление назад) в общественной жизни более развитых народов, попавших под влияние своих отсталых соседей.

По земному шару различные общественные формы распространены довольно пестро. Существуют материкки, в которых преобладает капиталистическая форма общественности; существуют также довольно большие области, в которых до сих пор не изжит феодализм и, наконец, громадные пространства земли заселены народами, живущими в родовом строе.

Хронологически эпохи редко совпадают у разных народов и не всегда последовательно сменяют друг друга. Иногда народ, изживающий уже родовую эпоху, вследствие завоевания оказывается в полной зависимости от другого народа, преобладающая форма общественности которого носит чисто капиталистический характер. Феодализм, в таких условиях вовсе не развивается, и непосредственно из родовой эпохи общество переходит к эпохе капиталистической. Иногда народы в течение многих сотен, а иногда и тысяч лет застревают на одной и той же общественной ступени; иногда двигаются довольно быстро, в течение столетий проходя целые эпохи; иногда же вдруг начинают деградировать, постепенно лишаясь лучших технических навыков, забывая прежние, более совершенные орудия труда, растрачивая свою рабочую силу и превращаясь в жалких дикарей, едва могущих добывать себе средства к существованию на сегодняшний день.

В начале общественные формы сменяют друг друга очень медленно. Для того, чтобы изжить первобытную эпоху, человечеству понадобилось около ста тысяч лет, но постепенное развитие техники настолько повышает уровень развития производительных сил и ускоряет ход общественного развития, что смена форм происходит все скорее и скорее. Родовая эпоха у большинства народов, ее уже прошедших, продолжалась около десяти тысяч лет; феодальная не захватила и одной тысячи, а капиталистическая проходит все фазы своего развития в течение нескольких сот лет.

Понятие о длительности различных эпох также приходится признавать относительным. Не все народы проходят одну и ту же социальную эпоху в один и тот же срок: некоторые народы проходят быстрее, другие медленнее, третьи застревают на них неопределенно долгое время.

2. ИСТОЧНИКИ НАШИХ СВЕДЕНИЙ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Для того, чтобы установить ход развития человеческого общества, мы пользуемся несколькими источниками.

Основными источниками, дающими нам наибольшее количество точных, строго проверенных сведений, являются биология, археология, этнология и история.

Общество у человека не является первичной формой в том смысле, что человек не один живет общественной жизнью.

На какой бы стадии развития мы не взяли человека, мы не можем отыскать того момента, когда бы он жил изолированно. Всюду мы его находим большими или меньшими группами; всюду мы устанавливаем, что люди жили в определенной связи друг с другом. Но может быть совершенно бесполезно искать зародышей общности у самого человека? Человек является одним из видов, правда наиболее совершенным, животного мира, и мог унаследовать общественные навыки от своих животных предков. Посмотрим, не наблюдается ли каких-либо признаков общности у животных, стоящих на более низкой ступени животного развития, чем человек. Существует ряд животных, у которых наблюдается совместная жизнь, правда не в такой сложной форме, как у человека, но достаточно длительная, чтобы ее можно было признать зародышем общности.

Общественные явления у животных.

Если мы присмотримся к простейшим животным, живущим в воде, например, к морским животным, называемым пелагическими, то мы увидим, что эти животные образуют громадные стада, единственная причина образования которых заключается в температуре различных слоев воды, одинаково удобной для всех особей данной стаи. Иногда, на скопление этих мельчайших животных влияет направление течения, увлекающего их вместе или же изобилие питательных веществ, находимых ими в определенных местах. Среди этих животных чаще всего попадаются морские свечи, медузы, гребневки, сагитты, веслоногие рачки, мезиды, крылоногие моллюски и многокоробочники. Молодые рыбки кишат в морской воде мириадами и, вероятно, соединяются вместе в силу тех же причин. Возможно, что одной из причин совместного проживания молодых особей является и общность рождения.

Существует много пород рыб, которые в продолжение долгого времени живут также громадными стаями. Громадные косяки сельдей, трески, килек, двигаются по направлению теплых или, наоборот, холодных течений и служат приманкой, преследующим их стаям птиц.

Скопление животных в громадные стаи не является особенностью только морских животных. Земноводные (амфибии), например, лягушки, живут большими группами. Птицы: воробьи, галки, вороны, стрижи, пеликаны живут постоянно в больших стаях. Ряд птиц, живущих небольшими группами или парами, сбивается стаями в определенное время (перелет птиц) и на протяжении многих сотен верст движется совместно.

У млекопитающихся — все жвачные животные живут также стадами, но хищные животные, начиная от самых простейших до самых сложных (пауки, щуки, ястребы, орлы, тигры, львы, медведи), редко сбиваются в большие стаи.

Очевидно, существуют причины, заставляющие одних животных собираться в большие группы, и других, наоборот, разбивающие на пары. При ближайшем исследовании можно установить, что эти причины коренятся в способах добывания пищи. Хищные животные, принужденные искать себе пищу в результате длительной и далеко небезопасной охоты, никогда не могут найти достаточное количество пищи в пределах небольшого, ограниченного пространства. Недостаток пищи заставляет этих животных разбиваться на небольшие группки, так как скопление в стаи обрекло бы их на голод и вымирание. Наоборот, животные травоядные сбиваются в большие стаи, потому что способ добывания пищи, растущей на сравнительно большом пространстве, дает им возможность существовать, передвигаясь совместно.

Второй причиной, заставляющей жвачных держаться вместе, является чувство безопасности. Предоставленное каждое самому себе, травоядное животное, лишенное зубов, острых когтей и сильных лап, не может сопротивляться нападению хищника и обречено было бы на гибель. Только скопление — этих в отдельности беззащитных — животных в большое стадо дает им возможность обороняться и отпугивать хищников.

Сравнивая человека с животным, мы принуждены установить, что человек не принадлежал ни к породе травоядных, ни к породе хищников. Строение человеческого тела, зубы, среди которых существуют клыки хищного животного и коренные зубы травоядного, на-

конец, строение челюстей и конечностей человека, — все указывает на то, что человек одновременно питался и растительной, и животной пищей. Но, по сравнению с большинством крупных хищников, человек был в полной мере незащищенным, и сбивание в стаи давало ему такие же преимущества в смысле безопасности, как и травоядным животным.

Стадо.

Стада травоядных не представляют собой сплоченной группы. Они разбиваются на ряд косяков, более мелких групп, во главе которых стоят вожаки, большей частью пожилые самцы или самки, годы которых дают им и большую опытность. Если вследствие каких-либо причин стадо распадается, то оно не рассыпается на отдельные особи, а дробится по этим косякам, т. е. из одного большого стада создается ряд других, более мелких групп. Стадо может быть создано и искусственно, например, человеком, если несколько жвачных животных различных пород согнать вместе и заставить пасти на одном и том же пространстве. Таким образом, одной из причин стадного существования является безусловно способ добывания пищи, но эта причина не единственная: молодые подрастающие особи, вступая в жизнь, начинают подражать взрослым. Инстинкт подражания развивается вместе с ростом и еще более объединяет стадо. По мере увеличения стада, растет среди членов, входящих в него, особое чувство безопасности, часто совершенно нелепое, так как иногда масса незащищенных животных, скопившись вместе, является лучшей приманкой для крупных хищников. Например, американские голуби, пролетающие сотни верст по материкам, сбиваются в стаи, насчитывающие иногда десятки тысяч птиц и, конечно, служат легкой добычей для сопровождающих их всюду хищников.

В ряде последующих поколений стадный инстинкт усиливается.

Стадность у человека.

Совместное добывание пищи и, в особенности, стремление сохранить свой вид заставляли и первобытного человека жить также группами. Но так как человек не мог довольствоваться одной растительной пищей, а принужден был добывать и животную пищу, то и размеры человеческих стай не могли быть велики. Низкая техника добывания пищи препятствовала количественному увеличению человеческих групп в продолжение очень долгого времени. В течение многих тысячелетий человечество плодилось необычайно медленно, и только

к концу первобытной эпохи, с общим повышением производительности труда, начало увеличиваться количество человечество.

Стадность оставила следы в жизни человека. Одним из таких следов является поведение человеческой толпы. Как и в стаде, в толпе выделяются вожаки, и эти вожаки руководят всеми действиями толпы; независимо от культурного уровня входящих в толпу людей, среди них тотчас же развивается инстинкт подражания, толкающий участников толпы иногда на совершенно невероятные действия. Так напр., спокойный и отнюдь не кровожадный в обычных условиях человек совершает иногда в толпе, подражая другим, необычайно зверские акты. Как в стаде чувство безопасности вырастает по мере количественного увеличения стада, так и в толпе это чувство растет вместе с ростом размеров толпы. Между тем, действительная безопасность нередко требует не скопления людей в одном месте, а как-раз обратного, т.е. рассеяния людей (напр., попадая под обстрел, люди сначала инстинктивно сбиваются в кучу, хотя такое действие не уменьшает, а увеличивает опасность).

Все эти явления, коренящиеся в необычайной живучести стадных инстинктов, свидетельствуют о том, что стадное существование не было чуждо человеку-животному и что общественные навыки совместной жизни не созданы самим человеком, а унаследованы им от предков—животных.

Таков тот небольшой материал, который дает биология для выяснения происхождения человеческого общества.

Значительно больше материала дает другая наука— Археология.

В различных местностях земного шара выкапывают из земли, или просто случайно находят, отдельные человеческие кости или целые скелеты, относящиеся к глубочайшей древности, костяки животных, убитых и съеденных человеком, окаменелые остатки другой пищи, каменные и другие орудия человеческого труда. По этим ископаемым остаткам, сохранным природой в течение тысячелетий, можно установить не только внешний вид первобытного человека, но и основные его промыслы.

Установить распространенность человечества в эту эпоху по земному шару очень трудно, так как распределение ископаемых находок крайне неравномерно. Наибольшее количество находок сделано в юго-за-

падной Европе; но это случилось вовсе не потому что только там жили или преобладали количественно первобытные люди, а потому, что Европа, в смысле раскопок, находилась в привилегированном положении. Рано развившаяся здесь культура разрыла почву Европы по всем направлениям. Попыски минеральных богатств, добываемых в шахтах на сравнительно большой глубине, приводили к совершенно неожиданным находкам орудий человеческого труда отдаленных эпох. Откосы европейских рек были срезаны на большом протяжении для получения песка и глины; проведение водо- и газопроводов, канализационных труб и различных подземных проводов открыло громадные пространства земли траншеями и глубокими ходами.

Все это облегчало исследование глубин и давало богатые археологические находки. Кроме того, в Европе находится наибольшее количество научных археологических учреждений, тщательно изучающих каждую ископаемую находку и бережно, по определенному плану, производящих ряд раскопок в наиболее достоверных, в смысле находок, местах. В последние десятилетия археология сделала большие успехи и в Северо-Американских Соед. Штатах.

Археологические раскопки и находки дают возможность установить, что человечество в первобытные времена обитало далеко не в одной Европе, а вероятнее всего населяло одновременно почти все части света за исключением Австралии.

Несмотря на большое количество ископаемых остатков, археология вряд ли сумела бы правильно определить древность этих остатков, если бы руководилась только внешним видом или состоянием их в момент находки. Камни, пролежавшие в земле 100 и 1.000 лет, выглядят одинаково; нелегко различить и возраст кости: внешние условия могут в течение тысячелетий сохранить кость неповрежденной и, наоборот, в 2—3 года привести ее в состояние полного разрушения.

Для того, чтобы определить возраст находки, приходится не столько обращать внимание на внешний вид ископаемых остатков, сколько на условия их залегания в земле: глубину, состав почвы, плотность и т. д. На помощь археологии приходит геология—наука о строении земной коры и палеонтология—наука о вымерших живых существах.

Земная кора состоит из ряда пластов, отлагающихся в течение веков на отвердевшей оболочке раскаленного ядра. Пласты эти образовались или вследствие химических, или механических процессов, главным

образом путем разрушения прежних древних пластов и отложения новых наносов. Геология делит земную кору на систему пластов. Более древние пласты лежат внизу, ближе к центру земли, более новые располагаются выше. Однако, такое распределение пластов встречается далеко не везде. Части поверхности земли иногда в продолжение долгого времени оставались без новых отложений, но были зато и такие места, на которых вследствие ли извержения, или вследствие смещения пласты были разрушены и снесены; нижние пласты оказались наверху, а верхние—внизу. Поэтому, по дальности распределения пластов, считая от центра земли, не всегда можно сделать правильный вывод об их относительной древности.

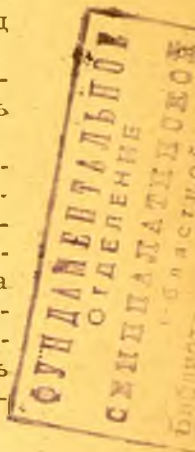
В таких случаях с помощью палеонтологии определение древности того или другого пласта может быть сделано без грубых ошибок.

Органические остатки животных и растений, сохранившиеся в различных пластах земной коры, отличаются в одних пластах более простым строением, в других—более сложным. Это указывает, очевидно, на разные ступени развития: большая простота организма указывает на его большую древность и, хотя это предположение нельзя считать абсолютно верным, оно представляет все-таки достаточно гарантий, чтобы служить надежным определителем последовательности образования пластов.

Та часть геологии, которая занимается определением древности различных пластов земной коры, носит название „стратиграфия“.

Время образования земной коры делится на несколько крупных эпох, определяемых кроме строения самих пластов также и нахождением двух или трех преобладающих в этом пласту организмов. Внизу всех известных до сих пор пластов залегают так называемые первобытные (архейские) образования, состоящие исключительно из кристаллических пород (гранит, порфир, гнейс, сленит, диорит, диабат, сланцы и пр.). До сих пор в этих породах не найдено достоверных следов какой-либо органической жизни.

На этих первоначальных слоях впоследствии стали отлагаться новые пласты, заключающие в себе следы организмов, живущих в течение 4-х следующих эпох: первичной—отличающейся развитием мягкотелых и членистых животных и некоторых позвоночных; вторичным образом, рыб; вторичной—замечательной большим развитием пресмыкающихся; третичной—в течение которой уже появляются млекопитающиеся

19104

сф 8692938

и, наконец, четвертичной—конец которой замыкается исторической эпохой человечества. Эпохи эти подразделяются на отдельные периоды или системы (см. таблицу № 1).

Таким образом, в зависимости от того, в каком из слоев найдены ископаемые остатки, можно определить относительную древность находки.

К сожалению, камни и кости не могут дать полной картины жизни первобытного человека, они обрисовывают довольно ярко технику человека той эпохи, орудия его труда, физические условия существования, пищу, которую употреблял человек, но они не в состоянии обрисовать те общественные формы, в которые отливалась его жизнь, его семейный быт, его мышление, его верования. Да и технику человеческую камни эти отражают, пожалуй, односторонне.

Если до нашего времени сохранились только кости да камни, то это свидетельствует вовсе не о том, что человек не пользовался никакими другими предметами, а лишь о далеко не беспристрастном отношении времени к остаткам человеческой пищи и человеческого труда. Если найдены только каменные орудия—значит ли это, что человек не пользовался деревом, раковинами, рогом, кожей и пр.? Если найдены только обглоданные кости животных и никаких других остатков пищи не обнаружено—значит ли это, что человек не ел плодов, семян, трав, грибов, корней, насекомых, мелких животных?

Время хранило далеко неодинаково бережно все остатки. Некоторые из остатков сгнили, другие выветрились и разрушились, и только камни, и кости дошли до нас, как достоверные свидетели существования деятельности первобытного человека.

Многие археологи называют эту эпоху по обилию каменных свидетелей „каменным веком“, но название это вряд ли приложимо целиком к первобытной жизни человечества. Камень—только частица того, что пользовал человек той эпохи.

Как ни богат археологический материал, он не может дать правильного представления о первобытной жизни. В нем слишком много пробелов, слишком много оцущений, недомолвок, чтобы картина жизни предстала перед нами явственно и без искажений.

Этнология.

На помощь археологии приходит этнология—сравнительное народоведение.

Среди народов, обитающих в настоящее время на земле, далеко не все стоит на одинаковом уровне обще-

Т А Б Л И Ц А № 1.

Эпохи.	Периоды или системы.	Наиболее типичные животные.	
		Позвоночные.	Беспозвоночные.
I первичная.	Кэمبرийская. Силлурийская. Девонская. Пермско-каменноуголь- ная.	— — Рыбы. Лабиринто- донты.	Трилобиты (мягкотелые и членистые животные).
II вторичная.	Триас. Юрская } Лias. Оолит. Меловая } Нижн. мело- вая. Собств. ме- ловая.	Ящерицы. Динозавры. Птице-яще- ры.	Аммониты. Белемниты. Руконогие. Головоно- гие. Рудисты
III третичная.	Эоценовая. Олигоценая. Миоценовая. Плиоценовая.	Млекопитаю- щиеся.	Гаспероподы и безголо- вые.
IV четвертичная.	Ледниковая. Современная.	Человек.	—

ственного развития. Наряду с народами, хозяйство которых дошло до эпохи машинной техники (капиталистические страны Запада и сев. Америки), существуют много народов с более древними общественными формами, соответствующими их отсталому хозяйственному и общественному развитию. „Культурные“, т. е. капиталистические страны расположены, главным образом, в зап. Европе, сев. Америке и по окраинам южной Америки, Азии, Африке и Австралии. Отсталые народности занимают средние части материков Азии, Африки, южн. Америки и Австралии, а также неудобные для поселения окраины материков и острова, расположенные в полярных и тропических странах.

Но и отсталые народы не представляют единообразия. Некоторые из них далеко уж не так отстали от

своих более развитых соседей. Есть целый ряд стран, вошедших в орбиту капиталистических отношений и постепенно догоняющих, в смысле общественных форм, более развитой Запад. Эти страны — Турция, Персия, Индия, Китай.

Другие страны переживают пока феодализм (напр. Абиссиния, ряд островов Тихого океана, Сандвичевы и др.); третьи в той или иной форме сохранили родовое устройство (туземцы Австралии, у которых родовой строй только еще слагается; жители сев. Азии с их довольно устойчивым родовым бытом; индийцы сев. Америки; наконец, кыргызы Средне-Азиатских степей и горцы из ряда местностей вост. Европы и Азии, у которых родовой быт постепенно отмирает). Вот те формы общественного устройства, которые можно еще наблюдать на земном шаре.

Если сравнить орудия труда наиболее отсталых из современных обитателей земли, напр. пигмеев и бушменов Африки, андамандцев, огнеземельцев, эскимосов и австралийцев — с орудиями труда ископаемого человека первобытной эпохи, то окажется, что техника современных примитивных народов необычайно схожа, а в некоторых случаях даже в точности совпадает с техникой первобытных обитателей земли.

Это обстоятельство дает возможность сравнивать жизнь современных отсталых народов с жизнью первобытных людей и делать ряд более или менее правдоподобных догадок об употреблении некоторых первобытных ископаемых предметов, назначение которых неясно.

Археология совместно с этнологией, пожалуй, единственный достоверный источник наших сведений об исчезнувших эпохах. Значение этнологии возрастает при изучении тех форм общественности, которые сохранились и по настоящее время. Начиная с родовой эпохи, этнология дает богатейший современный материал об общественном быте отсталых народов, наглядно иллюстрирует живыми свидетелями сущность и ход развития общественных форм, пройденных культурным человечеством много тысяч лет назад.

История.

Чем ближе исследователь подвигается к современности, тем ярче вырисовывается ход развития общественных форм, т. к. к сведениям археологии и этнологии прибавляются памятники письменности: предания, записанные сказания, обычаи, законы, кодексы. Все это представляет богатейший материал для

историка, но и здесь роль археологии и этнологии достаточно велика. Нередко мертвые камни, найденные в земле, и живые обычаи или устные предания современных народов гораздо правильнее освещают давно исчезнувшую эпоху, чем записи ее современника-летописца.

Памятники письменности требуют тщательной проверки, потому что каждый записывающий стремится внести в освещение эпохи свое личное отношение. Иногда писанный документ свидетельствует не столько о какой-нибудь эпохе, сколько о человеке, который этот документ писал. Взаимная проверка источников, из которых мы черпаем сведения о минувшем, облегчается сравнительным изучением всех трех наук — археологии, этнологии и истории. Сравнительная проверка дает возможность устанавливать такие факты, которые на основании изолированного изучения были бы совершенно непонятны или прошли бы бесследно.

Чем ближе мы подходим к современности, тем больше отдельных фактов вырисовываются перед нами. Вследствие обилия и необычайного своеобразия фактов создается представление, будто каждый народ, каждое племя живет совершенно обособленной, непохожей на жизнь других народов жизнью, и что между ходом исторических событий различных народов нет ничего общего.

Однако, сравнение истории разных народов помогает установить общий для всех народов ход общественного развития и выяснить причины и последовательность смены общественных форм.

Как мы установили выше, основной формой общественной жизни является форма хозяйства. „Экономический строй общества каждой давней эпохи—говорит Энгельс—представляет ту реальную почву, свойствами которой объясняется, в конечном счете, вся надстройка, образуемая совокупностью правовых и политических учреждений, равно как и религиозных, философских и прочих воззрений каждой исторической эпохи“.

Человеческий труд, создающий и изменяющий хозяйственные формы, изменяется на протяжении не только всего хода исторического развития, но даже и какой-либо небольшой эпохи; с изменением же форм человеческого труда изменяются, естественно, и трудовые связи между людьми—их взаимоотношения.

Человек, растущий в определенных общественных условиях, отражает эти условия в своих навыках и обычаях. По складу своего мышления и верований он

Пережитки.

всегда несколько отличается от людей предыдущих поколений, если эти поколения жили в иной хозяйственной формации, в иных социальных условиях.

Изменения форм труда изменяют хозяйственные навыки данного общества, но воззрения людей, если они сложились под влиянием прежних условий и воздействий, изменяются не так быстро и могут на несколько поколений отстать, т.-е. в новых условиях сохранить частично старые нравы и обычаи.

Эти старые нравы и обычаи, совершенно не совпадающие с новым изменившимся хозяйственным бытом, кажутся часто чуждыми, курьезными и носят название „пережитков“. Отношение к пережиткам обычно насмешливое, и редко кто знает, что часто эти курьезы имеют гораздо большее значение для выяснения истории общества, чем толстые томы сочинений многих историков. Каждый из пережитков может быть ключом для объяснения неясных сторон каких-либо уже исчезнувших общественных явлений; при помощи этих остатков старого, в новом быту удалось установить и объяснить много таких забытых людьми исторических фактов, которые никаким другим путем не были бы обнаружены вовсе.

После этих кратких пояснений общего характера, мы перейдем к изложению хода развития общественных форм, начиная с самой древней, первобытной эпохи.

**I. ПЕРВОБЫТНОЕ
ОБЩЕСТВО.**

1. ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДРЕВНОСТЬ.

Установить в точности, когда появился человек на земле, в настоящее время почти невозможно. Если судить по тем остаткам и костякам, которые были найдены в разных странах, то первое вполне достоверное указание на существование человека относится ко времени за 200.000 лет до нашей эпохи. Но и здесь археология не дает вполне точных указаний.

Наиболее обследованной частью земного шара, в смысле доисторической археологии, как мы указали выше, является Европа; в геологическом отношении она также изучена гораздо детальнее, чем всякая другая часть света. Особенно хорошо установлена смена геологических эпох и их длительность в южн. и юго-зап. Европе. Какими же сведениями обладают археология и геология относительно времени появления человека в этой части света?

Третичная эпоха не дает никаких указаний на существование человека в Европе, и только в четвертичную эпоху мы находим признаки человеческой деятельности.

В четвертичную эпоху, Европа 4 раза подвергалась оледенению. От не вполне установленных причин, о которых до сих пор спорит большинство ученых, климат Европы в начале четвертичной эпохи начал постепенно меняться, холодеть, и снеговая линия, а вместе с ней и ледники на горах начали опускаться. Поток льда захватывал все новые и новые области по направлению к югу.

Первое оледенение или, как его называют иначе, первый ледниковый период в Европе относят не менее как за 500.000 лет до нашей эпохи. Движение ледников и опускание снеговой линии превратили климат даже южн. Европы в холодный, с длительной зимой и коротким летом.

Под влиянием холодного климата, природа южн. части Европы сделалась похожей на современную природу

Ледниковые
периоды
в Европе.

Архангельской губернии. Леса постепенно уступали место зарослям из чахлах березок и ив, степи заменялись тундрами, и только вдали от ледников оставались небольшие оазисы степей и лесов.

Вслед за длительным периодом оледенения наступило более теплое время, так называемый, первый межледниковый период—в течение которого ледники стали снова отступать к северу. Природа приобрела другой вид: в южн. Европе появилась южная растительность, и ушедшие в более теплые страны животные вернулись обратно. (В то время Европа не составляла отдельного материка и была во многих своих частях соединена с Африкой. Когда наступали холода ледниковых периодов, значительная часть животных, спасаясь от холодов, переходила в сев. Африку. См. карту № 1).

За периодом теплого времени вторично начались холода и второе оледенение. Второй ледниковый период относят за триста тысяч лет до нашего времени. Многие животные, оставшиеся в Европе, приспособились к холодному климату, остальные же частью вымерли, частью перекочевали в более теплые страны.

Изменение климата во время наступления льдов не было резким. Если принять общее понижение температуры в ледниковый период на 15—20 градусов, то, в среднем в течение ста лет годовая температура понижалась едва на 1 градус. Поэтому приспособление животных к новым изменившимся условиям было вполне естественно.

В наносах и отложениях, которые относятся к первому и второму ледниковым периодам четвертичной эпохи, не найдено пока никаких следов пребывания человека. Правда, некоторые ученые считают признаком человеческой деятельности находимые в этих слоях земли камни особой формы, „эолиты“. Но так как подобные же камни находятся также в различных слоях третичной эпохи и, как показал ряд опытов, камни эти могли получить присущую им форму без всякого участия человеческих рук, вследствие механических процессов, совершающихся в природе, то один факт нахождения эолитов не может считаться доказательством существования человека.

После второго ледникового периода наступает новый период потепления—второй межледниковый период. В южной Европе устанавливается теплый климат и свойственные этому климату растения и животные.

Рис. 1. Карта Европы в ледниковую эпоху.

Пунктиром (----) указаны береговые очертания Европы во II и III межледниковых периодах.

В слоях, относящихся к этому второму межледниковому периоду, т.-е. за 200.000 лет до нашего времени, были найдены первые следы существования человека: человеческая нижняя челюсть (находка близ Мауера, у города Гейдельберга в Германии). (См. рисунок). Эта нижняя челюсть „человека из Мауера“ является единственным доказательством существования человека в ту эпоху. Ни орудий человека, ни изделий его труда, обнаружено не было.

Археологические сведения о первобытном человеке.

Третий ледниковый период и следующий за ним третий межледниковый период (в начале его) также не обнаруживают следов человека,

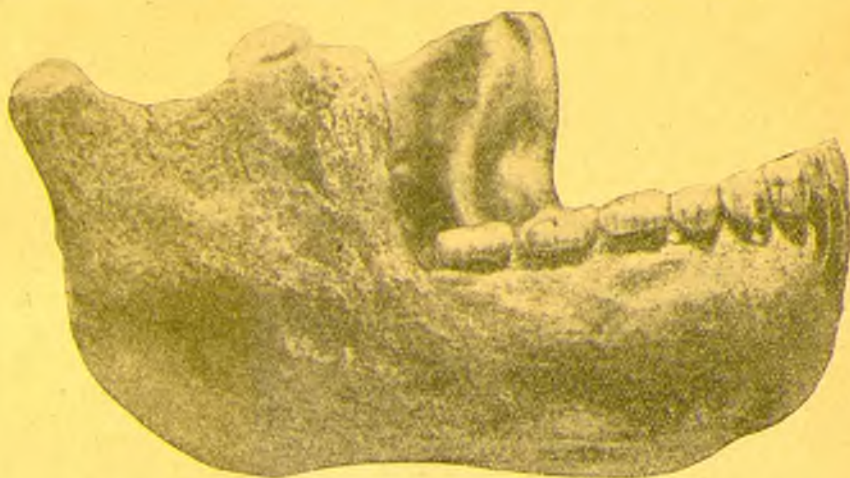

Рис. 2. Нижняя челюсть человека из Мауера (Германия).

или его деятельности; но в пластах земли, относящихся к середине третьего межледникового периода, найдено множество орудий человеческого труда, (грубо обитых и сколотых камней, употреблявшихся в качестве ударных или режущих инструментов), а также кое-где найдены и человеческие костяки. Эта эпоха относится не менее чем за 100.000 лет до нашего времени. Следовательно, только со второго межледникового периода мы можем говорить о существовании первобытного человека в Европе, и только третий межледниковый период дает нам более или менее правильные сведения о деятельности этого человека.

По своему строению человек второго межледникового периода, так же, как и человек третьего межлед-

никового периода, значительно отличаются от современного человека. Ископаемый человек той эпохи замечателен своим наклонным лбом, низкой черепной чашей, сильно выдающимися надбровными дугами, глубокими вдавлениями в области висков, сильным развитием лицевой части черепа и жевательных приспособлений и, наконец, косо выдвинутой вперед верхней челюстью. Нижняя челюсть этого первобытного человека массивна и высока, и либо совершенно лишена подбородка, либо обладает очень слабо выраженным подбородочным бугром. Судя по находкам, рост человека был средним, а часто даже малым, телосложение плотное, но мускулатура была очень хорошо развита.

Этот тип человека сохраняется в Европе вплоть до конца следующего, четвертого ледникового периода, но в послеледниковый период, ближе к нашей геологической эпохе, он постепенно заменяется новым типом человека, почти не отличающимся от типа современного европейца.

Начиная с середины третьего межледникового периода, следы человека и его деятельности не прекращаются и делаются все обильнее и показательнее. (См. таблицу № 2).

Странным кажется исчезновение человека из южной Европы во время третьего ледникового и в начале третьего межледникового периода. Возможно, что следы его пребывания обнаружатся позже, после новых раскопок—тем более, что обнаруженные до настоящего времени находки были сделаны совершенно случайно. Но возможно, что человек в этот период, как и многие животные, совершенно покинул Европу и переселился в более теплые страны. В сев. Африке были обнаружены следы первобытного человека, относящиеся приблизительно к тому же периоду и по своему строению почти не отличающиеся от первобытного человека южной Европы. Во всяком, случае, такое переселение, если действительно оно имело место, свидетельствует о необычайно низком культурном уровне человечества той эпохи. Человек не мог приспособиться даже к такому медленному изменению климатических условий, какое имело место в ледниковые периоды, и вел, очевидно, чисто животное существование.

Следы пребывания человека в Европе, в средние третье межледникового периода, сопровождаются многочисленными находками орудий его труда. Это указывает на значительно повысившуюся технику добывания пищи и успешную борьбу человека с окружающей природой. Вероятно, не одна человеческая группа

а целые первобытные человеческие расы успели вымереть в течение времени, прошедшего от первого появления человечества на земле до середины третьего межледникового периода, из-за своей неприспособленности к окружающим природным условиям—прежде чем человек взялся за искусственное увеличение длины и силы своих органов при помощи орудий.

2. ПЕРВОБЫТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Находимые в земле орудия труда первобытного человека довольно однообразны.—Куски кремня или других каменных пород, слегка обработанные с одной—редко с двух сторон—для придания им режущей или колющей формы. Орудия эти употреблялись для самых различных целей, т.-е. они были универсальными, и только постепенно начинают выделяться орудия специальной формы, приспособленные к одной какой-либо работе. Кусок кругловатого камня с острыми краями, предназначенный одинаково и для удара, и для разрезывания—вот тот ручной топор, который чаще всего употребляет первобытный человек.

Техника первобытного человека.

В течение дальнейшего тысячелетнего периода этот „удар кулака“, как его называют французские археологи, начинает технически улучшаться и приобретает новые формы.

Человеческая техника, правда медленно, но непрерывно улучшается. В более поздних находках попадаются уже овальные ручные топоры, заостренные орудия, топоры, обработанные с двух сторон с поперечным лезвием, каменные шары и диски для бросания, топоры с тонкими, хорошо заостренными лезвиями и кости-точила, употреблявшиеся для натачивания топоров; наконец скребки, ручные сверла и ножи (см. рисунки 3 и 4).

Улучшение техники обработки орудий идет непрерывно, вплоть до четвертого ледникового периода. Но вот наступает четвертое великое обледенение; холода загоняют человека в пещеры, и борьба с тяжелыми климатическими условиями отнимает у него так много времени, что развитие техники почти приостанавливается; замечается даже некоторое ухудшение в форме каменных орудий и в их отделке.

Человек ищет более мягкого, более податливого материала, чем камень и начинает пользоваться рогом и костью; каменные же орудия сохраняют свою прежнюю доледниковую форму и почти совершенно не изменяются.

ТАБЛИЦА № 2.

Четвертичная эпоха в Европе.

Эпоха.	Растительный и животный мир.	Наиболее важные находки и их места.
I ледниковый период. 1 межледниковый период. II ледниковый период. 2 межледниковый период.	Северный. Южный. Северный. Южный лесной.	Нет следов человека. Находка близ Мауера (у Гейдельберга — Германия) — нижняя челюсть человека.
III ледниковый период. 3 межледниковый период. а) начало. б) середина.	Арктически-альпийский. Степной. Южный лесной.	Следов человека не найдено. Находки близ г. Шелля (Франция) и Краппны (Кроация) — каменные орудия грубой обработки (типа ручного гопора) и костяки людей.
в) конец.	Степной.	Находки близ г. Ашель (Франция) — каменные орудия несколько лучшей обработки — и могильник Ле-Мустье (в Дордонн — Франция), с множеством человеческих костяков и каменных орудий.
IV ледниковый период.	Арктически-альпийский.	Находки: могильник Ла-Ферраси и Ла-Шапель-о-Сон (Франция), могильник в Спа (Бельгия), нижняя челюсть человека — в Малярно, (Ити-Пюи-Муайен и Арсенкур-Эйр (Франция), в Ла-Нолетт (Бельгия) и в Шипке (Моравия).
Последнеледниковый период. а) Ахенское колебание.	Степной.	Могильники в Ментоне, Кро-Маньон, Комо-Шапельль, Ложери-От (Франция) и могильники в Брюнне (Моравия) и Пржедмосте (Моравия).
б) Бюльское распространение ледников.	Арктически-альпийский.	Могильники в Ложери Бассе, Ла-Маделен, Шанселаде, Дюрюти, Лез-Ото (Франция).
в) Гжиницкая стадия.	Лесной.	Могильники в Офнет (Бавария), скелеты в пещерах Мас-Лазиль близ Арьежа (Франция).
г) Даунская стадия.	Лесной.	Шлифованные каменные орудия — находки во многих местах Европы.
Геологическая современность.	Лесной.	Шлифованные и просверленные каменные орудия вместе с различной утварью — во многих местах Европы. Множество могильников и стоянок.

С окончанием четвертого ледникового периода на ступило новое потепление. В послеледниковый период не раз еще возвращались холода (например, „бюльское“

Рис. 3. Типы каменных орудий доледникового периода.
(4-й межледниковый период).

распространение льдов), но эти изменения климата не были уже так значительны, как в ледниковый период.

Ледниковый период потребовал от человека максимального напряжения всех его способностей и создал у него новые навыки. Более того, упорная борьба с природой, происходившая в осложненных условиях,

изменила и самое строение человека. Тип первобытного человека начинает все ближе походить на современного обитателя земли. Измененные органы его тела (в особенности руки) легче обращаются с орудиями, а разившийся мозг внимательнее наблюдает окружающую жизнь.

Послеледниковый период поражает нас резким улучшением техники обработки каменных орудий. Изделия из рога и кости, которые встречались уже в ледниковый период, получают новую форму и новое назначение. Хорошо обработанные наконечники для копий и дротиков, костяные иглы с ушком, гарпуны из кости, каменные топоры с приспособлением для прилаживания рукоятки, древки для бросания дротиков на расстояние и костяные (позже даже каменные) пилы, очевидно, для обработки дерева—такова ископаемая техника человека этого периода (см. рисунки 5 и 6).

По технике обработки камня в продолжение третьего межледникового, четвертого ледникового и в начале послеледникового периодов, археологи называют всю эту эпоху „палеолитом“ (древний камень) при чем делят палеолит на две части: „древний палеолит“ — грубо обтесанные или сколотые каменные орудия (до конца 4-го ледникового периода) и „новый палеолит“—орудия с мелко обработанными ретушированными краями. Новый палеолит продолжается до появления шлифованного камня.

Каменные орудия первобытного человека, найденные в южн. Европе, не стоят одиноко, так как и в других частях света найдены схожие образцы человеческого труда, относящиеся к временам глубочайшей древности. Таким образом, предположение, что человечество в первобытные времена обитало одновременно во многих странах, получает веское подтверждение.

Тот низкий уровень техники, который свойствен был первобытному обитателю южной Европы, встречается и до настоящего времени в некоторых частях земного шара.

Каменные орудия тасманийцев, окончательно вымерших в 1876 году, стоят не выше начала первобытной эпохи у европейского ископаемого человека; каменные же орудия австралийцев по своей форме почти совпадают с орудиями европейцев начала послеледникового периода.

Техника ископаемого человека первобытной эпохи в южной Европе, и техника тасманийцев и австралийцев

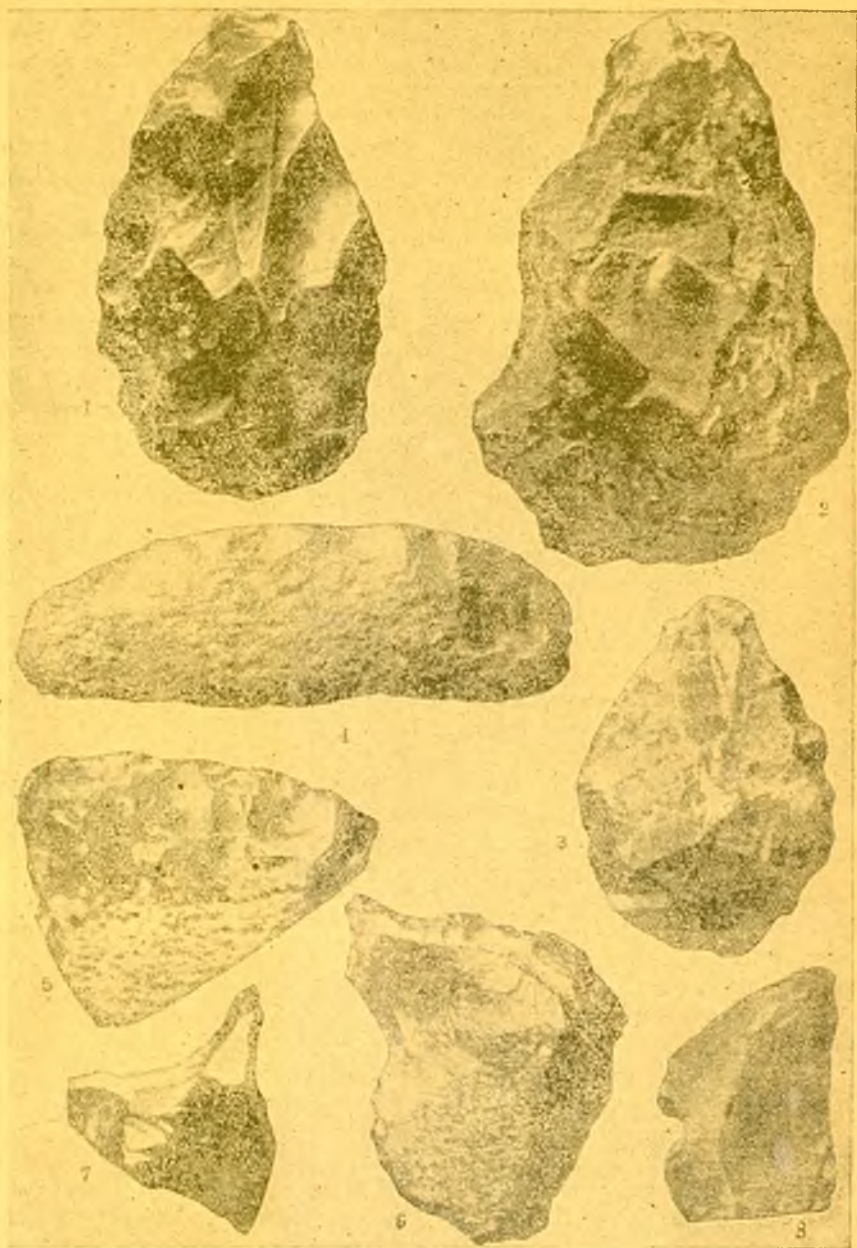

Рис. 4. Типы каменных орудий IV ледникового периода.

пмеют очень много основных черт сходства. Если жизнь первобытного человека не может быть достаточно понята и объяснена на основании каменных орудий, то примеры из жизни живущих поныне австралийцев проливают неожиданный свет на многие приемы первобытной техники.

Находки каменных орудий в южной Европе вовсе не указывают, что человек ничем кроме камня не пользовался. Современные отсталые народы пользуются в качестве материала для орудий труда каждым более или менее твердым предметом, могущим оказать помощь человеку. В ход одинаково идут и палки, и раковины, и кости животных, наравне с камнем и рогом, из которых сделаны орудия первобытного человека.

Среди находок в средней Европе, относящихся к первобытной эпохе, обращает внимание на себя челюсть медведя, по всей своей внешности заставляющая предполагать, что она употреблялась первобытным человеком для разбивания трубчатых костей животных, откуда первобытный лакомка доставал костный мозг.

Так же, как и современные примитивные народы, первобытный человек использовал всякий подходящий материал для орудий труда. Палка, дубина, вероятно, использовались им не менее часто, чем камень; но время расправилось с этими предметами самым безжалостным образом, не оставив от них никакого следа.

Огонь.

Среди находок одного из самых ранних периодов жизни первобытного человека, встречаются обугленные кости животных и, посящие явные следы огня, камни в так называемых „травертинских“ слоях у города Таубаха (Германия). Положение камней и костей заставляет нас предполагать, что человек в это время, т.е. за 80.000 лет до нашей эпохи знал уже употребление огня. Может быть, именно благодаря этому уменью употреблять огонь, первобытный человек не ушел из Европы в IV ледниковый период, как он сделал в III ледниковый период. Огонь дал ему возможность бороться с холодом и жить почти на краю ледников в тех местах, где особенно много водилось разной дичи.

Как же пришел человек к пользованию огнем? Сомнительно чтобы человек в эту эпоху умел его самостоятельно добывать. Вернее всего, первобытный человек нашел огонь в природе и только воспользовался им. Удар молнии, зажегшей дерево, лесной пожар,

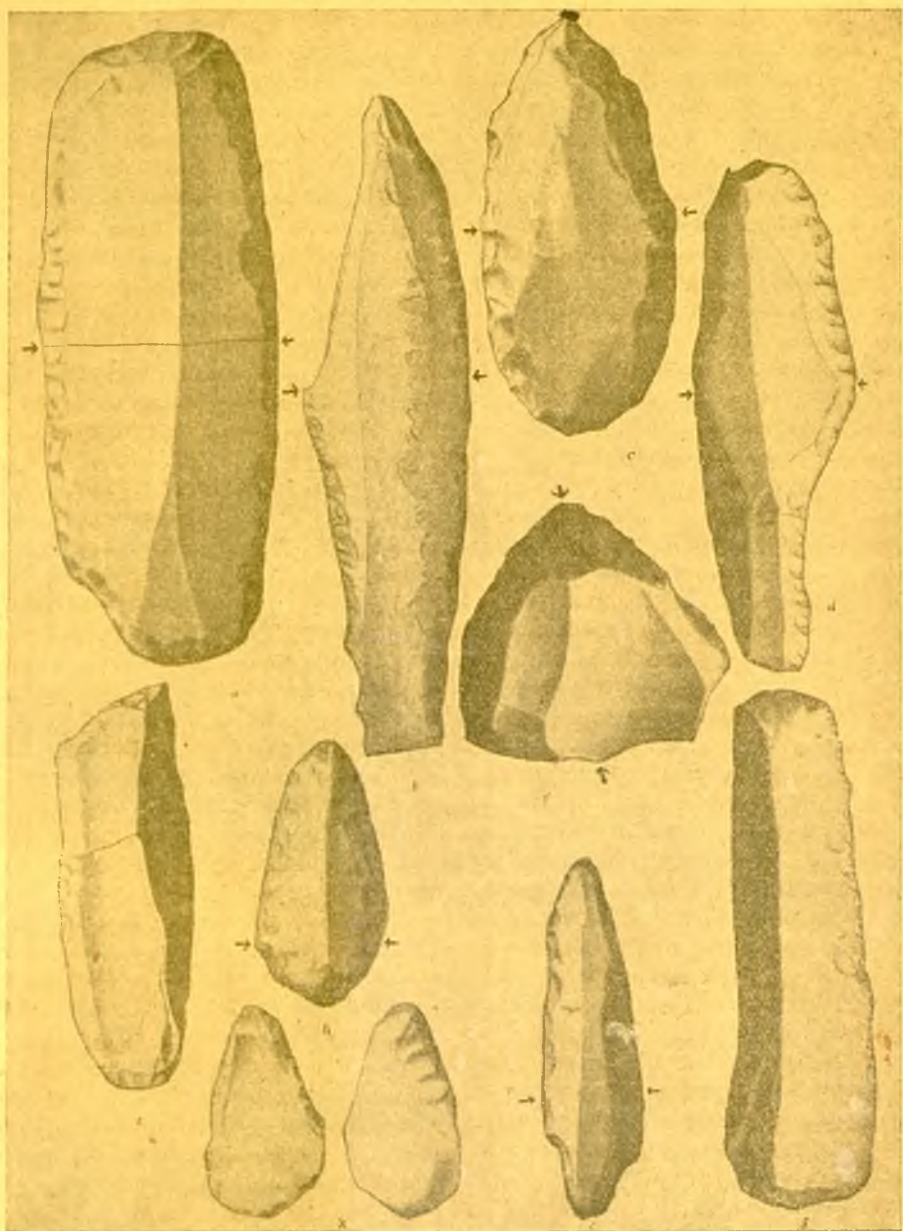

Рис. 5. Типы каменных орудий послеледникового периода.

самовозгорание степи и прерий—все это могло быть источником получения огня человеком.

Возможно, что в поисках пищи человек наткнулся на полуобгоревший труп животного, погибшего от лесного пожара, и рядом с трупом заметил тлеющие еще головни. Несмотря на недоверие, внушаемое каждым новым предметом, человек все-таки решился взяться за этот обугленный труп и употребить его в пищу. Потребность в соли должна была значительно повысить вкусовые ощущения человека, когда он стал есть покрытый золой кусок мяса, и связь между вкусовым изменением знакомой ему ранее пищи и тлеющей головней сделалась для него особенно значительной.

Десять раз должен был встретить человек лесные пожары, десятки раз должен был находить в них обугленную пищу, и десятки раз должен был наблюдать за постепенным разгоранием и затуханием огня, прежде чем он мог сделать из этого необходимые выводы.

Большинство современных отсталых народов, живущих в сравнительно теплом климате (а первобытный человек жил в субтропическом климате) используют огонь почти исключительно для приготовления пищи. Пища жарится в пламени костра или в яме, наполненной раскаленными камнями. Такие примитивные способы жарения мяса существуют у австралийцев залива Карпентария и устья реки Муррея, а также у многих других народов, живущих в различных частях земного шара. Да и у более развитых народов обработка пищи при помощи огня недалеко ушла от этих примитивных способов. В Европе нередко охотники жарят убитых птиц, обмазав сверху их перья глиной и бросая прямо в горящий костер; весь Кавказ и средняя Азия жарят мясо на вертелах; в Полинезии туземцы кладут мясо, завернутое в листья, на раскаленную раковину. Современные европейцы употребляют для этой цели раскаленные плиты и сковороды, являющиеся не чем иным, как усовершенствованным типом той же раскаленной раковины.

Появление варки пищи относится к совсем недавней эпохе, и даже самый способ перехода от жарения к варке начинается с накладки на раскаленные на костре камни в сосуд с водой для того, чтобы ее вскипятить. (Способ кипячения воды у индейцев южн. Америки).

Таким образом, обычаи наиболее отсталых народов, в особенности австралийцев, указывают, что использование огня для приготовления пищи было, пожалуй, самым первобытным.

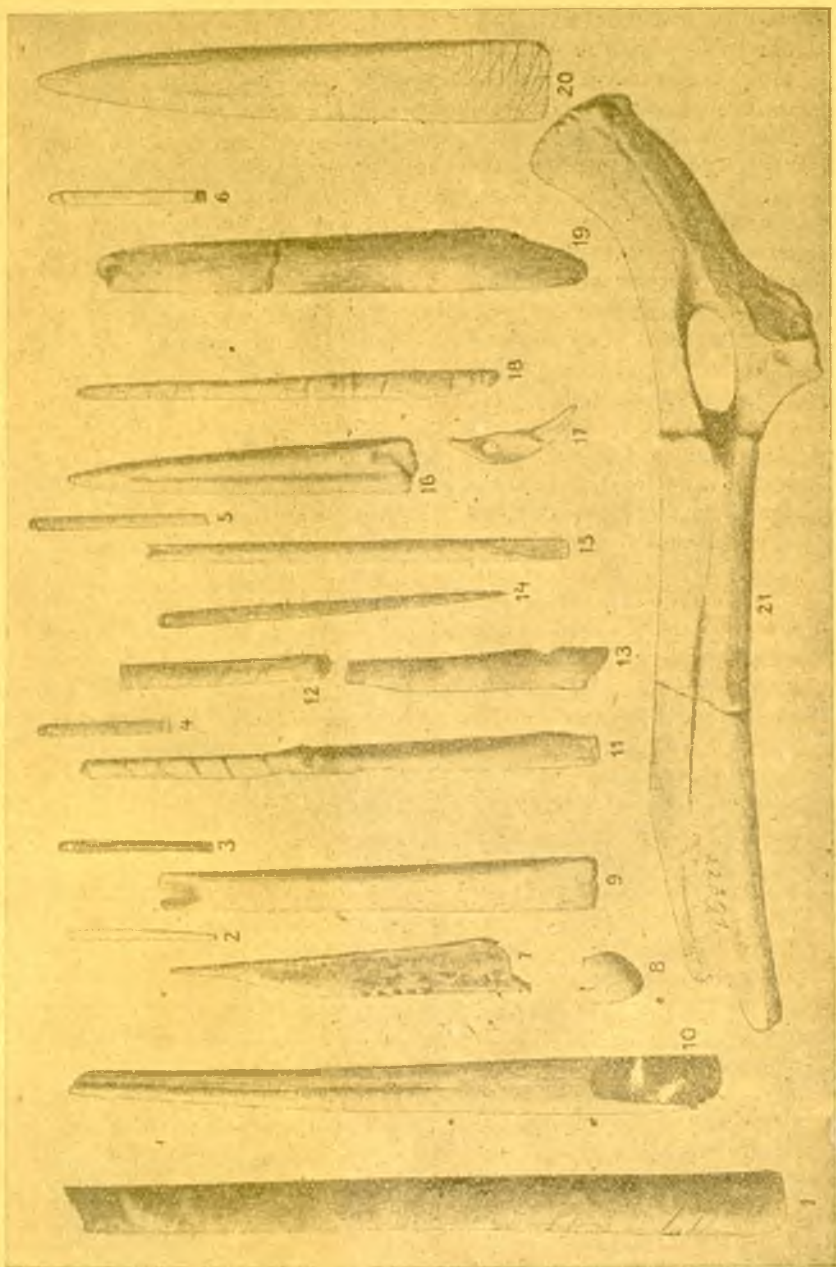

Рис. 6. Костяные и роговые орудия последнего ледникового периода.

Наибольшие трудности для человека представляло не получение огня, а его поддержание. Соотношение между количеством топлива и величиной пламени могло быть определено первобытным человеком далеко не сразу; при большом количестве топлива огонь неожиданно разрастался и начинал угрожать самому человеку; при малом количестве мог легко потухнуть. Еще труднее было сохранить огонь незатухающим, укрывать его от непогоды, переносить с места на место. А, между тем, такая переноска огня требовалась постоянно, так как первобытный человек не оставался долго жить на одном и том же месте.

Современные австралийцы для укрытия огня от ветра устраивают особые щиты, завесы из хвороста или тростника. Пожалуй, что и крыша над головой человека появилась впервые не столько для защиты его от непогоды, сколько для укрытия огня в костре. В дождливые, холодные ночи австралийцы во время своих переходов довольствуются для ночевки неглубокими ямами, вырытыми наскоро в земле, но для огня они всегда сооружают более совершенные укрытия, могущие огородить его от дождя и ветра.

На первобытные способы переноски огня могут дать указания обычаи тех же австралийцев. Несмотря на то, что они умеют самостоятельно добывать огонь при помощи особых инструментов, они переносят едва тлеющие головки иногда на очень большое расстояние. Для этого служат глубоко выдолбленные куски дерева, а изредка даже специальные хитроумные клетки из камней, скрепленных мокрой травой.

Значение огня.

Значение огня для первобытного человека было необычайно велико. Те виды пищи, которые употреблялись им раньше в сыром виде, делались, после обработки их огнем, гораздо лучше усвояемыми организмом. Огонь не только улучшал усвояемость известных первобытному человеку питательных веществ, но значительно расширил и самые пределы этих питательных веществ, включая в них такие продукты и таких животных, которые раньше в сыром виде вовсе не могли употребляться человеком. С момента появления огня, например, сделалось возможным употребление рыбы, которая в сыром виде почти не усваивается человеческим организмом.

Огонь был источником тепла. В холодные зимы IV ледникового периода костер согревал застывшие человеческие группы, оберегая человеческое тело от ужасающей сырости пещер, в которых приходилось

жить человеку. Свет костра давал возможность несколько удлинить день, в долгую зимнюю пору, отпугивал хищников, бродящих около человеческих стоянок, и, как самый верный часовой, оберегал спящих людей от неожиданного нападения. В борьбе за место под солнцем горячая голова не раз служила человеку оружием против нападающих животных—крупных хищников, не боявшихся ни дубины, ни камней первобытного человека и отступавших перед огнем; дымом же костра первобытные люди выкуривали пещерных медведей из их берлог, и сами захватывали их жилища. Огнем раскачивали кремень для топоров и ножей. Огонь делал тверже наконечники деревянных копий. Значение огня в эту эпоху нельзя переоценить; наоборот, современный человек чаще всего это значение будет недооценивать.

Археологические остатки пищи также не показательны, как и каменные орудия, пожалуй даже еще в большей степени. Кости крупных животных, сохранившиеся до нашей эпохи земель—вот единственные свидетели пищевых ресурсов первобытного человека. Но сравнение с современными отсталыми народами делает ряд весьма существенных поправок к показаниям этих свидетелей.

Пища.

Современные австралийцы, даже те из них, которые живут в наиболее богатых пищей районах, и поэтому по условиям питания наиболее близки европейцу первобытной эпохи, питаются вовсе не одной мясной пищей.

За исключением эскимосов и еще нескольких полярных народцев, живущих большую часть года среди льдов и питающихся в течение 9-ти месяцев полярной зимы исключительно мясом, ни один из народов земли не обходится без растительной пищи. Среди животных, идущих в пищу человеку у современных народов, крупные животные составляют довольно небольшую часть. Конечно, современный буржуа Англии или Франции быков и других жвачных животных ест в большом количестве, но уже английский рабочий принужден питаться привозимым из Австралии, мясом кенгуру или бараниной, а трудящиеся классы Италии и Японии довольствуются лишь той мясной пищей, которую доставляет море: креветками и другими морскими животными; даже кролики—обычная пища зажиточного крестьянина Германии, или воробьи были бы для них роскошью. Бедняки в Якутии (в голодные годы и значительная часть жителей Якутской области) до сих пор употребляют в пищу евражков (грызуны из породы

сусликов). Австралийцы в большом количестве поедают личинки насекомых, муравьев, мелких грызунов. Китайцы не брезгают дождевыми червями, а австралийцы употребляют и другие породы червей в пищу.

Почему же мы должны считать, что первобытный человек в Европе отказывался от такой пищи? Разве только потому, что по воззрениям исследователя-буржуа как-то неловко приписывать его прародителю— первобытному человеку Европы такие „грубые“ навыки в области питания.

Если присмотреться к остаткам пищи, сохранившимся на стоянках первобытного человека, то вместе с костями крупных животных мы найдем такую мелкоту, как кости леммингов — грызунов размером не больше крысы, наводнявших в колоссальном количестве степи и тундры Европы во время ледниковых и межледниковых периодов. Они шли в пищу человека и составляли в питании его приличную долю.

Судя по пище современных отсталых народов, первобытный человек должен был иметь значительно более разнообразный стол, чем жаеают приписать ему европейские ученые. Он был животным всеядным, т.-е. ел все, что могло быть усвоено его организмом, будь то растения, съедобные корни, плоды, семена, грибы, ягоды, насекомые, их личинки, черви, мелкие животные всякого рода и даже падаль.

Промыслы
первобыт-
ного чело-
века.

В доледниковый период промыслы первобытного человека были необычайно примитивны. Ручной каменный топор не был приспособлен к охоте на крупную дичь, и в руки первобытного охотника попадали лишь отставшие, большие или истощенные животные, а также и те животные, которые случайно оказывались в состоянии полной беззащитности; например, попали в глубокую яму, которую вырыл, конечно, не сам человек с его примитивными орудиями, а сделали поток или буря, вырывавшая с корнями деревья.

Не всех тех животных, кости которых находят теперь ученые археологи, первобытный человек убил сам, многих из них он нашел навшими от болезни или от бескормицы, от холодов, во время снежных бурь ледникового периода, или от падений крупных хищников, и только небольшая часть громадного количества погибших животных в действительности пала от руки первобытного человека. Человек не столько охотился активно на крупных зверей, сколько добывал их, если к этому представлялся случай; и эта случай-

ная неорганизованная охота, конечно, не могла давать все необходимое для питания. Женщины, не могущие добывать себе пищу так же активно, как и мужчины, потому что они были связаны детьми, довольствовались исключительно тем, что им удавалось собрать.

У современных австралийцев и сейчас охота не занимает такого большого места в питании людей, как это обычно думают. Только мужчины, да и то не всегда, живут продуктами охоты на более или менее крупную дичь. Женщины и дети, а также и старпки, добывают пищу при помощи собирания растений, мелких животных и всего того, что может быть без труда получено для питания. Однако по своей технике австралийцы стоят несравненно выше первобытного человека, обитавшего в Европе. Если австралийцев и можно сравнить с первобытным человеком, то только как недостижимый идеал для нашего ископаемого предка. У современных огнеземельцев женщины и дети и сейчас еще питаются корнями и другой растительной пищей, получаемой ими во время их пищевых экскурсий. Так напр. грибы, растущие на некоторых породах дубов (*cituria darwinii*), поедаются ими сырыми в громадном количестве. Первобытная женщина находилась вряд ли в лучших условиях.

Способ добывания пищи, при котором все находимое потребляется тут же на месте, способ, существующий до сих пор у австралийцев, бушменов, андаманцев, заставлял человека довольствоваться, главным образом, той пищей, которую он сам может добыть. Питание молодых мужчин поэтому отличается от питания женщин, детей и стариков. Только в случае получения сразу большого количества пищи, например, в результате удачной охоты, женщины и дети получают ту пищу, которую обычно потребляют только мужчины.

Разделение стола является результатом различных способов добывания пищи половыми группами, в которые по необходимости обособляются первобытные люди, а вовсе не в силу особого эгоизма мужчины, нежелающего делиться с женщиной полученной пищей. Чаще всего и делиться бывает нечем.

Четвертый ледниковый период, изменивший растительный и животный мир южной Европы отразился, конечно, и на промыслах первобытного человека. В долгие суровые зимы единственной пищей человека, как мужчины, так и женщины, было мясо. Мелкие животные, правда, попадались попрежнему, но отсутствие растительной пищи, от которой никогда не отказывались и мужчины, если представлялся случай ее

достать, повысило потребность в мясной пище. Мужчине приходится добывать пищу не только для себя, но и для женщин и детей. Охота делается основным промыслом человека и облегчается тем, что звери, будучи в пище, в зимнюю пору делаются менее предусмотрительными. Охота начинает носить более организованный характер, хотя еще ни в малой степени не походит на современное северное звероловство. Из всех приемов северного охотника первобытный человек той эпохи мог пользоваться только засадами на звериных тропах и подкарауливанием у нор и логовиц.

Людоедство.

Сравнительно низкий уровень первобытной техники делает охоту не всегда удачной. Если в более теплые времена недостаток животной пищи можно было заместить растительной пищей, то в период ледниковый, особенно зимой, такого выхода для первобытного человека не было. Человеческие группы, окруженные снегом и льдами, при недостатке источников питания или должны были вымирать целиком, или начинали питаться своими более слабыми членами.

Людоедство, главным образом—поедание детей и женщин, как об этом свидетельствуют черепа из Крапины, делается необходимым в этот ужасный момент отсутствия пищи. Но оно не только делается необходимым—по прошествии некоторого времени оно превращается в лакомство. Расколотые трубчатые кости людей в Крапинской стоянке, из которых лакомка-людоед доставал костный мозг, говорят об этом самым красноречивым образом.

Жилища.

Когда мы говорим о жилище, пред нами всегда стоит образ постройки со стенами и крышей над головой. Такого жилища бесполезно было бы искать у первобытного человека. Его жилище—это, большей частью, неглубокая яма в земле, укрытая, в лучшем случае, сверху ветвями или хворостом; шалаши из ветвей или, как бывает у австралийцев, ветви кустарника, переплетенные между собой. Лагерь современных бушменов (южн. Африка) может дать наглядное представление о характере первобытных жилищ. (См. рис. 7).

Промыслы первобытного человека накладывали определенный отпечаток на строй его жизни. Случайная охота и собирание не давали возможности человеческим группам долго оставаться на одном и том же месте. Если поблизости человеческой стоянки оказы-

вались в большом количестве плоды или дичь, первобытный человек оставался здесь до того момента, пока пищевые ресурсы не иссякали, но если пищи было немного, то, как только обнаруживался ее недостаток, люди тотчас же снимались и шли дальше.

В постоянных поисках пищи первобытные люди предпочитали располагаться вблизи рек и озер, куда животные собирались пить воду, и на побережье которых можно было постоянно найти материал для быстро изнашивающихся каменных орудий. В местах некото-

Рис. 7. Лагерь бушменов в южной Африке.

рых таких прибрежных стоянок найдены целые „мастерские“ кремневых орудий (напр. стоянка у города Сент-Ашель во Франции).

Ледниковый период несколько затруднил эти постоянные передвижения. Холод загонял людей в глубокие пещеры, которые были и теплее, и вместительнее, чем сооруженные самим человеком шалаши. Здесь он был укрыт не только от дождя или снега, но и от ветра. На юге Франции находится немало пещер, в которых найдены костяки человека и орудия его труда, относящиеся к ледниковому периоду. Некоторые из этих пещер имели чрезвычайно ровную температуру. Так, напр., в пещере Нио около Аржежа, на расстоянии 25—30 метров от входа температура и летом, и зимой стоит на уровне + 13 градусов по Реомюру. Вырытые

подземными потоками пещеры были необычайно сыры и награждали живущих в них людей и зверей рядом болезней; например, тяжелой формой ревматизма. Костяки людей и пещерных медведей, найденные в той же пещере Нио, носят явные следы разращения суставов и других болезненных изменений костей вследствие этой болезни.

Привязанный к пещере, как к месту более или менее длительной стоянки, человек неохотно уходил в другие места; но голод вынуждал его не раз покидать насиженные места и искать в другой местности новую пещеру или иное убежище. Пещеры, покинутые людьми, снова становились жильем хищных зверей, и если человек по истечении некоторого времени возвращался обратно, ему приходилось прибегать не к уплотнению живущих в пещере жильцов, а к их окончательному выселению...

Жизнь в пещере представляла для человека с его бродячими промыслами много неудобств. Поэтому, с окончанием ледникового периода человек опять уходит из пещер и начинает устраивать свои стоянки на побережье или в степи.

Формы
хозяйства.

Все то, что, на основании археологических находок, мы установили по отношению к первобытному человеку Европы, может быть с полным правом отнесено к первобытным обитателям других материков и, даже больше того, к жизни человеческих групп, попадающих в сходную обстановку.

Человечество первобытной эпохи жило, главным образом, в теплом климате. Условия существования его на различных материках были одинаковыми, и потому мы будем говорить о первобытной эпохе в целом, а не только в Европе.

Человеческое хозяйство первобытной эпохи носило ярко выраженный присваивающий характер. Человек не пытался ничего выращивать, улучшить. Все необходимые для жизни питательные вещества он брал и употреблял такими, как их создавала природа.

Собирание, бывшее вначале основным видом промысла первобытных людей, повсеместно уступает место охоте, особенно в те периоды, когда собирание делается невозможным или затрудненным (напр. в ледниковый период); но, как только эти условия изменяются, собирание возвращается вновь и занимает одно из главных мест в промыслах первобытного человека. Техника собирания не стоит на одном месте, а поне-

многу развивается: от простейшего собирания, без помощи какого бы то ни было инструмента, первобытный человек переходит к выкапыванию корней при помощи палки, к сбиванию плодов с высоких деревьев при помощи каких-либо приспособлений или орудий.

Для выкапывания корней из земли первобытный человек, или, вернее, первобытная женщина изобрела специальный инструмент, так называемую, палку-копалку, прообраз будущей мотыги — заступа. У австралийцев эта палка-копалка играет большую роль в хозяйстве. Делается она из крепкого дерева и имеет от 1½ до 2 метров длины; конец ее заострен. Палка эта — единственное орудие женщины. Исследователи австралийского быта, Б. Спенсер и Гиллен, так описывают работу женщины при помощи копалки. „При работе палкой, женщина держит ее обыкновенно правой рукой за самый нижний конец и поочередно, то толкая ее в землю, то левой рукой отбрасывая прочь разрыхленную землю, копает с необычайной быстротой. В местностях кустарниковых лесов, где водятся медовые муравьи, составляющие любимое кушанье австралийцев, можно видеть целые поля взрытого твердого песку только при помощи палки женщины; с помощью своих копалок женщины настолько разрывают в поисках насекомых землю, что поля принимают в конце концов вид золотопромышленного участка, брошенного „старателями“ после долгих поисков золота. Если яма достигла значительной глубины, то для выбрасывания земли употребляется особое корытце „питхи“. Ямы, вырываемые женщинами в поисках съедобного, достигают иногда семи и более футов в глубину“.

Развитие техники охоты и появление орудий для вскапывания земли намечают постепенно переход к организованной охоте, с одной стороны, и к женскому земледелию, с другой.

Первобытное хозяйство делится на два основных промысла, сообразно половым признакам, но это деление не всегда бывает таким резким. В ледниковый период невозможность получения растительной пищи зимой заставляет человека вести единое хозяйство, в котором намечалось разделение труда между мужчиной и женщиной. Мужчина, как это наблюдается теперь у эскимосов, занимался охотой или рыбной ловлей, доставляя всю необходимую для семьи пищу, а женщина вела домашнее хозяйство, приготовляла пищу, смотрела за детьми и поддерживала огонь. В более же теплый период первобытное хозяйство носило явные следы полового разобщения, вызванного

различием промыслов, и доходящее в своем развитии до появления отдельных костров для мужчин и для женщин (напр. у австралийцев племени арунта и нарринери), отдельных лагерей (племена у Алисских родичков) и даже отдельных руководителей работ (прокеры сев. Америки).

Только быстрое и победоносное развитие одного из этих основных промыслов первобытного хозяйства, дающее ему окончательное преобладание над другими видами промыслов, прекращает обособленность половых групп и создает единое хозяйство.

Таким образом, присваивающий характер хозяйства и деление его промыслов по половым признакам являются основными чертами первобытного общества.

Несовершенство первобытной техники делает первобытное хозяйство крайне неустойчивым. В нем редко бывает избыток продуктов питания. Голодовки—хроническое явление в жизни первобытных людей. У стоящих значительно выше них—в отношении техники—современных австралийцев существует специальное приспособление для уменьшения размеров желудка во время голода: „голодный пояс“, который туго перетягивает человека („потуже подтянуть пояс“, т.-е. постараться уменьшить муки голода—выражение обычное и в русской деревне).

На неустойчивость хозяйства влияет также неумение сохранять запасы впрок, откладывая их на черный день. Большое количество продуктов, полученное сразу, в результате удачной охоты или в период созревания плодов, заставляло первобытного человека быть умеренным в еде в эти моменты. Особенно трудно было сохранять впрок мясо, так как способы консервирования мяса в жарком климате требуют значительных навыков.

Стремясь во что бы то ни стало истребить все наличные запасы пищи, первобытный человек, как и современные отсталые народцы, охотно устраивал пиршества. У современных отсталых народов сохранилось много форм такого истребления мяса. Об обжорстве австралийцев писалось много; но даже эскимосы, весьма рассчетливый народ, умеющий делать запасы на многие месяцы (правда, климат благоприятствует этому), до того обжираются мясом, что пьянеют.

Один из путешественников так описывает картину, которую ему пришлось видеть во время эскимосского обеда: „Эскимос наелся до опьянения. Он засыпал

Неустойчивость первобытного хозяйства.

с красным разгоряченным лицом, с открытым ртом. Его жена пихала ему в глотку куски полусваренного мяса, разрывая их зубами. Она внимательно следила за глотанием, и промежутки, образовавшееся в горле, тотчас же затыкала сырым салом. Счастливый муж, не двигаясь, жевал только коренными зубами, глотал, даже не открывая глаз. От времени до времени вырывался глухой звук—ворчанье от пресыщения“.

Русский путешественник Миклуха-Маклай видел картину, мало отличающуюся от описанной выше, у жителей Новой Гвинеи. „Туземцы,—пишет он,—наелись так, что их животы, сильно выдавшиеся и натянутые, были настолько нагружены, что им трудно было ходить. Несмотря на это, каждый нес в руках порядочную порцию еды, с которой он намеревался покончить сегодня. Полные желудки мешали им даже говорить, и, ожидая приготовления ужина, что было предоставлено сегодня молодежи, большинство мужчин лежали растянувшись у костров. Я долго не забуду этого зрелища“.

У первобытного человека такие пиры были обычным явлением, но они постоянно чередовались с голодовками. Достаточно было небольшого изменения климата, заставлявшего зверя неожиданно покидать обычные места, плохого урожая плодов, появления вблизи человеческой стоянки опасных хищников, заставлявших первобытного человека уходить из богатых пищей районов—и голод становился почти неизбежным.

Уровень развития производительных сил в первобытном обществе был очень низким. Между минимальными потребностями человека и возможностью их удовлетворения создавалось весьма неустойчивое равновесие. Часто, стремясь избежать голодовки, человек прибегал к самоограничению, которое выливалось в самые примитивные формы—искусственного уменьшения числа едоков.

✓ Искусственно уменьшенные числа едоков.

У австралийцев до сих пор практикуется убийство стариков, не могущих передвигаться вместе с остальной группой. Иногда их убивают, иногда просто оставляют в пустыне, обрекая на голодную смерть. Такие же способы сохранились у ботокудов и бороро в южн. Америке, у бушменов Африки. У инuitов (эскимосов сев. Америки) стариков, расслабленных и решительно бесполезных, их близкие спрашивают, не довольно ли им жить; и, получив требуемый утвердительный ответ, убивают их, вскрывая им сонную артерию и большую вену на руке. У чукчей тяжелобольные и старики сами просят лишить их жизни—

такие случаи у колымских чукчей бывают ежегодно. Близкие родственники „уступают“ выраженному желанию и закалывают ножом или душат ремнем. Таковой же обычай существовал и у якутов до русского нашествия, т.-е. лет 300 тому назад: разница была лишь в способе убийства. Стариков уводили в лес и там сталкивали в заранее приготовленную яму, в которой их закалывали живыми.

Убийство стариков, как видно, обычай весьма древнего происхождения, и первобытный человек прибегал, вероятно, к нему не реже, чем современные отсталые народы.

Если число ртов и после уничтожения стариков оказывалось слишком большим, то нередко было и убийство детей. У австралийцев никого не возмущают такие явления, как убийство матерью новорожденного или грудного ребенка, только потому, что он родился слишком рано, т.-е. тогда, когда старший по возрасту ребенок еще не отнят от груди. Достаточно заминки иттанья семьи—и этого раннего гостя заставляют насильственно покинуть землю.

У нюнгов убийство детей практикуется в тех случаях, когда они остаются без кормильца. Путешественник Бессель был свидетелем того, как вдова одного нюнта, во время погребения своего мужа, задушила шестимесячного ребенка и положила его трушук в могилу мужа. Никого из окружающих это убийство не смутило, так как все были уверены, что ей действительно было бы трудно, имея еще двух детей, прокормить этого младенца.

У чукчей убивают грудных младенцев, если умирает их мать; но даже, если бы ребенок в таком случае и был оставлен в живых, он должен был бы умереть от голода, так как чукчи не умеют вскармливать детей искусственно.

Изгнание плода также практикуется отсталыми народами весьма часто. У австралийцев удары по животу и другие примитивные приемы применяются для забавления общества от нежелаемого конкурента: эскимоски предпочитают ручку от бича или заостренное тюленьё ребро в качестве операционного инструмента. Нередко следствием таких воздействий бывает не только изгнание плода, но и смерть матери.

Вследствие этих причин, а также потому, что женщины кормили грудью несколько лет (напр. у кафров матери кормят грудью до 4—5 лет, а австралийки до 3-х и 4-х лет) размножение человечества в первобытную эпоху шло очень медленно.

3. ОРДА.

Человеческие группы первобытной эпохи не могли быть очень велики. Современные орды австралийцев, перекочевывающие с места на место, не превышают 40—50 человек; орды ботокудов и бороро в южн. Америке достигают иногда и 100 человек; группы бушменов не превышают 50—60 человек. Численность этих бродячих групп зависит от количества средств питания. Если орда живет в богатом дичью или плодами месте, то численность ее увеличивается и, наоборот, орда начинает уменьшаться и даже распадаться на совсем небольшие группки, если продуктов оказывается мало.

Численность
орды и ее
состав.

Орды австралийцев, живущих в Новой Голландии, редко бродят всей массой. Обычно вся орда сходится вместе только ко времени большой охоты или к периоду созревания плодов. В остальное же время орда бродит, разбившись на небольшие группы, человек по 10—12, состоящие из мужчины, нескольких женщин и детей.

Условия существования первобытного человека в смысле наличия средств питания были немногим лучше, чем условия жизни современных австралийцев; поэтому и первобытные орды должны были численно соответствовать ордам современных австралийцев.

Стадный инстинкт, вызванный стремлением обезопасить себя от нападений хищных зверей, а также могучее половое чувство сбивали первобытных людей в группы. Инстинктивное желание сохранить свой вид, т. е. забота о потомстве, сплачивала людей в этих группах и заставляла их совместно бороться с природой, а продолжительное совместное существование развивало и усиливало чувство общности, и превращало случайные объединения в сплоченные орды.

Общественные навыки усиливались в новых поколениях, выросших в орде. Орда реже распадалась, даже под влиянием тяжелых внешних условий, и если численный прирост заставлял все-таки орду дробиться на более мелкие группы, то эти группы держались поблизости, стараясь не порывать между собою связи. Так вырастало человеческое общество из первоначальной стаи первобытных людей.

Главную массу современной австралийской орды составляют взрослые, остальное количество дети, и в совсем небольшом числе старики. Так как жизнь первобытного человека была значительно труднее, чем жизнь совре-

менных отсталых народов, то старчество являлось исключением. Большинство людей или не доживало до старости, или насильственно истреблялось в голодные периоды.

Возрастные группы.

Основные промыслы делили первобытную орду на две довольно резко обособленные половые группы, но это деление не было единственным. Орда делилась также и по возрастам, соответственно участию этих возрастов в половой жизни. Взрослые составляли одну возрастную группу, дети—другую. Впоследствии к этим группам прибавилась и третья—старики. Таким образом, вся орда оказалась разделенной на три возрастных группы: взрослые, дети и старики, деление, которое в виде пережитка далекой древности сохранилось у австралийцев.

Существовали ли в первобытной орде какие-нибудь родственные связи—сказать трудно. Понятие отцовства, т.е. происхождения ребенка от определенного отца, было чуждо первобытному человеку, как оно чуждо и некоторым современным племенам австралийцев.

Единственно видимая и поэтому понятная связь существовала только между матерью и рождаемым ею ребенком. Эта связь должна была вызывать в первобытной орде некоторое различие между отдельными детьми, но различие это не могло сохраняться в течение долгого времени. Женская группа сообща заботилась о детях, отнятых от груди, совместная же работа и жизнь, лишенная каких бы то ни было резких индивидуальных отличий, стирали грань между детьми разных матерей. По прошествии нескольких лет ребенок начинал относиться совершенно одинаково ко всем старшим женщинам, так как в группе других сверстников по возрасту начинал добывать себе самостоятельно пропитание.

Современные степени родства, прямого и бокового, заменялись в первобытной орде возрастным делением. Это было единственное реальное подразделение людей, поскольку оно определяло их половое отношение друг к другу.

В окончательно сложившейся орде возрастные деления устанавливаются следующим образом: младшая возрастная группа включает детей обоего пола, а также юношей до момента появления у них бороды и девушек до одного или двух лет после появления менструаций. (Подобный состав младшей возрастной группы существует, например, у австралийцев племени курнаи и арунта). Следующую группу составляют мужчины

и женщины, не имеющие взрослых детей, т. е. до 40—45 лет у мужчин и 30—35 лет у женщин. Третья группа — „стариков“ по названию, но далеко не всегда по своему физическому состоянию — включает всех мужчин и женщин, перешедших указанный выше возраст.

Переход из одной группы в другую сопровождается довольно сложными обрядами и является как бы переломом в жизни человека.

Такое деление орды на возрастные группы можно считать первобытным в том смысле, что более древние формы организации человеческого общества проследить нельзя.

Существовало ли в первобытном обществе совершенно беспорядочное половое общение или какие-либо запреты появились уже с самого начала — установить точно невозможно. Во всяком случае, запрещение половой связи между матерью и ее родным сыном весьма раннего происхождения. В настоящее время нельзя найти ни одного народа, даже самого отсталого, у которого хотя бы в виде отдаленного пережитка сохранилось воспоминание об отсутствии этого запрета.

Половое
общение.

Откуда появился такой запрет? Понимание вреда кровосмешательства или боязни отсутствия потомства от такой связи не могло быть у первобытного человека. Для некоторых современных отсталых народов до сих пор еще остается тайной связь между половым актом и зачатием: австралийка племени арунта с большой опаской проходит мимо камня определенной формы и тщательно закрывает нижнюю часть живота рукой, т. к. боится, что души, живущие в этом камне, могут войти в ее чрево...

В примитивной орде половые сношения начинаются еще в детском возрасте. На них смотрят как на вполне естественное удовольствие, и от того, что мальчик превращается в юношу, а девочка в девушку, взгляд на эти сношения не меняется. Вполне понятно поэтому, что беременность и рождение ребенка объясняется ростом, возрастом, различными внешними явлениями, вмешательством духов и пр., но только не их действительной причиной.

Возможно, что причиной, вызвавшей запрещение половой связи между матерью и ее взрослым сыном, была ревность старших мужчин — ревность самцов, обладавших долгое время женщиной, и поэтому не допускавших к близости с ней нового, более молодого, пре-

тендента. Такая ревность наблюдается часто в животном мире. Это предположение имеет ту ценность, что оно объясняет и другое явление: первоначально запрет половых сношений касался не только матери и ее родных детей, но и всех матерей и их возможных детей, т.-е. запрещались половые сношения между женщинами старших возрастных групп и подрастающими мужчинами младшей группы.

Дальнейшее запрещение половой связи между мужчинами старшей возрастной группы и подрастающими девушками являлось только следствием первого ограничения. Это была как бы компенсация прав мужской молодежи, которая в случае отсутствия подобного ограничения принуждена была бы оспаривать свои права на любовь перед старшими мужчинами в каждом отдельном случае, и драки из-за молодых девушек превратили бы орду в сборище ожесточенных, ревнивых, подозрительных самцов. Указанным ограничением полового общения было достигнуто status quo в области свободы полового чувства, и только существование его избавило орду от драк между самцами, наблюдающихся во всем остальном животном мире.

Зачатки
семьи.

Несмотря на свободу полового общения в пределах возрастной группы, в первобытной орде могут появиться и некоторые зачатки брачного союза, выливающиеся в зародышевую форму семьи. При значительном развитии охотничьих промыслов добыча от охоты оказывается почти единственной формой питания человеческого общества. Между тем, при дальних переходах охотнику очень трудно носить с собой принадлежащую ему поклажу. Он стремится отделаться от всякой лишней ноши, ненужной ему непосредственно для охоты. Даже несложная примитивная утварь делается в тягость, и мужчина пытается переложить на женщину перетаскивание своей поклажи. Естественно, что взамен услуг, оказываемых женщиной, мужчина начинает уделывать ей некоторую долю от своей охоты. Такой неоформленный договор приносит пользу обеим сторонам, так как освобожденный от поклажи охотник может убить больше дичи.

Но эта дележка и обмен услугами не превращает еще мужчину и женщину в супружескую пару. В половом отношении они оба остаются совершенно свободными, и если женщина,носящая поклажу охотника, отдается ему чаще, чем другим мужчинам, то такое явление не создает еще для этого охотника никаких особых прав на женщину.

Так, постепенно, зарождается семья.

Несмотря на отсутствие оформленного брака и полную свободу женщины в половом отношении, ее нельзя назвать полноправным членом первобытного общества. Вообще, трудно говорить о каких бы то ни было „правах“ в этом обществе—так все неустойчиво и неопределенно. Более сильный и удачливый, более опытный имеет, конечно, преимущество перед остальными. Женщина же, как менее сильная, и притом связанная детьми, должна довольствоваться теми промыслами, которые дают несравненно менее питательную, хотя и легче находимую пищу. Современная австралийская женщина, по сравнению с мужчиной, производит менее благоприятное впечатление, что, по мнению большинства исследователей, следует приписать ее более трудному существованию и худшему питанию.

4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕЧИ.

Совместное существование и борьба с природой создали довольно крепкую связь между людьми. Но эта связь не ограничивалась чисто хозяйственными или половыми потребностями. У людей, живущих совместно долгое время, создается потребность в обмене впечатлениями, и от количества этих впечатлений, а также от той формы, в которую выливается обмен впечатлениями между отдельными людьми, зависит сплоченность общества. Одной из главных форм обмена впечатлениями между людьми является речь. Для того, чтобы выяснить, какое значение имеет речь для первобытного человека, посмотрим, чем она является в нашу эпоху.

Представить себе современных людей без той связи между ними, которую создает речь, совершенно невозможно. Конечно, бывают люди, лишенные речи, и живущие совместно, например глухонемые; но их жизнь очень тяжела. Если глухонемые не умеют читать (т.е. понимать записанные слова людей), они принуждены жить совершенно обособленным мирком, несравненно более жалким, чем внутренний мир любого из людей, умеющих говорить. Только помощь людей, обладающих речью, может скрасить тяжелую жизнь немного человека.

Связь людей, работающих в производстве; передача приказаний; получение от других людей необходимых сведений; передача чужого опыта в виде советов и указаний; наконец, обмен впечатлениями—все основано на

Речь, как форма общественной связи.

речи. Речь в виде устного слова, газеты, книги, письма, телеграммы и пр. является постоянным посредником между людьми; она связывает людей не только живущих рядом, но и отделенных один от другого тысячеверстными пространствами.

Без речи, создающей возможность передачи опыта и впечатлений, не существует человеческого общества.

Форма речи далеко неодинакова у различных народов. Язык одного народа обладает большим запасом слов, другой же совсем беден в этом отношении. Чем же объясняется большее или меньшее развитие языка?

Народы, обладающие большим запасом слов, все принадлежат к так называемым „культурным“ народам, хозяйство которых имеет капиталистический характер. У более бедных по языку народов и культурный уровень ниже.

Если сравнить количество слов в обычном разговоре европейца (5.000—6.000) с запасом слов бушмена (300—400), то разница в количестве этих слов и причина такой разницы будут понятны: европейец — член общества с наиболее развитыми формами хозяйства; бушмен — член наиболее примитивного общества, не вышедшего из рамок присваивающего хозяйства.

Различие в языке примитивных и культурных народов не ограничивается только количеством слов. В языках культурных народов больше отвлеченных понятий, обобщений, означающих не только отдельные предметы и их качества, но и подчеркивающих их общие признаки. В языках народов, хозяйственно менее развитых, меньше таких обобщений, и каждое слово означает определенный предмет и определенное его качество. Таким образом, соотношение между развитием языка и культурным, т.-е. хозяйственным уровнем народа проявляется весьма ярко. Если народное хозяйство начинает развиваться, то это отражается на языке.

Развитие языка идет параллельно развитию общества; вместе с ростом общества усложняется язык, но с развалом или упадком общества язык начинает хиреть.

Примером такого хирения языка может служить язык эскимосов, живших прежде в более теплых странах.

Эскимосы принесли с собой на север гибкий, богатый язык, на котором говорили первые поколения переселенцев. Песни и сказания эскимосов являются свидетелями их далекого прошлого. Суровая природа потребовала от эскимоса напряжения всех его сил, но

прежние технические навыки, прежние формы хозяйства оказались в полярном климате совершенно непригодными. Жизнь эскимосов как-будто переломилась, сделалась в окружающих примитивных условиях и сама примитивной; техника упростилась, и надобность в прежнем богатом языке отпала. Старые песни и сказания до сих пор поются эскимосами так, как пелись их предками, но смысл этих песен для современных эскимосов непонятен. Они поют про теплое море, про степь, про деревья, про различных животных: ничего этого нет в окружающей полярного жителя природе. Если спросить, как они представляют себе предметы и страны, о которых сложены песни, то певцы дают явно несообразные ответы. Старый язык более богатый и сложный уступил место более бедному и простому, потому что более простым сделалось эскимосское хозяйство.

Речь развивалась вместе с обществом и проходила вместе с ним все этапы последовательного усложнения своих форм. Следовательно, в примитивном обществе и речь была примитивной. Как же возникла она? Появилась ли она вместе с человеком, является ли она при рожденным даром человеческого существа? Или, может быть, она придумана, изобретена им для облегчения общественной связи?

Происхождение речи.

Достаточно иногда только поставить вопрос, чтобы ответ на него напрашивался сам собой.

Современный ребенок рождается без речи: он не знает ни одного слова. Каждое слово, которое он потом произносит, он перенимает от взрослых. У кого же мог перенимать слова первобытный человек?

Также неосновательно и предположение об „изобретении“ языка. Язык, как мы установили, является социальное; его рост и форма не зависят от желаний отдельных лиц. Сознание пользы языка не могло появиться в мозгу человека раньше, чем он стал говорить; поэтому теория „изобретения“ языка может также быть откинута, как и теория „прирожденности“ его.

Для того, чтобы выяснить происхождение речи, необходимо установить наиболее простую, зачаточную форму языка и проследить ее возникновение.

Сравнительное языковедение (лингвистика) дает нам многочисленные доказательства того, что все современные европейские языки происходят от более древних языков, в основе которых лежит самый древний, уже совершенно исчезнувший язык. Группа языков, от

которых ведут свое начало современные европейские языки, носит название „семьи“ арийских или индоевропейских языков. В отдельных языках, составляющих эту семью, существуют общие слова или, вернее, общие основы слов, из которых потом путем изменения или приращения образовались новые слова. Такие слова—основы, носят название „корней“.

В словах: брат, *frater* (латинск.), *frère* (французск.), *bruder* (немецк.), *brāle* (латышск.), означающих на разных языках одно и то же понятие, содержится общий корень „*ber*“ (бер), взятый из древне-арийского языка.

Первоначальное значение этого корня: „носить“. Путем изменения гласных и согласных корня образованы новые слова в разных языках. Однако, слова образуются не только так. Часто к корню, остающемуся почти без изменения, добавляются приставки или окончания, меняющие значение слова.

Древне-арийский корень „*mar*“ (мард), означающий „растирать“, превратился в европейских языках в следующие слова: в русском—молотъ, размалывать, мельница, молот, море, морда, мор; в немецком—*mehl* (мэль—мука), *mühle* (мюле—мельница), *malz* (малц—солод), *Schmalz* (шмальц—сало), *Schmelzen* (шмелцен—таять), *malen* (мален—рисовать), *meer* (мер—море); в латинском—*mollis* (моллис—мягкий), *morbus* (морбус—болезнь), *mordeo* (мордео—кусаю), и т. д.

Таким образом, основной смысл корня постепенно изменяется, хотя и сохраняет отдаленное сходство с первоначальным значением (напр., „морда“ — то, при помощи чего можно растереть пищу).

Количество таких древних корней не велико и почти все они обозначают то или иное действие. Названия же предметов образуются, очевидно, в более позднюю эпоху путем наращивания к корням разных приставок. Подобное постепенное наращивание приставок очень ярко выявлено в некоторых современных примитивных языках.

Южно-африканские туземцы: банту (кафры), бушмены; готтентоты, обладают языками, в которых значение чистых корней, обозначающих те или другие действия, очень велико. Для обозначения какого-либо предмета берется такой глагольный (т.-е. действительный) корень и к нему присоединяется определительный звук. На языке банту, напр., есть корень „*izwe*“ (изве) „жить“. К этому корню добавляются приставки: *is—izwe* (из—изве) „житель“, *il—izwe* (иль—изве) „страна“. У гот-

тентотов корень „koi“ (кои) обозначает понятие „жить“, „иметь силу“; произнесенное с двойным жестом это же слово обозначает „мужчину“; в приставкой s — „koi-s“ (копс) „женщина“; „koi-gu“ (копгу) „супруг“; „koi-i“ (кои) „личность“; „koi-p“ (коин) „народ“. У бушменов „koi“ имеет тоже значение, но „koip“ значит не только „народ“ (толпа людей), но и „стая собак“... При особом жесте или с переменной ударения, слова получают в таких примитивных языках иной смысл.

Приведенные примеры показывают, что корни, обозначающие действие, не только составляют основу всех языков, но они притом — наиболее примитивная форма словообразования.

В арпийской семье языков, судя по исследованиям лингвистов, наиболее древними являются корни, означающие понятие „скрести“, „копать“, и т. д. На основании этих исследований, ученый Нуаре построил теорию, согласно которой самые древние корни слов означают человеческую работу. Человеческий язык, по этой теории, образовался из потребности первобытного человека обозначать те действия, которые чаще всего им совершались и имели наибольшее значение для его жизни.

Теория
Нуаре.

Излагая в дальнейшем эту теорию, мы пополним ее теми новыми данными, которые сообщены другими исследователями, работавшими после Нуаре.

Стремление издавать звук свойственно не только человеку. У животных, живущих большими стаями и группами, существует непреодолимая потребность издавать звуки тогда, когда они собираются вместе. В такие моменты птицы разных пород или чиркают, или каркают, или кричат как-либо иначе: лягушки поют целыми вечерами; обезьяны часами могут реветь свои оглушительные песни. Стайный шум доставляет животным, издающим его, необыкновенное удовольствие, создает общее настроение и поддерживает общественную связь между отдельными особями.

Первобытный человек, как животное общественное, вероятно, не являлся исключением среди остальных общественных животных, и стайный шум доставлял удовольствие и ему. По крайней мере стремление сойтись, чтобы поболтать или попеть, и у современного человека очень сильно. Нередко бывает, что люди, не имеющие ни слуха, ни голоса, вмешиваются в общее пенье только потому, что быть в поющей компании слушателем — значит быть вне общества, и такое положение редко кому нравится.

Во время работы человек издает те или другие звуки, чтобы поддержать связь с другими и создать общее настроение. Если шум работы, например машин, не объединяет уже сам по себе людей своими ритмическими звуками и не настолько силен, чтобы заглушить человеческие голоса, то человек начинает петь, пытаясь сплывшем голосом (хор) создать ощущение присутствия себе подобных. При изолированной работе человек также охотно поет песни или же отдельными выкриками перебрасывается с окружающими. Девушки, идущие по грибы в лес, поют песни, пока можно поддержать хор, и начинают „аукаться“ или перекликаться, когда разойдутся на далекое расстояние. Звук в этом случае облегчает общественную связь.

При совместной жизни в первобытных человеческих ордах стайный шум был сопутствующим явлением общежития, а перекликанье собирателей или охотников постоянно сопровождало поиски пищи. Одни и те же усилия при одинаковом трудовом процессе вызывают одинаковые звуки. При собирании издавали одни звуки, при охоте — другие. Некоторые звуки или отдельные их оттенки были настолько связаны с процессом работы, что достаточно было услышать их, чтобы, не видя, понять, что происходит. Примером может служить следующее: дровосек с силой, опускающий топор на бревно, непроизвольно произносит звук *ha* (*га*), вследствие давления струи воздуха из легких на его голосовые связки. Если кто-нибудь слышит этот характерный звук и одновременно звук удара, то без труда может заключить о той работе, которая сопровождается таким трудовым звуком.

Промыслы первобытного человека были связаны с трудовыми звуками, а шум работы менялся в зависимости от ее характера. В сознании человека, постепенно, характерный для каждой работы звук ассоциировался (связывался) с определенным представлением, картиной труда. Если позже потребность в общении, т.-е. в передаче другим своего настроения, или в восприятии чужого настроения, заставляла человека издавать звуки, то некоторые из этих звуков, совпадавшие с трудовыми звуками, соединялись в представлениях слушателей с определенными образами (картинами труда) и превращались в слова. Произнесение слов вызывало отклик со стороны слушателей. Достаточно было заметить понимание слушателей, как рассказчик начинал пользоваться понятными для окружающих звуками уже сознательно, как словами. Только обще-

ственное признание (понимание) сделало определенные звуки словами.

Дальнейшее употребление слов облегчалось общественными привычками человека. Каждое происшествие, каждое свое сильное переживание человек старается сделать известным близким людям. Стремлением привлечь внимание на себя и свои переживания человек не отличается от остальных животных. Перепуганный воробей, влетая в стаю, делает в ней переполох. Обиженная человеком собака лает или огрызается на других собак, или наоборот уныло скулит и трется около них, как бы ища защиты. И человек, если с ним что-либо случилось, пытается вызвать сочувствие к себе или одобрение близких. Но обладая уже некоторым запасом слов, он делает это в несколько иной форме, чем животные: к рычанию и повизгиванию первобытный человек прибавляет слово.

Первоначальное слово было не столько словом, сколько целым понятием и поэтому было очень неопределенным. Для правильного понимания слов были необходимы сопровождающие жесты. Мимика непрозвольная, бессознательная была спутником первобытной речи, и только она одна помогала человеку, обладавшему небольшим запасом слов-понятий, рассказывать о событиях или призывать к определенным действиям.

Слова—понятия.

Вначале слова-понятия связывались между собой при помощи мимики, и речь состояла из сочетания слов и жестов. Позже, к этим основным словам стали прибавляться различные приставки, обозначающие или особенности, или форму предмета (ср. выше примеры из языка банту и бушменов).

Смысл слов стал меняться в зависимости от ударения, произношения, длительного или короткого, места во фразе (в начале, в середине или в конце). У современных китайцев одно и то же слово может иметь различные значения в зависимости от его места в предложении.

Названия предметов стали обособляться от действий; действия приобретали зависимость от времени.

Первоначальный язык в смысле произношения был необычайно гибок: звуки, употребляющиеся в нем, очень трудно было бы уложить в буквы, так как неодинаковость произношения их различными лицами и даже вариации произношения одного и того же слова тем же человеком делали слова необычайно подвижными

Образование наречий и обособление языков.

в смысле звуков. Подобная подвижность звуков и произношения слов быстро создавала новые языки. Достаточно было сравнительно небольшого в отношении территории расселения первоначальной группы, как у сородичей, живущих в разных местах, начинали образовываться отдельные наречия.

Даже у современных отсталых народов быстрота образования новых наречий поразительна. О пауасах, например, путешественник Миклуха-Маклай пишет: „Деревни, удаленные на $\frac{1}{4}$ часа ходьбы, имеют уже несколько различных слов для обозначения одного и того же предмета; деревни, отстоящие на час, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают себя взаимно. Во время моих экскурсий, продолжавшихся два или несколько дней, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому. Только пожилые туземцы говорят на двух или трех наречиях. Чтобы усвоить их, они проводили еще юношами время в чужих деревнях“.

С течением времени наречия все больше обособляются и превращаются в самостоятельные языки. Примером такого обособления и отделения языков может служить деление славянского, первоначально единого, языка на ряд наречий, которые уже к XII веку превратились в самостоятельные языки. В настоящее время количество славянских языков очень велико. Различают языки: великорусский, белорусский, украинский, польский, чешский, сербский, болгарский, словенский и пр., и пр.

Социальное
значение
речи.

Социальное значение языка, вообще, необычайно велико, и в первобытную эпоху он имел не меньшее значение. Возможность рассказать другому то, что человек переживает или то, что с ним случилось, объединяет людей наиболее крепко.

Речь связывает между собой не только современников. Она связывает также и ряд поколений незримыми нитями: опыт старших людей передается в устной форме младшим и от них переходит к следующим поколениям. Передача опыта облегчает борьбу с природой и является причиной многих усовершенствований в технике.

Речь, которая оказала наибольшее влияние на передачу опыта поколениям, делается наиболее сильной формой связи и общения людей между собой.

5. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА.

В тесной связи с развитием речи, а также с основными трудовыми процессами первобытного общества находится возникновение искусства.

Искусство, или художественное творчество человека имеет целью доставление человеку приятных ощущений и переживаний; если труд ухудшает существование человека, облегчает получение от природы необходимых жизненных благ, то искусство является как бы дополнением к труду, придавая совместной жизни людей повышенный интерес.

Художественное творчество тесно связано с трудом и служит противовесом тяжелой работе, так как оно уменьшает или рассеивает усталость от нее. Оно возникает или в результате этой работы (как реакция на нее), или как избыток творческих сил, не находящих себе выхода в физическом труде.

В основе каждого вида искусства лежит ритм, т.е. правильное чередование напряжений и пауз (остановок, отдыха). В живописи этот ритм или чередование заключается в смене света или тени, в сочетании красок, линий; в музыке ритм обнаруживается в такте и сочетании звуков различной высоты и тембра; в танцах ритм,—опять-таки, такт и правильное чередование движений и покоя.

Ритм является основной причиной того, что искусство доставляет приятные переживания человеку. В живописи органы зрения получают впечатление удовольствия лишь в том случае, если раздражение глазных нервов от ярких цветов или резких линий умеряется более мягкими цветами или линиями, т.е. если произведение (картина) обладает ритмом красок и линий. В музыке органы слуха приятно возбуждаются, если звуки сильные и слабые чередуются в определенной последовательности: низкие заменяются высокими и звучание прерывается паузами, т.е. полным отдыхом для слуховых нервов.

В этом постоянном чередовании напряженности движения и отдыха, заключена безусловно физиологическая причина, и ритм поэтому является совершенно необходимым для всякого рода человеческой деятельности. В искусстве ритм необходим для того, чтобы восприятие производило на человека приятное впечатление.

Ритм и его значение.

Некоторые виды первобытного искусства непосредственно связаны с работой. К таким видам искусства относятся музыка.

Пение.

Наиболее древним видом музыкального творчества следует признать пение, а также ритмические шумы, которые постепенно превращаются в музыкальное сопровождение.

Пение вырывается часто у человека совершенно непроизвольно в такие моменты, когда однообразие начинает его тяготить.

Но есть и другая причина пения при работе. Правильность чередования усилия и последующего короткого отдыха необходима для работающего человеческого организма (напр. работа сердца и человеческих мышц). Ритм поэтому присущ всякой человеческой работе. Между тем, работая один или вместе с другими, человек не всегда может сохранить присущий данной работе ритм, сбиваясь с него и утомляясь преждевременно. В этом случае песня помогает следить за правильностью ритма работы, она сливается с ним, и малейшее изменение в ритме работы сейчас же замечается в ритме песни. При одновременной работе нескольких людей ритм песни заметно облегчает эту работу. Примером могут служить такие песни, как „Дубинушка“ или баркаролы (гребные песни). Песня связывает ритм каждого из работающих и тем сохраняет их силы.

В первобытном обществе, правда, такая форма труда, как гребля вряд ли встречалась, но, ведь, и перекликаше первобытных собирателей также ритмично, так как повторяется через определенные промежутки времени, и вызвано стремлением возможно дольше сохранить необходимое для собирания внимание, которое быстро утомляется от однообразия работы.

Пение развлекает человека, доставляя ему приятное ощущение. Народы, у которых количество развлечений не очень велико, поют особенно охотно. Пение хором, давая непосредственное удовлетворение каждому человеку, который поет, создает среди участников хора чувство взаимного доверия и выплывает в каждом из них уверенность в собственных силах. Часто хоровое пение предшествует работе для того, чтобы создать общее настроение, или подготовить совместно работающих людей к длительному и одновременному напряжению своих сил. Пение отдельных людей (соло) и хоровое пение, пожалуй, наиболее любимое препровождение времени у всех народов.

Первобытная песня не сложна. В музыкальном отношении она состоит из непрерывного чередования двух-трех звуков различной высоты и силы. В отношении же содержания она необычайно бедна, пожалуй даже бессмысленна, так как редко содержит больше одной, бесконечно повторяемой фразы, а чаще всего какое-нибудь одно слово. Примером может служить песня гребцов-индейцев сев. Америки: „Ах, в ях, ах, ия, ня, пя!“—повторяемое в течение очень долгого времени, или песня арбакеши в Закавказье, который часами может тянуть звук „а“, то повышая его, то понижая.

Постепенно количество звуков в песне увеличивается и содержание ее усложняется, но все же примитивная песня по преимуществу лирична, т.-е. основана почти исключительно на мелодии и передает лишь настроение, но не связный рассказ о каком-нибудь событии.

Рис. 8. Танец в круг (айны в Японии).

Не меньшую древность чем песня, имеет и танец. Возникающий из потребностей человека в движении, танец также основан на ритме: он состоит в правильном чередовании движений человека и остановок. Наиболее примитивным типом танца приходится считать танец в круг или в ряд. Такой танец представляет собою движение группы людей в одном направлении, или друг против друга (см. рисунки 8 и 9). Танцы в круг или в ряд наблюдаются и до сих пор у многих народов и впоследствии, сопровождаемые хоровым пением, превращаются в хороводы. Танцы в круг—одна из любимейших форм общения молодежи, накопляющаяся энергия которой ищет выход в движении; но, с другой стороны, массовые танцы в круг выражают и чисто животное стремление особей различного пола

Танец.

быть поближе друг к другу, и таким образом танцы являются некоторым образом подготовкой к половой близости.

От наиболее простой формы совместного кружения, танец переходит к обособленным движениям групп женщин и групп мужчин. У индейцев племени шилук мужчины танцуют большим кругом, а женщины в центре его вертятся с сильными движениями бедер, прижавшись друг к другу. Выделение отдельных пар, следующих друг за другом—явление уже более позднее и представляет переход к современной форме танцев.

В танцах нередко изображаются отдельные события: охота, нападение, борьба. Тогда в центре танцующей группы располагаются действующие лица, а остальные участники или медленно движутся вокруг, или стоят, ударяя в такт ладонями, ногами или палками о землю.

Часто танец является массовым подражанием половому акту. Целью такой формы танца является возбуждение чувственности. Современные американские танцы носят именно такой чувственный характер.

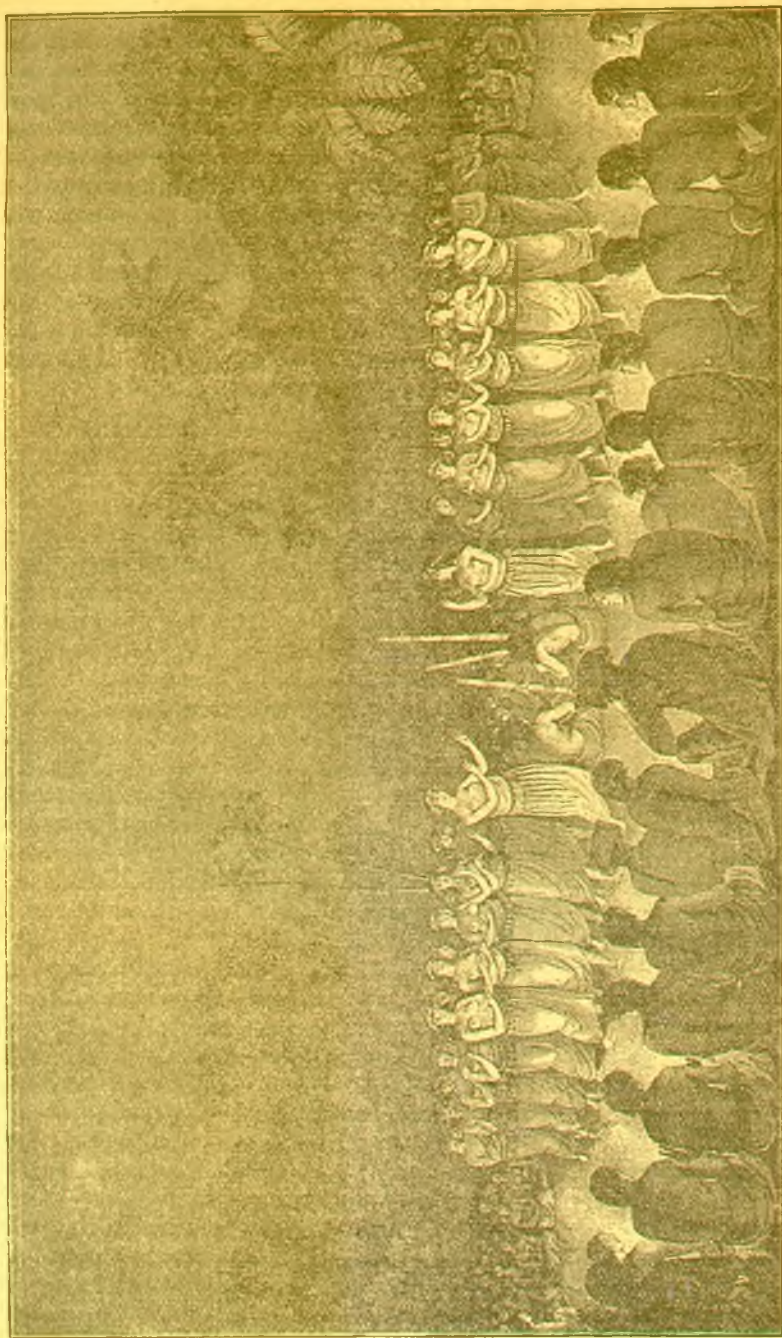
Примитивный танец—танец массовый, парные же танцы возникают совсем близко к нашей эпохе.

Музыкаль-
ные инстру-
менты.

Звуковое сопровождение танца ударами ладоней, стуком палок или ногами превращается в музыкальный аккомпанемент.

Самый первобытный вид такого аккомпанеента, вызванного желанием зрителя укрепить ритм, удары в такт копьями или дубинами о землю. Австралийцы бьют по земле кусками дерева, щитами, бумерангами, или копьями; но так как звук от этих ударов получается глухой и не сильный, то для усиления звука человек начинает искать лучший резонатор, чем землю. Дерево первое обратило на себя его внимание. У папуасов залива Астролябия вместо копья или дубины употребляется пустая внутри бамбуковая палка. Этой палкой ударяют по окружающим деревьям. Получается звук разной высоты, смотря по толщине бамбуковой палки. Музыкант может варьировать (повышать и понижать) звук при помощи этого простого инструмента.

В качестве резонатора употребляется также кусок дерева, подвешенный на ремне или на веревке, а ударником бывает деревянная колотушка. Такие музыкальные инструменты встречаются у жителей Андаманских островов, и до недавнего времени подобный же инструмент существовал в некоторых местностях старообрядческого Заволжья. „Бидо“, как называлась такая доска,

Гис. 9. Танец девушек на острове Гапай.

должно было оповещать верующих о начале богослужения в молельной.

Если резонатор оказывался внутри пустым, напр., дерево с дулом, то звук делался спльнее. Отсюда возник новый музыкальный инструмент—барабан, который вначале делался деревянным, а позже, с появлением обработки кожи, стал обтягиваться кожей. (См. рисунки 10 и 11).

Вслед за ударными инструментами появились трещотки и свистки, флейты, трубы. (См. рисунки 12 и 13). Употребление лука повело к употреблению струнных инструментов. Вначале даже по форме они напоминали лук с туго натянутой тетивой. Примитивная арфа отличается от лука только большим количеством тетив-струн, но с появлением резонатора она превращается в более совершенный инструмент. (См. рисунок 14). Бум-бас (дыганский инструмент) — палка, на которой натянута струна, и в качестве резонатора служит бычачий пузырь; африканская гитара с деревянным резонатором (см. рисунок 15), и, наконец, скрипка в различных типах — вот те постепенные усовершенствования, которые сделал человек в технике струнных инструментов.

Рис. 10. Барабан из дерева (с острова Новая Гвинея).

Рис. 11. Барабан, обтянутый кожей (из Конго — Африка).

Развитие музыкальной техники, таким образом, связано непосредственно с общим развитием техники. Повышается уровень техники—улучшаются и музыкальные инструменты.

Усложненная введением аккомпанемента, первобытная мелодия начинает постепенно изменяться и переходит от простого голосоведения к сложному сочетанию различных мелодий, производимых одновременно на различных инструментах с одним и тем же ритмом и в определенной звуковой связи.

Также, как и пение, музыка употребляется для сопровождения работы, при чем у некоторых народов различные виды работы вызывают и применение различных музыкальных инструментов. Миклуха-Мактай описывает следующую спенку, которую ему пришлось наблюдать у папуасов. „В лесу я наткнулся на трех туземцев. Один играл на папуасской флейте, состоящей из простой бамбуковой трубки в 25 см в диаметре, закрытой с двух концов, но с двумя отверстиями по бокам и сверху; двое других были заняты около толстого гнилого пня, который они прилежно рубили каменными топорами; рыхлая гниль так и летела в разные стороны. Из этой массы вываливались белые жирные личинки, которые сотнями пробуравливали лежащий ствол. Порубив некоторое время, они останавливались и с большим аппетитом жевали и глотали толстые личинки, иногда обеими руками кладя их в рот. Поев достаточное количество, один снова принимался за флейту, другие—за топоры. Они имели очень веселый вид, лакомясь таким образом и занимаясь музыкой. Оригинально то, что в разные периоды года у туземцев в ходу различные музыкальные инструменты, и что это сопряжено как бы с характером употребляемой пищи: так напр., „тюмбли“ они употребляют, когда едят бау; при аяне он лежит у них без употребления. Когда едят свиью, то трубят в большие бамбуковые трубы, бьют в барум и т. д.“.

Значительно труднее выявить происхождение живописи и скульптуры.

Существование этих искусств у первобытного человека совершенно неоспоримо: ряд находок в различных местностях земного шара, относящихся безусловно к первобытной эпохе, служит

Музыка и работа.

Рис. 12. Флейта из шифера (Аляска — северная Америка).

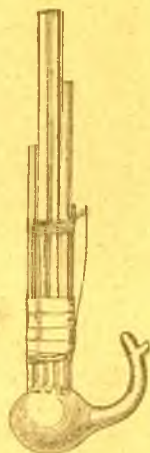

Рис. 13. Флейта из тростника (у даяков — остр. Борнео).

Происхождение живописи и скульптуры.

тому самым верным доказательством. Возможно, что эти виды искусства возникли в результате случайного сходства, которое человек постарался усилить, но, может быть, путь был и несколько иной. Некоторый свет на тот ход, который прошли эти искусства в своем происхождении, проливают находки в пещере Пасьега в Испании, а также приемы творчества современных австралийцев. В пещере Пасьега найдены на стенах ее красочные отпечатки челове-

Рис. 14. Арфа из Габуна (западная Африка).

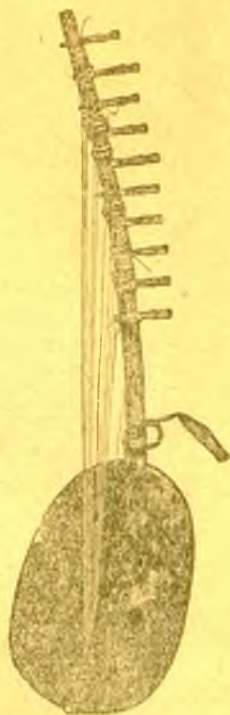

Рис. 15. Гитара из Уссого (вост. Африка).

ских рук и попытки изобразить контуры ступни человеческой ноги. (См. рисунок 16). Так как эти находки относятся безусловно к ранней стадии первобытной эпохи, то их можно признать одной из самых ранних попыток человека что либо изобразить в рисунке. У австралийцев существует следующий прием для воспроизведения человеческой руки: гладкую поверхность скалы смачивают водой или смазывают жиром; затем к ней прикладывают руку и выдувают ртом сухой красящий порошок таким образом, что он пристает

только к местам, не прикрытым рукой. Краской служат охра, размельченный древесный уголь или глина. Таким образом, австралийцы делают отпечаток буме-

Рис. 16. Рисунки на стене пещеры Пасьега (Испания).

ранга, топора, рыбы, человеческой ноги и т. д. Оттиски делаются и несколько иначе: руку обмакивают в раство-

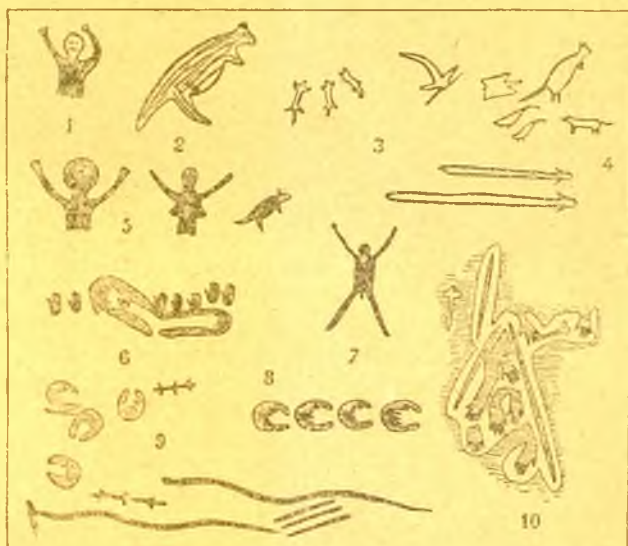

Рис. 17. Живопись австралийцев.

ренную краску и потом прижимают ладонью к каменной поверхности, но обычно так выполняются только рисунки руки. (См. рисунок 17).

Подобные отриски встречаются не только у австралийцев. Путешественники видели их и в Новой Гвинее, и в Индии, и в Африке, и даже в южн. Америке. Первобытный человек, судя по отрискам в пещере Пасьега, также намазывал руки краской и отпечатывал ее на стене, и это примитивное отпечатывание, а позже обрисовывание контура постепенно развивается до искусства живописи.

Пока борьба с природой протекает для человека в тяжелых условиях, живопись почти не развивается; ни в третий межледниковый период, ни в четвертый ледниковый период мы не находим никаких признаков улучшения художественной деятельности человека. Но в начале послеледникового периода, отличающегося необычайным развитием человеческой техники, живопись выявляется в такой форме, которая поражает своею завершенностью и своеобразной красотой. Развитие охоты в этот период жизни человека заставляло его подмечать малейшие особенности зверей. Изображения зверей поэтому встречаются очень часто и четко отражают характерные особенности изображаемых животных. Северный олень, дикая лошадь, пещерный лев, мамонт, росомаха, бизон, носорог и пр., и пр. покрывают стены пещеры и отдельные гладкие камни. (См. рисунок 18). Человек, вероятно, рисовал или, вернее, выбивал свои рисунки не только на камне, но и на песке, и на земле, и на коре деревьев. Из этих рисунков до нас дошли только несколько изображений животных, сделанных на глине. Не довольствуясь вычерчиванием контуров и рельефным изображением животных, первобытный человек начинает раскрашивать их глиной, охрой и кровавиком (железистая краска). Получается живописное изображение, которое сделало бы честь многим современным художникам. Достаточно указать на раскрашенные изображения бизонов на потолке Альтамирской пещеры (южн. Франция), чтобы дать впечатление о первобытном художественном творчестве. (См. рисунки 19 и 20).

Может быть, это творчество было присуще только первобытному человеку, жившему в Европе и совершенно отсутствовало в других странах? Многочисленные рисунки, находимые в сев. Америке, южн. Африке, даже в Сибири („писанцы“) и в других местах энергично протестуют против такого предположения. По сравнению с творчеством первобытной эпохи художественное творчество современных отсталых народов, ушло вперед очень недалеко. Рисунки бушменов на скалах, австралийцев на камнях и коре деревьев не стоят

выше образцов художественного творчества первобытных обитателей Европы. (См. рисунки 21 и 22).

Кроме живописи, изображавшей, главным образом, животных, редко—человека и никогда—окружающую

Рис. 18. Рисунки первобытного человека на роге и кости в последолитический период.

природу, первобытный человек оставил после себя и ценные образцы скульптуры. От рельефных изображений он переходит к воспроизведению фигур, которые вытачивал из мягких пород камня (мыльный

камень) или кости и рога. Эти скульптурные изображения воспроизводят часто человеческую фигуру. Животные

Рис. 21. Рисунки бушменов (южная Африка) на скалах.

попадают значительно реже. (См. рисунки 23 и 24).

Развитие живописи и скульптуры во второй половине первобытной эпохи указывает на развитие техники обработки камня или кости, а также на то, что новые

Рис. 22. Охотник, подрадавающийся к страусам. (Живопись бушменов).

улучшенные технические навыки освободили часть творческих сил человека от непосредственной борьбы

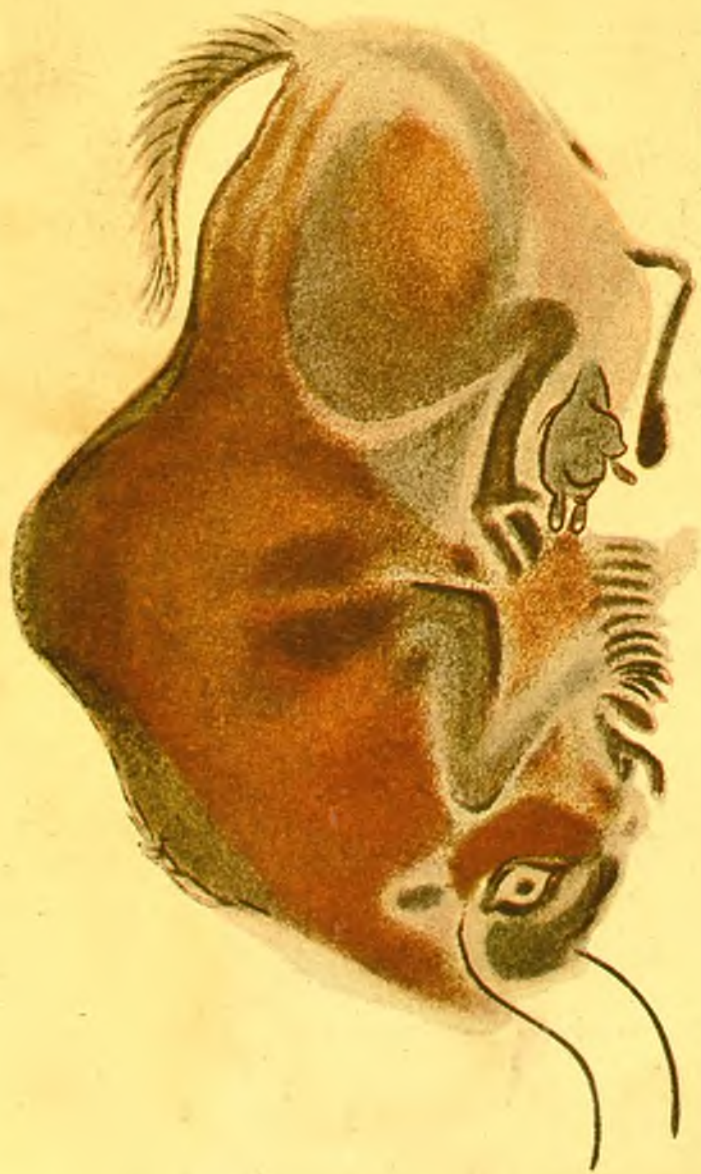

Рис. 19.

САМКА БИЗОНА.

Раскрашенный рисунок на потолке Альтамирской пещеры.

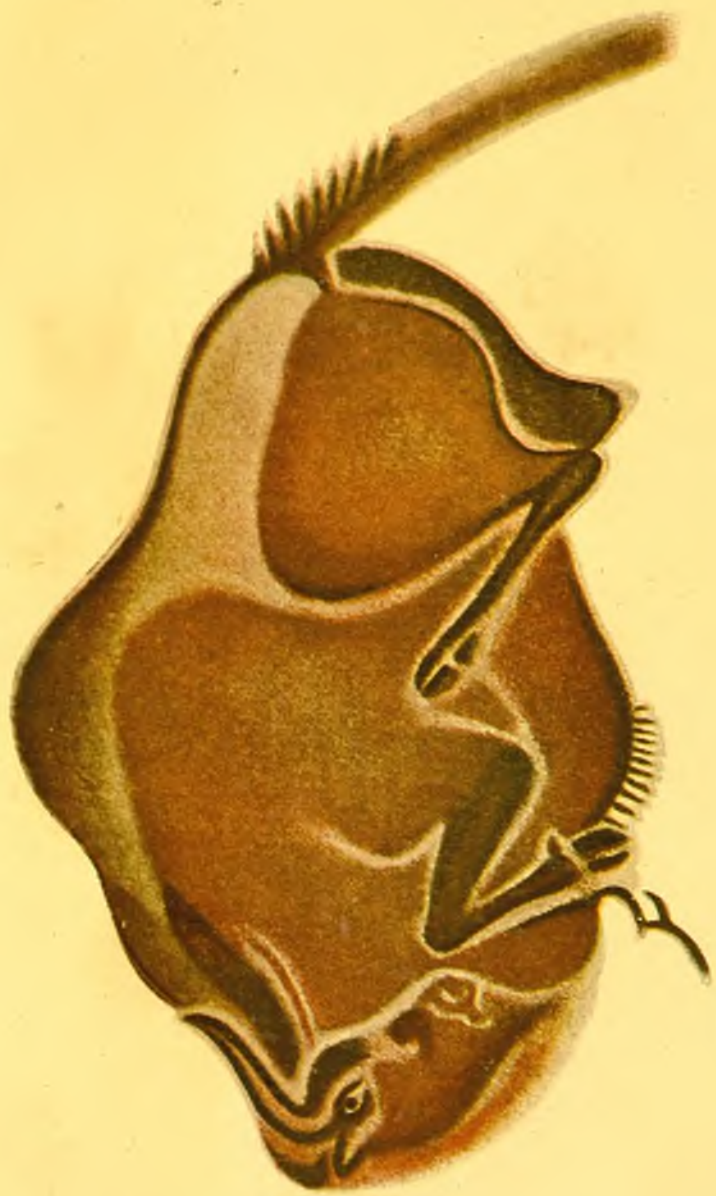

Рис. 20.

ОТДЫХАЮЩИЙ БИЗОН.

Раскрашенный рисунок на потолке Альтамирской пещеры.

за существование, и эта избыточная энергия пошла на работу человека в области искусства.

Рис. 23. Скульптура послеледникового периода (из кости, зуба и мыльного камня).

И один из перечисленных нами видов искусства невозможен вне общественной среды: не оно связано с работой, общением с другими людьми;

танцы могут возникнуть только в среде себе подобных, а сопровождающая их музыка—результат общественного участия людей.

Рис. 24. Женские фигуры (из мыльного камня) послеледникового периода.

Развитие музыки основано на развитии музыкальных инструментов и является продуктом общего развития техники. Наконец, живопись и скульптура в своем развитии также зависят от техники производства, главным образом, обработки камня. Красящие же вещества применялись человеком для раскрашивания своего тела гораздо раньше, чем начали применяться им в живописи.

6. ОТ РАСКРАСКИ ТЕЛА К УКРАШЕНИЯМ И ОДЕЖДЕ.

У большинства современных отсталых народов мужчины, главным образом, и, в меньшей степени, женщины раскрашивают свое тело, стараясь придать ему необыкновенный вид. Обмазывание охрой, глиной, мелом, даже просто золой и грязью—вот способы, к которым прибегают австралийский и прочие фрацты. Какую цель преследует подобное раскрашивание?

[Социальные цели раскраски.

У современных отсталых народов мы замечаем различные виды раскрашивания в зависимости от его целей. Некоторые краски и сочетания полос из них определяют возраст человека, т.-е. принадлежность его к определенной возрастной группе. При строгости первобытных брачных запретов такая окраска помогает издали распознавать, в какие отношения можно войти с данным лицом. Социальное значение такой окраски неоспоримо. Другие сочетания красок и линий определяют орду,

из которой происходит раскрашенный человек, его личные заслуги—храбрость, количество убитых врагов, и пр. Но кроме таких стойких моментов в раскрашивании, сопровождающих человека в течение длительного периода его жизни, существуют и раскрашивания более случайные.

К такому типу раскрашивания относится так называемое условное раскрашивание в знак печали, радости, победы и пр. В жизни австралийцев всякое, скольконибудь выдающееся событие, отмечается соответствующим раскрашиванием. Молодой австралиец впервые окрашивается в красный или белый цвет в праздник, посвященный юношам. Взрослый, участвующий в этой церемонии, покрывает свое тело и шею различными белыми и красными рисунками. При отправлении на войну воины раскрашивают себя в различные цвета, но всего тщательнее раскрашиваются австралийцы для праздничной пляски. В этом случае раскрашивание как бы заменяет собою словесное выражение соответствующих переживаний. Раскрашивание должно быть понятно всей той социальной группе, к которой принадлежит раскрашенный. Следовательно, раскрашивание в этом случае преследует социальные цели.

Наконец, раскрашивание может носить и чисто личный характер и в таких случаях преследует цели полового подбора. Желание нравиться лицам другого пола свойственно не только отсталым, но и культурным народам. Но прибегать к особым украшениям, усиливающим половое внимание лиц другого пола, принуждена обычно домогающаяся сторона, т. е. та, для которой труднее сыскать любовь... У народов отсталых в таком положении находится мужчина. Старых дев у австралийцев, например, не существует: каждая женщина найдет себе супруга; но мужчина нередко долго ищет себе подругу для переноски своей незатейливой утвари, так как все женщины оказываются пристроившимися, и только какие-либо выдающиеся качества нового претендента, подчеркивающие его мужские или охотничьи таланты, могут соблазнить женщину переменить очаг.

В силу этого, мужчины стараются резче подчеркнуть раскраской или украшениями свои половые и прочие качества. Что такая раскраска оказывает влияние на слабый пол, доказывают блестящие „победы“, одерживаемые у европейцев лицами, одетыми в военные мундиры...

В обществах, где женщина принуждена сама стараться залучить себе возлюбленного и „покровителя“,

Раскраска
половая.

ей приходится применять те же приемы, которые у менее культурных народов бывают уделом мужчины.

Украшения.

Рис. 25. Ушная подвеска (мужчина масаи—вост. Африка).

матся наносить возможно глубже на человеческой коже, чтобы они не требовали быстрого возобновления. Таким образом появляются различные рубцы (см. рис. 27), которые уже сами по себе у темнокожих народов резко выделяются на коже и служат достаточно рельефным украшением, а у более светлокожих народов дополняются втиранием различных красок. Рубцевание превращается в татуировку. (См. рисунок 28).

Способы крашения тела у отдельных примитивных народов необы-

Раскрашивание дополняется украшениями, надеваемыми на тело: ожерельями, браслетами, поясами, перьями, втыкаемыми в волосы и пр. Желание прикрепить эти украшения возможно прочнее приводит к прокалыванию мочек ушей, губ, ноздрей и даже носовой перегородки, чтобы в них как можно глубже втыкались украшения. (См. рисунки 25 и 26).

Раскрашивание стараются произвести так, чтобы оно возможно дольше, сохранилось: краски и рисунок стре-

Рис. 26. Губное украшение (женщина навира вост. Африка).

чайно устойчивы. Нововведение делается редко и принимается с небольшой охотой.

Среди украшений, стремящихся подчеркнуть половые признаки и тем произвести наиболее сильное впечатление на лицо другого пола, наиболее часто встречаются украшения, татуировка или раскраска бедер и нижней части живота (у женщин в Австралии, южн. Америке и Африке), раскрашивание и татуировка грудей (в Африке), задней части тела—(в южн. Америке). У мужчин—одевание корсета из лыка, или коры, делающего выше грудь (южн. Америка), одевание полового органа в ярко раскрашенные футляры (южн. Америка), или надевание на него большой тыквы (в Нов. Гвинее), или оборачивание в яркие ткани. В теплом климате, где нужна в специальном прикрытии тела от холода отсутствует, украшение делается прямо на голом теле, и на него же наносится раскраска. В более холодных странах, где одежда существенно необходима человеку, раскрашивание переходит на одежду. Первобытный человек также любил раскраску тела и навешивал на него различные украшения, как и современные примитивные народы.

Рис. 27. Рубцы на теле и вставка в носу (Австралия).

В пещерах ледникового периода найдены остатки красок, употреблявшихся человеком для раскрашивания тела, посуда с приготовленными красками. Наконец, большинство погребений этой эпохи хранит ясные следы раскрашивания покойников кровяником.

Кроме раскрашивания первобытный человек употреблял для украшения бусы и ожерелья из позвонков рыб и зубов животных, пояса из небольших раковин,

Раскраска и украшение первобытного человека.

костные вставки в уши, различные браслеты и т. д. Некоторые из найденных подвесков (вероятно серьги) хорошо сработаны, и на многих из них вырезаны рисунки.

Раскрашивание тела привело к употреблению красок в живописи, а основные типы украшений, одеваемых на тело, послужили прообразом отдельных частей будущей одежды.

Рис. 28. Татуировка (индейца племени гауда—сев. Америка).

Одежда.

Когда холодный климат заставлял человека взяться за приспособление звериных шкур для укрытия своего тела, украшения явились опорным пунктом для прикрепления отдельных кусков шкуры. Прикрепленные к ожерелью куски шкуры превратились в короткий плащ—одежда, носимая в холодное время года огнеземельцами и, судя по находкам в пещерах южи. Франции, употреблявшаяся также первобытным человеком. Шкура у пояса, прикрепленная к поясному украшению, стала прообразом юбки и постепенно превратилась в штаны.

Голова долго оставалась непокрытой, так же, как и ноги, обходившиеся без обуви. Слой жира и грязи,

покрывавший нашего предка толстой корой, предохранял его от влияния стужи, также как теперь предохраняет от холода полярных жителей, или цыган.

Постепенно одежда улучшалась, отдельные части ее связывались между собой, и отдельные куски шкуры превращались в довольно сложные и удобные одеяния. Современная одежда культурных народов безусловно связана с климатом, но зародышем ее была страсть человека к украшению своего тела.

Перенесенные на одежду рисунки, окраска и украшения сохранились в современных костюмах всех народов. Вышивки на платьях женщин-модниц, цветные петлицы и нашивки на военных мундирах—это пережиток татуировки и раскрашивания. Украшения, надеваемые на тело, остались за небольшими исключениями те же, что десятки тысяч лет назад, только стали делаться из другого материала. Ожерелья, бусы, браслеты, кольца, серьги, раскрашенные пояса носятся по-прежнему—правда, в настоящее время женщинами больше, чем мужчинами. Раскрашивание лица только изменило свою форму и у современных европейцев потеряло свой социальный элемент: подведение губ, бровей, глаз, румянение щек, пудрение носа рассчитано не на передачу другому своих переживаний, а только на возбуждение внимания лица другого пола. К той же цели стремятся и покрой платья, как мужского, так и женского. Подчеркнуть свои половые признаки, показать себя в самом лучшем свете и обмануть, обмануть на счет своих мужских или женских качеств, вот цель разных декольте, лифов и высоких каблучков у женщин, набитых ватой плеч и выпяченных частей туалета у мужчин.

Пережитки раскрашивания.

Кроме целей половых, и защиты тела от холода. (или жары), одежда выполняет и другое назначение. В обществе социально разнородном она подчеркивает социальные различия лиц, носящих ту или иную одежду. Эта цель достигается установлением различных форм, т.-е. особых покровов платья, которые могут быть употребляемы только лицами, принадлежащими к определенному классу. Фуражка с красным околышем и особая кокарда, которую имели право в до-революционной России носить только дворяне, может служить ярким образцом такого классового использования одежды. Частая смена моды, т.-е. покроя и цвета одежды, делает невозможным для лиц трудящихся классов одеваться так же, как одевается буржу-

Одежда как привилегия класса.

азное общество, т.-е. преследует, в конце концов, ту же цель подчеркивания социальных различий. Да и самый покрой платья, приспособленный к определенным занятиям, заранее определяет тех лиц, которые будут его носить. Визитка или фрак с длинными фалдами сзади— костюм совсем неудобный для физической работы, но он вполне приспособлен для почтительно склоняющегося бездельника, подающего руку даме, или преданно глядящего в глаза высокой особе. В таких случаях фалды фрака могут быть не менее выразительны, чем почтительно загнутый хвост собаки.

Первобытный человек, конечно, не мог и мечтать о том, что его примитивная незатейливая попытка улучшить путем украшения свой внешний вид выльется в такую своеобразную форму.

7. ПЕРВОБЫТНАЯ ПСИХИКА.

Первобытного человека любят изображать чем-то вроде большого ребенка; забывают только, что ребенок современного европеяка родится с рядом унаследованных привычек, которых не может быть у первобытного человека, а с другой стороны ребенок весь свой опыт получает от окружающих, и только в незначительной мере приобретает его сам.

Первобытный человек получал этот опыт непосредственно от жизни, так как у него не было культурных папенок и маменок, могущих передать ему все необходимое в готовом виде.

„Детство человечества“—выражение, пожалуй, допустимое по отношению к первобытной эпохе в целом, но это не значит, что в первобытную эпоху жили, действительно, только дети. Первобытный человек— вполне сложившийся организм, ребенок же—б у д у щ и й человек, недоразвитый во всех отношениях.

Влияние
внешних
условий на
психику че-
ловека.

Вся человеческая психика: мышление, чувства, представления, верования—слагается под непосредственным воздействием окружающих внешних явлений. Нервная система человека лишь воспринимает внешние воздействия (раздражения), сопоставляет их и отвечает на них (реагирует). Укус комара в руку вызывает раздражение нерва, идущего от внешних покровов кожи к головному мозгу, и отзывается в его нервных клетках. Центральная нервная система передает ощущения двигательным нервам и заставляет человека отдернуть ужаленную руку.

Между вкусом (раздражением) и отдергиванием руки (реакцией на раздражение, рефлексом) проходит только несколько мгновений: так быстро передает нервная система полученное ею раздражение.

Окружающие нас условия действуют на человека через его органы чувств: зрения, слуха, обоняния и осязания, (т. е. через поверхность кожи), через органы вкуса. Все это может воспринимать внешние раздражения, и на все получаемые извне толчки (напр. звуки, запах, световые волны, теплоту и пр.) наша нервная система так или иначе должна откликнуться. Но эти внешние раздражения почти никогда не действуют на тело наше изолировано. Обычно, ряд раздражений одновременно задевает нашу нервную систему и заставляет ее реагировать (откликаться) на всех их также одновременно; поэтому отклики на раздражения должны быть согласованы и связаны между собой. Эта связь наших ощущений вызывает необычайно сложные и согласованные отклики (сложные рефлексy), которые являются результатом нескольких одновременных ощущений.

Но в этом упрощенном виде мы не можем вполне представить действительности нашей нервной системы: она гораздо сложнее. Проходящее через нашу нервную систему раздражение и возникающее там ощущение не исчезают бесследно, но оставляют некоторый отпечаток (вроде того, как игла, присоединенная к чувствительной мембране граммофона, оставляет след на граммофонной пластинке), и когда новые ощущения создаются в нашем организме, в нем пробуждаются и некоторые старые (вызванные почему-то к жизни появлением этих новых ощущений). Отклики организма на каждое новое ощущение бывают очень сложны уже потому, что в них входят, правда в ослабленном виде, и отклики на все предыдущие ощущения.

Можно указать следующий пример: между двумя людьми произошел ссора, не первая ссора. Незначительный повод к ссоре подал резкий ответ, который в виде неприятного ощущения передан центральной нервной системе. Но в центральной нервной системе этот резкий ответ задел ряд прежних ощущений, не менее неприятных: может быть, там сохранились следы предыдущих ссор и оскорблений. Несмотря на незначительность повода, обиженный человек приходит в ярость, которая выражается в потоке оскорбительных слов и действий.

Сложность
рефлексов.

Для человека, который видит в ссоре только последний внешний повод, но не знает тех сложных процессов, которые протекают в мозгу оскорбленного человека, его ярость будет совершенно необъяснима. Эта ярость является сложным откликом на ощущения, имевшиеся раньше в нервной системе этого человека и вызванные к жизни новым неприятным инцидентом. Между прежним ощущением и новым создается таким образом связь, которая носит название ассоциации.

На сохранении прежних ощущений в нервной системе человека основана человеческая память, а связь между старыми ощущениями и новыми (ассоциации) является основой человеческого мышления. Все эти сложные явления совершаются, главным образом, в центральной части нашей нервной системы — в головном мозгу, и наши ощущения, и отклики на них являются, таким образом, с одной стороны результатом строения нервной системы, и с другой стороны тех внешних воздействий, которым она подвергается.

Отличие психики первобытного человека от психики современного европейца.

Те внешние воздействия, которые действуют на нервную систему человека и вызывают те или другие его переживания, целиком заключаются в окружающих человека внешних, природных и общественных условиях. Чем сложнее эти условия, тем сложнее переживания человека. Современный европеец, окруженный массой самодвижущихся механизмов, живущий в шуме и сутолоке, конечно, имеет совершенно другие переживания, гораздо более сложные и напряженные, чем переживания первобытного человека, жившего в орде, численностью в 30—40 человек, с ее застойной техникой и примитивной общественной жизнью.

Психика современного европейца отличается от психики первобытного человека так же, как отличаются их окружающие условия.

По строению центральной нервной системы первобытный человек вряд ли отличался от современного человека. Человеческий тип послеледниковой эпохи почти совпадает с типом современного человека. Его нервная система, может быть, и отличалась большей примитивностью, но не могла все таки быть отличной от нервной системы современного человека по своему основному строению.

Так как нервная система получает раздражение через органы чувства, а эти органы у первобытного че-

ловека вероятно были развиты не так, как у современного человека, то и ощущения первобытного человека должны были отличаться от ощущений современного европейца. Если даже сравнить с европейцами современные отсталые народы, то и у них мы найдем некоторое недоразвитие или, быть может, своеобразное развитие органов чувств.

Зрение, например, у современных примитивных народов очень остро; они видят далеко и при слабом освещении, но они не могут различать цвета, как делает это европеец. Окружающие условия не требуют от них детального знания оттенков, а поэтому и распознавание цветов находится у них в зачаточном состоянии.

Слух у тех же народов необычайно чуток; они слышат даже слабые шорохи на далеком расстоянии, но тембр (оттенок звука) подмечается ими уже в меньшей степени, высота и чистота звука не оказывают на слух такого влияния, как на слух европейца. И в этом отношении условия жизни не требуют от примитивного народа умения различать звук или его музыкальный оттенок.

Обоняние, осязание, вкус — все имеет свои особенности у народов отсталых и у народов культурных. Следовательно, уже в силу неодинакового развития органов чувств восприятия человека примитивного и человека культурного не могут быть одинаковы.

Еще сильнее разница эта была бы между современным европейцем и первобытным человеком. Различие между восприятием первобытного и восприятием современного европейца наблюдается не только в этом.

Чем больше накопилось у человека прежних ощущений, чем больше у него опыт, и чем этот опыт разнообразнее, — тем больше влияния оказывает такой опыт на силу и форму рефлексов (откликов). Наоборот, чем меньше накопленный опыт (а следовательно чем меньше и ощущений у человека), тем быстрее и проще будет ответная реакция на любое раздражение. У первобытного человека опыт был невелик и необычайно однообразен, а это вызывало бедность различными впечатлениями. Поэтому, отклики его на внешние раздражения должны были быть значительно скорее и проще, чем у культурного человека. Чувства первобытного человека скорее выражались в словах. Его желания проявлялись более оголенно. Примитивный человек был более импульсивен,

Непосредственность действий первобытного человека.

т.-е. быстрее откликнулся на раздражение. Он был гораздо более впечатлителен, чем современный культурный человек, искушенный в жизни. Первобытный человек был необычайно скор на решения. „Его действия согласовались с малейшим движением его чувств“, (выражаясь языком романистов), но так как эта скороспелость вызывалась недостаточной опытностью, она часто оказывалась вредной с точки зрения целесообразности, или, во всяком случае, ненужной. Чем больше жило человечество, чем больше опыта накоплялось от поколения к поколению, тем сдержаннее делались люди в своих поступках.

Об импульсивности поступков первобытного человека можно судить по тем поступкам, которые современный человек делает в состоянии аффекта (т.-е. под влиянием волнения, сильного ужаса, отчаяния и т. д., когда он совершает такие акты, которые никогда не сделал бы в более спокойном состоянии; убийство товарища в драке, нанесение тяжелого оскорбления любимому человеку — все это аффект). В настоящее время такое состояние у культурного человека бывает редко, но у первобытного человека оно было постоянно.

Однообразность человеческого опыта сказывалась у первобытного человека на однообразности его ассоциаций.

Ассоциации.

Опыт показал, что ассоциации современного человека очень разнообразны. В человеческом сознании возникают воспоминания о пережитом под влиянием впечатлений самых различных от древних. Но все же, если расположить все эти различные ассоциации по их различным типам, то окажется, что наиболее часто у современного человека встречаются три типа ассоциаций: смежность, сходство и контраст.

Примером ассоциации по смежности может служить такое явление: мы часто встречаем вместе мужа и жену, и представление о них складывается в нашей нервной системе одновременно и, может быть, даже рядом. Достаточно впоследствии нам увидеть одного из этих супругов, как в сознании возникает и образ другого.

Пример ассоциации по сходству: кто либо из наших друзей запечатлелся в нашем сознании. Каждая его характерная особенность, черты лица, походка нами настолько изучены, что узнаются даже на расстоянии. И вот мы видим человека, который своей походкой или покроем одежды «напоминает» нам друга, т.-е. вызывает в нашем сознании его образ. Каждое сравнение, которое мы употребляем в своей речи, есть не что иное как ассоциация по сходству: «как похожи оба брата», «как похож аэроплан на птицу» — все это ассоциации по сходству.

Ассоциация по контрасту, т.-е. по противоположности: встречая фигуру, поражающую своим безобразием,

мы вспоминаем иногда невольно о красоте: белый цвет вызывает в сознании черный. Это контраст. Но этот вид ассоциации наиболее сложный, и часто то, что одному кажется контрастом, у другого вызывает впечатление сходства.

Ассоциации по смежности и по сходству присущи всем народам, живущим на земле; по контрасту же — встречаются чаще у более развитых в культурном отношении народов. У современных отсталых народов, наиболее распространенной формой ассоциации оказывается смежность. Существует много обычаев, указывающих на это.

У австралийцев племени арунта женщина не должна проходить мимо рыболова, когда он занимается своим промыслом. Если она все-таки пройдет, то рыба, как говорят эти рыболовы, перестанет ловиться. Как на причину такого странного поверья туземцы указали, что они сами наблюдали такой „факт“, что когда женщина прошла однажды мимо рыболова, рыба, действительно, перестала ловиться...

Это поверье („примета“) может служить образцом связи между явлениями, основанной на смежности.

Преобладание ассоциаций по смежности в мышлении примитивных народов приводит к тому, что явления связываются между собою таким образом: каждое последующее явление — следствие предыдущего (или, каждое предшествующее явление — причина последующего). Такую связь явлений мы назовем „примитивной логикой“.

Примитивная логика.

Примитивная логика присуща не только австралийцам. Все приметы современных народов основаны на той же примитивной логике. „Суеверные“ люди считают, что с ними непременно случится несчастье, если дорогу перейдет черная кошка, если им придется встретиться с попом, если неожиданно разобьется зеркало... Возможно, что когда-либо после этих „пронсшествий“ и случилось с кем-нибудь несчастье, но самая связь и причинная зависимость между этими явлениями может создаваться только в самом неуклюжем опыте сознания.

Отдельные разрозненные явления, наблюдаемые человеком в окружающей жизни, не дают человеку законченного представления о связи этих явлений между собой, а между тем, самое строение нервной системы человека и весь строй его мышления основаны на такой связи (на ассоциации). Не умея обобщать явления и подмечать действительную связь отдельных

Часть вместо целого (партиципация).

частей, примитивный человек выхватывает из сложного явления его отдельные частности, и они запечатлеваются в его мозгу, как самые существенные признаки этого явления. Если мы смотрим на дерево, оно может запечатлеться в нашем сознании или целиком, или формой своего ствола, или формой листьев, или же только цветом их. При воспоминании—отдельные части предмета как бы подменяют целый предмет, и та часть, которую запомнил человек, представляет собой как бы отражение всего предмета в его представлении.

Неумение обобщать явления приводит к мышлению образами, т.-е. как-раз к подмене целого предмета отдельными его частями. Примером такого „образного мышления“ могут служить многие строфы современной поэзии, хотя бы: „и прошли по стертым панелям тысячи ног“. „Ноги“ в этом случае употреблены вместо „людей“, т.-е. часть заменила целое. Цервобитный человек и говорил, и мыслил такими образами; поэтому часть у него сплошь и рядом заменяла целое. Такое явление носит название „партиципация“ (часть вместо целого) и встречается до сих пор у многих народов.

Передача
свойств.

Человек рано заметил, что силы его прибывают от еды. Чем больше съедено пищи, тем больше прибавляется сил. Наиболее питательной пищей оказывается мясо, а поэтому прирост силы во время еды понимался человеком, как переход этой силы от того животного, которое он съел, к нему. Чем большим было количество мяса, т.-е. чем больше было то животное, которое съел человек, тем больше он чувствовал в себе сил; так как наиболее крупные животные и в действительности оказываются наиболее сильными, то окончательно закрепилось впечатление, что человек вместе с мясом вбирает в себя все свойства (качества) животного. Современные отсталые народы охотно употребляют таких животных, которые славятся своей силой, потому, что по повериям этих народов человек может приобрести вместе с едой все свойства (качества) съеденных животных.

Далки, жители острова Борнео, запрещают юношам и воинам есть мелкую дичь, так как боятся, что те станут робкими и слабыми... Боязнь переять свойства животного при еде, заставляет австралийцев держаться строго ряда ограничений в пище; племена, живущие около форта Елизабет, позволяют есть мужчинам только самцов, женщинам—самок, а детям мелких животных.

Племена, живущие в западной Викторрии, не позволяют есть мальчикам самок четвероногих животных, а юношам самок двуутробок, так как думают, что это делает юношей ворчливыми и недовольными—качества, которые австралийцы считают присущими женскому полу, вообще...

Воззрения эти очень широко распространены у остальных народов, но исчезают у народов более культурных. Все это указывает на чрезвычайную древность и примитивность таких представлений. Поэтому, приписывая такие верования и первобытному человеку, мы не сделаем большой ошибки.

Если можно воспринять свойства животного через его мясо, то это не значит, что необходимо с'едать это животное целиком: можно ограничиться наиболее существенной его частью. Отсюда—появление наиболее ценных кусков пищи не потому, что они вкуснее, а потому, что им приписывается больше ценных свойств: ногам—быстроту и т. д.

Присущая животным сила может передаваться не только при помощи мяса. Кровь также содержит эту силу и выпив крови, можно приобрести все свойства, которыми обладало это животное.

Если от животного можно перенять его силу и пр., то почему же нельзя перенять их и от людей, если выпить их кровь? Питье чужой крови, чтобы быть близким друг к другу, обмазывание кровью друг-друга—все это дальнейшее развитие той же самой идеи.

Развиваясь, представление о передаче свойств делается все более сложным. Не только части тела человека могут обладать всеми необходимыми свойствами, но и все его выделения могут приобретать эти качества и, будучи с'едены или носимы на теле, передать их другому человеку. Такой цели может служить одинаково и пот, выделяемый телом, и слюна, и волосы, и обрезки ногтей и даже испражнения человека обладают всеми необходимыми свойствами, присущими их бывшему владельцу.

Желая быть близкими, эскимосы при встрече трутся носами, плюют каждый себе на руки, а затем этими руками проводят по лицу другому. Молодые девушки на острове Тиморе в знак своей любви и близости посылают своим возлюбленным тщательно разжеванные куски бетеля (особый корень для жевания) и в обмен получают такие же подарки.

Слюну, пот, кусочек пищи, побывавший во рту другого человека, можно заменить и простым прикосно-

ве и нем. Таким образом, идея о передаче от одного живого существа другому его свойств, развиваясь все дальше и дальше, приводит к так называемой, „идее контакта“ (пракосновения).

Переоценка
действия,
слов и же-
ланий.

Общественная среда, в которой живет человек, накладывает определенный отпечаток на все его мысли и представления; сам не сознавая того, человек переносит свои общественные представления на окружающую природу, стараясь таким образом распространить опыт, полученный в обществе, за его пределы. Первобытный человек также пытался свой социальный опыт распространить на окружающие его природные явления.

Характерной особенностью общественных условий, в которых приходится жить человеку, является возможность передачи между членами общества впечатлений и желаний, выраженных в форме слов, жестов или просто взглядом. Сильное желание всегда заразительно в том отношении, что оно заставляет других принять в нем участие. У людей, живущих совместно, появляется возможность влиять друг на друга не только в форме грубого насилия, но и в форме убеждения, т.-е. при помощи слов.

Действие сильных чувств (желаний) других людей и убедительность слов поражали первобытного человека настолько, что он несколько переоценивал их значение; так как сущность явления была ему совершенно непонятна, то он обращал внимание на внешнюю форму и делал отсюда соответствующие выводы.

Если люди, от которых он чего-либо добивался, выполняли его желание после произнесения им слов — человек приписывал полученные результаты самим словам. Если этот результат был достигнут после определенной жестикულიции, то в сознании первобытного человека причиной достигнутого результата были сами жесты. Такая переоценка значения слов и жестов тем более понятна, что слова и жесты действительно оказывались хорошими посредниками при передаче человеком своих чувств и желаний другим людям.

Переоценка значения слов и жестов привела первобытных людей к вере в чудодейственную силу слов и жестов.

Желая воздействовать на другого человека, первобытный человек пытался непосредственно с ним говорить и на него повлиять, если это возможно. Но иногда этому препятствует дальность расстояния, а может быть, и враждебные отношения, в которых находятся эти люди. Кроме того, не всякие желания чело-

века позволяют ему лично говорить об этих желаниях другому: если его чувства недоброжелательны, то, пожалуй, личное свидание не совсем удобно. В таком случае человек старается повлиять на другого на расстоянии. Однако, сила слов и жестов оказывается совершенно не действительной на расстоянии: человек, который не слышит или не видит, никак не откликнется.

Если нельзя приблизиться к объекту желаний, то, может быть, можно этот объект приблизить к себе? это делается тем легче, что по первобытным представлениям часть вполне может замещать целое. Зачем тревожить необходимого человека (тем более, что это не всегда безопасно...), когда, вместо него самого, можно взять кусок его ногтя, волос, слюну, даже испражнения: все это части человека и потому находятся с ним в постоянной связи. Те слова или действия, которые будут произнесены над этими отбросами, непременно должны передаваться тому, от кого они взяты.

Колдовство (в самых различных формах) над людьми, находящимися на очень большом расстоянии, и имеющее самые разнообразные цели—вот следствие преувеличенной веры в силу слов и жестов.

Колдовство
и магия.

У современных австралийцев существует много форм колдовства. Большинство из них основано на сходстве предметов, которые нужно „околдовать“ (т.е. над которыми нужно произвести те или иные действия), с действительным человеком, или на сходстве некоторых символических действий с теми действиями, которые должны быть применены в действительности. Если австралийцу нужно кого либо убить, но прямое столкновение с врагом оказывается опасным, он прибегает к колдовству: из дерева вырезывается небольшая стрелка и втыкается с различными „наговорами“ в мягкие части какого-либо трупа, человеческого или животного. Стрела остается в трупе в продолжении трех или четырех дней. Затем колдующий берет стрелу, ночью подкрадывается к спящему человеку, которому хочет причинить зло, и старается сделать ему этой стрелой небольшую царапину. В результате такого „колдовства“ враг действительно умирает. Правда, действие такой стрелы не только символическое: человек погибает от заражения трупным ядом; но в глазах колдующего не трупный яд, а колдовство приводит к такому печальному концу.

Другой пример колдовства: из дерева или глины делается маленькая фигурка, похожая на человека и к

Этой фигурке прикрепляется волос или кусок ногтя, а иногда кусочек кала человека, которого хотят околдовать. Такая фигурка носит название „вуулон“. Все действия, которые будут произведены над вуулоном, по верованиям австралийцев, непременно должны отразиться на том человеке, которого вуулон изображает.

Такие магические действия, сила которых, по верованиям колдующего, заключена в самых действиях или в словах, эти действия сопровождающих, сохранились не только у австралийцев, но и у любого народа, обитающего в пределах Европы. Наговоры чтобы „известить“ человека или, наоборот, „приворожить“ его; заговоры от зубной боли, от рожки, от колик в животе—сколько их еще употребляется по городам и весям СССР. Из множества образцов такого рода заговоров приведем оригинальный заговор от клопов у народа коми (пермяков).

Знахарь, выживающий клопов, об'езжает верхом на дубине трпжды вокруг дома и в каждый об'езд спрашивает хозяина: „чем разговяетесь?“ Тот отвечает: „яйцами, сыром“ и пр. Затем знахарь спрашивает: „а клопы чем разговляются?“, и хозяин отвечает: „клоп клопа ест“. Во время такой церемонии, по верованиям коми, клопы действительно едят друг-друга... Дубину знахарь кладет на печь на три дня, а затем ее сжигает, и после этого клопов не должно было бы быть, но увы, опыт убеждает коми в обратном!

Если слова и жесты оказываются хорошим и удобным способом влияния на других людей, то не меньшее значение имеет и взгляд. Впечатление, которое производит взгляд некоторых людей, отмечено человеком еще в первобытные времена. Люди мало развитые боятся косых, кривых людей или людей с тяжелым взглядом. По верованиям многих народов, взглядом можно „сглазить“. От этой „опасности“ существуют специальные заговоры, а также магические знаки. Узбеки в Бухаре, наир., вешают детям на шапки бисер от „сглаза“.

Созданные в условиях общественной среды и только ею объяснимые магия и колдовство переносятся человеком и на природу. Между природой, человеком и животными, по первобытным верованиям, нет непреходимой грани, а поэтому, вполне естественно, что все приемы первобытной магии, рассчитанные на человека, начинают применяться к животным, к растениям и к силам природы. Примером магического воздействия на животных может служить рисунок в пещере Нио (Франция), относящийся к первобытной эпохе. На ри-

сунке изображен зубр, в бок которого воткнуты дротик (см. рисунок 29). Подобные рисунки встречаются и у бушменов и представляют собой магические способы охоты. Бушмены верят, что достаточно нарисовать эти дротик или стрелы в бок животного, как на охоте животное будет непременно убито.

Рис. 29. Изображение зубра с воткнутыми дротиками (пещера Нио—Франция).

Магия и колдовство представляют собой результат недостаточного понимания первобытным человеком тех общественных условий, в которых он живет. Общественные условия, таким образом, оказывают с самого начала человеческого существования решающее влияние на весь строй его верований и представлений.

Мы отметили уже тот факт, что примитивные народы не замечают грани между человеком, животными и природой. Это объясняется отсутствием ясного представления о сущности жизни. Не только жизнь сама по себе, но и ее окончание, т.-е. смерть, не вполне отчетливо представляется современным отсталым народам.

Австралийцы, живущие небольшими ордами (40—50 человек) и имеющие поэтому очень небольшой жизненный опыт, обладают весьма смутными представлениями об окружающих явлениях. Смерть в пределах общественной группы, в которой они живут, бывает не часто. Австралиец знает своих дедов, но все то, что лежит позади них, вся жизнь его предков — представляется ему совершенно неясно, и он не всегда уверен — жили ли эти предыдущие поколения так же, как живут его близкие, и так же ли они умирали. Смерть в австралийских ордах большей частью вызывается насильственными явлениями. Это или смерть на охоте, или смерть во время схватки с другими людьми. Во всяком случае это такая потеря жизни, которая связана с ранами и большой потерей крови.

Сила и кровь для человека, питающегося мясом — понятие однозначное, потому что с поеданием мяса прибавляется у человека и сила. Нет в человеке крови — нет и силы, и явление смерти в таких случаях связы-

Представления о жизни и смерти.

вается в представлении австралийцев с потерей крови. Логическая связь явлений в данном случае является довольно убедительной. Кроме того, во всех случаях насильственной смерти налицо виновник этой смерти — человек или животное — и привычка мыслить по смежности, дает полную возможность человеку установить между этими двумя явлениями непосредственную связь.

Смерть естественная, которая также бывает в пределах орды, нарушает однако создающееся у австралийца убеждение в сущности смерти: отсутствие повреждений тела и виновника смерти, заставляет искать в таких случаях какую-то скрытую причину, скрытое повреждение у погибшего человека, а также тайного виновника смерти. Близкие люди, как наблюдали австралийцы, не могли причинить смерть покойнику, следовательно, искать виновника нужно где-то на стороне; скорее всего, среди членов враждебных орд.

Известный исследователь жизни австралийцев Фрезер пишет о туземцах: „Если туземец будет убит в сражении или настолько тяжело ранен, что умирает от ран, если он будет убит упавшей балкой, или при каком-либо ином, доступном наблюдению происшествии, это не приводит в изумление его соплеменников, потому что причина смерти здесь очевидна. Но совершенно иное будет в том случае, если кто-либо заболит или умрет без какой-либо видимой причины. Здесь в качестве причины болезни всегда предполагается тайная злоба. По всеобщераспространенному твердому убеждению наших туземцев, человек умирает не потому, что изнасилась его жизненная машина, а потому, что какой-то враг навел на него колдовство“. Каждая смерть, по этим верованиям, вызывается чьим-либо злым умыслом. (Что такое представление о причинах смерти не является особенностью австралийцев, доказывает распространенное в Европе поверие, будто смерть ходит с косой, которой она убивает человека).

Представления первобытного человека были не менее конкретны, чем представления австралийца, и он так же, как австралиец, не мог представить смерти без непосредственного виновника ее. Смерть, по его понятиям, насильственное действие, и если виновник не обнаружен, значит он сделал это тайно, а потом скрылся. „Тайные“ действия понимаются не менее просто и не менее конкретно: тайное, по примитивным представлениям, это все то, что делается в темноте или беззвучно. По верованиям австралийцев, смерть от болезни или от старости — результат тайного ночного нападения врага; с развитием же магий и колдовства, неожидан-

ная смерть начинает объясняться колдовством и повреждением, произведенным на расстоянии. Убеждение, что сородич погиб от злых чар врагов, заставляет австралийцев предпринимать целые карательные экспедиции в соседние орды для того, чтобы разыскать и наказать этих врагов; и достаточно малейшего косвенного указания на „преступника“ (следа, идущего в сторону его и пр.), как его беспощадно убивают.

Первобытный человек, который стоял в отношении своего развития ниже современных самых отсталых народов, смерть представлял себе еще более грубо, чем австралийцы.

По примитивным верованиям, пока существует тело, т. е. пока оно еще не разложилось, до тех пор существует и человек; понятие смерти совпадало с понятием уничтожения тела, поэтому пока тело не разложилось, мертвец, как-будто, продолжал жить. Отсутствие движений у покойника несколько не смущало первобытного материалиста. Живой человек также не движется во время сна, но по окончании сна он и ходит, и ест, и пьет. Вероятно, то же самое делает и покойник. Если живые не видят, как мертвецы встают, едят и пьют, то это потому, что те делают все это тайно. Понятие тайны связано с тьмой. Отсюда и представление о том, что мертвецы—в отличие от живых, которые делают все днем, а ночью спят—поступают наоборот, т. е. днем спят, а ночью встают.

Представление о ночной жизни мертвого человека вполне соответствовало представлению о жизни человека вообще: Пока мертвец живет по ночам, он должен нуждаться в одежде и в пище. Вероятно, существует у него потребность и в половой жизни. Так рассуждал первобытный человек.

Пережитки таких верований встречаются у ряда отсталых народов. У эскимосов, при последнем прощании с покойником, друзья и родственники приносят мясо, которое каждый разрезает на два куска—один для себя, другой для покойника. Затем берут одеяло, и его разрезают на две части. „На, ешь“, говорят друзья, кладя возле покойника мясо; „на, покройся“, говорят они, покрывая его куском одеяла.

Вотяки ставят около гроба покойника чашку с блинами и убеждают его: „не ходи, не евши, не пивши, голодая“, а черемисы умершему холостому парню или незамужней девушке желают „счастливого вступления в брак“...

Жизнь
мертвеца.

По верованиям многих племен австралийцев, мертвецы отличаются от живых тем, что они лишены тени. Племя нарринерп называет тень „лангари“. Племя курнап—„ямбо“; бигамбулы—„мату“. Отсутствием панагари, ямбо или мату и отличается покойник от живого человека. Подобные верования создались, вероятно, потому, что мертвецы лежат и, конечно, не отбрасывают длинной тени. По ночам же они не могут иметь тени, так как все покрыто тьмой. Так как мертвецы лишены тени и, конечно, знают об этом, то они не являются не только днем, но и в светлые лунные ночи. Кафры, очень боящиеся мертвецов, блуждающих ночью, устраивают все праздники во время полнолуния, когда мертвецы принуждены сидеть в могилах.

Хождение мертвецов по ночам — поверье весьма распространенное у множества народов.

Первобытный человек представлял себе мертвеца, просто, ночным жителем и этим объяснял его молчание и бездеятельность днем.

С того момента, когда тело начинало разлагаться, для первобытного человека переставал существовать и покойник: его бросали. Отсутствие погребений в раннюю первобытную эпоху только этим и может быть объяснено.

Существовала ли на первых порах боязнь перед мертвым телом и страх перед мертвецом? — на этот вопрос нельзя ответить утвердительно, если основываться на этнологическом материале. Большинство австралийских племен, например, не чувствует особого страха перед своими покойниками, но по отношению к чужим покойникам всегда находится настороже: насколько опасен чужой человек, настолько опаснее чужой мертвец, который может многое сделать тайно. Австралийцы боятся мертвеца только в том случае, если уверены, что мертвец чем-нибудь недоволен.

По представлению первобытных материалистов, мертвец постоянно должен нуждаться в пище, так как он лишен обычного способа ее получения.

Если люди, владеющие утварью умершего человека, охотящиеся его орудием и живущие с его женами, не дадут пищи мертвецу, тот, конечно, будет обижен и начнет мстить. Следует отметить одну черточку этих верований: австралийцы совершенно не боятся мести мертвецов—женщин. Это, очевидно, представляет собой отражение угнетенного положения женщины у австралийцев.

Не желая навлекать на себя мести мертвецов, их окружают всяческими заботами, пока мертвое тело еще

не разложилось, (т.-е. пока мертвец реально существует). Заботы эти не ограничиваются принесением пищи, но также разводятся и костер около тела в холодные ночи. Эта же боязнь заставляет класть вместе с мертведами их любимые вещи, чтобы мертвецы не вернулись и не отомстили живым.

В чем выражается месть мертвецов? Большею частью в том, что они берут живых с собой, или же стремятся причинить им тот или иной вред, вплоть до выпивания из них крови. Вурдалаки, ушеры, вампиры — мстящие мертвецы, до сих пор являются действующими лицами в поверьях многих народов.

Если умершее лицо обладало силой, храбростью, или хитростью, то желание приобрести эти завидные свойства смущало немало его близких. Для приобретения свойств другого человека существовал верный способ: съесть его тело или выпить его кровь. Такой способ до сих пор практикуется у некоторых отсталых племен: у племен курнаи и у племени арунта (Австралия) при погребении мертвеца близкие его съедают по небольшому куску тела покойника, думая, что таким путем к ним перейдут все свойства умершего человека. В дальнейшем своем развитии это поедание стало производиться символически — над похожими предметами, напоминающими умершего человека. Причащение у христиан, где вместо крови употребляется вино, а вместо тела — хлеб, указывает на те формы, в которые выливаются первобытные обычаи у более культурных народов.

Так как по первобытным представлениям, человек может передать свои свойства не только человеку, но и животному, то всегда существует опасность, что хищные животные, съевшие тело сильного и умного покойника, сделаются сильнее и умнее, так как к ним перейдет человеческий ум и хитрость. У современных народов Европы существует множество сказаний о том, как люди превращаются в животных и животные превращаются в людей, если съедят соответствующую пищу. Обратни и вера в них — это пережитки представлений первобытного человека. Из опасения таких превращений тело покойника начинают прятать, „хоронить“.

Формы погребения вначале несложны. У австралийцев покойника или кладут на высокий помост, чтобы его не могли тронуть звери, или прячут глубоко в землю и наваливают камни. Первобытный человек Европы, если судить по археологическим находкам, сначала вовсе не охранял своих покойников. Только после 4-го

ледникового периода, когда психика человека, под влиянием изменившихся условий значительно усложнилась, что видно между прочим и по расцвету первобытного искусства,—появляется погребение.

Труп покойника кладется на слой пенки от заброшенного очага, или спускается в неглубокую яму, на которую наваливаются камни, покрывающие могилу. Каких-либо правил погребения или придания особого положения телу покойника не наблюдается. Покойник, в большинстве случаев, погребается во всех своих украшениях, и около него кладутся кремневые и костяные орудия. Из этого можно предположить, что, по верованиям первобытного человека, орудия эти были необходимы покойнику для его промыслов. Для защиты от хищных зверей могила засыпалась землей.

Постепенно в формах погребения начинают замечаться некоторые особенности. Человек не только прячет покойника от хищников, но и придает телу положение, при котором покойник, если бы он пожелал встать и ходить, никак не мог бы этого сделать. Появляется погребение в позе сидящего с согнутыми коленами, в узких ямах, в которые человек опускался в полусогнутом положении. Все это свидетельствует о том, что покойников боялись и всеми силами стараются обезопасить себя от их злых поступков.

Так как такие погребения появились в самом конце первобытной эпохи и в настоящее время наблюдаются далеко не у самых примитивных народов, то объяснения им следует искать не в первобытных, а в более сложных общественных формах, к описанию которых мы переходим.

II. РОДОВОЕ
ОБЩЕСТВО.

А. Раннее родовое общество.

1. ПЕРЕХОД ОТ ПРИСВАИВАЮЩЕГО ХОЗЯЙСТВА К ХОЗЯЙСТВУ ПРОИЗВОДЯЩЕМУ.

Первобытные орды принуждены были в поисках пищи постоянно переходить с места на место. Остановки делались на несколько дней и были, в значительной мере, случайными. Однако, бывали и более длительные остановки, когда орды приближались к рекам, озерам или морю, изобиловавшим рыбою. В таких местах орды задерживались неопределенно долгое время.

Пока для рыбной ловли употреблялись те же орудия и снаряды, что и для охоты (копья, гарпуны), улов рыбы не мог быть особенно значительным, так как крупная рыба редко подходит близко к берегу. С появлением новых приспособлений для рыбной ловли—сетей и лодок—результаты этого промысла оказываются настолько значительными, что человеческие группы все чаще начинают оседать вблизи мест, изобилующих рыбой.

Подобный же процесс оседания происходил и у охотников, которые задерживались в местах, изобиловавших дичью; но и здесь оседание было также неразрывно связано с улучшением техники охоты и сделалось возможным только тогда, когда появились орудия дальнего боя: лук и стрелы.

Постепенное оседание орд происходит в настоящее время у тех племен австралийцев, которые живут на морском побережье или у озер внутри Австралии, а также наблюдается у андаманцев, бороро, бакарип, (южн. Америка).

Археология дает нам сведения о том, что подобным же образом процесс оседания происходил у первобытных обитателей Европы, 18 - 20 тысяч лет тому назад.

Так как наблюдение над современными отсталыми народами не дает нам полной картины оседания, и остаются некоторые пробелы, то для заполнения их приходится прибегать к археологии.

Оседание
бродячих
орд.

Развитие
техники обра-
ботки камня.

Улучшение каменной техники, наметившееся в после-
ледниковый период, вылилось в конце этого периода
в форму так называемой „отжимной“ обработки камен-
ных орудий. Камень обрабатывался не путем отбивания,

а путем осторожного надавливания на край его костью или другим камнем и путем последующей тщательной обивки обломанных краев. Тонкая обработка краев каменных орудий придавала им большую режущую силу (см. рисунок 30).

Развитие техники не остановилось на этой стадии. Отжимная техника приводит к шлифованию орудий, сначала путем оттачивания их на кости, покрытой мокрым песком, а потом—путем обработки всей поверхности каменного орудия, что придает ему гладкий блестящий вид (см. рисунок

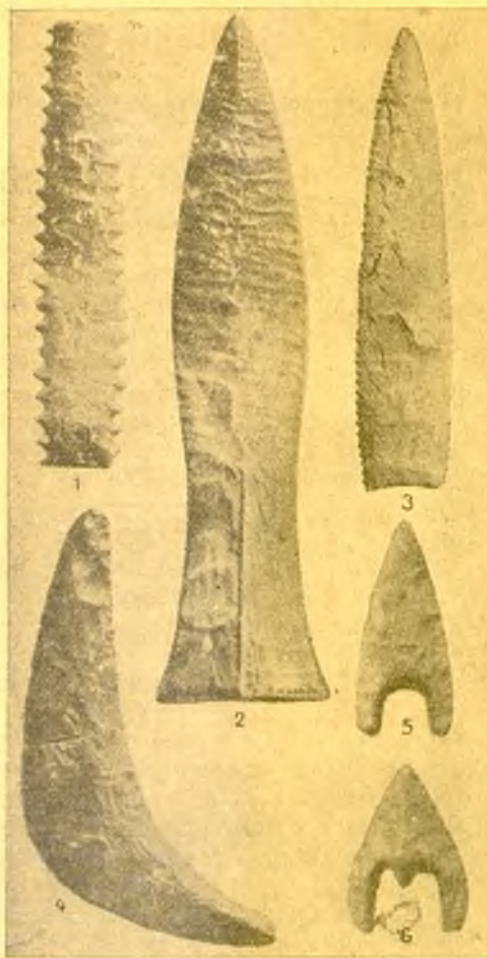

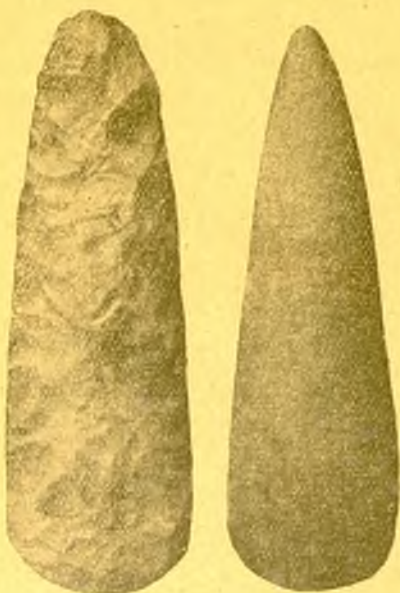
Рис. 30. Кремневые орудия неолит. периода (отжимная техника).

ки 31 и 32). Новые шлифованные орудия дают возможность перейти к обработке дерева. При помощи шлифованных орудий человек имеет возможность заострять колья, прорубать даже довольно толстые деревья, выдалбливать пустые пространства (каменным долотом), проделывать в дереве ряд отверстий

(сверлом). Обработка дерева приводит к новым техниче-ским открытиям, непосредственно связанным с работой по дереву; будучи вновь применена к обработке камня, она изменяет технику обработки каменных орудий.

Самым ярким и самым значительным открытием, связанным с работой по дереву, было открытие способов самостоятельного добывания огня. Все примитивные инструменты для добывания огня у современных отсталых народов указывают на связь этого изобретения с техникой обработки дерева.

У австралийцев, у андаманцев, у полине-

Самостоя-
тельное до-
бывание
огня.

Рис. 31. Подготовленный к шлифовке и отшлифованный топор.

Рис. 32. Шлифованные орудия современных отсталых народов.

зийцев, у даяков (Борнео), у северо-американских индейцев—для добывания огня употребляются деревянные

сверла, или деревянные пилы, или, наконец, особые деревянные насосы. Инструменты для добывания огня основаны на использовании трения одного куска дерева о другой; опилки, получающиеся от трения, служат воспламеняющимся материалом.

Техника сверления, приведшая к открытию самостоятельного добывания огня, отразилась и на обработке камня, приведя к попыткам просверливания его; при чем, вместо деревянного сверла, употреблявшегося при работе по дереву, применяется костяное, а для усиления трения, на камень накладывается слой мокрого песка. Отверстие в камне дает возможность человеку приспособить каменное орудие для ношения и для насаживания на рукоятку (см. рисунок 33).

Рис. 33. Просверленный молоток-топор.

В настоящее время почти все остальные народы умеют не только самостоятельно добывать огонь, но и просверливать камни любой породы. Однако, австралийцы почти не употребляют просверленных каменных топоров, как это делали европейцы 18 тысяч лет тому назад. Австралийцы на опыте убедились, что топоры с просверленным отверстием для ручки отличаются большей хрупкостью и легкостью и поэтому не годятся для работы; но каменные дубины, которые употребляются австралийцами для метания, всегда имеют вверху просверленное отверстие, в которое вдевается ремень для ношения на руке.

Неолит.

Новые приемы обработки камня дают возможность употреблять для каменных орудий не только хрупкий кремь, но и более стойкие породы. Орудия становятся крепкими, острыми и необычайно изящными. По технике обработки, придающей каменным орудиям новый вид, археологи называют эту эпоху „неолитом“, т. е. веком нового камня.

При обработке дерева человек использует не только самый ствол, но и корень, и сучья, и кору. Кора и лыко служат для многих поделок: из них делается примитивная посуда, даже — одежда. Гибкие ветви деревьев и кустарничков также идут в работу. Современные австралийцы и другие отсталые народы

умеют делать из ветвей различные плетенки, дыновки, корзины, примитивные сети.

Археология свидетельствует о том, что европейцы, употреблявшие шлифованные каменные орудия, также умели делать изделия из коры, луба и ветвей деревьев.

Для передвижения по воде, человек делает плоты и лодки, сначала в виде грубых обрубков дерева, едва выдолбленных стволов (так называемые „лодки-однодеревки“, которые употребляются туземцами в Новой Гвинее и частью в Полинезии), и, наконец, более совершенные лодки и челноки из дерева и коры (см. рисунок 34).

Рис. 34. Лодка из бересты у индейцев-ненепотов (сев. Америка).

Оседая на долгое время в местах, изобиловавших дичью, или на берегах озер и рек, человек не мог довольствоваться прежним примитивным шалашом, или ямой для сна. Он начинает строить более сложные и более поместительные жилища.

Постройки.

Рыболов, который стремится быть поближе к месту своего промысла, строит жилище на берегу реки, озера или моря—почти у самой воды. Если жилище построено слишком близко к воде, то вода заливает его во время прилива; поэтому рыбаки—австралийцы, а также андаманды, полинезийцы и проч., подобно европейцу эпохи неолита, начинают строить свои жилища около воды или, совсем близко к ней, на сваях. Иногда эти жилища расположены на плотках; иногда устроены на особых помостах, поддерживаемых сваями; иногда, если течение слабо, а приливы отсутствуют—например, на озерах—жилища устраиваются на насыпях, на дамбах, среди воды. Такой тип жилищ существует и по настоящее время в различных местах земного шара у народов, занимающихся рыболовством (см. рисунки 35 и 36).

Прочные постоянные жилища, строят и полуоседлые охотники: иногда эти постройки напоминают своей формой прежние шалаши, иногда устраиваются на деревьях, наподобие птичьих гнезд.

Изменяется и устройство жилища: место ветвей или хвороста, употреблявшихся для кровли, занимает накат

из жердей и земли, или крыша, покрытая связками тростника; стены делаются из плетенок, обмазываемых глиной для большей непроницаемости от дождя и ветра. Жилища строятся поместительные, и в них живут человек 30—40, а иногда и больше.

Гончарный
промысел.

Применение глины не ограничивается только обмазыванием стен, она употребляется также для обмазывания плетеных корзин, в которых сохраняют жидкости. Выжигание плетенья в таких обмазанных корзинах приводит к изготовлению глиняной посуды и является наиболее ранней формой гончарного промысла. У некоторых народов южной Америки в настоящее время

Рис. 35. Хижина на Никобарах (Бенгальский залив).

горшки и прочая глиняная утварь приготовляются путем обмазывания плетенок глиной и последующего выжигания деревянных частей: самостоятельный обжиг глиняной посуды им еще не известен.

С развитием техники выделки орудий, совершенствуются основные промыслы человека.

Рыбная
ловля.

Рыбная ловля, вследствие появления лодок, сетей и крючков, дает богатый улов. Отбросы рыбной пищи скопляются около рыболовных стоянок в громадном количестве и вместе с раковинами, употребляемых в пищу моллюсков (устрицы и пр.), загромождают побережья.

„Кухонные кучи“, как их называют, занимают значительное протяжение на побережье Андаманских островов и западной Австралии, но встречаются также и в Дании, и на западном берегу северной Америки. Датские и американские кухонные кучи относятся к временам глубокой древности, не менее, чем за 16.000—20.000 лет до нашей эпохи. Это остатки пищи человека того времени (см. рисунок 37).

Рис. 36. Пловучий дом в Сиаме.

Способы охоты также изменяются. От примитивной неорганизованной охоты человек переходит к массовым облавам дичи, к загонам ее и, наконец, к охоте при помощи собак. Все эти способы охоты можно наблюдать у австралийцев. При больших осенних охотах на кенгуру, австралийцы выжигают кустарники, в которых кенгуру прячутся. Криками и шумом пугают они животных, и когда те, обезумев от этого шума и от огня, преграждающего им путь, начинают беспорядочно метаться—избивают их массами.

Охота при помощи собак.

При более же медких охотах австралийцы употребляют собак для поимки дичи. Формы использования австралийцами собаки при охоте

дают указания на тот путь, по которому шел человек в деле приручения животных.

В Австралии существует местная порода диких собак „динго“, которые большими стаями живут подле человеческих стоянок. Их привлекает не только запах и отбросы пищи, употребляемой человеком, но даже и испражнения человеческие, которые собаки поедают.

Обычно австралийцы не употребляют собак в пищу, но в случае голодовки поедаются и собаки. Так как собаки, вследствие постоянного сожительства с человеком, привыкают к нему, то словить их не представляет особого труда. В Новой Гвинее туземцы делят собак, как лакомую пищу, специально откармливая их. Мясо этих откормленных собак, по отзыву путешественника Миклухи-Маклая, очень вкусно и мало отличается от свиного.

Не пытаясь откармливать собак, по способу новогвинейских скотоводов, австралийцы используют собак для иной цели.

Собаки отличаются тем свойством, что они не могут равнодушно видеть быстро передвигающихся животных. Будучи простым зрителем человеческой охоты, собака быстро увлекается и бросается в погоню за дичью, как будто она-то и начала охоту. Целой стаей несутся собаки за убегающей дичью, настигая ее, конечно, раньше охотника; тому приходится в таких случаях не столько догонять дичь, сколько отнимать ее из пасти собак. Трусливые собаки не слишком рьяно защищают свою добычу, поэтому охотнику сравнительно легко удается цинками и ударами разогнать собачью стаю. Однако, охота при помощи целой собачьей стаи не всегда безопасна: раздраженные собаки могут растерзать человека. Поэтому, когда австралийцы уже сознательно стали применять собак для охоты, они избегали вязывать в это дело целые стаи собак, а старались заранее подкормить нескольких собак, отгоняя остальных от своих стоянок.

Приручение собаки.

В настоящее время собаки, которые используются австралийцами для охоты, значительно отличаются от диких динго внешним видом (новые промыслы и другая пища отразились на их строении). Тем не менее, они не могут быть названы домашними животными, какими являются собаки, например, у европейцев.

Полуприрученную собаку можно найти не только в Австралии: на крайнем севере она также не вполне еще приручена. Эскимосы и другие северные жители, употребляющие собак для езды, в качестве упряжных

животных, настолько мало доверяют собачьей привычке к человеку, что на стоянках тщательно привязывают их. И только у коряков (Камчатка) собаки остаются около человеческих стоянок на свободе. Способы езды на собаках показывают, что эскимосы умело использовали тот же охотничий инстинкт собаки, который заставляет ее помогать австралийцу в поимке дичи. Во время бега у собак, запряженных в сани, развивается азарт преследования; если почему-либо передняя собака неожиданно остановится, задние набрасываются на нее и происходит свалка. Седоку приходится тогда водворять среди собак спокойствие.

Собака, в виде полуприрученного животного, встречается большею частью у таких народов, которые вовсе

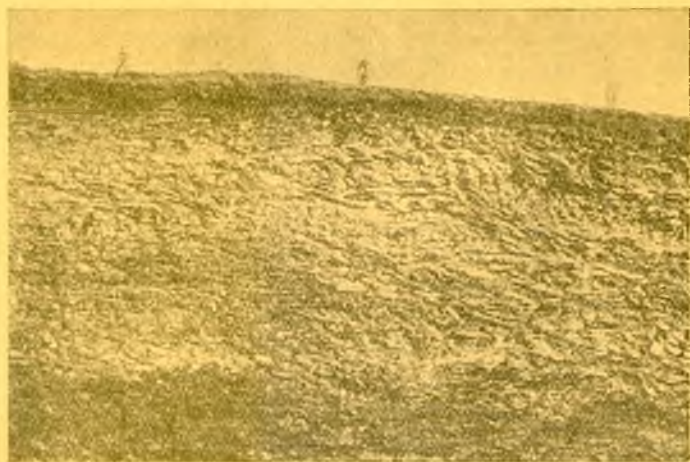

Рис. 37. „Кухонные кучи“ в Дании.

не знают скотоводства и не имеют никаких одомашненных животных. Нахождение же скелетов собаки в датских „кухонных кучах“ и подле других европейских неолитических стоянок (за 16.000—20.000 лет до нашего времени), при отсутствии скелетов других одомашненных животных, доказывает, что собака была первым животным, прирученным человеком.

Вслед за собакой человек начинает приручать и других животных. Путь, по которому человек шел в деле приручения животных, может быть прослежен нами на примере приручения животных на дальнем севере. Охотники—оленоводы дальнего севера захватывают целые стада оленей в несколько сот голов и,

Приручение
других жи-
вотных.

изолируя их от остальных стад, стараются передвигаться вместе с ними, питаясь мясом убиваемых время-от-времени животных. Стремление сохранить для себя возможно большее количество оленей заставляет оленеводов оберегать стада от хищных зверей и подыскивать для них удобные пастбища. Человек начинает выполнять те функции, которые до того в оленьем стаде лежали на вожаке. Так как олени вожаки представляют беспокойный элемент своим стремлением постоянно выйти из под корыстной опеки человека и увести стадо куда-нибудь подальше, то человек, прежде всего, убивает этих вожаков—оленей в тех случаях, когда нуждается в мясной пище. Лишенное вожаков стадо делается пассивным и легко приручается. Коряки на Камчатке имеют стадо в 4.000—5.000 голов и в настоящее время совершенно оставили занятие охотой, так как оленеводство дает им полную возможность существовать, не прибегая к другим промыслам. Так, создаются новые промыслы, и целые народы-охотники превращаются в скотоводов.

Этот путь, конечно, не единственный, по которому шло человечество в деле приручения животных. Иногда охотники устраивали для загнанных ими стад особые загородки и старались возможно дольше в этих загородках задержать животных; захватывали отдельных беременных самок и держали их поблизости от своего жилища: новое потомство приручалось сравнительно легко.

Для приручения необходимо было иметь много предварительных условий и, прежде всего, наличие годных для приручения животных, (главным образом жвачных, так как остальные породы животных приручаются очень редко); затем, подходящие естественные пастбища и проч. В Австралии, где скотоводство в настоящее время существует только у европейцев, таких условий для развития его у туземцев не было; только ввоз овец и свиней из Европы дал возможность развить в Австралии скотоводство.

Охотничьи навыки были той основой, на которой постепенно развилось скотоводство; поэтому занятие скотоводством с самого начала делается исключительно делом мужчин: женщина к уходу за скотом почти не допускается. У киргизов в Сыр-Дарьинской области женщина может ходить за скотом лишь тогда, когда ее никто не видит, но заниматься этим делом днем, на глазах у всех, ей не разрешают.

Женские промыслы, которые в первобытную эпоху сводились исключительно к собиранию, также постепенно развиваются. Палка-копалка, употреблявшаяся для вырывания корней из земли, начинает служить не только для этого примитивного промысла, но применяется и в земледелии. Сбор корней и семян трав должен был естественно привести женщину к открытию земледелия. Если она пыталась собрать корни, закапывая в землю для того, чтобы сохранить на долгое время, то через некоторое время эти корни давали ростки, а корнеплоды, которые чаще всего употреблялись в пищу в те далекие времена, давали не только ростки, но и новые плоды.

Примитивное женское земледелие легко обходилось с первобытной палкой-копалкой. Только постепенно на протяжении многих столетий совершенствуется эта палка в мотыку или кирку — земледельческие орудия, одинаково распространенные и в Африке, и в Азии, и в северной Америке (см. рисунок 38).

Первым элементом, посаженным в землю, вряд ли были семена какого-нибудь хлебного растения. Вернее всего, это был какой-нибудь корнеплод, вроде маниоки (кассавы) бататов, таро или ямсa. Все эти растения в настоящее время разводятся в большом количестве в тропических и субтропических странах. Для посадки корнеплодов не требуется особой подготовки земли. В почве делают неглубокие ямки при помощи мотыки или заостренного кола, и в эти ямки сажаются корнеплоды.

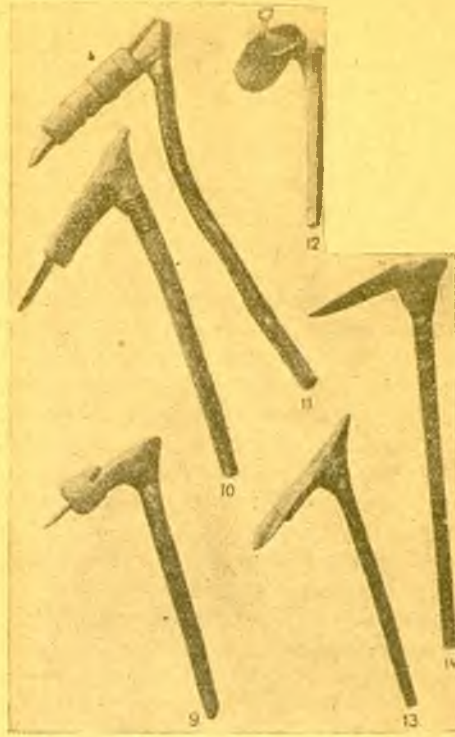

Рис. 38. Кирки-мотыки (из раковин и камня) современных отсталых народов.

Примитивно засеянные поля ни в какой степени не напоминают нашу пашню. Вот как описывает один из путешественников такое поле у индейцев Гвианы. „Место, где индейцы разводят свои растения—пишет он—можно назвать „полем“ только за неимением лучшего слова. Кто в первый раз увидит поле индейца среди пустоши, может принять его скорее за когда-то очень давно обработанное место, заросшее сорными травами. Кассава и другие растения, теряются между кустами, выросшими вокруг пней срубленных деревьев, которые лежат со своими стволами и ветвями там же, где упали, среди разросшихся кустарников. Часто почти невозможно потом найти узкой тропинки, извиляющейся через поле между упавшими деревьями и кассавой“.

Вначале в занятиях земледелием участвуют одни женщины; но при некоторой потребности расширить свои посевы женщины сталкиваются с недостатком удобной для посевов земли. Расчетка же новой земли требует таких усилий и знаний, которых обычно у женщины нет.

При некотором развитии примитивного земледелия польза нового промысла делается настолько очевидной, что и мужчины начинают принимать в нем участие, хотя их участие выражается в немногом. У тех же индейцев Гвианы мужчины только очищают новые участки, выжигая лес и кустарники, само же занятие земледелием оставляют женщинам. Но мало-по-малу, особенно в тех случаях, когда охота перестает давать достаточно пищи, мужчины начинают браться за обработку поля. У папуасов залива Гельфинка на западе Новой Гвинеи мужчины работают на полях наравне с женщинами.—„Если папуас—пишет один из путешественников—хочет развести плантацию, он выбирает себе кусок земли, подходящий, по его мнению, для этого. Находящиеся на нем деревья срубаются; самые толстые стволы и ветви сжигаются, но шиш и корни оставляются на местах. Остается только сделать крепкую изгородь, и обработка может быть начата. Мужчины идут впереди с острыми палками и пробивают в земле ямки на равном расстоянии друг от друга. За ними следуют женщины, бросающие в ямки семена и надавливающие снова на них землю—этим и оканчивается разведение плантаций. Когда посев взошел, плантация очищается от сорных трав и ее стерегут от нападения птиц и диких свиней, пока, наконец, можно будет собрать спелые плоды. Иногда собирают с плантации вторую жатву, большей частью тот или другой корнеплод, но затем почва уже истощена. Плантация опять

превращается в лесистую местность, и другой кусок земли готовят под плантацию. О перекапывании и удобрении нет, конечно, и речи: опавшие листья и ветви образуют слой перегной, в который и бросают семена, и можно только удивляться богатству жатвы при такой примитивной обработке земли“.

Земледелие, как и скотоводство, также может развиваться только при подходящих условиях. В местностях, сплошь лесистых, или изобилующих горами, земледелие почти не развивается. Не развивается оно и в сухих степях, где недостаток влаги не дает возможности вырастать растению. И только в тех местностях, где наряду с годными для посева участками, есть и достаточное орошение, начинает развиваться этот новый промысел. Зародившись в виде примитивного вскапывания земли женщинами во время собирания, земледелие постепенно превращается в промысел, в котором участвуют и мужчины. В отличие от скотоводства, участие женщины в земледелии велико. Она помогает при посевах, она собирает жатву и, наконец, она перерабатывает в хозяйстве те хлебные злаки, которые произросли на поле.

Так, постепенно, обособленные промыслы мужчин и женщины, наблюдавшиеся в первобытную эпоху, начинают превращаться в единое симбиозное (слитное) хозяйство, в основе которого лежит или скотоводство, происшедшее от охоты, или земледелие, выросшее из примитивного собирания.

Обработка продуктов в таком симбиозном хозяйстве значительно отличается от обработки продуктов в хозяйстве первобытном. Не говоря уже о мясе (когда удачная охота давала избыток этого продукта, он пестрелся в громадных количествах, и часть его все-таки гнила, если люди не в состоянии были сразу съесть все собранное количество мяса) и кончая, наконец, шкурами, рогами и костями убитых животных— все это использовалось в первобытном хозяйстве нераціонально. Незначительная сравнительно часть годного для употребления продукта, шла в пищу, еще меньшая часть использовалась технически, остальное погибало.

В хозяйстве симбиозном, основанном на скотоводстве или земледелии, использование всевозможных естественных припасов и животных остатков развито гораздо больше. Для примера того, насколько используются животные продукты и животные остатки в таком хозяйстве, мы приведем хозяйство коряков (Камчатка).

Симбиозное хозяйство.

„Весь быт коряков-оленоводов—пишет один из путешественников—основан на использовании мяса, шкур и даже силы оленя. Олень переносит его с места на место, доставляет ему пищу, одежду и кров. Из рогов оленя делаются всевозможные орудия, жилы оленьи служат, делают из них нити, кости вымачивают в тюленьем салте и жгут вместо топлива, внутренности оленя очищают, наполняют салом и едят. Кровь вместе с желудком является одним из любимых кушаний коряков; мозг и язык—величайшее лакомство. Жесткая кожа идет на обшивку лыж. И, таким образом, все тело оленя используется коряком в той или иной степени“.

Особенностью первобытного хозяйства можно считать также отсутствие запасов какой бы то ни было пищи. Если удачная охота или сбор плодов доставили человеку большое количество продуктов, то человек старается истребить их во что бы то ни стало, в самое короткое время, пока они не успели еще испортиться. Отсюда пиры, праздники, основной целью которых является обжорство.

Запасы.

В более развитом, симбиозном хозяйстве существует уже немало способов сохранять запасы на более долгий срок. Умение консервировать или просто прятать в особо устроенных кладовых свойственно многим народам, даже стоящим на самой низкой ступени развития. (См. рисунок 39). Охотники австралийцы умеют

Рис. 39. Кладовая эскимосов.

коптить мясо: но этим умением они почти совершенно не пользуются. Примитивные земледельцы собирают свой урожай в кладовые. Народы-рыболовы вялят и сушат рыбу. У обитателей северо-западного побережья северной Америки вокруг их летних становищ всегда повешены куски камбалы или дососа, коптящиеся в дыму костров, или развешенные на полях для сушки. Вся эта пища готовится на зиму, так как летом пища имеется в избытке. Эскимосы кладут свои запасы в особые ледники, вырываемые глубоко в земле, где почва не оттаивает в течение всего года, или помещают их в каменные кладовые, сделанные на поверхности земли на сравнительно вы-

соком расстоянии от нее, чтобы пища не досталась мелким зверям-хищникам.

Запасы, сделанные впрок, придают хозяйству значительную устойчивость. Они ставят его в меньшую зависимость от случайностей, и поэтому голод—обычное явление в первобытную эпоху—является очень редким гостем у народов земледельцев и скотоводов. Однако, величина запасов вначале не настолько значительна, чтобы за счет их можно было жить отдельным лицам, или группам людей, совершенно освобожденным от какого бы то ни было производительного труда. Прибавочного продукта, как общее правило, еще не существует. Запасы только дают возможность сводить кое-как концы с концами, но не создают никаких избытков.

В новом, симбиозном хозяйстве намечается еще одно характерное явление, совершенно несвойственное примитивным формам хозяйства: разделение труда внутри хозяйства. Первобытное хозяйство делится на два основных промысла: охота или рыбная ловля у мужчин, собиранье у женщин. Мужчины также нередко занимаются собираньем, но женщины очень редко охотой. Деление промыслов соответствует половым признакам и проводится с большей или меньшей отчетливостью почти во всех типах примитивного хозяйства. Когда же один из промыслов начинает давать некоторый избыток над потребностями самих промысляющих людей, в хозяйстве начинается процесс слияния обособленных половых групп. Такой постепенный процесс слияния мы замечаем в настоящее время у австралийцев, живущих на морском побережье западной Австралии, у авдаманцев, у огнеземельцев. Мужчина доставляет животную или рыбную пищу не только себе, но и всей семье; женские же промыслы играют в хозяйстве лишь подсобную роль. В таких случаях на обязанности женщины выпадает изготовление пищи, приносимой мужчинами, поддержание огня и изготовление всякого рода домашней утвари.

В хозяйстве скотоводческом или земледельческом слияние мужского и женского промыслов становится почти завершенным. Женщина не только занимается собираньем различных семян, корней или плодов, она обрабатывает шкуры, делает из них одежду, смотрит за детьми и приготовляет пищу. Роль ее в хозяйстве этой эпохи необычайно велика, так как большая часть работы безусловно падает на нее.

Основной промысел, выделяющийся в хозяйстве—будь то охота, будь то рыбная ловля, или земледелие,

Разделение
труда.

или скотоводство—окончательно оттесняет все остальные промыслы и, хотя они сохраняются в хозяйстве человека и даже технически совершенствуются, но все же начинают играть в хозяйстве все меньшую роль.

Хозяйство австралийцев, живущих на морском побережье Австралии, и огнеземельцев является переходным типом между первобытным хозяйством, ведущимся обособленными половыми группами, и симбиозным (слиптым) хозяйством, земледельческим или скотоводческим. Такой же переходный характер носило хозяйство ирокезов, индейцев северной Америки, детально описанных в половине прошлого столетия Морганом.

В отличие от первобытного хозяйства, которое мы называли „присваивающим“, по характеру его промыслов, новое симбиозное хозяйство можно назвать „производящим“.

2. РОДОВЫЕ (ТОТЕМНЫЕ) ГРУППЫ.

Территория.

По мере роста производительности труда и увеличения количества средств питания, увеличиваются и человеческие группы, которым все труднее находить новые места. Бесконечное блуждание в поисках пищи превращается в правильный круг перекочевков, заставляющих орду ежегодно возвращаться на те же места. Примером таких правильных перекочевков, связанных с определенными сезонами, может служить жизнь некоторых австралийских племен, живущих в Виктории, в местности Джинсленд. Весной и летом туземцы питаются, главным образом, растительной пищей, и в поисках этой пищи они совершают довольно большие и длительные экскурсии. Кроме того, весной бывает много перелетных птиц, которых ловят силками или бьют дротиками, а летом орды перекочевывают к устьям рек и на берега озер для ловли рыбы и угрей. Изредка случается летом охота на валлаби (порода кенгуру), но охоты эти бывают не часто. Осенью, когда жизнь делается легкой, благодаря изобилию зрелых плодов, наступает время взаимных посещений, танцев и праздников. В этот период австралийцы Джинсленда сидят два-три месяца на одном и том же месте, но вот наступает зима, количество птицы поблизости резко сокращается, и орда снова снимается со своих стоянок и отправляется в далекие охотничьи экспедиции. В это время преобладает мясная пища, которая доставляется мужчинами.

Переход к правильным перекочевкам заставляет орду все чаще возвращаться на прежние места и создает таким образом постоянную территорию орды, пределы которой тщательно оберегаются от покушений или вторжения других орд. Размер территории довольно велик. Одна из орд австралийского племени арунта, носящая название „личинки уитчети“, имеет территорию не менее 100 кв. верст, между тем как состав орды едва достигает 40 человек.

По характеру или особенностям местности, в пределах которой бродит орда, она получает свое имя; но еще чаще название орды зависит от тех животных, на которых эта орда охотится. У австралийцев орды носят такие названия: „люди—кенгуру“, „люди—эму“, „люди—ящерицы“. У индейцев Сев. Америки— „люди—ворони“, „люди—волки“, „люди—медведи“ и пр. Все эти названия человеческих групп принято объединять под именем тотема, слова, взятого из языка индейцев оджибвеев (северная Америка) и означающего в точном переводе: „его род“. Замечено, что большинство тотемов отдельных орд берутся из животного и растительного мира

Тотем.

Если орда делится на части, то каждая часть получает свой особый тотем. Так напр., у австралийцев, принадлежащих к племени камплар, вначале существовало две орды: „диллиби“ и „купатни“. Дальнейшее дробление орд привело к тому, что орда „диллиби“ распалась на более мелкие группы, принявшие названия (тотемы): „дули“, „мурира“ и „муте“, т.-е. ящерица, надимелон и опоссум (животные); а орда „купатни“ распалась на группы: „динув“, „бильба“ и „нура“, т.-е. эму (страус), бандикут (животное) и черная змея.

Новые группы, выделяющиеся из орды, кочуют всегда поблизости, стараясь не порвать окончательно с ней связи. Большие охоты, которые производятся зимой, стягивают к себе все эти „тотемы“, образовавшиеся из одной первоначальной орды. Брачные союзы также содействуют поддержанию связи между отдельными ордами.

Строение новых групп остается таким же, как и первоначальное строение тех орд, из которых оно произошло: в основе его лежит возрастное деление; но, постепенно, такое примитивное деление перестает удовлетворять новым усложненным общественным отношениям.

Первоначальные половые запреты, лежащие в основу деления орды по возрастным группам, были по суще-

ству направлены против возможности половой близости между матерью и ее сыновьями. И когда первобытное сознание пыталось понять эти запреты, то оно объясняло их общностью крови. Вследствие этого, запрещение связи матери с ее родными сыновьями делается все более суровым. Но эти же запреты заставляют человека строже относиться и к половой близости между детьми одной и той же матери, так как кровная связь между ними также очевидна. Появляется новый запрет—половой связи между братьями и сестрами. В новом поколении запрет разрастается, захватывая всех внуков и внучек (т.е. не только родных, но и двоюродных); в третьем поколении правнуки и правнучки одной прародительницы могут быть уже не только прямыми или двоюродными, но и троюродными—и их поражает этот запрет: таким образом, запрет браков между лицами одной крови приводит в третьем же поколении орду к полной невозможности заключать браки внутри себя.

Следствием этих новых половых ограничений оказывается необходимость вести точную родословную каждого человека, знать его происхождение от женщины-прародительницы; принадлежность к определенной возрастной группе делается менее важной, чем родство. Далее, через три-четыре поколения группа, заведшая такой счет родства, превращается в род, т.е. людей, близких по крови, происходящих от одной прародительницы, и тотем группы превращается в родовой тотем, который представляет то удобство, что он совпадает с брачным запретом. Достаточно знать, какому тотему принадлежит данная женщина и данный мужчина, чтобы установить, могут ли они вступить в брак. Для удобства распознавания тотема, знак его рисовался или на теле человека, или на носимой им одежде.

Экзогамия.

Из запрещения брака внутри рода возникает экзогамия, т.е. обычай брать себе жен или мужей из другого рода. Между ордами, кочующими поблизости одна от другой, или теми, которые выдвинулись из прежних более древних образований, начинают заключаться браки, при чем каждая из этих орд тщательно следит за тем, чтобы женщина передавала своим детям непременно родовое имя. Кроме тотема своей матери каждый ребенок получает и имя ордовое. Так напр., женщина из рода „динун“, переходящая в орду „дильби“, передает своим детям тотем „динун“; но вместе с тем они носят на теле знаки своей орды: „дильби“.

Постепенно в каждой из орд создавались прослойки из чужих родов, чужих тотемов, так как обмен женщинами создавал принесение этих родовых имен. Название рода-тотема не совпадало с названием орды; орда была хозяйственной единицей, род же не был связан ни с хозяйством, ни с территорией.

Так, на смену возрастным делениям появились родственные, оказывавшиеся не только новой формой внутренних группировок в орде, но и первой формой связи между ордами, поскольку члены одного и того же рода жили в разных ордах.

Половое общение в первобытном обществе совершалось в пределах возрастных групп. Все мужчины и женщины, входящие в данную возрастную группу, были мужьями и женами. Поэтому и дети признавались общими для всей группы, и счет родства по матери не играл никакого значения. — С усилением охоты, как промысла, начинают понемногу выделяться более сжатые брачные группки, состоящие из одного мужчины и одной или нескольких женщин. Причины выделения этих групп мы указывали в главе о первобытной орде.

Эти группки, образующие зародыш будущей семьи, несколько обособляются от остальных членов орды, но в половом отношении остаются в пределах возрастной группы и подчиняются всем существующим в орде правилам полового общения. Любая женщина из такой семейной группы может входить в половое общение с любым из сверстников мужа по возрасту. С появлением новых брачных запретов количество возможных супругов в пределах орды сокращается: не только длительное сожительство, но и всякое половое общение между лицами одного тотема считается недопустимым.

У австралийцев племени дперн существует групповое сожительство, которое носит название „пира-уру“, подобное же сожительство у племени урабуна называется „пира-унгара“. Брак „пира-уру“ и „пира-унгара“ состоит в том, что отдельный мужчина живет с одной женой, которая называется его „ноа“ или „нупа“, но кроме него на его „ноа“ заявляют свои права и его сверстники, а он сам имеет права на их „ноа“. Все мужчины, состоящие в таком групповом браке зовутся пира-уру или пира-унгара и также называют друг-друга их жены. Так как все обычные брачные запреты остаются в силе и при таком сожительстве, то возможность для того или другого человека войти в группу „пира-уру“ устанавливается не им лично, а старейшинами.

Брачные
сотоварище-
ства.

На особых празднествах, в торжественной обстановке старейшины объявляют состав новых групп „пира-уру“, и торжество заканчивается пиром. С этого момента для участников „пира-уру“ делаются возможными новые сношения между ними.

Если кому либо из членов такого союза приходится посетить отдаленную орду, в которой у него нет никаких „пира-уру“ или „пира-унгара“, то обычай предписывает мужчинам из одной орды, принадлежащим к одной и той же возрастной группе, что и гость, предложить ему своих жен („ноа“ или „нупа“) или жен своих товарищей по браку („пира-ура“ или „пира-унгара“).

В несколько иной форме брачные со товарищества (в виде группового брака братьев) встречаются и у индейцев южной Америки, и у негров Африки, и у чукчей в сев.-восточной Сибири. Гиляки, живущие на Сахалине, имеют схожие обычаи: каждый женатый гиляк обладает супружескими правами по отношению к женам своих братьев и к сестрам жены.

Все подобные формы брака являются переходными формами между свободным половым общением в пределах возрастных групп — с одной стороны, и узким браком, связанным с семьей — с другой стороны.

Групповой брак встречается лишь среди вполне взрослых мужчин и женщин. Молодежь не стеснена такими ограничениями и входит в половое общение свободно. Добрачная половая жизнь молодежи существует у большинства народов, стоящих на низшей ступени культурного развития. Кроме австралийцев мы находим эту добрачную половую жизнь во всей Полинезии, Меланезии, в южной Америке, южной и средней Африке и в виде разных пережитков, даже у многих культурных народов Европы. Поселенки и другие формы близости молодежи с довольно свободным половым общением среди нее, наблюдающиеся среди славян и других племен средней Европы, — это пережитки такого добрачного полового общения.

Счет родства по женской линии — способ, единственно возможный там, где понятия об обществе еще не существуют. Казалось бы, что такое ведение родства должно было бы вызвать и особое, привилегированное положение женщины. В действительности же в тотемных группах женщина такого положения не занимает. Как и в первобытном обществе, женщину нельзя назвать здесь рабой, или особо угнетенным существом, но по сравнению с мужчиной она остается во всех отношениях существом более низшего порядка.

Несмотря на счет родства по одной из своих пра-родительниц, женщина никогда не стоит во главе группы родственников, живущих вместе. Во всех тех случаях, когда необходимо особое представительство тотемных, т.-е. родственных интересов, в качестве такого представителя выступает мужчина: или брат, или дядя одной из старейших женщин в этой группе родственников. Хотя род и не представляет хозяйственной организации или хозяйственной ячейки в пределах орды, но все же являясь объединением довольно значительного количества людей, он имеет свое представительство в тех случаях, когда решаются общие для всей орды хозяйственные вопросы, и родовая организация постепенно вытесняет более древнюю форму общности.

Родовое
представи-
тельство.

Помимо экономических интересов в орде существует множество и других, довольно разнообразных взаимоотношений людей, вызываемых их совместным проживанием. У каждого из тотемов, т.-е. родов, имеющих этот тотем, существуют свои обычаи, верования, которые сохраняются и тогда, когда этот род живет совместно с другим родом в пределах одной орды. Наблюдение за выполнением всех этих обычаев, брачных запретов и, наконец, примирение интересов при столкновении представителей отдельных родов падает на стариков, как лиц имеющих больший опыт.

У австралийцев в каждой из орд существует несколько таких стариков, которые следят за выполнением обычаев, но так как в орде обычно существует несколько тотемов, и каждый тотем имеет одного, двух стариков, то для согласования интересов отдельных родов в пределах орды организуются особые совещания стариков, представителей отдельных тотемов. О племени дieri (Австралия) Гаунт пишет:— „Среди членов каждого тотема имеется обычно какой-либо мужчина, который старше всех других мужчин этой группы. Благодаря своему старшинству он становится первым человеком тотема и называется „пина-пиннару“, что значит „старший из стариков“, „наибольший из больших“. Но хотя старейший является, таким образом, первым членом тотема, однако, из этого еще не следует, что он пользуется наибольшей властью среди членов тотемной группы. На такого старика возлагается, главным образом, наблюдение за брачными запретами в его тотеме и за выполнением тотемных обрядов. „Так как сожителство многих людей при довольно сложной хозяйственно-общественной обстановке требует

Старейшины.

все-таки некоторого централизованного управления, то из среды „пина-пинару“ отдельных родов выделяется особый главарь, отличающийся или своей силой, или умом, или большой опытностью. Главарь также не руководит всей жизнью орды непосредственно сам. Он только старший среди старших и выполняет решение совета тотемных старшин; в повседневной же жизни принимает участие лишь постольку, поскольку к нему обращаются за разъяснением или советом. В таких случаях главарь руководствуется обычаем, а если нет соответствующего обычая, то прибегает к гаданию. Часто бывает, что главарь одновременно и знахарь, и колдун. Но нередко он ни то, ни другое“.

Родовые старейшины и руководители тотемов имеются не только у австралийцев. Это повсеместная форма руководства общественной жизнью в рамках раннего родового общества, т.-е. тотемных групп. У прокезов (сев. Америка) в то время, когда их наблюдал Морган, также существовали старшины, представители отдельных родов, которые назывались „сахемами“ и совет таких „сахемов“ руководил жизнью группы. Но в отличие от австралийцев, у которых женщины не принимают никакого участия в общественной жизни и не могут присутствовать на совещании представителей тотемов, у прокезов женщины участвовали в совещании сахемов, хотя не могли говорить там и не могли быть выбраны в сахемы. Это несколько более высокое положение женщины у прокезов объясняется существованием земледелия, которое было большим подспорьем в прокезском хозяйстве и находилось целиком в руках женщины.

У коряков и чукчей также сохранилась еще система родового представительства, и старики у них руководят родом; но права и обязанности этих корякских стариков значительно меньше, чем даже у австралийцев.

Тотемные старейшины не обладают никакой властью. Они связаны обычаями, полученными от ранее живших их стариков, не меньше, чем всякий другой член тотемного общества. Отступления от обычаев, вообще, совершенно невозможны для старика. Его роль естественного хранителя всех преданий, обычаев и запретов не дает ему никаких особых прав и привилегий. В австралийских тотемных группах тотемные старейшины весьма чинно сидят на своих собраниях и их заключения выслушиваются взрослыми членами тотема тем почтительнее, чем старше возраст говорящего; но это почитание не освобождает их от работы. При далеких переходах во время зимних охот старики или

участвуют наравне со взрослыми в охоте, или, если дряхлость не дает им возможности следовать вместе с охотниками—они уныло бредут вместе с женщинами и детьми вслед за охотничьей группой и собирают в свои кошельки съедобное, попадающееся по дороге. Отсутствие постоянного прибавочного продукта не дает возможности старикам существовать за счет труда других.

В своих решениях старики руководятся исключительно традициями, т.-е. тем, что они получили от предков. Эти традиции можно разделить на два основных вида. Одни традиции представляют собою несложные указания, что и как сделать в определенных случаях; технические правила, относящиеся к различным областям хозяйственной или общественной жизни. Назовем такой тип традиций обычаями. Другие традиции не столько указывают, сколько запрещают. Такие традиции мы назовем запретами или „табу“ (полинезийское слово, обозначающее запрет). Если невыполнение первого рода традиций, т.-е. обычаев, не вызывает никакого отклика со стороны общества или стариков—хранителей этих традиций, то нарушение запретов, (если оно делается известным) не проходит нарушителю безнаказанно. Бывают такие запреты или табу, которые, по поверью членов тотемных групп, сами по себе уже вызывают определенное наказание при помощи особых колдовских сил, заключающихся в этих табу. Но, если почему либо наказание замедляется, то орда сама выступает в роли мстителя. Мечь орды бывает весьма жестока: изгнание из орды, т.-е. обречение на голодную смерть; закапывание живым в землю, или просто убийство—вот те способы, при помощи которых орда борется с нарушителями своих запретов.

Запреты в начале носят случайный характер и относятся к самым различным сторонам жизни человека. Часто они связаны с теми или другими магическими действиями, которые—по представлению накладывающих запрет людей—должны придать им особое значение и силу. Жители Полинезийских островов накладывают свое „табу“ (запрет) на какой-либо предмет, отмечая его знаком, зарубкой, чертой. Никто из туземцев, заметивший такой знак на предмете, не решится его тронуть. Таким путем появляются всевозможные „знаки собственности“: отметки, значки, клейма. Но еще чаще „табу“ является не личным, а социальным запретом, налагаемым в интересах общества (как-эти интересы в то время понимаются). К таким „табу“ относятся посты, т.-е. запреты в пище. У народов-

Традиции.

земледельцев посты бывают перед посевами (чтобы сохранить семена для посевов) и перед жатвой (чтобы дать дозреть растениям и плодам). Пережитками второго запрета являются у „православных“ посты „Петра и Павла“ (перед жатвой) и успенский (перед сбором плодов). У народов скотоводческих самый большой пост связан с тем временем, когда родится молодой. Для того, чтобы дать ему подрасти, налагается „табу“ на мясо (чтобы не резали молодых животных) и молочные продукты, так как молоко необходимо для новорожденных животных). Пережитком такого запрета является „великий пост“ перед пасхой.

К социальным же запретам относятся и брачные запреты.

Все социальные запреты входят потом в религиозный культ, составляя довольно значительную часть его.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕЛИГИИ.

Новые
формы погре-
бений.

В погребениях конца первобытной эпохи мы отметили появление новых форм, в основе которых лежало стремление лишить покойников возможности делать какие бы то ни было движения и, во всяком случае, не выходить из своей могилы. Переламывание позвонков спинного хребта, вынимание коленных чашек, связывание покойников, запирывание их в узкую глубокую яму—все это вызывалось тем же самым стремлением.

В конце прошлого столетия в Британский музей была доставлена хорошо прокопченная мумия одного из вождей туземцев Аделаиды (Австралия). У этой мумии колени были прижаты к подбородку и вместе с локтями тщательно перевязаны вокруг тела. Но характерной особенностью данной мумии было то, что рот, ноздри и заднепроходное отверстие были защищены. (См. рисунок 40). Зашивание всех отверстий в теле, указывает, что живые люди боялись какого-то постороннего существа, которое могло сквозь отверстия попасть внутрь умершего тела и снова оживить его. Появление таких форм погребения служит самым неоспоримым доказательством того, что у туземцев Аделаиды в эту эпоху существовало представление о душе, живущей в теле и покидающей его после смерти. Откуда взялось это представление?

Причины
жизни и
смерти.

Представление первобытных людей о жизни в начале совпадало с понятием о движении; поэтому люди, животные и все те предметы в природе, которые могли

перемещаться с места на место, в представлении первобытного человека обладали способностью жить. При насильственной смерти прекращение жизни объяснялось потерей крови; таким образом кровь, оказывалась как бы синонимом (словом, имеющим одинаковое значение) жизни. Однако, такое объяснение не всегда оказывалось удовлетворительным: у покойников, умирающих от болезней, потери крови не происходит, а, между тем, смерть их все-таки неоспорима. В поисках более или менее правильного объяснения сущности смерти первобытные люди обратили внимание на то, что мертвый человек, лежащий и не могущий двигаться, не имеет как-будто тени, свойственной живому, и стали объяснять смерть лишением тени. Это первобытное представление о значении тени сохранялось в виде пережитков у очень многих народов вплоть до XV—XVI столетий в западной Европе. По поверьям, господствовавшим в средневековьи, для того, чтобы лишить себя жизни или отдать душу сатане, достаточно было встать так, чтобы тело бросало длинную тень (лучше всего ночью, при луне), и отделить эту тень от своего тела ножом.

Рис. 40. Прокопченная мумия австралийца из Аделаиды.

Потеря тени, как причина смерти, была хорошим объяснением лишь до тех пор, пока погребение носило случайный характер, пока люди не слишком долго оставались с покойником и не наблюдали окончательного разложения тела. С постепенным оседанием, которое наблюдается у рыболовных и охотничьих племен в первую очередь, близкие могли видеть, как распадается тело и как постепенно вылезают кости, и от покойника ничего не остается. Казалось бы, что с окончательным разрушением человеческого тела должна исчезнуть окончательно и „тень“ человека, т.е. представление о нем, как о живом; но действительность показала, что это далеко не так.

Человеческие представления обладают необычайной живучестью; часто образ погибшего человека возникает в нашем сознании под влиянием каких-либо случайных представлений спустя много времени после смерти этого человека. С особой ясностью и отчетливостью такие представления возникают тогда, когда нервная система человека находится в расстроенном состоянии (галлюцинация), или когда человек спит. Для современного культурного человека сны—это только игра его фантазии; для примитивного же человека сон — та же действительность. Если он наблюдал разложение тела и видел после этого во сне близкого человека живым и не поврежденным, то это, по его понятию, служило достаточным доказательством того, что покойник продолжал существовать и без тела. Следовательно, кроме видимого тела существует что-то внутри человека, что дает ему возможность жить, двигаться и после смерти снова принимать человеческий образ. Объяснение смерти, как потери крови или потери тени, оказывалось в таких случаях явно несостоятельным. Приходилось искать новых объяснений, и в поисках их человек обратил внимание на дыхание. Он замечает, что в момент смерти однаково, как насильственной, так и естественной, умирающий лишается дыхания и постепенно холодеет. Дыхание, как возбудитель жизни, дающий возможность телу двигаться и сохранять теплоту, оказывается наиболее удобным объяснением для такого сложного процесса, как смерть. В течение многих тысячелетий это понятие сохраняется в представлении почти всех народов

Дух (душа).

Дух, или дыхание, покидающее тело в момент смерти, не было чем-то бесплотным. Примитивное сознание не имело представления о бесплотном и потому представляло себе дух в виде маленького человека, или чего-либо похожего на него, обладающего всеми материальными свойствами умершего человека. Даже в более позднюю эпоху, когда развитие человеческого опыта должно было привести человека к отказу от полного очеловечения духа, многие народы все-таки представляли себе его в виде маленького животного, которое, только в силу своей микроскопичности, не могло быть замечено человеком. Сказки о душе, одинаково распространенные и на островах Тихого Океана, и в Сибири, и в Европе, указывают нам, что представление о материальных свойствах души было повсеместно.

На островах Самоа (Тихий Океан) есть сказание о том, как два брата-заклинателя пристали ночью к острову

Алеппата в то время, когда вождь племени был опасно болен: „Подойдя к хижине больного, заклинатели увидели двух горных духов, спящих у входа в нее. Духи передавали друг-другу в руки завернутую в лист душу умирающего. Один из духов, приняв заклинателей по ошибке за своих товарищей, сказал им: „возьми это“ и сунул завернутую в лист душу больного. Воспользовавшись этим случаем, заклинатели схватили душу и быстро удалились, а на другой день утром явились к тяжело больному, который уже лежал с отвисшей челюстью и еле-еле дышал, и вернули ему его душу. Больной выздоровел“.

У бурят есть похожая сказка: „Однажды ночью“,— рассказывают они,—шел человек, имевший способность видеть духов. Он увидел трех духов и присоединился к ним. По пути он узнал, что эти духи идут за душой одного больного человека. Бурят пошел вместе с ними. Когда они все пришли к больному, то один из духов встал у двери, а другой у дымового отверстия и заставил больного чихнуть. Во время чиханья душа больного выскочила и хотела убежать, но стоявший у двери дух поймал ее и, несмотря на ее плач, понес добычу в руках. На обратном пути человек, шедший вместе с духами, спросил у них, чего они больше всего боятся. Те ответили, что они особенно боятся шиловника и боярышника. Через некоторое время бурят предложил духам понести немощко взятую ими душу, так как они-де устали. Те согласились и передали ему душу. Встретив по дороге большой куст шиловника и боярышника бурят быстро бросился внутрь куста и залег там. Духи не решались близко подойти к колючему кусту и походив вокруг да около, ушли во-свояси; а бурят вернувшись обратно к человеку, потерявшему душу, вложил ее в мертвое уже тело и тем оживил его“.

В Ярославской губернии душу представляют до сих пор в виде бабочки, и мотылек так и называется „душечка“. Такое же поверье существует и на Украине в Херсонской губернии. В Полтавской же и в Харьковской губерниях душа большей частью представляется в виде мухи, прилетающей после смерти покойника домой пить из чашки воду. У монголов душа представляется в виде небольшой вши, и поэтому, оберегая себя от этих насекомых, монголы сбрасывают их только на землю, не решаясь давить.

Представление о духе, живущем в теле и дающем ему возможность жить, носит название „анимизма“ от латинского слова „animus“—(дух); это представление

Анимизм.

в течение значительного периода времени продолжало господствовать в воззрении многих и многих народов.

Смерть, таким образом, объясняется уходом из тела духа. Но уход этот не всегда окончателен. Бывающие изредка и у примитивных народов случаи летаргии, а также обмороков объясняются, как временное покидание тела духом и потом обратное возвращение его туда. Образы, появляющиеся во сне, и временное покидание тела духом во время летаргии и обмороков заставляют примитивное сознание предполагать, что духи могут существовать и вне человеческого тела, и что они путем различных воздействий на человека могут быть снова возвращены в то тело, откуда они вышли. Отсюда появление многих магических средств, имеющих целью заставить дух возвратиться в покинутое им тело.

Анимистические представления человека отражаются в объяснении им всех сложных явлений. Болезнь, по воззрениям первобытного человека, всегда вызывалась тайным или явным повреждением тела. Австралийские знахари при каждой опухоли непременно „вынимают“ у больного из этой опухоли камень, который тайно положили будто бы туда враг больного... При развитии анимистических воззрений, т.-е. при вере в особого духа, обитающего в теле, болезнь объясняется уже значительно сложнее: не прямым воздействием врага, а каким-нибудь повреждением человеческой души. Поэтому и лечение больного сопровождается теми приемами, при помощи которых можно было бы освободить не столько тело, сколько дух от его немощи.

Духи рек,
полей и гор.

По первобытным воззрениям мертвец двигался и жил только до тех пор, пока сохранялось его тело. С появлением веры в духов, жизнь мертвеца делается значительно более долгой: духи мертвецов живут в самом материальном виде до тех пор, пока память о них окончательно не стирается у современников. Чем дольше живут люди на одном месте, и чем больше разрастается человеческая группа, тем больше сохраняется в ее памяти представлений о различных покойниках, погибших то в одном, то в другом месте, и в конце концов почти вся окрестность оказывается населенной этими духами. Духи погибших в горах остаются жить в горах; духи утопленников в реках и озерах, духи погибших в степях населяют степи; всюду, куда бы ни проник человек, оказываются и духи его умерших близких. Громадное количество духов, память о которых сохраняется в совсем ослабленном

виде у современников, приводит к тому, что отдельные покойники теряют свои личные имена, и целая группа духов приобретает название по характеру той местности, где они живут. Так появляются у славян: „лешие“, „водяные“, „русалки“; у арабов „джины“ пустынь, у чувашей „киремети“, у якутов „иччи“ и „иччи-тэ“ и т. д. Человек населяет всю природу духами своих близких—мертвецов.

Отношение духов к человеку, вообще, безразличное; но не имея точного представления о жизни духов, человек их несколько опасается и держится всегда настороже. Он думает, что малейшая бестактность по отношению к духу может повести к большим неприятностям. Чаще всего тревожит духов голод. Приношение пищи духам время-от-времени должно избавить живущего человека от злобы и мести покойников. Чувашки, например, верят, что мертвые обижаются, если им долго не устраивается поминок, т. е. не кормят их. Даже некоторые болезни, по их представлениям, например, боль в пояснице или резь в животе, представляют собою месть мертвых за невнимательность к ним живых.

Среди духов есть и определенно злые, которые стараются принести человеку возможно больший вред. Это духи погибших насильственной смертью и духи самоубийц (очевидно, представление о том, что в самоубийстве виноваты окружающие, весьма древнего происхождения), а также духи людей, имевших причины почему-либо быть недовольными остающимися в живых. От злых духов приходится защищаться, тщательно обезвреживая их, например, употребляя те самые способы изувечения покойников, которые мы наблюдаем при погребении в южной Европе 18—20 тысяч лет тому назад и которые наблюдаются в настоящее время у эскимосов, австралийцев и проч. (см. рисунок 41). Калечение покойников встречается не только у народов, живущих в Австралии или на Дальнем Севере. В пределах СССР мы найдем немало обычаев, похожих на обычаи тех же австралийцев. У чувашей и у великоруссов существует обычай вбивать в могилу покойника, заподозренного в злых поступках по отношению к живым, осиновый кол, который пробивает гроб насквозь и пригвождает покойника к его могиле. В тех же целях воинственные народы отрезают головы своим врагам, и кроме даяков, полинезийцев и других экзотических племен, мы найдем подобные же обычаи у сравнительно мирных тюркмен в Закаспийской области и Хорезме.

Злые духи.

Подобные физические приемы считаются очень верным средством для того, чтобы обезвредить себя от поползновения злых духов, но все-таки в сознании людей, калечащих трупы этих покойников, остается небольшая боязнь, что духи сумеют отомстить им и без искалеченного тела. Тогда виновники смерти их стараются задобрить загубленные ими „души“ пищей или сладкими речами.

„Примирение“ с злыми духами.

Туземцы острова Тимора после победы устраивают обряд „примирения“ с душой убитого; разложив в ряд отрубленные головы, победители поют: „Не сердись на нас за то, что у нас здесь находится твоя голова. Если

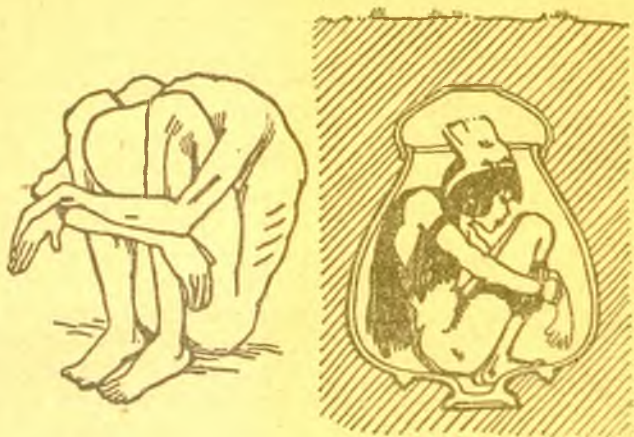

Рис. 41. Способы погребения у северо-американских индейцев и у эскимосов.

бы счастье не улыбнулось нам, то наши головы висели бы в твоей деревне. Мы принесли тебе жертву, чтобы умилостивить тебя. Теперь твой дух может упротвориться и оставить нас в покое. Почему ты был наш враг? Не лучше ли нам быть друзьями? Тогда не пролилась бы твоя кровь, и не отрубили бы тебе голову“... На острове Целебес встречается подобный же обычай у племени палу. Галасы в восточной Африке, прежде чем вернуться в родную деревню, приносят жертву духам убитых врагов. Даяки и сараваки на острове Борнео приносят с похода домой головы убитых врагов и в течение целого месяца обращаются с ними с самой пылкой любезностью: называют их нежными именами, всовывают в рот лучшие куски пищи и лакомства... Эти способы примирения с душами врагов ука-

зывают на то, что человек не слишком верит в меры физического воздействия по отношению к покойнику.

Из поклонения злым духам, стремления задобрить их и превратить в своих покровителей развивается особый культ, т.-е. особое служение, так называемый культ „черной веры“.

Кроме духов, которые считаются злыми, существуют и добрые духи. Это—духи близких родственников, особенно тех, которые при жизни приносили определенную пользу отдельным лицам или всей человеческой группе. Старики, хранители тотемов, любимые вожди,—все они считаются добрыми духами, которые могут помочь против злых духов (прежде всего), а также против злых людей. Доброму духу вручает человек себя и близких, если боится какой-либо напасти со стороны своих врагов.

Добрые духи.

Из почитания добрых духов возникает другой культ, культ предков, или, как говорят иначе, „белая вера“, религия.

В основе религии лежит представление о том, что какие-то высшие существа вмешиваются в жизнь людей и направляют ее по своему желанию. Религия возникает вследствие уверенности человека в недостаточности его личного и общественного опыта для правильного устройства своей жизни, и является первой и притом универсальной системой общественной идеологии. Все отдельные верования и представления человека—довольно пестрые в течение первобытной эпохи—слагаются в единую систему воззрений, группирующихся вокруг культа предков.

Религия.

Культ предков возникает вначале из поклонения душам умерших родственников вообще. У белоруссов до сих пор существует обычай, называемый „дзяды“, который состоит в поминках умерших и из которого видно, что дух умершего младенца оказывается таким же защитником живых людей, как и дух покойника—совсем старого опытного человека.

Культ предков.

У других народов духи стариков чтутся больше, чем духи молодых. Вотяки, принося покойникам пищу, произносят следующую молитву: „Примите, старики; мы вас поминаем! Ради этого праздника в вине, в пиве не нуждайтесь. Вы жатву нашу не поедайте червями, животным нашим хворости не напускайте, остающихся

животных берегите. На том свете живите хорошо. Пускайте наших животных в овраг, хищным зверям не давайте. И старики, и молодые, вместе ешьте и пейте, друг-друга не обижайте!". Но, несмотря на близкие родственные узы, соединяющие живых с их покойниками—предками, вотяки все-таки не очень доверяют душам умерших и делают крепкую ограду у их могил для того, „чтобы мертвые не выходили из этой ограды и не топтали на полях хлеб“...

Из двух видов духов: злых и добрых (т.-е. покойников чужих и покойников своих), добрые считаются сильнее. Им приписывает человек то обстоятельство, что он все-таки продолжает жить и вести свое хозяйство, несмотря на все козни злых духов. Для того, чтобы усилить опеку над собой добрых духов, он пытается их привязать к себе и хоронит невдалеке от своего жилища (если ведет близкое к оседлости существование), или берет их с собой в свои перекочевки, (если жизнь его носит еще кочевой характер). Так как переноска всего трупа или скелета неудобна, то кочевые народы носят с собою голову умершего, в которой, по их представлениям, содержится человеческий дух, или какую-либо другую часть тела, высушенную или очищенную от мяса. Таким способом человек думает привязать к себе дух умершего и обеспечить нужную от духа поддержку. Вера в мощи, сохранившаяся до сих пор у многих народов, живущих в пределах СССР, есть дальнейшее развитие представлений о покровительстве добрых духов в тех случаях, когда человек обладает частицей их тела.

Изображения предков.

В тех случаях, когда тело погребается целиком, и человек таким образом лишается возможности иметь при себе дух покойника, живые вотивки его, ищущие защиты, делают изображение умершего из дерева, соломы или другого материала (см. рисунок 42). Изображение как бы заменяет разрушившееся от времени тело покойного и служит вместилищем его души. У народов кочевых, принужденных часто передвигаться с места на место, изображения предков получают особое развитие; у оседлых народов они также встречаются, но их очень часто заменяет поклонение местам погребения — могилам.

Изображения предков не являются постоянным вместилищем их душ. Для того, чтобы дух предка вошел в сделанное человеком изображение, необходимо применение множества магических средств, сила которых рассчитана на сравнительно короткое время; затем дух

снова покидает изображение. Если человек желает добиться возврата духа, он снова обязан прибегать к тем же самым магическим приемам.

У гольдов, жителей восточной Сибири, вместо изображения предков употребляется особая подушка — „фана“. Если кто-нибудь из живых родственников покойного желает разговаривать с его духом, он кладет эту фану на лавку в своем жилище и путем различных заклинаний и магических действий заставляя душу предка войти в подушку. Вначале вся семья участвует в этих магических способах превращения подушки в душу предка. Позже из среды семьи или даже из среды целого племени начинают выделяться особо одаренные в этом отношении люди, которые занимаются вызыванием духов предков, как своей профессией. Такие люди носят название „камов“, „шаманов“, колдунов и проч., и отличаются от обыкновенных людей своей необычайной нервной возбудимостью, дающей им возможность приходить в состояние полного забвения окружающего. Вызывание

Вызывание
духа предка.

Рис. 42. Изображение предка, с о-ва Целебеса, с приспособлением для жертвоприношений.

духа умершего носит название у этих народов „камлания“ или „шаманства“. Оно до сих пор еще встречается у всех племен северо-восточной Сибири: у чукчей, тунгусов, ороченов, гольдов, коряков; как пережиток сохранилось еще у якутов и бурят, у некоторых народов, живущих в европейской части СССР: вотяков, чувашей и др.

„Шаман“ (якуты), „кам“ (гольды, алтайцы), „туно“ (вотяки), „пемзь“ (черемисы)—не совсем обыкновенный человек. Это большею частью человек, одержимый истерией, или каким либо другим тяжелым нервным заболеванием. Один из якутских шаманов так рассказывает о той причине, которая заставила его шаманить: „20-лет отроду я сильно захворал и стал видеть

Заклинатель
(шаман).

очами, слышать ушами то, чего не видели, не слышали другие. 9 лет я перемогался и никому не говорил о том, что со мной творится, так как я опасался, что люди не поверят и будут надо мной смеяться. Наконец, я разболелся до того сильно, что мне угрожала неминуемая смерть. Когда же я стал шаманить, мне стало легче, и теперь, если долго не шаманю, со мной бывает нехорошо, я хвораю". (См. рисунок 43).

Камлание.

Во время камлания шаман приходит в состояние такой нервной возбудимости, что его можно сравнить только с человеком, одержимым бешенством. Вот как описывает камлание В. Серошевский: „В течение часа и более он кружится, поет, барабанит, прыгает и кричится; голова его опущена вниз, глаза полузакрыты, спутанные волосы в беспорядке висят по потному лицу; рот судорожно искривлен, зубы оскалены, изо рта текут слюны, нередко даже пена. Волна его возбуждения несколько раз то слабеет, то снова поднимается, иногда даже совершенно затихает; тогда шаман, высоко поднявши свой бубен, без которого не обходится ни одно камлание, наигрывает на нем спокойный торжественный гимн и опять просит и закликает духов. Когда он узнал все, что ему нужно, то-есть выяснил причину несчастья или болезни, с которой он борется, заручился обещанием содействия тех духов, кого нужно, он с пением направляется к больному. Новыми заклинаниями он изгоняет болезнь, запугивает ее или высасывает ее ртом из больного места и уносит обратно на середину избы, где после многих новых заклинаний выговаривает ее, выбрасывает вон пинками или сдувает прочь с ладони“. Таким образом камлание представляет из себя не что иное, как вызывание духов предков или тех могущественных духов, которые обитают в горах, лесах, пустынях, и попытки, путем магических различных действий, заставить их оказать помощь больному человеку. Камлание применяется в весьма разнообразных случаях, когда человек считает себя совершенно бессильным и поэтому принужден прибегать к помощи своих предков.

Камлание, в том или другом виде, можно наблюдать и в Австралии, и в Африке, и в южной и северной Америке, и в Гренландии—у народов, верящих в духов и покровительство предков. И фигура кама, колдуна, кудесника, ангагока имеет много сходных черт: каждый из них должен сам верить в свое призвание, страдать нервными припадками или иметь на теле какие-либо отличительные

знаки (напр. круглая дыра в языке австралийского колдуна, которую делает он сам). Несмотря на множество фокусов, употребляемых этими вызывателями духов, о сознательном обмане с их стороны не может быть и речи.

Поклонение предкам имеет глубокие социальные корни. В этой культуре заключается преклонение человека перед традициями, которые идут от предка, и которые управляют всей жизнью общества в раннюю или даже более позднюю родовую эпоху. Так как при всяких происшествиях, несчастиях, происходящих в обществе, старики-хранители традиций всегда ссылаются на более старое предание, полученное ими от ранее живших стариков, то в представлении современников эти далекие предки оказываются всезнайками. Они предвидят якобы события на много лет вперед.

Чем дольше живет человечество и чем глубже вдале прошлого отходят отдельные имена и события, тем могущественнее кажутся предки их потомкам. В конце концов, все наиболее видные происшествия, сохранившиеся в памяти потомков, спутанные вследствие отсутствия счета и правильного летоисчисления, начинают приписываться предкам, жившим в необычайные „сказочные“ времена, когда „на земле

Рис. 43. Шаман, в момент камлания, высматривающий духов.

Обоготворение предков.

все было не так“, как теперь. Лишенные собственных имен, потерявшие всякую зависимость от окружающего, предки превращаются в необычайные существа, сходные с людьми только по внешнему виду, но превосходящие их во всех отношениях, т.-е. богов.

У австралийцев предки-боги, по их сказаниям, жили в далекое время—„альчеринг“, когда на земле все имело другой вид, чем теперь. Боги-предки носят у них название „прародителей“, „праотцев“, „самых старых“, „породивших“, „старых отцов“ и т. д. У народа а-банту, (кафров) боги-предки называются „ункулункулу“, т.-е. „старые-престарые“. У древнего культурного народа центральной Америки ацтеков также существовали боги-предки, которые имели даже свою родословную; так например, все три основных бога-предка имели не только мать, но и каждый свою бабушку...

Многобожие.

Так как у каждого рода было несколько стариков, память о которых жила среди потомства, то и божество вначале носило множественный характер. Бог предок был не один для всего рода, или, тем более, для целой человеческой группы, живущей совместно; таких богов было много. Многобожие свойственно всем народам, религия которых содержит черты культа предков, и евреи вначале поклонялись также не одному богу, как говорится в библии, а многим предкам, которых они даже пытались изображать, делая эти изображения из дерева или из металла. В библейском рассказе о бегстве Иакова с женой и детьми от своего тестя Лавана говорится о том, что Рахиль украла у своего отца серебряные изображения предков. Следовательно, в эту эпоху евреи также поклонялись многим богам, как и остальные народы.

Тотемизм.

В раннем родовом обществе, где зародилась религия в виде культа предков, предки выполняли такую же роль, как и некоторые тотемы, т.-е. именами предков часто обозначались отдельные роды, которые до сих пор носили название тотемных животных. Так как тотем был символом рода и на протяжении многих поколений оставался неизменным, то было вполне естественно, что члены рода ставили свой тотем в определенную связь с предками. Разница между человеком и животным для примитивного сознания не так велика: уверенность в том, что всякая жизнь связана с душой, заставила наделять душой и животных, и таким образом дух тотема-животного оказался таким же древним, как и дух предка-человека. Оба духа постепенно в пред-

ставлениях людей сливаются вместе, превращаясь в предков-животных, от которых потом произошли люди. Эта разновидность культа предков—вера в происхождение людей от предков животных—носит название „тотемизма“.

По представлениям австралийцев, у которых тотем, под названием „кобонга“, получил наибольшее развитие, предок вначале был животным, но потом он создал или родил людей, от которых происходят все люди данного тотема. Когда предки превращаются в божество, люди начинают представлять это божество в виде какого-то сказочного животного, которое было родоначальником всего существующего на земле. Животные, имя которых носит тот или другой род, находятся в связи с животным-родоначальником тотемной группы: они являются такими же потомками тотемного родоначальника, как и люди, принадлежащие к этому тотему.

Отношение к этим животным должно, конечно, отличаться от отношения к другим животным, с которыми сталкивается человек. Животные-тотемы, происходящие от одного и того же прародителя, что и человек, считаются одной крови с ним, и поэтому за ними нельзя охотиться и нельзя употреблять их в пищу. Воззрение это складывается не сразу. У австралийцев мы можем найти много племен, которые до сих пор охотятся и едят свой тотем, например люди, принадлежащие к тотему „личинки уитчети“ (племена арунта) часто цитаются этими личинками. Другие племена, как например, урабуица, вонкаингурра и кайтиш едят своих тотемных животных лишь во время празднеств, чтобы воспринять через них от своих предков-тотемов часть божественных свойств. У третьих племен, например, у нарринперп поедание тотема вовсе не допускается.

Запрещение употребления в пищу тотемных животных усиливается по мере развития тотемизма. Когда народы сталкиваются, они передают друг-другу свои обычаи; в таких случаях всевозможные запреты воспринимаются часто, как голое запрещение без определенной связи с существовавшими у этого народа обычаями, что приводит к курьезам. У народа, населявшего в доисторическую эпоху Сирию, среди остальных тотемов, были тотемы рыбы и кабана. С развитием почитания предков, принявшим вид тотемизма, поедание тотемных животных сделалось предметом культа, т.е. разрешалось лишь в праздники и запрещалось в остальное время. Когда евреи столкнулись с сирийцами, они

Пережитки
тотемистиче-
ских запретов
в пище.

восприняли много сирийских обычаев и, между прочим, запрещенные есть свинину (мясо кабана — сирийского тотема). Так как основание этого запрещения было для евреев совершенно непонятным, то голый запрет постепенно превратился в полное отвращение к этому виду мяса.

У евреев существовали и собственные тотемы, сходные с тотемами сирийцев. Среди них наиболее распространенным был тотем-рыба. Вместе с падением культа предков стал окончательно отживать и тотемизм; многие ограничения в употреблении той или другой пищи, связанные с тотемизмом, отпали. Отпало ограничение употребления рыбы, которая сделалась любимым блюдом евреев, при чем ритуальный, т. е. божественный характер употребления рыбы сохранился во время праздников. Об евреях, живущих в восточной Галиции, рассказывают, что если бедняк не в состоянии купить себе в праздник большой рыбы, то он приобретает маленького пескаря, которого по кусочкам, в сопровождении множества религиозных обрядов, ест в вечер с пятницы на субботу со всей своей семьей. Это употребление рыбы, как часть религиозного обряда — остаток тотемизма. Мясо же свиньи, которая не была даже еврейским тотемом, осталось попрежнему под запретом, т. к. причина этого запрета была совершенно неясна для современников, и для оправдания его они старались найти новые основания... Конечно, изобретательные раввины такие основания нашли.

От евреев этот запрет перешел к другим соседним народам, главным образом, к народам семитского происхождения, к арабам. Войдя в учение Ислама, распространенное арабами среди народов Азии и Африки, запрет есть свинину охватил множество народов... Так путешествуют различные выродившиеся запреты, приобретаая новых и новых ревнителей тогда, когда они уже потеряли всякий, даже религиозный, смысл.

Культ предков и пережитки тотемизма у народов СССР.

Поклонение предкам — одна из самых распространенных религий, существующих на земле. В чистом виде или в виде пережитка мы можем найти культ предков и в Австралии, и в Азии, и на островах Тихого океана, и в Африке, и в Америке и даже в Европе. Вся северо-восточная окраина Сибири и Камчатка населена народами, поклоняющимися или духам, обитающим вокруг них, или своим предкам. Коряки, орочены, чукчи, голды, гилияки — все верят в духов, поклоняются предкам. Якуты в своих народных поверьях

сохранили также много остатков прежней веры в духов, культа предков и даже название главного бога их „урунар-тойон“, т.-е. „белый старец, господин“, подчеркивает связь этого бога с человеком, как предка-прародителя. У народов, живущих в европейской части СССР, почитание духов сохранилось у белоруссов, у украинцев, у народа комп, у черемисов, вотяков и чувашей. На Кавказе почитание духов почти уже выродилось, но культ предков силен почти у всех горцев.

Сказки и некоторые обычаи указывают, что кроме культа предков у народов СССР был и тотемизм. У якутов: орел—„хотой-айы“, ворон—„хара-сылчылах“—оба являются богами и стоят в непосредственной родственной связи с остальными божествами; „айы-сыл“—„дух размножения“ собака, может даже даровать женщине ребенка... Кроме этих тотемов, у якутов почитается также хорек, которого якуты не трогают, и лиса. У коряков, ороченов, чукчей, гольдов и прочих народностей северо-восточной Сибири главными тотемами были ворон, медведь, лиса, а у гольдов даже тигр, что указывает на более южное происхождение этой народности.

У чувашей тотемами были волк и олень, а также овца и мышь. В честь овцы и теперь еще существует особый праздник, называемый „шарык ял“ (овечья нога).

У великороссов и украинцев тоже можно найти остатки тотемизма. Не говоря уже о сказках, в которых лиса и другие звери принимают весьма активное участие, есть ряд обычаев, подчеркивающих значение некоторых тотемов. На святках устраиваются танцы ряженных, т.-е. лиц, одетых животными, среди которых чаще всего бывают медведь и коза. В свадебном обряде украинцев в Херсонской губернии большую роль играет кожух, т.-е. овчина, в которую рядится шерстью вверх мать невесты и пугает жениха. Перед новым годом у этих народов употребляется хождение с козой и медведем, во время которого распеваются песни про козу. „Где коза ходит—поется в этих песнях—там жито родит; схватила серпок, по горе скок, скок“ и т. д. Коза выступает в этих песнях, как покровительница земледелия и защитница людей. Приписывание таких неожиданных качеств козе возможно лишь в том случае, если у людей, слагавших песню, коза считалась прародителем людей.

Пережитки тотемизма у великороссов и у украинцев очень многочисленны и могут быть основой специальной работы.

Культ предков не останавливается на степени появления богов-прародителей; он превращается в культ богов-покровителей очага, с одной стороны, и в культ бога-покровителя племени, владыку вселенной—с другой. Новая форма культа и новое содержание религии непосредственно вырастает из только-что описанного культа предков и является дальнейшим его развитием; но причина этого дальнейшего развития религии лежит за пределами раннего родового общества и коренится в новом изменении форм хозяйственных и общественных отношений, к описанию которых мы переходим.

Б. Развитое родовое общество.

4. РАЗВИТИЕ СКОТОВОДСТВА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ.

Скотоводство и кочевой быт.

Развитие основных промыслов человека идет довольно быстро. Начавши с приручения стад жвачных животных, человек постепенно переходит к полному одомашниванию этих животных и использованию их рабочей силы в своем хозяйстве. За 12.000 лет до нашей эры человек успел окончательно приручить таких животных, как козу, овцу и свинью.

От разведения мелкого рогатого скота человек постепенно переходит к разведению более крупных животных: лошадей и крупного рогатого скота. Кафры в южной Африке имеют колоссальные стада быков, которых они используют исключительно для мясной пищи. Употребление молока животных кафрам совершенно неизвестно. Неизвестно оно и кочевым племенам крайнего севера: корякам, чукчам, которые свои стада оленей держат исключительно для мяса и для передвижения.

В поисках лучших пастбищ для скота, скотоводы принуждены переходить с места на место; вся жизнь их превращается в постоянные перекочевки. „Номады“, как их называют, всю жизнь живут в стояках в своих кибитках, юртах, палатках, так как постоянное передвижение делает невозможным постройку оседлых жилищ. (См. рисунок 44). Перекочевки вызваны разными причинами, но тесно связаны со сменой времен года.

У чукчей жизнь проходит в правильной смене весенних, летних и зимних кочевок. Зимой чукчи кочуют несколько меньше — иногда в течение 2—3 месяцев остаются на одном и том же месте, — но в конце февраля они снимаются с зимовок и перекочевывают по направлению к летним стойбищам.

У киргизов перекочевки происходят в течение всего года. Для выбора места новой перекочевки посылаются вперед разведчики, на обязанности которых лежит также и расчистка колодцев или отыскивание водопоев. Время стоянки на одном и том же месте зависит от состояния кормовых трав, и редко где бывает больше месяца, а иногда даже и несколько дней.

У калмыков перекочевки зависят также от необходимости менять пастбища; в дождливое время калмыки

Рис. 44. Кибитка киргизов.

долго сидят на одном месте, так как корма и воды бывает для скота достаточно, но в сухое время они расходятся по степи, отыскивая корм для своего скота. Весной калмыки удаляются вглубь степи, а на осень приближаются обратно к зимовью, последовательно вытравливая корм. Средние переходы бывают в 15—20 верст в день, в годы же засухи калмыки мечутся по степи, идут зигзагами, скачками, отыскивая места, где можно было бы кормить скот.

Таким образом, перекочевки непосредственно связаны с самим занятием скотоводством и делаются тем чаще, чем больше размеры стад и чем меньше подножного корма находится в данной местности.

У номадов работа по уходу за скотом ведется мужчиной. У киргизов, на них возлагается доставление корма

скоту, отыскивание мест для перекочевков, охрана стад и т. п. Женщины же работают по дому, готовят пищу, смотрят за детьми. У калмыков мужчины воят скот, очищают худыку (канавы) или копают повые, а женщины в это время приготавливают аргасун (кизык), делают обед, бьют масло, шьют и чинят одежду, ткнут, прядут шерсть, плетут веревки. Если участь всю хозяйственную работу кочевой семьи, то окажется, что мужчины выполняют меньшую часть ее, а женщины гораздо большую.

Положение мужчины-скотовода значительно выше, чем положение женщины. Скотовод не только выбирает более легкую работу, но и пользуется гораздо большими правами, чем его жена, мать или сестры.

Плужное земледелие.

Развитие производственной техники изменяет и характер земледелия: от примитивного вскапывания земли для посадки корнеплодов, женщины переходят к посеву семян, из которых вырастают хлебные злаки, и от простой палки копалки—к мотыке. Чем больше этот промысел дает продуктов питания, тем чаще мужчины начинают принимать в нем участие, и сначала подготовка поля, а позже и самый посев начинает производиться им. Роль мужчины в этом промысле делается наиболее значительной тогда, когда от работы на поле при помощи мотыки человек переходит к обработке земли при помощи плуга или сохи. Виловатый сук, которым мужчины разрыхляют почву, превращается в заостренное земледельческое орудие—соху, одинаково употребляемую у земледельцев, как в тропических странах, так и в Европе, и в Африке и в Азии. (См. рисунок 45). У славян в VI—VII веках соха была единственным земледельческим орудием и вскапывание земли производилось силой самих людей, но уже в VIII веке для этой цели употребляется скот, главным образом, быки и позже лошади. У древних германцев в I и II веках такая же вспашка производилась сохой или примитивным плугом, влекаемым парой волов.

Использование силы скота при земледелии изменяет роль мужчины и женщины в этом промысле. До сих пор в земледелии господствовали женщины: они производили вскапывание земли, они сажали корнеплоды, они собирали урожай. С применением скота в земледелии мужчина начинает преобладать и в этом промысле: он производит вспашку, он же производит и засева, и только сбор урожая предоставляет женщинам. Переработка же всех продуктов, получаемых от земледелия, попрежнему ложится

на женщину: она сушит и обмолачивает зерно, превращает его в муку, печет из него хлеб. Обмолачивание производится ручным способом при помощи камней, иногда ногами скота, прогоняемого по разложенному на ровном месте хлебу, иногда же особым приспособлением в виде крупного катка из камня или дерева „увап“ у киргиз. Размалывание зерна производится также вручную. Вначале, это просто раздавливание его между двумя камнями; позже появились примитивные жернова, приводимые в действие руками. Печенье хлеба производится исключительно женщинами.

Рис. 45. Кабийский земледелец (сев. Африка).

Вместе с развитием основных промыслов, начинает развиваться и техника выделки орудий труда. Каменные орудия, изготовлявавшиеся ранее из кремня, делаются из более твердых пород с того времени, как шлифование и сверление делают возможным их обработку. Однако, использование каменных орудий в земледелии делается все более и более затруднительным. Как бы ни был крепок камень, он все-таки ломается при ударах. Человек начинает изыскивать лучший материал, который был бы более крепок и в то же время более легок для обработки. В поисках нового материала, он натывается на медную руду, которую вначале использует так же, как использовал камень, т.е. отбивает ее, шлифует и сверлит. Самородная медь встре-

Переход от
камня к ме-
таллам.

чается довольно редко: медный колчедан, пестрая медь и медный блеск—вот те формы, в которых попадаетея она чаще всего на земной поверхности. При обивке кусков руды, она откальвается не такими неровными краями, как кремень или другая порода камня, а плющится. Орудия, сделанные из медной руды, обладают большей режущей силой, им легче придать нужную форму, и они не так хрупки, как каменные.

Несмотря на удобства отделки руды, орудия из нее встречаются крайне редко, так как на поверхности земли найти руду трудно. В поисках материала для каменных орудий человек начинает делать не глубокие ямы, шахты и извлекать оттуда необходимый для него

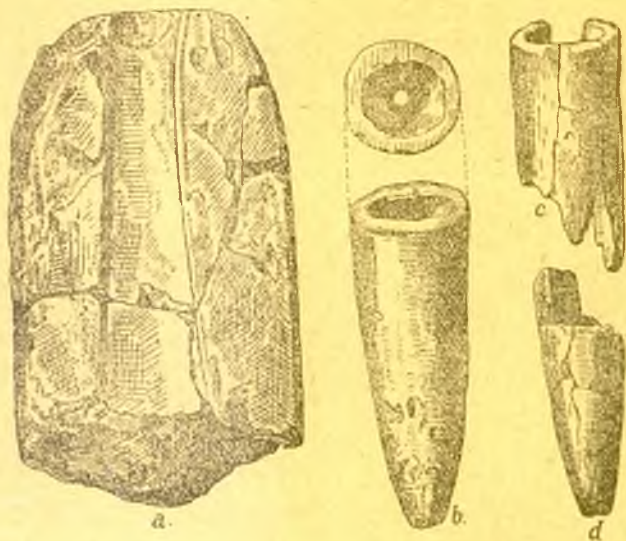

Рис. 46. Каменные формы для отливки меди.

материал. За 14—15 тысяч лет до нашей эры человек уже умел делать шахты для получения кремней. В Бельгии, около города Монс, в местности Слена найдена такая шахта в 12 метров глубины, в 2 метра вышины и в $2\frac{1}{2}$ метра ширины. Добыча кремня из шахты производилась при помощи кирок из оленьего рога, которыми человек выламывал отделившиеся куски пород. Так как кремень залегал сплошными массами, то для раскалывания его употреблялся следующий способ. Около породы разводился костер и, когда кремень достаточно накалялся от огня, его поливали водой; в получаемые трещины просовывался конец кирки, и, действуя ею как простым рычагом, человек выламывал

куски кремня. Из опасения обвала примитивные шахтеры подпирали верх шахты деревянными подпорками; получалась настоящая штольня, отличающаяся от современной лишь тем, что в ней добывалась не руда и не каменный уголь, а кремень.

Точно таким же образом человек пытался добывать и медную руду. Когда для этой разработки стал применяться огонь, раскалывавший камни, человек встретился с одним совершенно непредвиденным затруднением: медная руда на огне не раскалывалась, а плавилась. Заметив, что плавление дает возможность по-

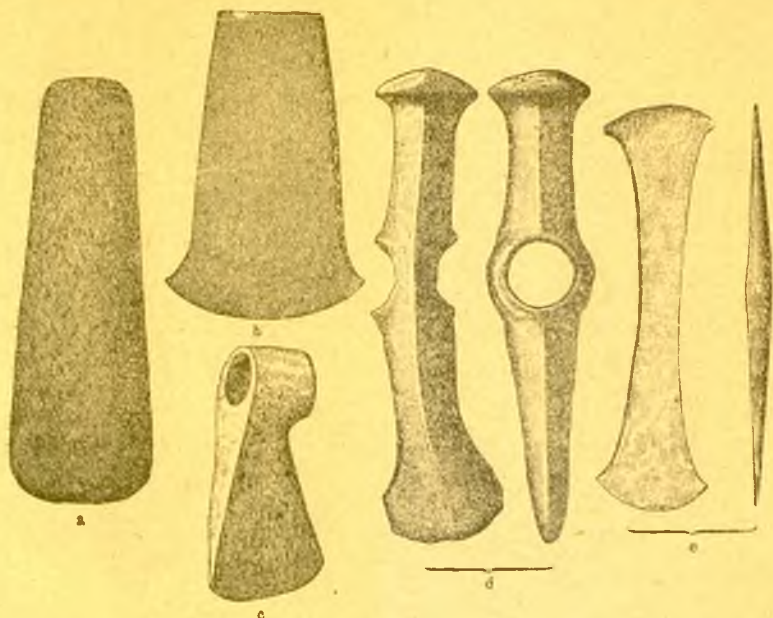

Рис. 47. Медные топоры и секиры.

лучить более чистый металл, отделенный от всяких примесей, и что этот чистый металл куется т.-е. обрабатывается гораздо легче, человек стал сознательно прибегать к плавлению.

У археологов эпоха плавления меди, соединенного с ее ковкой, носит название „медного века“. Медный век был сравнительно короток, не превышал 2—3 столетий, потому что от примитивнойковки медных слитков человек переходит к отливке орудий, делая формы из глины, песка или камня (см. рисунки.) Так как песочные формы не давали возможности отливать более или менее гладкие орудия, их приходилось шлифовать, как раньше шлифовались каменные орудия.

Медные орудия были сравнительно мягки и быстро тупились; но когда к меди стали примешивать олово, получился очень прочный сплав. Бронза, т. е. сплав меди и олова, дает возможность отливать гораздо более

Рис. 48. Орудия и оружие из бронзы (ранняя эпоха).

прочные орудия (см. рисунки). Наряду с бронзовыми орудиями очень долго сохраняются и каменные; но так как потребность в лучших орудиях вызывала желание у каждого иметь или бронзовое или медное орудие,

то каменным орудиям стараются придать тот же внешний вид, какой имеет новое металлическое орудие (см. рисунки).

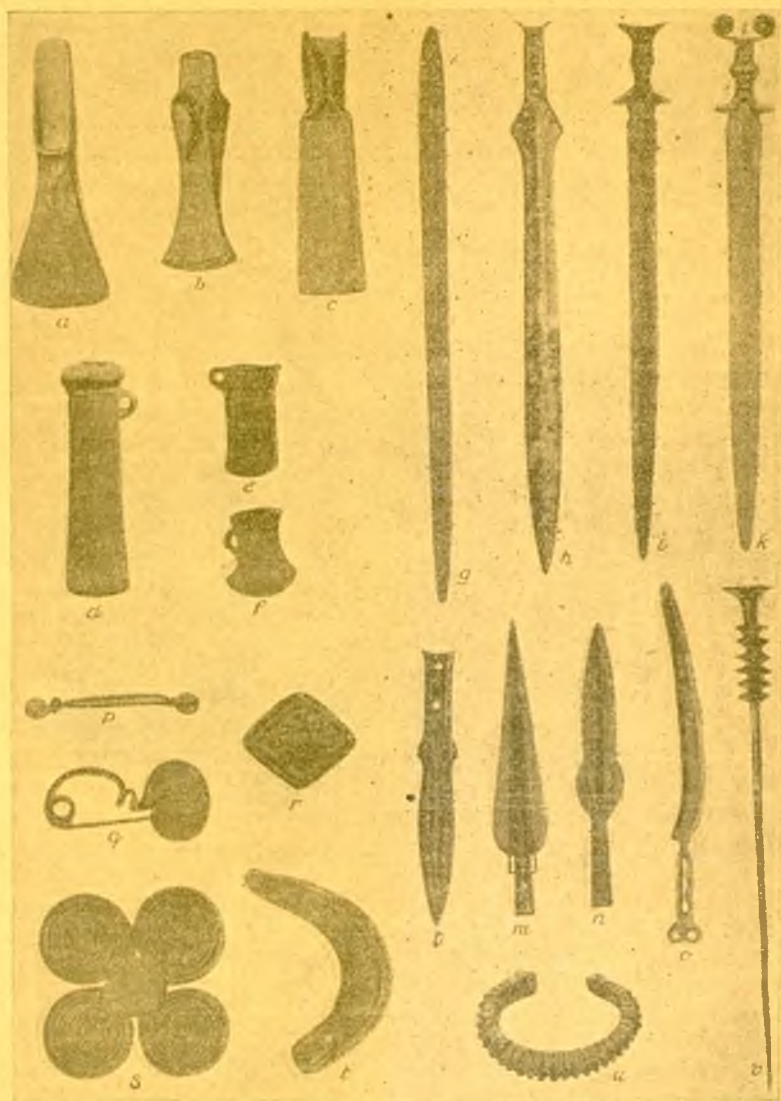

Рис. 49. Орудия и оружие из бронзы (поздняя эпоха).

Бронзовые и медные орудия встречаются в прошлом у очень многих народов, но далеко не у всех. Для того, чтобы могла развиваться выделка бронзы или меди,

необходимо нахождение на поверхности земли медной руды. В центральной Африке, например, где медной руды не находится, вместо меди употреблялось мягкое метеорное железо. Впоследствии все народы перешли от бронзы к железу. В Европе железо стало употребляться не ранее 2.000 лет тому назад.

Начало специализации и ремесла.

Обработка металла требовала определенных технических навыков и была весьма трудна. Поколение за поколением совершенствовали выделку металлических орудий, передавая своим сыновьям, внукам и т. д. приобретенный ремесленный опыт. Группы и роды, занимавшиеся выделкой этих орудий, получали пре-

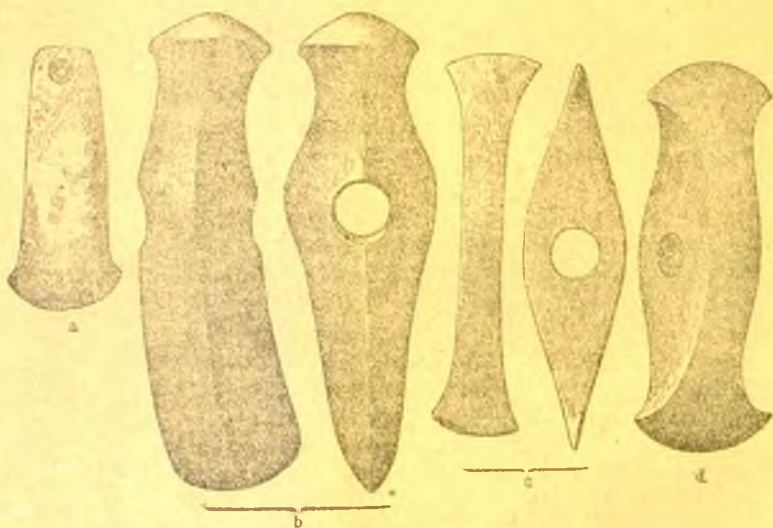

Рис. 50. Каменные топоры (подражание формам медных топоров).

мущества перед теми, которые не обладали знаниями обработки металла. Между родовыми группами появляется обмен металлическими орудиями, который все усиливается по мере того, как потребность в новых, лучших способах работы делается настоятельнее.

Наряду с литейщиками появляются и другие ремесленники, среди которых приходится выделить гончаров. Гончарным производством вначале занимались женщины. Приготовление горшков для варки пищи или для хранения жидкости производилось таким способом: плелись корзины, обмазывались сырой глиной и потом обжигались; плетение сгорало, а глина плавилась на огне и получала необходимую прочность. Технические навыки при обработке глины совершенство-

вались; постепенно люди стали обходиться без предварительного плетения корзинного остова. Глиняная посуда лепится просто руками и, наконец, для изготовления ее начинает употребляться гончарный круг.

В настоящее время гончарный круг известен южноамериканским индейцам и неграм Африки, не говоря уже о более культурных народах старого света.

5. РОДОВОЙ СОЮЗ (ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ РОД).

При существовании примитивных форм земледелия или при занятии охотой человеческие группы могли еще делиться на две части, сообразно половым признакам и основным промыслам. С развитием скотоводства и плужного земледелия подобное деление человеческих групп должно было отпасть. Единая хозяйственная организация требовала и единой организации людей, работающих совместно. Счет родства по матери, приводивший к прослойке орды отдельными небольшими родовыми группами, также мог быть терпим только до тех пор, пока орда не представляла хозяйственного целого. При переходе к единому хозяйству, существование этих родовых группок пришло в противоречие с хозяйственными формами и должно было исчезнуть. У австралийцев попытка приспособить счет родства к хозяйственной организации выразилась в том, что ребенок, родящийся в орде, получает не только имя своей матери, но и имя орды. Благодаря ордовому имени, очень легко установить принадлежность человека к той или иной хозяйственной единице.

У народа, занимающегося скотоводством, при котором значение мужчины чрезвычайно велико, или плужным земледелием, в котором женщина не является руководительницей основным промыслом, счет родства по матери казался совершенно невужным пережитком и постепенно должен был замениться формой родства, соответствовавшей новым хозяйственным признакам. Мужчина, стоявший во главе хозяйства, начинает претендовать на то, чтобы родство считалось не по женщине, а по мужчине.

Переход к счету родства по мужчине или, как иначе называют его, к патриархату и происходил совершенно естественно и безболезненно во всех тех обществах, в которых мужские промыслы получали преобладающее значение. Но так как в верованиях

Переход от
счета род-
ства по ма-
тери к па-
триархату.

Кювада.

и обычаях народа, перешедших к счету родства по отцу, долго еще сохранялись представления о святости и неизменности женского материнского права, то мужчина пытается обосновать особым, наглядным образом свое право на ребенка. У полинезийцев (Океания), североамериканских индейцев, у негров в Конго (Африка) и у многих других народов, когда женщина разрешится от бремени, муж ложится в ее постель, прикрывается ее одеждой и начинает громко стонать; он старается показать, что, вследствие рождения ребенка, и он терпит ужасные боли. Приходящие родственники выражают ему свое соболезнование и дарят подарки. Этот обычай, пытающийся доказать права отца на ребенка, носит название „ку в ады“ и указывает, что для примитивного человека недостаточно понятия половой зависимости ребенка от его отца, но необходимо и освящение нового права обычаем. Между тем, отцовство в эту эпоху не является уже тайной; это доказывается тем, что народы-скотоводы искусственно случают разные породы скота, чтобы получить лучшее потомство. Следовательно, они хорошо учитывают влияние самца—отца на новое поколение.

Как при женском счете родства во главе рода стоял мужчина, брат матери или дяди, так и теперь во главе человеческой группы остается стоять мужчина, но уже не дядя по матери и не брат ее, а отец или дядя тех мужчин, которые живут в этой группе. Тотем группы (т.-е. основной прародитель человека или животное) остается в силе. Материнский род превращается в род отцовский. Но в то время, как материнский род не представлял из себя хозяйственной организации, а являлся только объединением родственников, разбросанных по разным ордам, отцовский род объединяет всех людей: и мужчин, и женщин, живущих в пределах определенного хозяйства. Позже, в род начинают приниматься и посторонние лица, которые родом усыновляются.

По основному типу хозяйствования в эту эпоху мы можем назвать хозяйство человеческой группы родовым.

Род у скотоводов.

У скотоводов роду принадлежит территория, в пределах которой кочуют люди и стада. Род имеет общее стадо, и все мужчины данного рода совместно охраняют его, ходят за ним и пользуются мясом животных; но, по мере введения новых улучшенных способов скотоводства, род начинает дробиться. Иногда на дробление рода влияет недостаток пастбищ, не дающий возмож-

ности большим стадам передвигаться вместе. У якутов, например, большие стада лошадей, должны были разбиваться на более мелкие табуны из-за скудности пастбищ. В обширных однородных степях величина стада могла быть довольно значительной, но там, где степные участки были раз'единены лесами или там, где пастба производилась на лесных полянах, стада дробились и делались более мелкими. С раздроблением стада, стали дробиться и роды, которым принадлежали эти стада.

Наиболее сильный удар родовой собственности на стада нанесло введение молочного хозяйства. Пользование молоком животных приводит к тому, что люди не в состоянии ходить за большим количеством молочных самок. Они принуждены дробить стада на отдельные небольшие косяки, так как уход за молочным скотом требует гораздо больших усилий и знаний, чем простой перегон с места на место скота, используемого для мяса. У калмыков, у которых молочное хозяйство весьма развито, стада не превышают нескольких сот голов, в то время, как у коряков, не употребляющих молока, стада бывают в тысячи голов. Соответственно небольшому размеру стада, и человеческая группа, ходящая за этим стадом и пользующаяся продуктами его, не может превышать нескольких десятков человек. Поэтому, род у калмыков разбит обычно на несколько больших семейных групп, бродящих самостоятельно.

Калмыцкая группа, имеющая одно стадо, носит название „хотона“. Она состоит из нескольких семей, соединенных родственной связью, т.-е. братьев, отца, иногда дядей и племянников вместе с их женами и детьми, и является сосредоточием той хозяйственной силы, которая необходима для ухода за скотом. В основе хотона лежит родственное начало, но в хотоне не всегда участвуют только родственники; сироты, безродные избирают для жизни определенный хотон и вступают под его защиту; иногда совершенно посторонние люди примыкают к хотону и начинают жить в нем на правах сотоварищей. Таким образом, хотон представляет из себя не столько группу родственников, сколько группу лиц, работающих в одном и том же скотоводческом хозяйстве. У хотона есть своя собственность: стада, жилища, которых может быть несколько, домашняя утварь и, наконец, одежда.

У земледельцев родовое хозяйство сохраняется также в течение очень короткого времени, но дробление его вызвано другими причинами.

Род у земледельцев.

Пока земледелие носит кочевой характер (перелог), хозяйство ведется сообща целым родом. Сообща производится расчистка новых пашен, обработка их, сообща производится и потребление всех тех продуктов, которые дает земледелие. Но так как, по мере расширения и увеличения человеческих групп, количество свободных, годных для засева земель делалось все меньше и меньше, люди принуждены были занимать под пашни небольшие лесные поляны или участки среди болот; на таких участках вести нераздельное хозяйство целой родовой группы было трудно. В таком положении, например, оказались древние германцы в I веке. Их земельные участки представляли из себя небольшие пашни на лесных полянах или на искусственно сделанных среди леса свободных площадях, окруженных со всех сторон лесом, тоями и болотами.

Чем больше была человеческая группа, тем труднее ей было найти подходящий для земледелия участок. Роды начинают делиться на более мелкие группы, селящиеся близко одна от другой. У славян в южной Руси до VIII—IX в., а в эпоху колонизации средней и северной части России— до XII—XIII века, „заимки“, т.е. земельные участки, устраивались также на лесных полянах или на выжженных от костарника участках степей и занимались не целыми родами, а большими семьями.

Процесс расщепления родов ускорился с введением плужной обработки полей. Если при мотыжной обработке большее количество рабочих рук дает возможность лучше использовать участок земли, то при плужной обработке работа сохи или плуга требует определенного количества рук: всякое увеличение их оказывается совершенно беспредельным. Применение силы скота при работе сохи или плуга еще более должно было сократить количество рабочей силы, необходимой на одну соху или на один плуг. Хозяйство земледельцев, обрабатывающих поле при помощи сохи или плуга, должно было естественно сжиматься. Поэтому, в эпоху обработки земли плугом мы не встречаем совершенно родовых хозяйств, а встречаем только хозяйства больших семей.

Такая семья, работающая на земле, не представляла из себя маленькой парной семьи настоящего времени. Это было соединение родственников, числом в 30 и больше человек, совместно живущих, совместно работающих и совместно потребляющих те продукты, которые они производили в своем хозяйстве. В состав большой семьи входило несколько брачных групп с их детьми и ближайшей родней.

Большая семья, работающая в одном хозяйстве, сохранилась также на Кавказе. По словам М. Ковалевского, у пшавов существуют большие семейные хозяйства в 30 — 40 человек, имеющие общие пахотные участки и потребляющие на коммунистических началах в пределах этого хозяйства все то, что они совместно производят. Во главе такого хозяйства стоит выборное лицо, большей частью старик, который называется „мамакаци“. Вся работа, производимая отдельными членами семьи, распределяется между ними ее старшиной, он же ведет хозяйство дома и заключает от имени его всякие сделки. Ссоры и несогласия, случающиеся в семье, поступают на его разбирательство. Его решения должны беспрекословно быть выполняемы: в противном случае, мамакаци слагает с себя свои полномочия. Если члены семейной общины недовольны своим старшиной, они отрешают его от должности и выбирают новое лицо. Кроме мамакаци во главе семьи стоит также и старшая женщина, обыкновенно одна из невесток мамакаци. Она заведует домашним хозяйством, распределяет работу среди женщин, разбирает их ссоры и несогласия, стряпает сама на кухне и расходует семейные запасы.

Управление мамакаци и старшей невестки не носит характера деспотизма. Все их решения должны быть обоснованы или на обычае, или на согласии совместно живущих. По вечерам, мамакаци и старшая невестка советуются со своими домашними, при чем в этих советах одинаково участвуют как мужчины, так и женщины.

Подобное ведение хозяйства мы можем видеть у черноморцев в их „зэдругах“, где также совместно живущие родственники выбирают себе главаря или домашина, руководящего всей работой и ведущего общее хозяйство „зэдруги“; для руководства же домашними работами женщины выбирается „домачиха“. Как и мамакаци, домашин не имеет никаких особых прав и может лишиться своих полномочий, если его домашние им почему-либо недовольны.

Большая семья, как хозяйственная единица, сохранилась и у узбеков в Хорезме, там также несколько родственников со своими женами и детьми ведут совместное хозяйство, отделенное от остальных хозяйств, при чем производство и потребление в этих хозяйствах производится на коммунистических началах.

Подобные семейные общины встречаются также в Осетии, в Кабарде, в Балкарии, у ингушей и у чеченцев, а в прежние времена существовали под названиями: „дворище“—в Полесье (до XV в.) и „печище“—на нашем севере (Вологодская и Арханг. губернии).

Между большими семьями, живущими отдельными хозяйствами, сохраняются родственные связи. Семьи эти селятся вблизи друг-друга, чтобы оказать поддержку в случае какого-нибудь несчастья; имеют общие пастбища для скота, общие водопой, общее пользование лесом. Так как пользование общины выгонами и другими угодьями вызывает между семейными общинами ряд недоразумений, то из числа семейных старшин выбирается особый главарь, к которому и обращаются при спорах. В помощь главарю назначаются иногда и другие должностные лица, но все они контролируются советом семейных старшин и общим сходом полноправных членов отдельных семейных общин.

Такое объединение семейных общин называется „родовой общиной“ или, в отношении бытового, (объединения родственников) — „родовым союзом“ (часто — „родом“).

В Дагестане семейные общины имеют общие угодья и называются „тохум“. Во главе тохума стоит старшина, который выбирается, но часто бывает и наследственным. Глава тохума должен быть известен своей энергией, силой или красноречьем. Если наследник умершего главы соответствует этим качествам, то он делается его преемником. Если же оказывается несколько конкурентов, то преимущество дается при выборах нового главы тохума тому, на чьей стороне оказывается перевес заслуг предков.

Глава тохума не всегда старший в роде, иногда главенство приобретает и личными качествами. Каждый из членов тохума обязан сообщать главе тохума обо всем случившемся, если он сам не в состоянии разрешить его. К главе тохума обращаются за советами даже в семейных делах.

Старшина разбирает недоразумения; если оказывается виновный, то он делает ему выговор, но иногда не ограничивается одним выговором, а даже прибегает к побоям; если виновный нарушил весьма важные запреты, касающиеся родового культа или основных правил общежития, то, по предложению главы тохума, он подвергается изгнанию из среды рода. Такое изгнание до сих пор сохранилось еще у некоторых горцев Кавказа.

В настоящее время власть главы тохума падает. Если член тохума не послушается почему-либо советов старшины, то старшина не может принять против него никаких мер, так как власть старшины основана исключительно на обычае, на том уважении, которое сохраняется по отношению к нему у членов тохума.

У черноморцев объединение семейных общин — „задруг“ называется „братством“. Братства имеют общие

угодья, выгоны, водопой и пр. Количество членов братства колеблется от 30—50 до 700—800 человек. Во главе братства стоит выборный представитель, который называется „кнезем“. В настоящее время „кнези“ не выбираются, а наследуют это звание от своих отцов или старших братьев. Кнезь разбирает мелкие споры между членами братства, созывает сходки и председательствует на них. Обсуждение на таких сходах производится старшинами семейных общин („домачинами“), остальные же присутствующие могут только общим криком или одобрить решение, или протестовать против него. Отменить же его они не могут.

Таким образом, строй родовой общины (тохума, братства и пр.) и обязанности главы рода (старшина, кнезь) одинаковы как на Кавказе, так и в Черногории.

Подобные же родовые союзы существовали в древности у германцев („марка“) и у русских („вервь“).

Старшина рода или главарь не являлся непосредственным руководителем хозяйства—домашнее хозяйство в эту эпоху не совпадало с понятием рода; он был выборным или наследственным должностным лицом, ведавшим взаимоотношениями отдельных хозяйственных единиц, т.-е. больших семей и наблюдавшим за выполнением родовых обычаев. Чем больше был род, т.-е. чем больше семейных групп входило в его состав, тем большим было влияние родового старшины.

Глава рода.

Так как глава рода состоял членом какого-либо семейного хозяйства, то влияние этого хозяйства делалось гораздо значительнее, чем остальных хозяйств, образующих данный род. Иногда это влияние основывалось исключительно на уважении к главе рода, иногда же оно определялось хозяйственной мощью той семьи, из которой выбрался или происходил глава рода. Чем крупнее и сильнее делались отдельные семейные хозяйства, тем устойчивее делалась власть родовых представителей, опиравшихся на эти укрупненные хозяйства.

Каждый человек, входящий в пределы семейного хозяйства, являлся его частью; лишение его для хозяйства было весьма ощутительным. Ценность человека определялась ценностью его рабочих рук. Защита интересов семьи, как хозяйственного целого, требовала защиты интересов отдельного человека: личность поглощалась большой семьей или родом. Каждая обида, нанесенная личности, вызывала отклик со стороны большой

Кровная месть.

группы родственников, не потому, что оскорбляли человека вообще, а потому, что каждое нарушение интересов отдельного человека отражалось на интересах целой группы родственников.

Люди, лишённые почему-либо рода, потерявшие своих близких и не имеющие пристанища, лишались родственной защиты: они были предоставлены самим себе. На Руси такие лица назывались „изгоями“. За обиду изгоя никто не мстил, и никто не вступался; убийство его никем не наказывалось.

Из этой своеобразной защиты отдельного человека, понимаемой как защиты интересов целой группы родственников, возникает к р о в н а я м е с т ь—явление одинаково распространенное у всех народов, имеющих родовое устройство: и в тропических странах, и на далеком Севере, и у народов, обитающих в западной Европе.

У чукчей, если кто-либо оскорбил или убил родственника, мщение является непререкаемой обязанностью ближайших сородичей. Иногда эта месть откладывается на много лет. В таком случае малолетние сыновья убитого или его близкие родственники, которые впоследствии должны явиться мстителями, стараются закалиться физически и выучиться хорошо владеть оружием. Если через несколько лет родственник убитого или обиженного человека встретит где-либо обидчика, то он убивает его.

Кровная месть сохранилась на всем Кавказе (у осетин, у кабардинцев, у ингушей, у чеченцев, у всех горцев Дагестана, у ишавов, у сванет, у жителей Абхазии, в Армении), наблюдается она и в средней Азии (у туркменов, у жителей Ферганы); наконец, как пережиток, кровная месть сохранилась и в Европе—у славян, живущих на Балканском полуострове, и у островных жителей Италии и Франции: в Сицилии, на Корсике, в Сардинии и т. д. Существование кровной мести у этих народов указывает, что у них до сих пор еще сохранились некоторые пережитки родового строя. Следовательно, родовой строй—явление, наблюдавшееся почти у всех народов на земном шаре в определенную эпоху их развития.

6. БРАК И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ.

Распад брачных товариществ.

Появление новых форм хозяйства с меньшим количеством участников и развитием семейной собственности вносит разложение в брачные товарищества. Потребности хозяйственного развития требуют большей связи

между отдельными членами семьи, чем это наблюдается при групповом браке. Каждый человек, родившийся в пределах определенного хозяйства, заранее учитывается как возможная рабочая сила. Поэтому, если рабочая сила женщины, вследствие брака выходила из состава данного хозяйства, взамен нее должна была быть получена какая-либо компенсация (возмещение). С появлением счета родства по мужчине, окончательно исчезает материнский род и связанные с ним тотемные ограничения, но вместе с тем усиливается власть мужчины над его детьми. Женщина, имевшая некоторую самостоятельность в первобытном хозяйстве и в хозяйстве переходного типа (в тотемных группах), в родовом хозяйстве патриархального типа окончательно ее утрачивает; она делается придатком довольно большого хозяйственного организма, его частью, целиком зависящей или от родовых обычаев, руководящих жизнью общины, или от своего мужа.

Скотоводческое хозяйство, перешедшее к употреблению молока прирученных животных, и земледельческое хозяйство, применяющее плуг при обработке поля, требуют более сжатой человеческой группы, чем примитивное хозяйство первобытных групп. Брачная группа, поэтому, лишается всех своих дополнительных придатков (напр., „пира-уру“ и „пира-унгара“) и превращается в ячейку, из одного мужа и нескольких жен вместе с их детьми; реже—в семью из одной жены и нескольких мужей. Многоженство и многомужество—это две стороны одной и той же медали, и являются результатом разложения группового брака.

В скотоводческих хозяйствах от количества женщин зависит благосостояние семьи, так как на них падает главное бремя хозяйственных забот. Поэтому, чем больше женщин в семье, тем лучше живет всем домохозяевам. Многоженство наблюдается у киргизов, у калмыков, у тюркмен, у всех скотоводческих племен северо-восточной Сибири. Количество жен, в зависимости от величины стад, колеблется в пределах 2—3 жен в одной брачной группе, доходя в некоторых случаях и до нескольких десятков.

Многоженство имеет несколько видов. Иногда все жены занимают одно положение в семье, и, в таких случаях, все они живут совместно и дети их пользуются одинаковыми правами—это более равная форма. Чаще, из среды жен выделяется главная жена, а остальные подчинены ей. Такая форма многоженства является переходной к новой форме брака—парной, при

Многожен-
ство.

которой вначале также, кроме одной жены (законной), допускалась возможность легального полового общения мужчины с другими женщинами. Все формы многоженства можно проследить у народов, обитающих в пределах СССР.

Киргизы, кочующие в Сыр-Дарьинской области, женятся обыкновенно на двух, трех и более женщинах. Для того, чтобы жены не ссорились между собой, существуют обычаи, нормирующие поведение мужа по отношению к ним. Каждая из жен по очереди должна ночевать с мужем, и та, которой очередь ночевать, варит кушанье. Если между женами возникают несогласия, то между ними делится все помещенье, утварь, а часто даже и скот.

У богатых тюркмен, имеющих несколько жен, каждая жена получает особую кибитку, в которой ее посещает муж. У каждой из жен свой очаг, каждая из них ведет свое хозяйство, но продукты для этого хозяйства, получаемые от стада, доставляет ей муж.

У киргиз, живущих поблизости к Оренбургу, в большой семье, нескольких жен имеет только старший брат, а остальные братья довольствуются одной женой. Из среды этих нескольких жен выделяется одна старшая жена старшего брата, которая управляет всем домашним хозяйством; ей не только подчинены все другие жены ее мужа, но и все женские члены семьи. Часто глава семьи отправляет под начальством старшей жены часть стада за несколько верст, а сам остается с остальными стадами и молодыми женами, и кочует отдельно. На зиму вся семья сходится вместе. Если один из братьев умирает, жены его переходят к другому брату—не к младшему, а к старшему.

Многоженство мы можем встретить также у калмыков, при чем у них каждая жена занимает далеко не одинаковое положение. Главной женой считается только одна жена, а все остальные жены второстепенными.

В других странах многоженство также весьма распространено.

Так как у большинства народов количество женщин почти всегда равно количеству мужчин, то в случае, если многоженство является распространенным явлением, значительное количество мужчин должно обходиться совсем без жен. Наиболее бедные киргизы, напр. батраки, в продолжение всей своей жизни остаются холостыми.

У земледельцев многоженство менее распространено, так как там наибольшее значение в хозяйстве имеет мужчина, женщина же выполняет подсобные

работы. Поэтому и состав семьи земледельца несколько отличается от состава семьи скотовода. Семья земледельца ближе приближается к парному типу семьи, состоящей из одного мужчины и одной женщины. У декхан (крестьян), узбеков и таджиков в Туркестане брак почти всегда парный, так как их земледельческое хозяйство не в состоянии прокормить большого количества жен.

Реже в брачном союзе родовой эпохи мы наблюдаем многомужество, т.-е. такое явление, когда одна жена имеет несколько мужей. В настоящее время многомужество встречается как исключение в горных странах, где количество женщин настолько незначительно, что при парном браке многие из мужчин оказались бы без жен.

Многомуже-
ство.

Иногда многомужество вызывается бедностью, когда мужчина не может купить или прокормить свою жену. Тогда несколько братьев или близких родственников сообща заключают брак для того, чтобы иметь возможность купить одну женщину.

В древности многомужество встречалось значительно чаще, при чем наблюдалось оно не столько среди бедняков, сколько среди богатых людей. Многомужество было обычным явлением среди высших слоев египтян, встречалось оно и в Индии, и среди многих иранских народностей, кочевавших в передней Азии. В настоящее время многомужество приходится признать формой брака, отмирающей и встречающейся необычайно редко — только в силу исключительных условий.

Так как потеря каждого человека для семьи является потерей экономической, т.-е. лишением рабочих рук, то и замужество девушки в тех случаях, когда она уходит из своей семьи, должно быть как-то возмещено. Отсюда обычай выкупа за невесту, приобретающий различные формы у разных народов. Это не столько плата за девушку, сколько вознаграждение семье за потерю работницы, так как при большой ценности рабочих рук для семьи далеко не безразлично, много ли в его составе работниц или мало. При этом оцениваются не только рабочие руки самой девушки, но и те возможные рабочие руки, которые могут быть ею рождены: в выкуп за невесту таким образом входит одинаково вознаграждение за нее, и за весь ее будущий приплод...

Выкуп за
невесту.

Формы выкупа необычайно своеобразны. В древности бывали случаи, когда жених мог брать свою неве-

сту только после того, как у нее от него родилось несколько детей, часть из которых оставалась семье невесты... В настоящее время встречаются две формы: отработка и калым.

Отработка состоит в том, что жених в продолжение довольно долгого времени—иногда нескольких лет—работает безвозмездно в семье своей невесты, как бы в уплату за свою будущую жену. Отработка встречается у чукчей, у коряков, у камчадалов. У чукчей жених, в виде выкупа, в течение года служит пастухом у своего будущего тестя; в течение этого срока он должен выполнять беспрекословно всякую работу. У коряков жених в течение двух-трех лет выполняет самые тяжелые обязанности у своего будущего тестя и по истечении этого времени может вступить в брак с невестой; но если почему-либо тесть недоволен его работой или считает, что невеста стоит дороже, он может продлить предварительный искус и заставить жениха работать еще несколько лет.

Вместо отработки у некоторых народов существует „калым“. Калым, т.-е. выкуп носит вполне узаконенный характер у киргизов и у всех народов, обитающих в средней Азии и на Кавказе. Пережитки калыма сохранились у славян, а также у многих других народов, живущих в средней полосе Европы.

Каракиргизы и киргизы не определяют заранее величину калыма. Они дают сначала две три скотины, а потом ежегодно по 1—2 головы. Только незадолго до свадьбы тесть в первый раз спрашивает жениха: „сколько ты еще заплатишь? определи сам—прежнее не считается“. Тогда определяют количество калыма. Если назначенную сумму платить тяжело, то родственники жениха и родители его обращаются к тестю с просьбой уменьшить калым. Тесть может не согласиться на сбавку и потребовать уплаты сполна. Обычный установившийся калым колеблется в следующих пределах: для богатых невест 8 жеребых кобыл, из них 4 могут быть заменены 60-ью баранами; 12 молодых жеребцов, из них 6 могут быть заменены 30-ью баранами; один верблюд среднего достоинства. Бедные уплачивают калым в значительно меньшем размере; они должны доставить 7 жеребых кобыл, из которых 3 могут быть заменены хорошей лошадью или верблюдом, и 6 молодых жеребцов, часть которых может быть заменена также верблюдами. Чем богаче невеста, тем выше определяется калым. Таким образом, богатые семьи отдают своих детей исключительно за богатых, потому что бедные не в состоянии уплатить большого калыма.

У тюркмен за девушку платят от 100 до 160 теке-ских томанов (приблизительно полторы-две тысячи рублей), но такая цена дается только за особо хорошенькую и богатую девушку; за обыкновенную девушку платят 60—80 томанов; за косую же, глухую, немую или обезображенную оспой, платится не более 15—20 томанов. У аварцев северного Дагестана величина калыма колеблется от 100 до 400 рубл., при чем и здесь размер калыма зависит от богатства той семьи, из которой берут невесту.

Кроме калыма жених обязан сделать много подарков родным невесты и гостям, присутствующим на свадьбе. У киргизов, например, эти подарки состоят не меньше, чем из 20—25 предметов. Сюда входит масса мелких подарков, вроде куска ткани, головных уборов, тесьмы, бус, мелких денежных подачек, но также и такие крупные подарки, как верблюд, или лошадь, которых жених обязан подарить своей теще за то, что та вскормила его невесту грудью.

Если присмотреться к обычаям великоруссов (Нижегородская губерния), то и среди них мы найдем пережитки прежнего калыма, в виде тех же подарков жениха. Подарки начинаются с того, что к жениху приходят подружки невесты, которых он должен угостить пивом, чаем, блинами, кашей, ягчицей, пряниками, орехами и даже вином. Как бы ни были ограничены материальные средства жениха, подружки невесты не пропустят случая попить и приходят к жениху в количестве 15—20 человек. После посещения подругами невесты, к нему явятся жены ее братьев, сами братья и, вообще, вся ее родня в количестве нескольких десятков — за рубашкой жениха... Опять надо поставить угощение. Пройдет день-другой, подружки приходят просить у него мыла для невесты, собирающейся в баню. Опять угощение. Дня за три до свадьбы родные жениха идут покупать разные вещи для приданого, и потом жених делает угощение, которое называется „пропитием невесты“.

В продолжение целой недели родные невесты приходят к жениху, и он угощает их; кроме того, посещая невесту, он должен приносить ей подарки: пряники, конфеты, орехи и т. д. Обычай этот соблюдается даже в самых бедных семьях из страха подвергнуться попрекам и нареканиям, хотя семья жениха часто из-за этого входит в неоплатные долги. Обед для приглашенных на свадьбу и затем второй обед для родных невесты, которые в церкви не бывают, устраиваются

Пережитки
выкупа за
невесту у ве-
ликоруссов.

опять-таки женихом. На второй день свадьбы устраивается пир, который называется „кокурками“ (опять на средства жениха), а на третий день новое празднество, которое называется „блинами“; но кроме того бывают еще „перегулы“ и „отгостки“, которыми заканчивается праздничное торжество. Стоимость свадьбы для жениха в таких случаях значительно превышает обычный размер калыма у тех народов, у которых он наблюдается еще в чистом виде.

Порядок
уплаты
выкупа.

Калым уплачивается не всегда сразу. Если жених беден, или если калым очень высок, стороны договариваются уплачивать калым в рассрочку, при чем свадьба назначается только тогда, когда калым уплачен полностью. Но желая получить невесту в том виде, как она была при сговоре, т.-е. в начале уплаты калыма, жених следит за ее поведением и возлагает ответственность за все промахи и погрешности своей будущей жены на ее родителей. Поэтому, уплата калыма в рассрочку, а впоследствии калым, вообще, тесно связывается с требованием целомудрия невесты. Жених хочет получить женщину без изъяна, как всякую вещь, которую он покупает за определенную плату. Из возмещения убытков семье за утрату работницы калым превращается в плату за человека; женщину покупают, как вещь.

Бедные семьи иногда сговариваются о браке детей тогда, когда дети еще только только поднялись над землей. Мальчик едва достиг 6—7 лет, а девочка 4 лет, а их родители уже стояли о том, что когда они подрастут, они будут мужем и женой. С момента сговора начинается уплата по частям калыма. Когда дети подрастают, калым оказывается внесенным полностью, и они могут вступить в брак. За это время с одним из будущих супругов может случиться несчастье: или невеста умрет, или жених погибнет—в таком случае калым должен быть возвращен семье жениха. Возвращается калым и в тех случаях, когда окажется, что невеста до момента вступления в брак вступила уже с кем-либо в половое общение.

Умыкание
жен.

Если кто-либо не может внести калым, он или остается безбрачным, как это часто бывает у бедняков, или же прибегает к похищению невесты.—Умыкание жены вызывается не столько горячей любовью к девушке, которая, в противном случае, вышла бы замуж

за другого, сколько стремлением избежать уплаты калыма.

Семья невесты смотрит на умыкание, даже при очевидном согласии на это самой девушкой, как на кровное оскорбление, потому что она лишается при умыкании возмещения ущерба за потерю работницы. Такой брак расценивается как открытый грабеж, и в результате умыкания жены часто возникает кровная месть. Люди, мстящие за умыкание своей родственницы, никогда не признаются в том, что они возмущены потерей калыма: они искренно убеждены, что мщение вызывается нарушением их чести, обычаев и верований предков. Такое понятие о чести (как и другие „высокие“ понятия) складывается в результате нарушения определенных экономических интересов.

Так как в случае догонки невесты родные не преминут ее отобрать, жених спешит осуществить свои права сейчас же после умыкания.

На Кавказе умыкание в настоящее время производится следующим образом. Жених подкарауливает девушку с несколькими товарищами, тащит ее в наперед приготовленное убежище и немедленно делается ее супругом. Это делается с той целью, чтобы ни девушка, ни родители не могли отказать похитителю в ее руке. Друзья жениха обыкновенно охраняют вход в саклю и по обычаю должны давать пропуск лишь старшине, т.-е. главе рода. Последний, узнав о случившемся, спешит на помощь похищенной, разводит молодых людей и каждого порознь отсымает в его семью. Если девушка не кричит во время похищения, то увоз считается сделанным с ее согласия. Если родные похищенной настигнут похитителя во время увоза, то дело кончается резней, из которых виновный в увозе не всегда уходит живым. Но если родные узнают о случившемся уже после того, как девушка сделалась супругой, они все равно должны дать согласие на брак. Предметом похищения чаще бывает никому еще не засватанная девушка, так как, в противном случае, похитителю пришлось бы ждать мести и от того рода, к которому принадлежит девушка, и от того рода, к которому принадлежит прежний жених.

С введением калыма, т.-е. уплаты за женщину, положение ее в семье мужа начинает зависеть от величины калыма. Чем дороже за женщину уплачен калым, тем она считается ценнее, и тем лучше к ней отношение ее новых сородичей: чем ниже калым, тем ниже и

Ценность
женщины.

уважение... Женщина, взятая без калыма, считается „малоценной“; поэтому, как бы ни была велика любовь девушки к молодому человеку, она редко решится уйти к нему, если жених не соглашается, или не может уплатить калыма: она не хочет быть „опозоренной“ в глазах остальных людей и родственников ее будущего мужа.

Хотя высота калыма зависит от богатства семьи невесты, все же и в самых бедных семьях калым настолько значителен, что женитьба для молодого человека и особенно для его семьи оказывается большим событием. Вся семья целиком участвует в собирании калыма и в расходах жениха по свадьбе. Часто высота калыма разоряет совершенно целые семьи и, наоборот, обогащает тех, у кого есть много дочерей на-выданьи. Экономическая ценность, как дорогой вещи, невесты, может быть, вследствие этого и повышается, но уважение к ней, как к человеку стоит необычайно низко.

Люди, не могущие собрать калыма, остаются или безбрачными, или принуждены в складчину собирать калым для уплаты за одну невесту. У горцев Тибета наблюдается своеобразная с с у д а ж е н ы в приплод близким родственникам или товарищам, которые сами не могут приобрести себе жены. В таких случаях жена, уступаемая на время, оставляет у этого человека часть прижитого с ним потомства, остальное же потомство считается собственностью ее мужа.

Понятие о женщине, как об определенном имуществе, развивающееся по мере усиления обычая выкупа, приводит к наследованию жены. У киргизов жену наследуют братья мужа, а в прежнее время сыновья могли наследовать после своего отца его жен (за исключением своей родной матери).

Любовь при
многожен-
стве.

Какую роль играет любовь в таком браке? Отрицать существование любви, вообще, даже при многоженстве и уплате калыма, нельзя; но ясно, что, если дети обручаются тогда, когда они не достигли еще 5—6 лет, или если молодые люди женятся, не видав ни разу друг друга, любовь играет при заключении брака самую незавидную роль. Брак заключается из чисто хозяйственных соображений, в интересах группы совместно живущих родственников, нуждающихся в новой помощи, но вовсе не в интересах жениха и невесты.

Любовь в таком браке может быть только исключением. Поэтому, несмотря на многоженство, дающее, казалось бы возможность мужчине удовлетворить свою половую потребность полностью, среди народов, имеющих такую форму брака, супружеская верность со сто-

роны мужчины нарушается часто, но еще чаще нарушается она женщиной. В результате возникают острые столкновения между родственниками, выходящие за пределы семьи и поступающие на разрешение родовых старейшин.

Многоженство и до сих пор нельзя назвать пережитком. У народов, занимающихся скотоводством — это преобладающая форма брака; и только у земледельцев, прочно осевших на землю, многоженство постепенно отмирает, заменяясь новой формой брака — „моногамией“ или единобрачием.

7. СОЮЗ РОДОВ (ПЛЕМЯ).

Так как при распаде первобытной орды и при выделении из нее других орд, между ними все-таки сохранялась кое-какая и хозяйственная, и родственная связь, и общность происхождения продолжала чувствоваться в языке, то эти группы селились поблизости и кочевали в пределах одной и той же территории. В тех случаях, когда им грозила опасность столкновения с чужими людьми, пришельцами, они пытаются создать общую организацию. Организация была необходима и в мирное время, так как орды жили бок-о-бок, и постоянные ссоры и столкновения из-за мест для охоты, свободных земель, водоемов и пастбищ создавали необходимость какого-то постоянного органа. Наконец, и потребность в брачном общении приводила к тому же и окончательно закрепляла связь орд друг с другом. Все эти перекрещивающиеся союзы и временные соглашения создавали почву для более длительных союзов, которые носят название племенного союза, или просто племени. Орды, входившие в состав племенного союза, обычно говорили на одном языке, имели общую территорию, в пределах которой занимались своими промыслами, и вели родословную от какого-нибудь действительного или мифического предка.

Связь отдельных орд, входивших в это объединение, проявлялась лишь в совместных больших зимних или осенних охотах, устраиваемых несколькими ордами сообща, а также в том, что входящие в племя орды заключают между собой браки.

При развитии скотоводства или земледелия, родовые союзы начинают занимать определенную территорию, и расселение сородичей соответствует большим семейным группам, т.е. хозяйственным ячейкам. Объединение таких родовых патриар-

Союзы орд.

Племя, как объединение родовых союзов.

хальных союзов придает племени совершенно новое значение и своеобразную организацию, напоминающую несколько родовую, но все-таки имеющую значительные отличия.

В родовых союзах существует устойчивая организация, имеющая в своей основе представительство входящих в состав рода семейных общин. Представители семейных общин образуют родовой совет, выдвигающий главу или старшину рода. Кроме них существуют еще некоторые должности, связанные с временными потребностями. Во время военных столкновений из среды рода выдвигаются храбрые люди, под предводительством которых сородичи выступают против врагов и отражают их нападение. „Вожди“, как их называют, теряют всякое значение в более спокойное время: бывает нередко, что тот или другой род обходится без вождей в продолжение нескольких десятков лет. Туркмены — гёклен, кочующие в западной части Закаспийской области, имеют своих старшин — „кейкудов“, но совсем не имеют вождей; у киргиз Сыр-Дарьинской области также никаких вождей в мирное время не было. Если же возникает опасность войны, то роды выделяют специального военачальника.

Вождь.

Племенная организация отличается от родовой тем, что часто она не имеет отдельного главы племени, которого заменяет собираемый время-от-времени совет родовых старейшин (глав родов). Но зато, племя имеет одного или нескольких постоянных вождей. Вождь является должностным лицом племени и ответствен перед советом родовых старейшин.

У киргиз, до завоевания русскими, ежегодно роды собирались на племенное совещание „маслагат“, где разрешались вопросы о месте для зимовок отдельных родов, заключались мирные договоры, или, наоборот, объявление кому-либо войны. В последнем случае тут же назначались военачальники. „Маслагат“ не мог изменить основных обычаев отдельных родов и, вообще, никаких новых обычаев он не создавал, но разрешал спорные вопросы между отдельными родами, и перед ним были ответственны выбираемые им военачальники.

У туркмен-помудов, в половине прошлого столетия, каждый род выдвигал кроме „кейкудов“ (родовые старейшины) особого вождя „сердаря“ (стоящий во главе). При объединении же родов в племя, помуды создали должность военачальника племени — „хана“. Этому военачальнику подчинялись все роды, входящие в состав племени помудов, в военное время.

У древних германцев также кроме родовых старейшин были и родовые вожди—„герцоги“, т.-е. предводители; они обязаны были вести войско в поход. При объединении германских родов в племена выдвигались постоянные племенные вожди, называемые „конунгами“ или „королями“. У славян такие предводители назывались „князьями“, при чем нам неизвестно, существовала ли разница в названии предводителей отдельных родов и военачальников целого племени.

Во время войн роды выступали совместно. В военном ополчении должен был принимать участие каждый, способный носить оружие. У народов скотоводческих, у которых охрана стад и постоянные передвижения делают людей независимыми и предприимчивыми, ратное дело имело большое значение, и военная организация была очень крепкой. Война для них бывала часто не только способом защиты от врага, но и способом нажиться, пограбить, достать жену без уплаты калыма, наложниц-рабынь. С появлением рабства, набеги и войны совершались нередко с целью получить рабов. Свободные от мелких домашних обязанностей, переложенных на женщин, не привязанные к жилищам, скотоводы считали удалью свое участие в таких грабежах и войнах.

Земледельцы менее увлекались войнами и никогда не превращали их в постоянное занятие. Мужчины-земледелец всегда был занят на поле или дома по хозяйству, и только в зимнее время или после снятия урожая появлялся у него вкус к военной авантуре. Военные склонности земледельца были невелики, и те требования, которые он пред'являл к войне, были также незатейливы. Главная цель их была—достать что-либо для своего хозяйства, рабов или имущество, при чем обычно расчетливость всегда брала верх над удалью. Воинны-земледельцы были очень осторожны, не проявляли особой храбрости, но, зато, у них не было и особых зверств.

Война-грабеж производилась обычно так. Вождь, участвовавший уже в походах, созывал добровольцев и вместе с ними отправлялся в набег. Никому из сородичей не было дела до этой авантюры. В случае успеха, вся добыча делилась между воинами, принимавшими участие в походе: остальным сородичам не попадало ничего. Но в случае неуспеха похода и гибели кого-нибудь из любителей легкой наживы, сородичи все-таки мстили виновникам, сообразно обычаям кровной мести...

Военный
поход.

Английский путешественник Блоквиль, живший несколько месяцев пленником у туркмен-помудов, так описывает их сборы в поход: „Сердарь извещает через глашатая, что в такой-то день он выступает в поле и будет находиться в таком-то месте, готовый к набегу. Смотря по репутации сердаря, вокруг него собирается более или менее многочисленная толпа, и в назначенный день они выступают в поход. Участники похода ничего не знают о планах своего предводителя, и даже о том, в какую сторону и на чью территорию он намерен отправиться. Когда наступает время, сердарь отдает приказание воинам напасть на караван, отбить стадо животных или совершить набег на какое-либо селенне. В этих набегах туркмены стараются забрать все, что можно; сопротивляющихся убивают, а то, чего нельзя взять, разрушают. Сердарь получает, обыкновенно, большую часть добычи, чем остальные воины“.

Такие экспедиции предпринимали и ирокезы (индейцы северной Америки) в прошлом столетии, с той только разницей, что вместо глашатая выступал сам вождь и военной пляской разжигал отвагу и алчность зрителей. Воины, решавшиеся примкнуть к вождю, присоединялись к его пляске. Когда инициатор считал, что число участников достаточно для того, чтобы отправиться в поход, он прямо с пляски вел своих воинов в бой.

С каждым новым удачным походом значение вождя, а также имущество его семьи увеличивалось, и вождь переходил в разряд знати.

Глава племени.

Гражданским руководителем племени являлся его „глава“, который, однако, существовал не у всех племен. На главу племени возлагалась обязанность разрешать споры и недоразумения между отдельными родами в промежутки между собраниями совета родовых старейшин. Кроме того, глава племени бывал представителем религиозного культа; но нередко последняя обязанность возлагалась на особое лицо, зарекомендовавшее себя как опытного вызывателя духов: шамана, жреца и проч. В таких случаях заклинатели содержались на счет всего племени—или путем добровольных приношений отдельных семей, или путем их постоянного обложения.

Народные собрания.

Племя вначале не представляет территориально обособленной организации. Племенная территория составляется из территорий всех родов (родовых общин—у земледельцев), и племенной совет (совет родо-

в их старейшин) образуется из представителей этих родов. Совет родовых старейшин собирается редко, не чаще двух раз в год и для определенной цели. В остальное же время каждый род ведет свои дела самостоятельно. Характерной особенностью родового строя (и племенного) является участие всех взрослых членов рода в общих делах. Участие это проявляется в собраниях рода и в народных собраниях целого племени. Общие собрания взрослых мужчин, изредка и женщин, бывают только по особо важным поводам: например, если несколько родов никак не могут наладить отношения друг с другом; если кто-либо из родовых представителей не доволен постановлением совета родовых старейшин; если необходимо судить лицо, совершившее проступок против всего племени (измена, массовые убийства, переход на сторону врага и т. д.). Общее же собрание решает вопросы войны и мира в тех случаях, когда война затрагивает интересы всего племени. Никаких голосований на этих собраниях, как правило, нет.

Примером обсуждения вопросов в народных собраниях может служить картина современного схода у якутов. В. Серошевский так описывает ее: „На оголенном сухом бугре, или на широкой, зеленой лужайке сидят собравшиеся, образуя замкнутый круг. В первом ряду сидят, по-татарски поджав под себя ноги, более пожилые и влиятельные из присутствующих. Во втором ряду сидят или стоят на коленях независимые, но менее самостоятельные хозяева. Наконец, в третьем, по большей части стоя, чтобы лучше видеть и слышать — молодежь, дети, нищие и, нередко, женщины. Обсуждает дело, собственно говоря, первый круг. Второй только вставляет иногда замечания и поправки. Третий слушает молча. Иногда разгораются страсти и галдят все разом, но решение вопроса и постановка его всегда предоставляется первому кругу. Он руководит совещанием. Из среды его выдвигаются ораторы, которые, то сидя, то стоя на коленях, жестикулируют и, неоднократно во все стороны кланяясь, защищают свое предложение. Ораторы во время своей речи как-будто обращаются за поддержкой ко второму кругу и, в случае согласия, получают поощрительные замечания. Если круг несогласен, он молчит. По окончательном решении руководители собрания обращаются к присутствующим и вопрос почти всегда заканчивается их одобрением“.

Рассаживание родовой знати в первом ряду и решение ею всех дел — отличие не только якутского схода, но и всех народных собраний родового общества.

В случае необходимости получить полное одобрение собравшихся, глава племени или один из наиболее уважаемых родовых старейшин предлагает собранию вопрос и ответ получает „едиными гласы“, т. е. общим криком. Отсюда и название „голосования“. Такая форма участия отдельных членов рода в общественной жизни носит название „примитивной демократии“. (Демократии — потому, что народ участвует в обсуждении и решении общественных дел, примитивной — потому, что в ней можно видеть только зародыш демократического порядка).

Когда в собрании принимает участие несколько родов, и есть опасение, что вопросы не могут быть разрешены единогласно, собрание устраивается несколько иначе. В первом кругу попрежнему садятся старшины и родовая знать, но вслед за ними взрослые мужчины становятся не беспорядочно, а так, чтобы члены одного рода сидели все вместе. Когда наступает голосование, старейшины опрашивают представителей отдельных родов, и их ответы зычным криком одобрения поддерживают сородичи.

Пока имущественные и социальные отношения родов, не были отличными друг от друга, единогласие достигалось без особых затруднений; но с развитием противоречий между отдельными родами и группами, единогласие становится все более редким гостем на народных собраниях. Часто народные собрания разбиваются на две и более противоположные группы. В таком случае большинство проводит свои решения, несмотря на протесты меньшинства. При голосовании, оно зычно кричит и подавляет своими голосами оппозицию. Если крики большинства окончательно покрывают собой протесты меньшинства, то дело тем и кончается. Если же оказывается, что сила крика сторон почти одинакова, то стороны часто пускались в рукопашную, чтобы заставить противников замолчать. В таком случае, понятие „подавляющего“ большинства становилось буквальным... У древних германцев все мужчины приходили на народные собрания непременно вооруженными, чтобы в случае надобности поддержать силу оружия свое решение. С ростом влияния вождей, собрание нередко подчиняется тем решениям, которые отстаивает вождь, опирающийся на военную поддержку своих близких.

Примитивная демократия существовала у всех народов, переживших родовую строй. Остатки ее и до сих пор еще сохранились во многих местностях СССР:

в северо-восточной Сибири и в средней Азии, на Кавказе и даже в Центральной России. Современные сходы крестьян мало отличаются от картины, нарисованной В. Серошевским.

8. ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИИ В РАЗВИТОМ РОДОВОМ СТРОЕ.

Религиозное сознание человека отражает в себе целиком окружающую его общественную структуру. С ростом значения двора, дома и семьи в развитом родовом строе, изменяются и религиозные представления о тех богах-покровителях, которые содействуют человеку. Культ предков-прародителей, представителей рода и покровителей всех сородичей, не может удовлетворить людей, расселившихся по отдельным семейным хозяйствам, и постепенно превращается в культ предков-покровителей семьи и семейного хозяйства. „Домовые“ и различные другие духи-покровители—это местные домашние боги, олицетворяющие собой отдельные хозяйства и отдельные семьи. Поверья о домовых и в настоящее время распространены у многих народов. Поверья эти можно встретить и у великоруссов, и у белоруссов, и у народа коми, и у чувашей, и у осетин—словом, всюду, где „большая семья“ представляет собой основную ячейку хозяйства.

У коми (пермяки) домовый называется „суседко“. Его представляют в виде косматого старичка, невидимки, то доброго, то злого, смотря по степени уважения к нему хозяина дома и его домашних. Если домовый доволен членами семьи, он живет тихо и скромно, охотно прислуживает людям, чистит лошадей, кормит и поит скот; рассерженный, он делается мстительным: потешается над скотом, особенно над лошадьми и коровами, полстлёт их шерсть, гоняет по двору до изнеможения, отнимает корм; вредит он и хозяевам: стащит что-нибудь, припрячет, поссорит домочадцев между собой. Поэтому, во избежание неприятности, к суседке стараются относиться хорошо и не сердят его. В случае перехода в новый дом, если домочадцы довольны своим домовым, они стараются перевести его вместе с собой, приглашая: „Суседушко-братанушко! пойдём в новый дом; как жили в старом доме хорошо и благо, так будем жить и в новом, ты люби мой скот и семейство“.

Если же в дом заберется чужой домовый, то домочадцы не оберутся хлопот: он сплетает гривы лошадям, бьет посуду, наваливается ночью на домочадцев и

От культа предков-прародителей к культу предков-покровителей семьи.

душит их (кошмар) и проч. В таком случае приходится выживать его различными магическими действиями: угрожающим размахиванием метлой и проч., или обращаться к заступничеству своего домового.

У осетин домовый не имеет постоянного облика и может принимать различные виды, представляясь то мальчиком, то старухой, то барашком; живет он в кладовой—„кабпце“. Видеть его можно лишь знахарям, да и то лишь под Новый Год. „Бунатхидсау“, как зовут домового, является покровителем всего дома и домоладцев. Когда невеста уходит из своего дома к мужу, она просит извинения у своего домового, т. к. боится рассердить его своим уходом.

Домовой представляет собою, как бы символ домашнего хозяйства, и является одним из наиболее ранних домашних богов. Кроме домового каждая семья чтит своих предков: дедушек и прадедов, имена которых она помнит более или менее отчетливо. С каждой новой смертью поэтому к духам-покровителям прибавляются все новые лица.

Забота о мертвых.

Уверенность, что покойникам плохо живется на том свете, и они терпят всевозможные лишения, заставляет их близких родственников заботиться об их загробном существовании. В культе домашних богов-покровителей эти заботы достигают наибольшего развития. У осетин еженедельно, по пятницам, перед закатом солнца в течение целого года после смерти мужа вдова ходит на его могилу, взяв с собою яства и напитки. Если в течение года в семье были случаи смерти, то через неделю после Нового Года устраиваются специальные поминки, при чем печется хлеб такой величины, что его одному человеку хватило бы на целый месяц. Из двух скрепленных палок и одежды покойного делают его чучело, которое сажают на скамью близка очага. Перед чучелом кладут любимые предметы покойного и ставят кашу и бутылку араки. Затем семья на несколько минут покидает саклю, чтобы дать возможность покойному спокойно поесть. Обряд этот у осетин называется „марти бадани бон“, т.-е. сидение мертвецов.

Такое же стремление накормить умершего преследуют многочисленные поминки покойников, устраиваемые не только осетинами, но и многими другими народами. По поверью устроителей поминок, все съеденное и выпитое на поминках идет в пользу мертвецов. Заботы о питании мертвых ставятся необычайно высоко. Для осетина, например, было бы худшим оскорблением, если бы ему сказали, что его мертвые голодают...

Так как с развитием представлений о материальных свойствах различных предметов появляется в конце концов убеждение, что духи покойников не могут сами съесть предлагаемую им пищу, то для передачи даров покойникам пользуются огнем. Он пожирает пищу и потом, каким то таинственным образом, передает ее покойникам. Очаг, на котором разводится огонь, является естественным центром всей семейной группы; при помощи него производится внутрисемейное распределение продуктов. Поэтому, очаг делается центром новых обрядов религиозного культа и становится столь же почитаемым, как и сами предки. Все предметы, связанные с очагом: котел, в котором готовится пища, и даже цепь, на которой висит котел, становятся священными.

В наиболее развитой форме почитание очага сохранилось у горцев Кавказа. Подобные же обычаи существовали в древности у евреев, египтян, римлян, греков, а также у всех тех народов, у которых в настоящее время в религиозном культе фигурируют жертовники.

Очаг является связующим звеном между мертвецами и живыми. У очага происходят все наиболее важные события в жизни семьи, у очага же производятся и поминки. В брачном ритуале осетин невеста, входя в дом своего мужа, касается рукой цепи над его очагом в знак того, что она отдает себя под покровительство его предков. Перед уходом невесты из родного дома шафер ударяет кинжалом по цепи над очагом, чтобы показать, что невеста окончательно порывает связь с родным домом и с культом своих близких покровителей.

Свойства очага проявляются еще в следующем обычае: если спасающийся от преследований противник вбежит в чей-либо дом и обвет над-очажной цепью свою шею, он оказывается под защитой той семьи, которой принадлежит дом. Своим поступком он как бы приобщается к домашнему культу и становится под покровительство предков этого двора.

Похищение или выбрасывание за порог над-очажной цепи считается у осетин самым тяжким оскорблением, нанесенным предкам и всему двору и вызывает кровную месть.

Обоготворение предков домашних покровителей и культ очага встречаются у всех тех народов, которые в настоящее время живут большими семейными коммунами. У одних из них этот культ выступает в открытом виде, как например, у горцев Кавказа, у черногорцев и белоруссов, у других же только отдельные

Пережитки
культа пред-
ков—домаш-
них покрови-
телей.

пережитки указывают на прежние обычаи. К таким пережиткам относятся ежегодные поминки у великоруссов в рождественскую ночь, в вечер кануна Нового Года и в вечер накануне крещения. Кутья, блины, особые хлеба вроде большого хлеба, называемого в Симбирской губернии „карачун“ (т.-е. дух), варено из фруктов и ягод, взвар, кисель—все это способы общения с покойниками и ценное свидетельство прежнего культа домашних богов-покровителей.

Боги—пле-
мени.

На-ряду с почитанием домашних богов усиливается и почитание богов более крупного значения. Независимо от чисто семейной жизни, происходящей внутри обособленного домашнего хозяйства, семьи об'единяются в роды, и это отражается в их религиозных представлениях. У каждого рода существуют свои боги-прародители, почитание которых несколько не уменьшается от развития культа домашних богов. При об'единении родов в племенные союзы, родовые боги вначале довольно мирно уживаются друг с другом, превращаясь в довольно сложное соединение богов различного значения и различного влияния. Чем сильнее род, тем значительнее считается и его бог (или его боги).

Боги более сильного рода постепенно вытесняют богов мелких родов; род, который начинает хиреть, теряет право на поклонение своим родовым богам. При покорении или подчинении родов, род победителей навязывает побежденным свои обычаи, а вместе с ними и веру в своих богов. Так появляются племенные боги, общие для нескольких родов.

Остальные родовые боги как бы понижаются в ранге; домашние же боги сохраняют свое значение для менее значительных случаев жизни, к ним обращаются в домашних делах и при семейных ссорах.

У древних евреев, поскольку это можно проследить на основании библии, образование племенных богов (например, Ягуга-Ягве у израильтян), низвели богов-предков семей на степень второстепенных богов: духи Авраама, Исаака и Иакова, считавшиеся покровителями довольно многочисленных и богатых родов, после об'единения этих родов в племя, заняли второстепенное положение. В христианских же молитвах, которые являются отображением древнего еврейского культа, духи Авраама, Исаака и Иакова упоминаются после остальных богов, чуть ли не на самом последнем месте.

У греков, с появлением племенных богов, как например Зевс или Посейдон, домашние боги-покровители—„гении“ потеряли свое значение. Тоже происхо-

дило и у славян, когда боги племен: шерун, Сварог, Дажьд-бог и Велес оттеснили в разряд второстепенных богов, духов-покровителей домашнего очага.

Первоначальная религия, в виде культа предков и духов-покровителей, отражала почти исключительно жизнь отдельного рода или домашней общины: она мало интересовалась окружающей природой. Воздействие на природу брал на себя сам человек, и от его магического умения или опыта зависели результаты. С помощью колдунов, кудесников и шаманов он старался повлиять на природу или на духов, обитавших в земле и в воде. Боги-предки совершенно не вмешивались в эти действия человека. С развитием новых промыслов, а в связи с этим и новых представлений человека об окружающем, такое невмешательство богов в окружающую жизнь должно было прекратиться.

Боги природы.

Развитие земледелия и скотоводства тесно связано с теплом и влагой. От этих условий зависит урожай злаков и трав. Чем дольше люди занимались земледелием и скотоводством, тем больше учились они ценить эти явления природы. Связь урожая с действиями солнца, связь дождей с разливом рек заставляли обращать человека внимание на небесные явления, и поиски причинности привели человека к мысли о том, что его прежние объяснения явлений природы и обязанностей богов-предков недостаточно.

Все чаще человек ищет у своих богов защиты и поддержки против вредных действий различных природных явлений и заставляет богов брать на себя управление природой.

Это превращение богов-предков в повелителей вселенной можно проследить на многих религиях древности; в особенности ярко оно выявлено было в религии древних перуанцев (южная Америка). У отдельных племен перуанцев: чанка, инка, канас — были вначале отдельные боги племен, которые считались их родоначальниками. При слиянии племен, названия всех племенных богов стерлись; общий племенной бог стал называться „упракочана“, т.е. сотворивший все. В своих молитвах отдельные племена попрежнему обращались к этому единому богу, как к родоначальнику и к у племени; так инки называли его „инка-качуна“, т.е. создатель инков, чанки — „чанка-качуна“, канас — „канас-качуна“. Но от прежних племенных богов общий бог отличался тем, что он был не только предком-прародителем, но и творцом вселенной.

В одной из молитв перуанцы так обращались к своему богу: „Всетворец и всесоздатель! ты первопричина всего бытия, вездесущий творец, не имеющий себе подобных до пределов земли. Творец женщины и мужчины, всем жизнь даровавший! Охрани нас во всякое время и полными здоровья; в мире, без опасностей дай нам окончить жизнь, дарованную тобою. Ты, обитающий на высотах, в глухих раскатах грома и в облаках бурного вихря — услыши нас и даруй нам радости, охраня своим покровительством и прими настоящую жертву с благоволением и милостью, великий отец-сотворитель!“

Бог перуанцев выступает в этой молитве со всеми атрибутами (принадлежностями) бога природы — сопровождаемый громом и бурей.

Превратившись в бога природы, предок-прародитель остается попрежнему покровителем хозяйства. В другой молитве перуанцев говорится: „Ты, все создавший, все-сильный творец, все сохраняющий вседержитель! Даруй нам, людям, твое благословение; вели умножаться стадам. Защити деревенскую общину, чтобы она процветала в мире и спокойствии“.

Таким же путем превратился в бога природы бог племени израильтян; сделавшись властителем вселенной, он является народу не в виде скромного старца („явление“ его Аврааму и Саре), а в виде горящего, но не сгорающего куста (явление Моисею), или в виде грозного вседержителя, говорящего народу с высоты горы, и слова его сопровождаются громом и молнией (явление на горе Синай).

У современных народов сохранились некоторые сходные верования. В Алтайских горах (в Сибири) живет несколько племен тюрков, телеутов, ойратов и черных татар.

Главным богом, творцом вселенной и создателем людей считается у них Ульгэнь. К нему обращаются с просьбой о помощи в такой форме: „Повелитель, к которому ведут три лестницы; бай Ульгэнь, владе-лец трех стад! голубой склон, который появился; голубое небо, которое показывается; голубая туча, которая проносится; голубой свод недостижимый; на года пути удаленное место с водою! Отец Ульгэнь, трижды возвышенный, которого избегает острее секиры месяца, который пользуется колытом лошади. Ты создад, Ульгэнь, всех людей, которые, шумя, нас окру-

жают; ты Ульгэнь, снабдил нас всех скотом. Не предай нас бедствию! Дозволь противиться злему! Не указывай нас Кермесу (злой дух, сопровождающий человека), не предавай нас в его руки! Ты, к звездному небу тысячу раз обращенный, не осуди наших грехов!“

В этой молитве сохранились остатки прежнего культа предков („о тец Ульгэнь“ и пр.), веры в духов („не указывай нас Кермесу“), и одновременно видны новые представления о божестве, как владыке вселенной („голубое небо“, которого избегает „секира мечаца“ и пр.).

Интересен еще один момент, показывающий, как в представлениях о божестве отражаются общественные отношения самих людей. Ульгэнь назван „баем“, т.-е. богачом, „владельцем трех стад“; таким образом и на небе, по представлению людей, влияние богов зависит от их экономической силы—точное отражение людских отношений...

Роды, и племена, живущие в пределах определенной территории, редко занимаются одним и тем же промыслом. Некоторые семьи живут скотоводством, другие земледелием, третьи охотой, рыболовством, наконец, некоторые семьи специализируются исключительно на ремеслах. Подобная специализация семейства отражается и на представлениях людей о богах. Из среды богов выделяются боги-специалисты, руководители отдельными сторонами жизни человека и природы. Во главе богов становится бог неба; другие боги делают покровителями или управителями отдельных сторон жизни и небесных светил. У славян богом неба считался бог наиболее сильного племени — Перун; солнце, ходящее по своду небесному, получило управителем Дажь-бога (в других местностях—Хорста), а Велес взял под свое покровительство животных. Славяне не успели выработать вполне стройной системы культа, и у них многие боги не получили своего окончательного назначения. У других же народов древности, как например у греков, боги имелись для всякой отрасли человеческой деятельности и для каждого отдельного явления природы.

Если род имел особую специальность, например, целиком занимался выделкой металлических изделий, то и бог у него был спелем: он представлялся в виде литейщика, от которого люди получили свои знания. На этой стадии развития религии человек не олицетворяет сил природы в виде людей-богов, а назначает каждой из

Специализация богов.

этих сил природы особого комиссара — бога, задача которого следить за действием сил природы и подчинять их сообразно просьбам человека.

Мифы.

Сложность религиозных представлений этой эпохи отражается в многочисленных „мифах“ рассказах о жизни богов.

У древних ацтеков (мексиканцев) миф о происхождении отдельных божеств сохранил много бытовых черт. Три племенных бога: Теукатлипока (зеркало), Кветцалькоатль (змея крылатый) и Гуинциполохтли (птичка колибри) были сначала вожжами и постоянно враждовали между собою. Теукатлипоке удалось изгнать Кветцалькоатля из местности Тулли и из Холула; борьба между богами продолжалась бы бесконечно, если бы не вмешались боги-родственники (у всех богов были не только ближайшие родные, но существовали даже бабушки). Они поделили весь мир на три части; и каждую часть поручили отдельному богу. Впоследствии боги жили очень мирно, так как каждый занялся специальностью: один охранял людей, другой посылал дождь, а третий ковал оружие и давал огонь...

У ойратов (Алтай) высший бог, Ульгэнь имеет семью, состоящую из жены Тазы, сына Нура и трех дочерей: Кулай, Косьту и Шюсьту. В отличие от верований других народов, ойраты не наделяют семью Ульгэня никакими божественными качествами. Положение этих божественных домочадцев принижено, т.-е. соответствует положению членов семьи у самих ойратов... Кроме Ульгэня существует еще много разных богов; некоторые из них, как например Эрлик, не менее сильны, чем сам Ульгэнь. Каждый из богов имеет свою специальность. Эрлик — представитель злых духов — избрал из всех профессий самую незавидную: он выполняет сомнительные поручения Ульгэня, за которые тому почему-либо не удобно самому браться (например — месть людям за редкость жертвоприношений Ульгэню), а также и самостоятельно делает людям разные пакости. Так как ойраты больше боятся зла, чем добра, то Эрлик получает гораздо больше жертв, чем сам Ульгэнь. Остальные боги ведают небесами, имеющими хорошие места (рай) и плохие (ад); часть из них занимается посылкой человеку болезней, холода, ветров; другая часть покровительствует промыслам человеческим и ремеслам.

Мифы ойратов необычайно разнообразны и, наряду с преданиями о вполне определенных богах, содер-

жат также сказания о полу-богах — героях. Из этих героев, т.-е. прославившихся почему-либо людей, образуются сначала духи-покровители, а потом новые боги.

Существование подобных же мифов у якутов, киргизов, калмыков, а также у древних славян, германцев и пр. подтверждает, что религиозное (а, следовательно, и общественное) развитие всех народов проходило одни и те же стадии.

Дальнейшее развитие религии идет параллельно развитию общественной жизни. С изменением форм общежития, особенно форм общественного управления, изменяется представление о божестве. Когда на смену родовому совету приходит единоличная власть вождя (позже — царя и короля), божество окончательно теряет свой множественный характер. Во главе вселенной становится один бог, управляющий и силами природы, и людьми теми же методами, как и земной владыка. Даже в названиях властителей-людей и властителей-богов происходит сближение: и земной владыка, и верховное божество одинаково начинают называться „господами“, „повелителями“, „царями“.

С появлением племенных богов выделяется племенной культ, для служения которому требуется особый жрец, колдун, кудесник. Иногда эта обязанность возлагается на главу племени, и позже, в лице прочих прерогатив (особых прав), оспаривается у него вождем; чаще для служения племенному божеству назначается один жрец или даже целая группа их, освобождаемая от всякой другой работы. Для отправления культа устанавливается жертвенник и отводится особое место.

Жречество,
как профессия.

Существование культа тесно связано с поддержанием на жертвеннике постоянного огня; для прикрытия огня приходится делать крышу. Место служения превращается в храм, т.-е. в дом, по образцу остальных домов, существующих у данного народа, только несколько большего размера. Изображения предков, в которые прежде шаманы и жрецы вселяли на время душу умершего, ставятся в эти храмы для того, чтобы облегчить вселение бога в эти предметы и облегчить его общение с верующими.

Сношения с богами делаются значительно труднее, чем прежде. Вызывание их и переговоры с ними превращаются в привилегию жрецов; между богами и верующими окончательно становятся посредники, и жречество превращается благодаря этому в

постоянную профессию. С переходом большинства выборных должностей в наследственные, делаются наследственными и жреческие обязанности. Отрыв от непосредственной работы в производстве, наследственная передача жреческих обязанностей, наконец, постоянные приношения верующих — создают основу для религиозной эксплуатации, для вымогательства различных благ в пользу самих жрецов; и так как верующие охотнее дают жертвы самим богам, чем подающие их служителям, то жертвы, приносимые богам, становятся основой жреческого дохода.

III. ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

Чест. Кош. записки.

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ФЕОДАЛИЗМА.

Первоначальное зачатие земли происходило путем захвата. Отдельные группы семей, связанные узлами родства, выбирали общие площади для своих запасок или для выпаса скота и делили их между собою. Но, по мере увеличения народонаселения, отдельные семейные хозяйства начинают сливаться окраинами своих пахотных участков. Общий выпас и пользование другими угодьями, лесом, водоемом, лугами, связывают хозяйства отдельных семейных групп в одну общину. По мере разрастания общины она входит в соприкосновение с другими общинами, с другими родовыми союзами, и превращается в общину более крупного типа. В пределы ее попадают нередко семьи, не принадлежащие к родовому союзу.

Пока общинники принадлежат к одному роду, регулирование их совместной жизни производится родовыми старейшинами (главами родов) и советами семейных старшин. С появлением в составе общинных хозяйств чуждых родов, прежняя форма управления общиной становится несовместимой с новым хозяйственным укладом. Создается новая общинная администрация, не родовая, а сельская — сельские старшины, сельские собрания, сельские сходы, которые или уничтожают родовое представительство, или существуют помимо него. В Дагестане в настоящее время можно найти оба типа представительства, так как там наряду с общинами, населенными семьями, принадлежащими к одному роду „тохуму“, встречается не мало поселений, как шагр. Кухум, Ахты, Кубачи, составленных из нескольких родов. Если в селении живет несколько „тохумов“ (родов) и один из них оказывается в преобладающем количестве, то сельская администрация совпадает с родовой. В селении, где живет несколько одинаково могущественных и могущественных „тохумов“, выбираются не один, а два — три и более старшин. Старшина, как его называют в Дагестане — „кехви“ или „кади“, сперва является главой какого-либо „тохума“, но

Сельская
община.

постепенно должность сельского старосты или старшины обособлялась от родового представительства, и сельская община („джемаат“ или „магал“) начинала значительно отличаться от родовой общины (или „тохума“).

Образование сельской общины не изменяет существования родового хозяйства. Основанием его попрежнему остается двор, усадьба, примером которой может служить одинаково и осетинский двор на северном Кавказе, и большая семья у черногорцев—„задруга“.

Водно-земельная община.

Иногда роды оседали на таких землях, на которых земледелие было невозможно без искусственного орошения. Прежде чем приступить к распашке, отдельные семьи начинают проводить оросительные сооружения, при чем, конечно, берутся только за такие, которые требуют небольших трудовых и материальных затрат. Легкость оседания в значительной степени зависит от близости источников орошения; а так как источники были разбросаны неравномерно в различных местностях, то и семьи, селящиеся у источников, оказывались разобщенными друг от друга. Длинные каналы, тянувшиеся иногда на несколько десятков верст, были заселены по обе стороны хозяйствами обособленного типа, (семейными общинами), занимавшимися земледелием. Участки же между каналами, орошаемые только случайно, заселялись теми семьями, которые обладали значительным количеством скота и занимались скотоводством. Таким образом, поселения земледельческие и стоянки скотоводов оказывались перемешанными друг с другом.

В Аулиеатинском уезде Джетысуйской (Семиреченской) области киргизы оседали целыми родами, то, под влиянием особых условий орошения, роды делились на семьи, из которых каждая занимала самостоятельный участок. Одновременно оседали семьи различных родов и селились рядом. При окончательном заселении годных для занятия земледелием земель, роды оказались расселенными необычайно пестро. В Майлекенской волости, например, много общин киргизов, объединенных общностью угодий, заселено смешанными представителями различных родов (главным образом, дулатов и сергелл). Такое расселение киргизов привело к ослаблению родственных уз и создало новые, не родственного типа, объединения семейных хозяйств. Связующим звеном в этих общинах служат находящиеся между оросительными каналами общие выпасы, которыми общинники пользуются сообща.

Техника поливного орошения, которым стали заниматься киргизы, создает и другой род объединения. Оросительная система требует постоянного ухода за „арыками“ (каналами) и регулирования пользования водой. Ежегодная чистка каналов, случайный ремонт их, а также распределение порядка пользования водой требуют специального нормирования. Для этой цели выбирается водная администрация, отличная не только от родовой, но даже и от местной, общинной. Эта администрация наблюдает за ремонтом каналов и правильностью распределения поливных вод. Водные старосты носят название у киргизов, да и во всем Туркестане, „аксакалов“ (белые бороды) и выбираются или из старшин какого-либо наиболее могущественного рода, захватившего головные участки орошения, или из сельских старост общин. Объединение хозяйств в такой водно-земельной общине называется „мюльк“ и существует во всем Туркестане. В наиболее чистом виде оно сохранилось у узбеков в Хорезме.

При расселении родов, как мы указали выше, далеко не все роды селились на землю целиком. Некоторые семьи из этих родов занимались земледелием, другие кочевали. Наконец, многие семьи продолжали заниматься охотой или, оседая поблизости больших водных хранилищ, занимались рыболовством. Удобное местоположение в отношении орошения давало возможность некоторым из семей ограничиться земледелием; другие семьи принуждены были одновременно заниматься и земледелием, и скотоводством, и даже охота у многих семей оказывалась не только подсобным промыслом, но и исключительным занятием. Наряду с земледелием и скотоводством развиваются и ремесла. Гончарное ремесло, плотничье, плетение не требуют особой специализации, и поэтому встречаются во всех семьях — как земледельческих, так и скотоводческих. Обработка металлов, особенно с момента появления обработки железа, кузнечное дело — требует длительной специализации, заставлявшей лиц, которые им занимались, отказываться от всякой другой работы: на предварительную выучку уходит много времени, и само занятие кузнечным ремеслом приводит к невозможности принимать участие в земледелии или в других работах.

С появлением кузнечного дела, а, может быть, и при начале отливки бронзы, община должна была оказывать постоянную помощь ремесленникам, если хотела пользоваться их изделиями. Помощь эта, как можно наблюдать сейчас в Индии, выражается в том, что

Развитие
сельского
ремесла.

община уступает ремесленникам участок земли, который обрабатывается совместно всеми общинниками; урожай с этого участка идет на пропитание семьи ремесленника. Эта общественная помощь является все-таки минимальной и не может служить достаточной основой для питания семьи ремесленника; поэтому, кроме общественной помощи, каждый нуждающийся в изделиях ремесленника должен давать ему особую плату за работу, в виде тех или иных натуральных приношений.

Возникнове-
ние рабства.

По своим размерам хозяйства семейных общин не одинаковы. Количество годных для обработки земель, попавших в распоряжение семьи, и в особенности—орошение и местоположение пахотных участков, ставили семейные хозяйства в различные условия. Еще большее влияние на развитие отдельных хозяйств оказывало количество рабочих рук в пределах отдельных семей. Чем больше было рабочих рук в распоряжении семейных общин и чем меньше было лиц, не могущих, в силу малолетства, старости или болезни принимать участие в работе, тем лучше шло хозяйство.

Хозяйства больших семейных групп не всегда могли обходиться рабочей силой совместно живущих близких родственников. Часто в хозяйство принимались и посторонние лица, усыновляемые или просто временно принимаемые в состав семьи для того, чтобы увеличить количество рабочих рук. Во время военных столкновений между родами в состав отдельных хозяйств попадали пленные, которые использовывались здесь до тех пор, пока их не обменивали на родственников, попавших в свою очередь в плен к врагам. При отсутствии обмена пленные оставались жить у своих победителей и примыкали к их семье.

Пока использование труда пленных было случайным, оно не изменяло взаимоотношений внутри семей и родов. Но, как только применение труда пленных сделалось постоянным явлением, хозяйственная сила и благосостояние хозяйств, применявших этот подневольный труд, стали расти. Использование рабочей силы членов семьи возможно было до определенного предела: коммунистический характер производства и потребления в пределах хозяйства не давали возможности эксплуатации отдельного человека. Пленный же, который не являлся членом семейной общины, не допускался к общему котлу; удовлетворение его потребностей могло быть ограничено минимальными пределами, и, таким образом, в результате работ пленного, оста-

вался в пользу хозяйства некоторый избыточный прибавочный продукт, дающий возможность семье улучшить питание своих членов за счет труда пленного. Чем больше пленных употреблялось в семейных общинах, тем сильнее делалась их эксплуатация, и, следовательно, тем больше прибавочного продукта оставалось в распоряжении семейной общины.

Хозяйства, имевшие пленных, начинали богатеть, у них постепенно создавались некоторые излишки, в то время, как хозяйства, не имевшие возможности получить пленных, или отказывавшиеся почему-либо от применения их труда, еле-еле сводили концы с концами. Пленные постепенно превращаются в рабов; рабство применяется чаще всего в тех хозяйствах, которые по количеству участников и по величине стад оказывались и без того более мощными. С применением труда пленных мощь этих хозяйств возрастает.

Рабство было одинаково распространено и у земледельцев, и у скотоводов; у последних даже, возможно, оно появилось раньше.

В то время, когда родовые общины превращаются в сельские, производительность труда человека настолько высока, что, при нормальном соотношении числа едоков с наличной рабочей силой, в большинстве хозяйств создавались излишки.

Возникновение обмена и рост экономического неравенства.

Излишки не остаются в пределах хозяйства. Семьи, которые занимались разными промыслами, всегда нуждались в продуктах, доставляемых другими промыслами. Охотники и рыболовы одинаково нуждались в хлебе; земледельцы — в продуктах охоты или скотоводства, или в рыбе, но еще чаще им был необходим скот для полевых работ. Все семьи, занимавшиеся различными промыслами, нуждались в изделиях ремесленников, главным образом, в металлических орудиях — для охоты, для рыбной ловли, для земледелия и для охраны стад. Обмен продуктами и орудиями труда между отдельными хозяйствами, занимавшимися разными промыслами, делается необходимостью. Этот внутривидовой обмен существовал и раньше, но в очень слабой степени. Австралийцы с их примитивным хозяйством не могут обойтись без обмена с другими ордами и племенами. Они пускают в обмен оружие, шкуры, соль, глину. Участники же таких высоко развитых хозяйств, как хозяйства семейных групп, тем более не могут обойтись без обмена.

По мере увеличения размеров семейных хозяйств расширялся обмен. Те хозяйства, которые имели большие излишки в обмене, могли участвовать более интенсивно (напряженно). Пока обмен имел своей целью только получение продуктов питания и различных предметов для личного потребления, излишки не оказывали влияния на взаимоотношения отдельных семей; но как только семьи стали обращать излишки на увеличение сельскохозяйственного инвентаря — на заказы ремесленникам новых орудий труда, на приобретение у скотоводов новых голов рабочего скота—усиленный обмен приводил к экономическому росту отдельных хозяйств. Хозяйства, обладавшие излишками, большим инвентарем и достаточным количеством рабочей силы становятся „богатыми“, в то время как хозяйства с небольшим количеством рабочей силы и недостаточным инвентарем беднеют и хиреют.

Богатство и бедность проявляются особенно резко в периоды несчастий, разразившихся в отдельных хозяйствах. Помощь между хозяйствами наблюдалась редко. Каждая семья стремилась удержать всю наличную рабочую силу в своих пределах и, по мере возможности, увеличить ее, потому что от количества рабочих рук зависело благосостояние этой семьи. Родственные связи начинают забываться и, во всяком случае, обладают очень небольшой силой в то время, когда родовые союзы, вследствие разрастания, превращаются в сельские общины. Бок о бок сидящие семьи оказываются только соседями. В момент несчастья для отдельного хозяйства соседи не склонны оказывать помощи; они предпочитают приберечь свои запасы и излишки на черный день. Неурожай, падеж скота, смерть мужчины-работника обрушивается на маломощное хозяйство, как лавина. Если отношения родства еще не забыты, родственники оказывают разоряющейся семье помощь трудом или продуктами, но чаще всего они предоставляют этой семье выпутываться, как она пожелает.

Ссуды скотом и зерном.

В поисках помощи разоряющееся хозяйство обращается к своим наиболее богатым соседям, которые оказывают помощь только в виде ссуды. Ссуды даются на разных условиях—всегда одинаково тяжелых. Иногда ссуды даются скотом—с условием, что берущий ссуду должен за пользование рабочей силой скота отработать несколько дней на земле землевладельца.

У скотоводов бывают ссуды иного рода. Примером таких ссуд могут служить совсем еще недавно совершав-

шлись сделки между кабардинцами и балкарцами. Общинные хозяйства балкарцев, живущих в горах, нередко обращались к кабардинцам с просьбой о ссуде скотом. В Кабарде, расположенной в предгорьях С. Кавказа, летом выгорают все пастбища, и кабардинцы отдают свой скот на выпас балкарцам, обладающим чудными горными пастбищами, с условием, что за присмотр и прокорм скота в течение целого лета балкарцы получают небольшую часть приплода.

У земледельцев ссуда часто выдается зерном; при возврате ее всегда требуют значительно большее количество зерна, чем дано, т.-е. взимают „процент“.

В какой неожиданной форме может проявиться ссуда, показывает пример ссуды гвоздями на острове Таити. Один из вождей небольшого племени, живущего на этом острове, получил от европейцев дюжину больших железных гвоздей. Так как туземцы все работы производят каменными орудиями, то гвозди представляли большую редкость; употребляемые вместо долота или сверла, они оказывались предметами зависти многих и многих жителей Таити. Вождь стал раздавать свои гвозди в ссуду соседям с условием, что при возврате гвоздей пользовавшийся ими обязан дать ему определенное количество припасов. В течение короткого времени эта дюжина гвоздей создала его обладателю громадное богатство!

Если ссуда не возвращается в срок, на нее начисляются новые проценты, т.-е. она еще больше увеличивается, а при полной невозможности вернуть ссуду, взявший ее лишается своей земли или попадает в рабство. Таким образом произошли на Руси „закупы“: лица, лишившиеся своего имущества и попавшие в личную зависимость за долги или ссуды, которые они брали для обработки своих земель. Так как имущество семейной группы в эту эпоху было нераздельным, то достаточно было закабаления одного из членов такой семейной группы, чтобы оно привело к полному разорению всей семьи.

Пропасть между богатыми и бедными хозяйствами стала расширяться по мере применения в скотоводстве и земледелии труда рабов. С появлением рабства, как одного из способов ведения хозяйства, размер земельной площади в рабовладельческих хозяйствах начинает быстро расти, и все больше хозяйств бедняков попадают от них в зависимость.

В конце концов, вполне сложившаяся сельская община представляет следующую картину земельных

Закабаление
должников.

и имущественных отношений. Земельные участки отдельных семейных групп колеблются значительно в своих размерах. Крестьяне, как мы будем называть членов таких сельских общин, обрабатывают землю силами своих семейств, изредка немногочисленных рабов. Участки их состоят из пахотных земель, небольших кусков лугов и, редко, леса или выгона. Большой частью лес, выгон и другие угодья находятся в пользовании всей сельской общины. Участки крестьян составляют их семейную собственность. У древних германцев эти участки носили название „гуфов“, общинные угодья назывались „альмендой“, а сама община „маркой“. В древней Руси община называлась „вервью“, а участок „сохой“.

Среди собственников отдельных участков выделялись более крупные двory, имевшие больше земли, и чаще применявшие труд рабов. Передко они подчиняли себе несколько крестьян, бывших до того свободными, но потерявшими за долги свою независимость. Часть этих крестьян в VIII—IX столетии была превращена в рабов; другая часть сидела на прежних участках, значительно уменьшенных займодавцем и считала себя „обязанными“, т. е. зависимыми от последнего. Зависимые крестьяне получали только часть тех продуктов, которые доставляла им земля: остальное же получал займодавец, превратившийся в крупного земельного собственника. Но, на ряду с крестьянами, потерявшими свою свободу, оставалось не мало свободных крестьян, не находившихся в зависимости от кого бы то ни было.

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ВЛАСТИ.

Военачальники и их дружина.

Чем больше возрастала плотность населения, тем чаще становились столкновения между племенами и общинами. Необходимость в военной защите заставляла племена иметь постоянных вождей, которые богатели от войн и пополняли ряды родовой знати. Среди богатых хозяйств общин и племен, хозяйства вождей были самыми богатыми: в них чаще всего применялся рабский труд, у них было больше инвентаря и скота, захваченного во время набегов; они же, чаще других хозяйств, оказывали ссуды беднякам и брали за долги их земли, а самих должников превращали в каменных крестьян.

Военачальники выбирались за свои личные качества — опытность, храбрость. С течением времени на выборы начинает влиять и богатство: в вожди попадает

не всякий храбрец, а лишь тот, который принадлежит к богатой семье. Беря в свои походы сыновей и близких родственников, вожди заранее подготавливали себе преемников. Нередко последние успевали отличиться и стать известными удалцами, но и при отсутствии этих качеств богатство новых кандидатов могло обеспечить за ними место военачальника. Как бы то ни было, семьи военачальников из поколения в поколение поставляют вождей для племени, и постепенно выборы вождей превращаются в лишенный всякого содержания обряд: власть военачальника наследуется, и только уважение к традициям заставляет придавать ей внешний характер выборности.

Семьи вождей становятся поставщиками „профессионалов“ войны, так же, как семьи жрецов—профессионалов религиозного культа, а семьи ремесленников—профессионалов отдельных видов ремесла.

Вокруг вождей группировались их ближайшие соратники—участники многих походов. Из них образовалась „дружина“, составлявшая основной кадр войска; из ее состава выдвигались начальники отдельных отрядов воинов-ополченцев (рядовых общинников).

Военачальник со своей дружиной жил очень дружно: общность интересов и полная опасностей жизнь создавали среди них крепкую спайку. Жизнь вождя и его богатства в значительной степени зависели от отношения к нему дружины, и, наоборот—чем больше богател вождь, тем больше перепало его дружине. Естественно, что вождь с дружиной составляли сплоченную военную группу, в которой каждый стойко отстаивал друг друга.

Война приносила военным группам скот, рабов, различного рода имущество; не довольствуясь такой случайной формой грабежа, вожди прибегали к периодическим сборам с побежденных „дани“: (так назывались специальные поборы, которые собирались без всяких заранее установленных размеров и без определенного срока). На Руси сбор дани носил название „полюдья“. В „начальной летописи“ сохранилось очень интересное сказание о походе князя Игоря, показывающее, каким образом собиралась дань. Собрав дань один раз, князь мог тотчас же вернуться обратно и собрать с побежденных дань вторично. Никаких определенных размеров дани не существовало, величина ее зависела исключительно от потребностей самого князя и от богатства данников. Князья нередко собирали дань в течение года три—четыре и более раз, смотря по

Дань.

степени своей нужды. Однако, подобная бессистемность в сборе дани вызывала нередко отпор со стороны данников. Восстание данников, которое положило конец военной карьере князя Игоря, было, вероятно, не таким уж редким явлением. Во избежание возмущений, князья вносят в собиранне дани некоторый порядок: собирают ее в определенные периоды и в определенных размерах. Данники для князей были чем-то в роде дойных коров, с которых можно было в течение долгого времени тянуть и тянуть добычу, заключавшуюся не только в различного рода припасах и изделиях ремесла, но также и в поставках живого товара: молодых деvушек и рабов.

Распределение полученной добычи было неравномерным: большая часть шла вождю и его дружине, а остатки — прочим воинам (ополченцам).

Существование выделившейся военной группы не вызывало неудобств для жителей общины или племени. Наоборот, чем значительнее были размеры дружины и чем крепче она была спаяна дисциплиной, тем безопаснее было жить остальным соплеменникам. Поэтому распределение награбленной добычи, из которой общине не выпадало ничего, не вызывало особенной зависти со стороны не участвующих в дележе; считалось вполне естественным, что в разделе добычи участвовал только тот, кто принимал участие в походе.

Переход
власти в руки
вождя.

Власть вождя была велика, но только во время войны. В отличие от „демократических“ способов управления общиной советами родовых старейшин, опиравшихся на обычай и традиции, военачальники держались основ единоличного руководства своим войском, хотя и они принуждены были созывать общие войсковые собрания, если хотели придать своим решениям больший вес. Обычай, имевший такое большое значение при разрешении различных общинных вопросов, отступал на задний план во время боевых операций: боевые действия требовали строгого подчинения отдельных воинов вождю и централизации боевого руководства. Основой власти военачальника была дисциплина (подчинение), а не родовые традиции.

Если война захватывала территорию всего племени, для применения родовых традиций не оставалось места — все население должно было повиноваться военачальнику, пока не заканчивались боевые действия. Но, как только война считалась законченной, вождь лишался всех своих особых прав. Совет родовых старейшин требовал у вождей отчета в их действиях в тех

случаях, когда война предпринималась по постановлению племени. Такой отчет делал сам вождь, лично, на общем сходе. Сход мог одобрить действия вождя и оставить его во главе войска, но мог и отстранить его, если был недоволен результатами войны.

У каждого вождя была и своя дружина, которая при смене вождя теряла свое привилегированное положение. Пока дружина была не очень сильна, сход племени мог сменять вождей; неудачливые воители уходили из своей общины и начинали „искать счастья“ на стороне, т.-е. попросту превращались в бродячих разбойников. Когда же дружина обзавелась земельной собственностью и увеличилась в числе, смещение вождя могло производиться лишь с согласия самой дружины; в противном случае дружина являлась на сход и отстаивала своего военачальника силою оружия. Впрочем, в такой защите редко бывала надобность. Беспрерывные войны, продолжавшиеся по несколько лет (в течение которых вожди являлись высшей властью, а родовые учреждения бездействовали) настолько повышали авторитет вождей, что их власть делалась сильнее родовых традиций.

У скотоводов, у которых охрана стад создает богатую почву для развития воинственных наклонностей, военные группы были велики и значение военачальников сильно. Приток богатств в руки вождей и дружинников способствовал быстрому экономическому росту их хозяйств. Так как у скотоводов кочевать могут только те семьи, которые имеют достаточное количество скота, а теряющие скот — или принуждены садиться на землю, или идти в кабалу к богатым, то военные группы, владевшие громадными стадами, оказывались наиболее крепкими „номадами“ (кочевниками) и представлялись соплеменникам хранителями всех кочевых традиций. Власть вождей была здесь основана одинаково, как на военной силе их, так и на уважении соплеменников.

У земледельцев выдвижение вождей и рост их влияния усиливал расслоение общины. Имущественное неравенство, кабальные отношения, потеря многими общинниками самостоятельности и, даже, личной свободы, наряду с продолжающимся богатением отдельных семей знати и увеличением их земельных участков, — приводили к напряженной борьбе внутри общин. „Примитивная демократия“ возможна только в таких общинах, где богатство и бедность не достигли крайних пределов, где все общинники свободны и владеют не слишком различными участками земли. С оформле-

нием экономического неравенства и появлением социально враждебных друг другу групп, „примитивная демократия“ служила только ширмой для самовластия наиболее богатых и быстро заменялась их открытой диктатурой. В возникавшей борьбе между беднотой и богачами, вожди всегда стояли на стороне богатых. Иначе и быть не могло—военные группы обладали наибольшими участками земель и рабов.

Когда же социальные противоречия в общине достигали слишком большой остроты, приводившей к постоянным побиениям на сходах и попыткам бедноты силой изменить свое тяжелое положение, богачи выдвигали военачальника в качестве умиротителя—охранителя „гражданского мира“...

Пользуясь поддержкой своей дружины и группы богатых, вождь отменял родовые обычаи и на место „примитивной демократии“ ставил диктатуру военной группы.

Не всегда переход власти к вождю проходил безболезненно: иногда возникала ожесточенная борьба между сторонниками вождя и сторонниками старого родового управления; но, так как на стороне первых была военная сила и богатство, а на стороне вторых—только старые родовые обычаи, борьба эта оканчивалась всегда победой военной группы.

Власть вождя была наиболее удобной формой господства богатых. Поддержка богатыми вождей сказывалась прежде всего в том, что они охотно вступали в дружину.

Получив прочную опору своей власти, вождь превращал диктатуру из временной в постоянную. Он становился во главе нового управления: не родового,—основанного на обычаях и представительстве семей, а военного,—опиравшегося на вооруженную силу дружинников и богачей. Вместо совета родовых старейшин создавался особый орган при вожде—военный совет из наиболее видных дружинников и представителей родовой знати; вместо схода полноправных граждан—военный сход, в котором могли принимать участие только воины, побывавшие не раз в походах.

С переходом власти к военной группе, она окончательно обособляется от остального населения. Ее связь с остальными сородичами выражается лишь в сборе дани, которой облагаются не только покоренные племена, но и соплеменники. Дань превращается в правильные сборы, которые имеют своей целью, главным образом, вооружение воинов и питание дружины и близких слуг князя.

На Руси переход власти от совета родовых представителей к вождям (князьям) завершился в IX веке. Военные группы в русских племенах вполне оформились еще до прихода варягов; борьба между богатыми и бедными внутри племен приводила к длительным междоусобицам, во время которых иностранные налетчики безнаказанно грабили русские селения. Желая подавить сопротивление бедноты и одновременно избавиться от постоянных набегов иностранцев-завоевателей, представители родовой знати „призвали варягов“. Они нашли выгоднее платить дань иноземцам, чем подвергаться их набегам; кроме того с приходом варяжских князей родовой знати удалось добиться того „порядка“, о котором она тщетно мечтала во время примитивной демократии.

Рис. 51. «Белая кость». Тип знатного киргиза.

У германцев переход власти к военачальникам произошел накануне нашего летоисчисления. В первом веке во главе всех германских племен уже стояли „короли“, которые обладали не только военной, но и гражданской властью. Как появились „короли“ вместо прежних „герцогов“ показывает рассказ римского историка Тацита о захвате власти вождем Марбодом. Опираясь на свою дружину, герцог Марбод стал во главе племени и стал управлять им под именем „короля“. Но методы, при помощи которых управлял Марбод, были так необычны для германцев, что „самое имя короля сделалось для них ненавистным“. У германского племени суйонов король настолько мало надеялся на доброжелательность подданных, что у всех отобрал оружие, которое хранил у себя под присмотром королевских рабов.

У калмыков во главе племени с XIV века стояли „ханы“ (военачальники), потомки которых образовали сословие „войонов“. Вначале ханы выбирались для военных надобностей, но впоследствии они узурпировали власть и превратились в почти неограниченных повелителей. Сборы, которые предназначались для войска

Рис. 52. «Черная кость». Тип киргиза бедняка.

и общественных надобностей и назывались „нутугим гарут“ (сборы на нужды населения кочевья), были не постоянными и имели в виду, главным образом, питание воинов и их вооружение; с течением времени эти сборы увеличились и превратились в дань, необычайно тяжелую для бедных хозяйств. Дружинники ханские образовывали особую группу, и назывались „зайсангами“. Состав зайсангов был самый разнообразный. Иногда это были дальние родственники войонов—потомки родовой знати; нередко же это были отпущенные на волю рабы или слуги хана.

У киргизов военная группа делилась на „султанов“ — потомков ханов, и „хаджей“. И султаны, и хаджи назывались также „ак суэк“ т. е. белая кость (см. рисунок 51), в то время, как остальные киргизы носили название „кара суэк“,

т. е. черная кость (см. рисунок 52). Эти названия указывают, на то, что военная группа создавалась здесь, повидимому, в результате завоевания, т. е. была не местного происхождения. Киргизские султаны считали себя потомками Чингис-хана, а хаджи—потомками его дружинников.

У якутов процесс окончательного оформления военной группы не успел закончиться к приходу русских. У них были, правда, вожди или „батыри“ и постепенно начали формироваться „сэри“ (дружинники), но никакой особой властью „батыри“ не пользовались. Воины жили на окраинах стойбищ, образуя как бы цепь подвижных пикетов. Некоторые из них уходили „искать счастья“

далеко от своих стоянок и там промышляли грабежом. После русского завоевания эти группы совершенно исчезли.

Образовавшись в сельских общинах и кочевых племенах с распадающимся родовым устройством военные группы оказываются единственной объединяющей силой в эту эпоху. Они подчиняют себе род и племя и превращают отдельные, не связанные между собою, хозяйства в политическое целое. Власть королей, герцогов, ханов, князей охватывает иногда громадные области, с населения которых взимается дань. Этой данью, да еще военными мобилизациями, производимыми время от времени, ограничивается их „управление“. Верховная власть военных диктаторов распространяется на всех жителей определенной территории. Такое политическое образование носит название „племенного государства“. В основе его лежит власть того или другого военачальника, опирающегося на военную группу и на большинство экономически обеспеченных слоев племени; эта власть одинаково эксплуатирует и побежденных, и тех, кто принадлежит к основному составу племени.

Племенное
государство.

У племенного государства есть своя территория, войско с постоянным кадром, некоторые зачатки финансовой системы. Отсутствии централизованного управления, администрации, суда делает государственную власть необычайно расплывчатой и превращает ее в значительной степени в фикцию. Власть короля имеет значение лишь в пределах наиболее близких к нему областей. Управители, посылаемые для сбора дани и для организации войска в далеко отстоящие от центра области, постепенно высвобождаются от зависимости короля и делают самостоятельными властителями. Как на примеры таких племенных образований можно указать на „государство“ Чингис-хана в XII—XIII столетии и на „государства“ германцев, разгромивших римскую империю.

Государство Чингис-хана образовалось в Средней Азии из кочевых племен монголов, которые, начиная с IV столетия, передвигались по степям Средней Азии. Область монгольского кочевья простиралась от границ Китая, в то время делившегося на два царства—Цзин, со столицей Пекином, и Сун, со столицей Сейфу—до Уральских гор и до пределов Туркестана. Монголы делились на многие роды, которые к X столетию стали объединяться в племена, имевшие общую территорию.

Государство
Чингис-хана.

Из монгольских родов выделяется своим богатством тот род, из которого происходил Темучин. На одном из ежегодных собраний родов на реке Томп Темучин был избран в вожди племени (так как успел прославиться своими военными походами) и получил титул „Чингис-хана“, т. е. великого хана. Под его управлением встали вооруженные люди всех объединившихся родов.

Земельная теснота, вызванная быстрым увеличением народонаселения, пересыхание водоемов, периодически повторяющееся в средней Азии, заставляли монголов захватывать земли своих соседей и распространяться все дальше. Мощная военная организация давала им возможность получать решительный перевес над мирными земледельцами - китайцами или над неорганизованными еще в племена киргизами. Так как численность монголов в то время не была настолько значительной, чтобы колонизовать все захваченные земли, то монголы принуждены были оставлять на них прежних поселенцев, оравничиваясь тем, что заставляли побежденных поставлять себе определенное количество воинов и облагали их данью. В начале XIII столетия монголы завоевали и обложили данью весь Китай. Затем, они двинулись на юго-восток, прошли весь Туркестан до городов Атраб и Ургенч, подчинили себе все оседлые племена, обложили их данью и оттеснили кочевые племена. В том же столетии ближайшие соратники Чингис-хана вторглись в русские степи и подчинили ряд русских городов. В половине XIII столетия монгольское „государство“ охватывало почти всю среднюю Азию, Персию и русские степи.

Во главе государства стоял сначала сам Чингис-хан, потом его ближайшие потомки, которые правили государством вместе с советом из представителей родовой знати. Этот совет не был советом родовых старейшин: в него входили представители не всех родов, а только наиболее богатых. Совет пользовался большим значением и нередко требовал у ханов тех или других территориальных или имущественных уступок, на которые хан был принужден соглашаться. Среди членов советов мы находим много знаменитых воинов, которые попали в разряд знати только потому, что участвовали в ряде удачных походов.

Несмотря на завоевание большого количества земель, населенных не только скотоводами, но и земледельцами, имевшими довольно высокую полевою культуру, монголы оставались попрежнему кочевниками и были недовольны тем, что все эти земли нельзя было использовать под пастбища для скота. Военный совет нередко

советовал хану уничтожить всех китайцев для того, чтобы освободить пашни и превратить их в пастбища. В 1236 году совет настаивает на том, чтобы земли были превращены в пастбища или, в крайнем случае, поделены между родственниками хана и представителями родовой знати. Но, опираясь на свою дружину, которая в то время уже значительно пополнилась представителями наиболее богатых семей из местного населения, ханы противятся требованиям знати. Они пытаются организовать централизованное управление, которое основывалось бы не на родовом, а на территориальном принципе. Государственное управление ханов сводится вначале только к сбору дани, но дань устанавливается в определенном размере: у скотоводов она взимается по числу голов скота, у земледельцев — с дома. Затем ханы ставят на всех караванных дорогах свои заставы и отнимают у купцов в пользу хана определенную часть товаров. Войсковые пополнения ханы получают путем мобилизации покоренного населения, которое делится, для удобства призывов, по тысячам душ; на каждую тысячу людей, способных носить оружие, назначается особый военный уполномоченный хана — темник (тысяцкий).

Так как при разбросанности ханских территорий очень трудно было свозить в центр все налоги, которые брались натурой, то в каждую область назначался местный уполномоченный, на обязанности которого лежал и сбор налогов, организация местных провиантских баз для войска и военное управление областью. К концу правления сыновей Чингис-хана таких уполномоченных в каждой из областей было три: военный уполномоченный, сборщик дани и сборщик таможенных пошлин (с караванов). Назначением уполномоченных ограничивалось ханское управление покоренными областями. В остальном население сохраняло свои прежние общинные и родовые организации и, в хозяйственном отношении, не имело никакой связи с государством.

Все монголы, жившие в пределах государства Чингис-хана, как потомки первых завоевателей, находились в привилегированном положении. Они платили меньшую дань, чем покоренные жители, но от налогов и дани все же не освобождались. Наибольшую выгоду от государственного управления получали представители родовой знати, семьи дружинников и близкие родственники хана. Таким образом, уже в государство Чингис-хана зарождался общественный класс (стоявший во главе государственного

управления), из которого позже образовались феодалы. Этот класс был обладателем громадных земельных богатств, концентрировал в своих руках военную силу и все нити управления.

Четыре хана, наследовавшие Чингис-хану, по существу не изменили ни в малой степени сложившегося при нем порядка управления. Они также собирали дань, организовывали войско, брали пошлины с провозимых товаров, и все их управление отличалось от управления Чингис-хана лишь тем, что значение областных уполномоченных и родовой знати возрастало с каждой сменой хана.

Время от времени покоренное население, ожесточенное поборами ханских уполномоченных, прогоняло их или вырезало; тогда ханам приходилось спешно мобилизовать свои наиболее надежные войсковые части и покорять возмущившиеся племена или области. В сменах узаконенных грабежей и периодических карательных экспедиций проходило „царствование“ всех четырех ханов из рода Чингис-хана.

Таково было „государство“ Чингис-хана. Оно существовало около 150 лет и распалось на отдельные составные части: отсутствие хороших путей сообщения, крепкой хозяйственной связи между покоренными областями и, наконец, низкий культурный уровень самих завоевателей делали невозможным централизованное управление. Но „государство“ Чингис-хана успешно основательно разложило родовое устройство не только покоренных племен, но и самих монголов. Среди завоевателей выделяется общественный класс крупных земельных собственников; остальная же масса населения превращается в лиц, более или менее от них зависимых. Последними в области уполномоченные хана были или его родственники, или представителями родовой знати; им дарились значительные земельные владения. Они превращались в местных царьков того же типа, что и сам хан, вследствие чего государство оказалось растащенным по кускам.

Государство германцев.

Подобную же картину представляли и „государства“ германцев с V по VIII столетие. Растущее народонаселение, земельная теснота, наконец, давление соседних племен заставляли германские племена продвигаться на юг и юго-запад и теснить своих ближайших соседей. Оседлые соседи оказывали ожесточенное сопротивление, поэтому германские племена в течение нескольких столетий принуждены были вести непрерывные войны из-за земель. Наиболее сильные из этих

соседей—римляне—выставляли против германцев военные кордоны и предпринимали оборонительные походы. Давление германцев не ослабевало, а, наоборот, усиливалось с каждым десятилетием; между тем, разлагающееся хозяйство древнего мира изживало себя. Римская империя трещала по всем швам и к V столетию была настолько беззащитной, что совершенно не была в состоянии сопротивляться натиску воинственных германских племен. Отдельные племена германцев вторгались в те или другие римские области, и, в конце V века, окончательно захватили и поделили римское государство. Вместо единой римской империи образовалось несколько германских племенных „государств“, ничем не связанных между собою.

Все земли были экспропрированы германцами, при чем две трети их были оставлены в распоряжении оседлых земледельцев-туземцев, а одна треть поделена между завоевателями. Каждый родовой союз германцев—„марка“ получил по жребию большое количество земель, при чем пашни были выделены в постоянное владение отдельных семей, а луга, леса и выгоны остались в распоряжении родовых общин. Перемешанные с покоренными народами германцы принуждены были селиться отдельными семьями—не по родам, а попеременно, на свободных земельных участках, захваченных у покоренных. Родовое устройство не могло сохраниться при таком необычно пестром расселении родов; отдельные домашние хозяйства начинают объединяться, но не по ирридинцу родства, а по территориальному признаку—в сельские округа и сельские общины. Значительное же количество пустопорожних земель, которые остались незаселенными и не распределенными между родами, так как население завоевателей было немногочисленно, перешли в собственность племен и составили земельный фонд, из которого произошло наделение земель нуждающихся.

Во главе германских племен в ту эпоху стояли уже вполне оформившиеся военные группы с королями („конунгами“) во главе. При захвате римских земель военные группы получили, конечно, наиболее крупную добычу и сделались распорядителями всех полученных германцами земельных фондов.

Первоначальное „государственное“ управление германцев в завоеванных землях состояло в том, что они (как и монголы эпохи Чингис-хана) обложили покоренные племена данью и заставляли поставлять себе рекрутов. Этим ограничивалось их вмешательство в жизнь населения. Родовое устройство, сохранившееся

франков) при покорении саксов в конце VIII столетия. Кроме того, короли присваивали себе все те земли, которые не попали в раздел общин.

Если среди родовой знати оказывались враги короля, боровшиеся против усиления его влияния, то в последующей борьбе между королем и этими противниками король конфисковывал их земли и присоединял к своим владениям. К VIII—IX векам короли германских государств обладали громадным земельным фондом. Например, в распоряжении каролингов (т. е. потомков Карла Великого) было свыше 170 крупнейших поместий. На Руси этот же процесс мобилизации земельной собственности князьями происходил в XIII—XIV столетии.

Мобилизация земель происходила не только у земледельцев, но и у скотоводов. Правда, у них ценилось не столько количество пастбищ, сколько величина стад; но естественно, что для больших стад были необходимы и соответствующие пастбища. У калмыков „нойоны“ (потомки хана) еще в 1868 году имели на каждую душу своей семьи 182 головы крупного скота и 110 голов мелкого скота, между тем, как среднее количество скота тех же пород у простолюдинов-калмыков не превышало 1,6 голов крупного скота и 6 голов мелкого скота. По сравнению с той эпохой, когда ханы были действительными владельцами калмыцкого улуса, нойоны успели в половине прошлого столетия уже значительно обеднеть: поэтому можно себе представить, каковы были имущественные соотношения между ханами и их подданными в более раннюю эпоху—лет 300 тому назад.

Раздача
земель за
службу.

Громадное количество земель, скопившихся в руках королей и князей, было мертвым грузом, т. к. они не в силах были наладить самостоятельно эксплуатацию таких земельных фондов. Земледельческая техника того времени была крайне низка, кроме того, большинство земельных участков, находившихся в руках того же Карла „Великого“, не имело инвентаря. Отсутствие удобных путей сообщения и, главное — сбыта сельско-хозяйственных продуктов делали беспредельным превращение захваченных земель в крупные хозяйства, которые обрабатывались бы при помощи рабов; поэтому короли раздают свои земли приближенным дружинникам и слугам. Иногда земельные подарки не были обставлены никакими условиями: получаемые земли делались личной собственностью награжденного лица; но нередко земли давались на определенных условиях

службы и считались лишь во временном пользовании владельцев до тех пор, пока они выполняли взятые на себя обязательства.

Короли охотно дарили свои земли церкви. Племенной и, позже, государственный культ нуждался в участках земли для постройки храмов, а также в пашнях и угодьях для служителей. Жречество в эпоху образования племени было уже значительной силой, поддерживавшей сложившиеся на основе обычая общественные отношения. В момент перехода власти от совета родовых старейшин к королям и князьям для последних было далеко небезразлично, как посмотрят на этот переход жрецы. Желая заручиться содействием жрецов и всей жреческой организации в борьбе против родовых учреждений, короли щедро оделяли жрецов землями и имуществом.

Жрецы не остались в долгу у королей. Они не только не противились захвату власти королями, но оказывали последним самую ревностную поддержку. У германцев, например, жрецы брали на себя наблюдение за порядком ведения народных собраний и „божественной властью“, щедро валагали наказания на наиболее смелых оппозиционеров, выступавших против вождей. Но так как жречество все таки было тесно связано с родовой знатью, то короли не особенно надеялись на верность этих защитников своей власти. У славян, во время усиления власти великих князей в Южной Руси, жречество оказало князьям не малую помощь, но позже оно нередко оказывалось в оппозиции князьям, держа сторону родовой знати. Неудивительно поэтому, что при первой возможности русские князья постарались отделаться от прежних жрецов, ввезя из Византии послушное греческое духовенство. У франков короли также не вполне доверяли прежним жрецам и охотно приняли католичество, чтобы воспользоваться организованной силой католической церкви для усиления своего влияния.

К IX веку в Западной Европе и к XIII веку в России церковь оказывается обладательницей громаднейших земельных участков, спорящих по своей величине с земельной собственностью самих королей и великих князей. Все эти земельные богатства были подарены церкви королями или князьями за ревностную службу. Отдача земель церкви производилась вначале также на определенных условиях. Короли и князья зорко следили, чтобы церковь не поддерживала их конкурентов и врагов. В случае нарушения отдельными

Церковь, как крупный земельный собственник.

священниками взятых на себя обязательств, короли пытались отбирать подаренные земли, но эти попытки редко увенчивались успехом. В отличие от изолированного положения королей, число которых росло по мере распада больших племенных союзов, и которые постоянно боролись друг с другом за территорию, церковь (как западная, так и восточная) представляла из себя централизованную организацию, которая энергично вступалась за права своих членов. В руках церкви находились также способы религиозного воздействия, которые, пожалуй, не уступали пещытанной силе королевского оружия. В ответ на угрозу применения силы церковь объявляла „интердикт“, т. е. запечатывала храмы. Эти способы религиозного воздействия оказывались достаточно сильными: они настолько будоражили религиозных подданных, что во избежание восстаний короли предпочитали не спориться с церковью и отступались от своих прав на землю. Имущество, которое попадало однажды в руки церкви, навсегда оставалось за нею.

По примеру королей и отдельные крупные собственники начинают делать имущественные вклады в пользу церкви, надеясь этим заслужить себе не только царствие небесное, но и получить земную поддержку духовенства. Земельные имущества отписываются для церкви, „на помин души“, „для успеха в походе“, „защиты от врагов“ и т. д. Таким образом, церковные богатства все растут и вместе с ростом их усиливается значение духовенства, как определенного сословия.

Вассалитет.

Кроме королей и церкви, обладавших крупной земельной собственностью, большие земельные участки были сосредоточены в руках родовой знати, близких родственников короля и т. д., которые также раздавали землю за службу. Раздача земли небольшими участками во временное пользование была единственной формой утилизации земель. Отдавая земли своим приближенным и слугам, короли ставят следующие условия: получающий землю должен во время войны являться сам и приводить под знамена короля определенное количество вооруженных людей. Это количество определялось заранее, в зависимости от величины даваемых королем земельных участков. При всех столкновениях короля с другими королями или с кем-либо из представителей родовой знати, а также при всех возмущениях подданных, владельцы условных земель обязаны были держать сторону короля. Вламен этих обязательств условный владелец земли получал некоторою

количество рабов или зависимых крестьян для обработки земли, а также заручался обещанием короля защищать его от всяких нападений и покушений на его собственность со стороны кого бы то ни было. Договор между королем и получающим такой участок земли был взаимным. Он предусматривал с одной стороны верность, а с другой—защиту и превращал одного из договаривающихся в лицо „временно обязанное“, а другого—в его „покровителя“. В Западной Европе такие отношения носили название „вассалитета“. Лицо временно обязанное, называлось „вассалом“, а лицо, дающее землю, „сеньором“.

Вассалитет существовал не только между королем и его слугами. Постепенно он начинал практиковаться и крупными собственниками, имевшими избыток земли и нуждавшимися в военной поддержке. Они брали также себе вассалов, при чем, чем крупнее был собственник, тем сильнее были и его вассалы; у более мелких собственников и вассалы были помельче, что выражалось прежде всего в размерах участков, даваемых во временное пользование.

Участок, отдававшийся на правах службы во временное пользование, назывался „феодом“ или „леном“, или по той форме, в которой выражалась эта передача, пожалованием — „бенефицием“.

С течением времени крупные вассалы и сами сеньоры настолько свыкались с фактом владения определенными участками, что начинали передавать их по наследству. Для сеньора наследственная передача феода была не всегда выгодна. Если наследник вассала не обладал достаточными средствами для того, чтобы выполнить целиком принятые на себя его предшественником вассальные обязательства, то сеньор отнимал у него феода и отдавал другому вассалу. Но, так как власть и сила сеньоров, в том числе и королей, в значительной мере зависели от той поддержки, которую оказывали им наиболее крупные вассалы, то ссориться с ними без особой нужды сеньоры решались не часто. К XI веку во Франции крупные феодалы переставали переходить от одного вассала к другому и сделались наследственными; т.-е. превратились в собственность определенных семей.

Королевская власть переживала период постепенного дробления, государство становилось фикцией. С раздачей земли в руки отдельных владельцев и посылкой уполномоченных в отдаленные области (при чем для кормления уполномоченных также выделялось

Феод.

Распыление
государственной
власти.

20

определенное количество земель), окраины обособлялись от центральной власти и крупные землевладельцы переставали чувствовать свою зависимость от короля. Чем крупнее был собственник, тем меньше была его зависимость от государственной власти. Он освобождался от всех повинностей и всех налогов, за исключением военной повинности, да и та осуществлялась им в зависимости от его желания. Король не обладал более ни войском, ни большой дружиной; он опирался исключительно на военную силу своих вассалов. У него не было никакой возможности заставить непокорного вассала выполнить вассальные обязательства, если остальные вассалы не пожелали бы оказать ему поддержку. Сила короля заменилась силой в а с с а л о в. Сознавая свое значение, вассалы начинали домогаться исключительных прав, которые дали бы им возможность окончательно освободиться от зависимости королям.

Иммунитет.

Одним из таких прав являлся „иммунитет“, т. е. отказ короля от вмешательства в действия вассалов, производимые на их земле, или над людьми, находящимися у них в зависимости. Иммунитет был получен вассалами не сразу. Между королем, старавшимся сохранить свое исключительное право творить суд и расправу и собирать налоги по всем государству, и вассалами, домогавшимися таких же прав для себя, возникла длительная борьба. Эта борьба закончилась победой наиболее крупных вассалов. Один за другим заключали они с королем договоры, подтверждавшие их иммунитет. Короли обязывались не посылать своих уполномоченных во владения вассалов для сбора налогов или судебной расправы; они обязывались предоставить своим вассалам полную свободу в распоряжении не только их землями и имуществом, но также и людьми, жившими на вассальных территориях. Так как наиболее крупные земельные собственники не только сами были вассалами, но и у них имелись свои вассалы (аррьер-вассалы, подвассалы), то, получая иммунитет, они превращали тем самым свои владения в самостоятельные государства. Чем крупнее был сеньор, т. е. чем больше вассалов у него было, тем больше государственных прав оттягивал он у короля. Наоборот, чем слабее был вассал, тем меньшей была и его независимость. Государство раздробилось на множество отдельных „сеньорий“, объединявшихся (фактивно) подчинением королю. Во главе каждой сеньории стоял крупный земельный собственник или, как мы

Будем его называть „феодал“, который был королем в миниатюре—и по отношению к своим вассалам, и по отношению к населению, жившему на подвластной ему территории.

По степени своих прав и размеру иммунитета феодалы в Западной Европе делились на три группы: 1) князей, герцогов, дюков и графов; 2) вице-графов (виконты) и вице-князей и 3) баронов.

Князья пользовались в пределах своих территорий почти всеми государственными правами так же, как и сами короли, только в меньших размерах. Они имели право творить суд и расправу, облагать население налогами, собирать ополчение в военные походы. Вице-графы или виконты были независимы в пределах своих собственных владений, но их власть не распространялась на владения их вассалов. Бароны имели также много прав по отношению к населению своих владений, но далеко не все: они связаны были особым договором со своими „сюзеренами“ (повелителями), причем, в зависимости от силы вассала, договор давал ему большее или меньшее количество прав. Однако, никакие распоряжения сюзеренов, как бы они правильны не были, не могли быть приведены в исполнение иначе, как через самого вассала. Даже, если какой нибудь преступник, скрывшийся от короля, прятался во владениях барона, король обязан был обратиться сначала к барону и только через него мог осуществить свое право на поимку преступника.

Феодалы
отношения
на Руси.

Феодалы подразделены на Руси почти в точности соответствовали этим подразделениям в Западной Европе. Герцогам, дюкам и графам соответствовали два—три десятка великих князей и наиболее крупных удельных князей, обладавших правами государственного территориального характера в отношении не только крестьян, находившихся на их землях, но и в отношении вассалов, зависимых от них. У всех этих князей было право чрезвычайного суда и чрезвычайной дани. Вице-графам и виконтам Европы—на Руси соответствовали мелкие удельные князья, а также князья та. Все они служили великим князьям и зависели от них, но в пределах своих владений оставались полноправными князьями—сеньорами. Наконец, баронам на Западе—на Руси соответствовали бояре, которые служили князьям и были их вассалами.

Иммунитет на Руси получил также не малое распространение: к XIV веку им обладало большинство крупных земельных собственников. В ряде жалованных

грамот русских князей иммунитет выражен в следующих формулах: „а волостени мои — ищет князь—в околицу его не в'езжают“, или „а наместники мои и волостени и их тиуны не в'езжают (или не вселяются к таким то вотчинникам и к их людям) ни по что“.

Остается упомянуть еще об одном слое феодалов— мелкопоместном дворянстве или рыцарстве, которое выдвигалось постепенно и окончательно оформилось только к середине феодальной эпохи. Происходили рыцари и дворяне из бывших дружинников, мелких вассалов, или слуг крупных вассалов, наделяемых землей. Они обязаны были идти в поход вместе со своими сеньорами и приводить с собой двух—трех вооруженных людей. Так как феодальная эпоха отличалась необычайным развитием войн крупного и мелкого характера, то такие воины-вассалы быстро богатели и постепенно стали отеснять на второе место представителей феодальной знати.

Комендация

С развитием феодального порядка и дроблением государственной власти, каждый землевладелец, как крупный, так и мелкий, был предоставлен самому себе. В случае столкновения со своими соседями он не мог рассчитывать ни на чью защиту. Независимые мелкие собственники старались заручиться чьим либо покровительством и добровольно брали на себя обязанность вассальной службы для того, чтобы иметь покровителя—сеньора. И на Западе, и на Руси одинаково был распространен обычай передачи своих прав мелкими землевладельцами более крупным. Этот обычай был необходим для всех тех, кто чувствовал себя недостаточно сильным для самостоятельной борьбы с окружающими феодалами.

Становясь в вассальную зависимость, такой собственник вручал своему сеньору только себя; земля же оставалась за прежним собственником и после заключения договора вассалитета. В отличие от феодала, представлявшего собою вначале лишь условное владение землей на правах службы, эта земля называлась „аллодом“. (На Руси аллоды крупного размера назывались „вотчинами“, а феодалы „поместьями“). Вотчины—аллоды, а также мелкие аллоды, переходили по наследству к семьям их владельцев.

Передача собственником своих прав на землю (на Западе—„патронат“ или „комендация“) на Руси называлась „закладничеством“, „захребетничеством“, потому что каждый, принимавший на себя добровольно вассальные обязанности, тем самым, как бы

прятался за „хребет“ своего сеньора. Захребетники искали заступничества не только графов, князей или более крупных феодалов—они делались вассалами ви-контов, баронов, бояр, монастырей и проч., ища у них защиты от насилий более сильных людей. На Руси бояре и „дети боярские“ (мелкопоместные землевладельцы) особенно часто „задавались“ (становились в вассальную зависимость) боярам и монастырям; да и сами монастыри, если хотели избавиться от насилия удельных князей, „задавались“ великим князьям, прося их „о покрове и соблюдении“.

Захребетники охотнее всего вручали свои земли под покровительство наиболее сильных феодалов. Если их сеньор почему либо вдруг терял силу и влияние, захребетники „от'езжали“ от него к другим феодалам и заключали с ними новые вассальные договоры. Так как их земельные участки были в полном их распоряжении, то при от'езде захребетников вместе с ними „от'езжала“ их земля.

Постоянная борьба феодалов друг с другом и неустойчивое положение сеньоров вызывали частые от'езды вассалов. Причины от'езда были довольно разнообразны. Не только захудание феодала или потеря им влияния, но также и небольшие обиды, нанесенные вассалу, вызывали разрыв вассального договора. В 1433 году московский боярин Всеволожский, обиженный тем, что московский великий князь не сдержал своего обещания жениться на его дочери, „отказался“ от своего князя. В начале XIV века из Москвы от'ехал боярин Акинф Гаврилович, который был обижен тем, что на одном из пиров великий князь посадил его ниже другого боярина.

Не всегда, конечно, от'езды вассалов проходили для них безнаказанно. Сеньоры мстили им за от'езд, грабили их имущество, иногда убивали и самих вассалов, чтобы заставить других вассалов быть более верными заключенному договору. Но по мере усиления вассалов такие грабежи и нападения, в отместку за нарушение вассального договора, делались небезопасными для самих сеньоров. Постоянная борьба между отдельными сеньорами приводила к тому, что новые сеньоры, принявшие под свое покровительство отходивших вассалов, вступались за них. После ряда междоусобий, наиболее крупные сеньоры принуждены были заключать между собой договоры, по которым они обязались уважать право своих вассалов на от'езд и не чинить им никаких препятствий. В междукняжеских договорах на Руси

От'езд вассалов.

с X века все чаще попадаетея статья, в которой говорится „а боярам и слугам нашим межи нас вольным воля“.

Причины
комендации.

Одной из причин комендации были постоянные грабежи, которыми отличалась, вообще, эпоха феодализма. Когда образовалась государственная власть, централизованное войско и зачатки местной администрации, скороспелые походы отдельных воинственных шаек получали достаточный отпор в военной силе королей; но при раздроблении государственной власти, исчезло и централизованное войско. Каждый феодал представлял из себя короля в миниатюре, а так как полная свобода феодалов от каких-либо повинностей и участия в производительном труде давала им избыток свободного времени, то военные авантюры сделались их постоянным занятием. Дробление власти привело к уменьшению силы сопротивляемости отдельных областей и владений. Хуже всего приходилось мелким землевладельцам, особенно тем из них, которые остались свободными.

Пользуясь уменьшением военного сопротивления со стороны феодализированных владений, в конце IX и в начале X века в Западную Европу вторгаются большие шайки норманов, переживавших в то время начальный период образования военных групп. Затем, приходят венгры, датчане и каждый из этих народов находит обильную жатву для своих мечей и богатую добычу. Потребность в защите заставляла даже крупных феодалов объединяться между собою и заключать военные договоры. Тем более, мелкие собственники, которые не надеялись самостоятельно отстоять свои права и свою жизнь, принуждены были или объединяться, или вступать в число вассалов более крупных землевладельцев.

Кроме того, феодалы не ладили и между собою. Между ними постоянно происходили ссоры из-за земель, из-за королевской милости, личные ссоры или обиды,—все приводило к вооруженным столкновениям. То один, то другой феодал отправлялся в набег против своих соседей, при чем во время набега одинаково страдали и виноватые, и правые.

Наезды.

„Наезды“, как они назывались на Руси, оставались почти всегда безнаказанными, если владелец разграбленного имущества был сам по себе слаб. Только заступничество какого-нибудь более крупного феодала могло обезопасить мелких землевладельцев от грабительских налетов могущественных соседей. В одной

из „правых грамот“, (т. е. судебных грамот) начала XVI века сохранилось любопытное описание разбойничьего боярского набега, приводимое Павловым-Сильванским.

„Князь Иван Лапин поехал со своими людьми разбоем на монастырский двор, угнал монастырских коней, ограбил имущество на 50 рублей с полтиной („однорядку, шубу белью, калиту с деньгами“) и убил монастырского слугу. На крик монастырских людей прискакали великокняжеский псарь и соседние крестьяне. Они посакали в погоню за грабителями, захватили одного из них, Карпика, и привели его в свою деревню „к мертвому Ивашке к ноге привязали“. На этом дело не кончилось. Монастырские люди зовут пристава, сотского и понятых и отправляют с убитым Ивашкой и пойманым Карпиком к наместнику великого князя в Каширу. В это время князь Иван Лапин нападает на них с отрядом своих людей. Завязывается новый бой. Люди князя Лапина были на конях и в саадаках. Монастырские люди так рассказывали об этом наместнику: „И как, господине, будем проезжать против села Воскресенского, князь Иван нас угонил со своими многими людьми; в нас, господине, и пристав и его понятых начали бити и стреляти и саблями сечи, а хотели, господине, того Карпика у нас выбити, а мы, господине, у них отбилися, да на том бою у понятого, у сотского, у Филата саблею ногу отсекли“. Князь Лапин потерпел поражение, был взят в плен и второй его слуга Дулепко, „на коне и в саадаке“. Показания потерпевших вполне подтвердились. Суд судил сам великий князь. Присутствовал на суде и главный обвиняемый князь Лапин. И что же? Повес он какую-нибудь строгую кару за двукратный разбой и вооруженное нападение на пристава, представителя княжеской власти? Ничуть не бывало. Он вместе со своими людьми по приговору, обязан был вернуть награбленное в сумме 50 руб. с полтиной и заплатить 4 рубля за Ивашкину голову“.

В других грамотах мы находим несколько описаний таких боярских наездов, в которых бояре и слуги „бьют“, „грабят“, „соромят жен“, убивают княжеских людей и расплачиваются за эти преступления только денежным штрафом. В более же раннее время грамоты говорят кратко, но столь же красноречиво о „наездах“, отличая их от простого разбоя или „татьбы“, т. е. убийства.

На Западе наезды были не только частыми, но и более жестокими. Вполне понятно, что даже одна боязнь

наездов должна была заставлять мелкопоместных владельцев искать покровительства у более сильных людей.

Захудание.

Была, наконец, причина комендаций и чисто экономического характера. Предоставленные самим себе мелкие хозяйства нередко подвергались разным катастрофам: пожару, градобитию, неурожаю и проч., и без посторонней помощи оправиться не могли. Короли, как центральная власть, редко вмешивались в экономическую жизнь мелких владений. Они совершенно не оказывали никому помощи и, вообще, избегали заниматься благотворительностью. Мелкие земледельцы были предоставлены самим себе. Поэтому, в поисках экономической помощи, они обращались к ближайшим крупным феодалам отдавая им взамен получаемой ссуды свою независимость. Комендация превращала мелких собственников в полусвободных людей, так как они принимали на себя не только общие вассальные обязанности, но также и обязанности личной службы. Дворы герцогов, великих князей и даже феодалов более низкого ранга, заполнялись такими захудалыми землевладельцами, которые выполняли у своих сеньоров самые разнообразныя поручения.

Итак, основными причинами комендации были: потребность в защите и экономическое захудание.

Лестница
феодалной
зависимости.

Путем дальнейшего подчинения мелких собственников более крупным, складывалась окончательно лестница феодалной зависимости. Вверху этой лестницы стояли наиболее крупные земельные собственники: короли, их близкие и родственники; затем шли представители бывшей родовой знати, обладавшие также большими земельными владениями, потом вассалы короля, вассалы этой знати и, наконец, вассалы вассалов, называвшиеся на Западе „аррьер-вассалами“ или подвассалами, а на Руси „слугами боярскими“ и „детьми боярскими“. „Слуги боярские“ не были слугами в том смысле, как мы сейчас понимаем это слово: это были дружинники боярина, обязанные принимать участие во всех военных походах своего сеньора, являвшиеся по призыву его конные, и в сопровождении небольшого отряда своих личных слуг и пеших людей. „Дети боярские“ назывались раньше „отроками боярскими“—это были обедневшие и упавшие потомки бояр, которые оставались наследственно боярами, но которые, вследствие заху-

дания, принуждены были передать („заложиться“) свои небольшие владения и самих себя более крупным феодалам. Впоследствии герцоги, дюки, князья и другие крупные феодалы стараются перевести всех второстепенных вассалов в непосредственную от себя зависимость, но вначале они совершенно не интересовались судьбой этих мелких землевладельцев. Во Франции, например, была поговорка, которая гласила: „Вассалы моего вассала—не мои вассалы“.

Среди крупных феодалов были и представители духовенства. При развитии феодальных отношений, церковные земли начинают выделять из себя небольшие феодалы, на которые садятся зажиточные рыцари и „дети боярские“. Иногда мелкопоместные владельцы сами „закладываются“ за епископа, митрополита и других высших представителей духовенства, превращаясь в их вассалов. К XI веку на Западе и к XIV на Руси, церковь выступает, как наиболее крупный феодал, который оказывает свое покровительство зависящим от него вассалам и их слугам. На Руси чаще всего в такой роли выступали монастыри в лице их игуменов.

Так сложился класс феодалов.

Вассальный договор был не только договором личной зависимости, но также и экономическим договором. В основании его было ничто иное, как подчинение мелкого землевладения крупному. Поэтому, чем крупнее были владения сеньора и чем больше хозяйств находилось в его зависимости, тем большая власть скоплялась в его руках. Лестница феодальной зависимости строилась целиком на лестнице экономической зависимости. Вверху стояли наиболее крупные хозяйства, затем более мелкие и, наконец, в самом низу—общинное и мелкое крестьянское землевладение, которое оказывалось в полном подчинении феодальной власти и крупному феодальному хозяйству.

4. КРЕПОСТНАЯ (КРЕСТЬЯНСКАЯ) ОБЩИНА.

Образовавшиеся при распаде родовых общин сельские общины недолго существовали самостоятельно. Отдельные хозяйства попадали в кабальную зависимость к более крупным и мощным хозяйствам соседей, при попытке получить от них ссуду для поправления своих дел. На Западе к VIII веку, а на Руси к XI веку в пределах сельских общин образовался значительный кадр полусвободных дюдей, которые сидели на участках, взятых за долги займодавцами, но оставленных

Закупа.

в распоряжение прежних собственников. На Западе такие земледельцы носили название „литов“ и „сервов“, а на Руси „закупов“ (от слова „купа“, т. е. ссуда). В древнейших списках „Русской Правды“ упоминаются „ролейные“ и „пашенные закупы“, отличавшиеся от других общинников-смердов своим более низким положением. Положение литов и закупов зависело целиком от отношения к ним владельцев земли, на которой они сидели, и поэтому было непрочным. Зависимые крестьяне могли быть лишены во всякую минуту того участка земли, которым они пользовались; но чаще им грозила другая опасность. Так как сиденье на несвободных землях было сопряжено с погашением ссуды, взятой крестьянином, то постепенно несвободные крестьяне лишались права оставить обрабатываемую землю до тех пор, пока не погасят всей ссуды.

Пока области не имели точных границ и повсюду существовала масса свободных для колонизации земель, полусвободные крестьяне нередко бросали прежние наделы и отправлялись на новые земли искать лучшей доли. Потребность в рабочих руках для обработки земли требовала от собственников земли различных уступок по отношению к полузависимым крестьянам. Поэтому гнет таких собственников не мог быть очень силен. Розыскать бежавших закупов или литов было в то время очень трудно и поэтому владельцы участков старались всеми силами задерживать их на своих землях. Между отдельными собственниками земель возникала конкуренция из-за рабочих рук, которая заставляла их смиривать полусвободных земледельцев на свои земли. В таком случае они вносили заимодавцам все причитающиеся платежи по ссудам или переводили на себя обязательство закупа и лита. Переезжавшие к новому владельцу полусвободные крестьяне получали не только землю, но инвентарь и работали исподу у новых собственников, как работали у прежнего своего кредитора. Во избежание переходов крестьян, заимодавцы требовали с закупов при „переходе“ не только погашения ссуды, но также выплаты особых штрафов, называвшихся „выходными“, „выкупными“ и т. д. Эти штрафы настолько опутывали понавших в зависимость крестьян, что без посторонней помощи они не могли расплатиться по прежней ссуде и перейти на другую землю.

В такие кабальные отношения попадали не только отдельные хозяйства, но нередко и целые общины. Общины все чаще „закладываются“ ближайшим феодалом

лам. Комендации общин были большей частью вызваны причинами экономическими, т. е. тем же разорением, захуданьем, которое наблюдалось и у отдельных крестьян; но не были исключением случаи комендации сельских общин из-за военных неурядиц и насплий живших рядом феодалов. Взамен зависимости, которую брала на себя сельская община, феодалы оказывали ей некоторую экономическую помощь, предоставляя земли под запашки или давая ссуду скотом; община же обязывалась помогать феодалу в те моменты, когда в хозяйстве его чувствовался недостаток рабочих рук. Такая форма помощи хозяйству крупных феодалов, главным образом, в страдное время, носила название „помочей“, а позже „барщины“.

Крестьяне делились на две группы: 1) свободных „государственных“ крестьян, обложенных только данью в пользу государства и несущих военную и дорожную повинности, и 2) зависимых крестьян, попавших в кабалу к отдельным собственникам.

Крупные землевладельцы захватывали все пустующие земли и нередко налагали руку на бичинные угодья („альменду“—на Западе): тем самым ставили они сельские общины в полную зависимость от себя. С другой стороны, королевская и княжеская власть оказывала также громадное влияние на распад общин и утерю ими своей независимости. Короли раздавали земли свободных крестьян своим приближенным—боярам, слугам и монастырям. На эти земли они выдавали новым владельцам „жалованные грамоты“, закреплявшие права владельцев на пожалованные земли и освобождавшие их от каких бы то ни было общинных повинностей. В результате такого процесса присвоения крупным землевладением общинных земель, во Франции к XII веку самостоятельные сельские общины почти исчезли совершенно. Остатки общинного строя сохранились только на владельческих землях. В Германии крупное землевладение получило преобладание к началу XIV века, но самостоятельные „марки“ уделели во многих местах.

На Руси „боярничество“ земель, т. е. захват земель крупными землевладельцами, происходил не менее интенсивно. В XV веке крестьяне одной из волостей (Ликуржской) жалуются на захват боярами и митрополитскими слугами 22 деревень и „починков“. „Волость Ликуржская—жалуются крестьяне—запустела от великого поветрия, а те деревни и пустоши волостные разойманы боярами и митрополитом—не ведаем, кото-

рыми—за себя тому лет сорок; и нам тогда было не до земли: людей было мало, искать было некому“...

Таким образом, вследствие: 1) естественного выделения из общины кабальных хозяйств, задолжавших хозяйствам более устойчивых крестьян; 2) „пожалования“ государственной властью помещикам общинных земель, вместе с сидящими на них людьми; и 3) открытых захватов крупными землевладельцами отдельных крестьянских участков и целых деревень—в IX веке в Западной Европе и в XV веке в России большинство крестьянских хозяйств, находившихся в свободных сельских общинах, превратились в хозяйства, зависимые от феодалов. Часто в такую зависимость попадала вся община со своими пашнями, угодьями, выгонами и водопоями.

Крепостная
община.

Свободные обширные союзы („марки“ в Германии и „волости“ на Руси) управлялись выборными старостами. Но каждое хозяйство, находившееся в пределах общины, было независимым в своих хозяйственных делах. С развитием государственной власти общины подчинились королям, и уполномоченные государственной власти определяли величину налогов и разных повинностей, причитавшихся с отдельных хозяйств в пользу государства. Общинные союзы были объединены в округа, во главе которых стояли специальные правительственные чиновники, наблюдавшие за выполнением общинами государственных повинностей. Сборщики дани и прочие должностные правительственные лица приезжали в отдельные общины редко—только для сбора налогов или по каким нибудь другим экстренным надобностям. В остальное время общинники правительственной власти и не видели, и не чувствовали.

С ростом крупного землевладения и с разрушением родовых связей сельские общины перерождаются. Перерождение это идет не путем дальнейшего разложения общинной связи, а, наоборот, путем усиления ее и превращения сельской свободной общины в общину крепостную. Феодалы, подчинив себе основную массу крестьянства, пытаются использовать готовый аппарат общинного управления в своих целях. Они превращают сельскую общину в новую организацию, в распоряжении которой находится крестьянская земля, пашни и угодья, считающиеся собственностью феодала; крестьяне, обрабатывающие землю, являются как бы временными владельцами, получившими свое право на обработку земли от феодального собственника. В инте-

ресак наилучшего получения налогов и выполнения крестьянами различных повинностей, феодалы сохраняют всю сельскую администрацию—старост, сотских и других мирских выборных должностных лиц; но над этой администрацией ставится уполномоченный феодала—приказчик, на обязанности которого лежит наблюдение за выполнением постановлений феодала.

Весь земельный фонд, состоящий в распоряжении общины, разделяется на наделы, которые отдаются во временное пользование крестьянам. Так как состав крестьянских семей изменяется, и количество рабочих рук в отдельных хозяйствах то увеличивается, то уменьшается, для лучшей обработки земель (а, следовательно, и более правильного поступления причитающихся феодалам платежей) между крестьянскими хозяйствами производится время от времени передел земель. Семьи получают определенное количество земли не по „душам“, т. е. не по числу едоков в них, а исключительно по наличию рабочей силы. Общинная земля делится на „поля“, т. е. на части, с одинаковым по качеству составом почвы, а поля раздробляются на длинные полосы между отдельными хозяйствами.

Такой род землепользования заставляет крестьян изменить и способ застройки своих селений. Обособленные большие дворы-усадыбы заменяются деревнями, в которых дома строятся друг подле друга, окруженные дворами и службами, а поля находятся за поселением, растягиваясь иногда на десятки верст. Разделение земли на длинные полосы приводит к чрезполосице, которая удобна в том отношении, что дает возможность каждому крестьянскому хозяйству пользоваться почти одинаковой по качеству землей, но которая задерживает развитие земельной техники. Недостаток выгонов заставляет крестьян сейчас же после уборки урожая выпасать скот на жнивье. Если кто-либо из крестьян опоздал снять свой урожай, то скот, выпускаемый на поля, при отсутствии каких бы то ни было ограждений полей и смежности отдельных участков, уничтожает весь хлеб. Поэтому в общинах вводится принудительный севооборот. Односельчане стараются засадить свои поля одновременно одними и теми же культурами, и одновременно же снять урожай, так как в противном случае опоздавший крестьянин лишается почти всего своего хлеба от погравы. Принудительный севооборот также отражается на развитии земледелия задерживающим образом. В остальном хозяйство крестьян остается прежним, т. е. инвентарь, которым он обрабатывает землю,

скот и домашняя утварь считаются его собственностью.

Процесс превращения свободных сельских общин в крепостные общины, зависимые от феодалов, происходил с небольшими вариациями в различных странах, в общем, одинаково. Во Франции крепостные общины сложились окончательно к IX столетию. В Германии „марки“ с населением из „грундгольдеров“ оформились к XI столетию, в России сельские зависимые общины укрепились в XIII столетии.

Переделы земель появляются в общине лишь тогда, когда они превращаются из свободных в крепостные. В настоящее время в некоторых земельных общинах сохранились еще переделы земли. Так, например, у киргизов Чимкентского уезда, которые пережили феодальную зависимость, земли делятся через каждые 3—5 лет, причем поливные земли делятся чаще, чем „богарные“ (без поливки). Однако, земли тех киргизских общин, которые сложились позже и не пережили крепостной зависимости, не подвергаются переделам: земельные участки находятся у них в собственности отдельных семей. Ту же картину мы видим и на Кавказе. В плоскостной Грузии еще в начале этого столетия производились переделы земель, между тем как у ингушей, чеченцев и черкесов земли находятся в подворном владении и никаких переделов ее не производится. Это объясняется тем, что Грузия жила в продолжении довольно длительного времени в условиях феодального землепользования, а в Ингушетии и Чечне феодализм не успел развиваться к тому времени, когда эти области были завоеваны русскими.

Итак, в период наибольшего развития феодализма община оказывается подчиненной крупным земельным собственникам и совершенно видоизменяет свой характер. Из объединения отдельных подворных хозяйств, имевших только общие угодия, община превращается в единую хозяйственную организацию, основанную на временном крестьянском землепользовании, с периодическими переделами земель, с принудительным севооборотом и чрезподосидей, а также с круговой порукой всех членов общины за недоимки и проступки отдельных лиц.

Таково было землепользование второго класса феодального общества—крепостных крестьян.

Кроме крестьян существовал и третий класс: рабы—совсем бесправные люди, не имевшие ни надела, ни имущества. Однако, с расширением земельных владений феодалов и установлением натурального рабства сделалось бесцельным. Для громадного количества имевшихся в распоряжении феодалов земель, невозможно было найти достаточного количества рабов, да и сбыта сельско-хозяйственных продуктов совершенно не существовало. Поэтому крупные землевладельцы предпочитали своих рабов садить на землю, превращая их в крепостных и оставляли лишь небольшую часть бывших рабов для личного услужения (сервы, холопы, дворовые). Рабство сделалось экономически ненужным, так как крепостная зависимость крестьян давала возможность феодалам без всяких хлопот получать все необходимое при помощи барщины и оброков.

5. ПОМЕСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Крупный феодальный землевладелец был собственником многих участков земли, расположенных нередко очень далеко один от другого. Так как торговли продуктами сельского хозяйства вплоть до XII века в Западной Европе и до XIV века в России не существовало, и хозяйство носило натуральный характер, накапливать большие количества хлеба и других продуктов помещикам не было нужды. Их запасы ограничивались потребностями семьи, а также тем необходимым количеством продуктов, которое могло потребоваться в случае войны или осады. При таких условиях, обработка крупных участков земли с помощью рабов или несвободных рабочих сделалась ненужной. Помещик оставлял себе сравнительно небольшую площадь земли под свою барскую запашку, а всю остальную землю или сдавал в аренду свободным крестьянам, или отдавал ее своим крепостным, взамен чего получал оброк. В Западной Европе в IX веке барские запашки редко составляли более $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{4}$ всей помещичьей земли; в России размеры барских запашек были еще меньше, и вплоть до конца XIII века во многих поместьях вовсе не существовало барских запашек.

В центре поместья находилась барская усадьба, состоявшая из замка и двора, окруженных стеной, рвом или частоколом. Вокруг усадьбы располагались земли, сначала—обрабатываемые трудом дворовых или рабов, а затем—крестьянские наделы. На этих наделах си-

Барская запашка и крестьянские наделы.

дели крестьяне, которые делились на „несвободных“ и „полусвободных“. Несвободными считались те крестьяне, которые сидели на земле помещиков. Полусвободными же крестьянами считались такие, которые „комендировались“ помещику (отдельными дворами или целыми общинами). Наконец, были и совершенно свободные, независимые люди, получившие надел у помещика на правах аренды и не обязанные ему ссудой. Разница между крестьянами—держателями различных наделов сказывалась в том, что крестьяне этих наделов отбывали различные повинности в отношении помещиков. Постепенно, разница между различными категориями крестьян стиралась: крестьяне делались одинаково несвободными. Барские запашки обрабатывались частично холопами или дворовыми людьми. С развитием крепостных отношений помещики совсем перестают применять на своих запашках труд рабов, оставляя их только в качестве домашней прислуги, а всю работу на полях вваливают на крепостных крестьян.

Крестьянские повинности.

Сидевшие на земле феодалов крестьяне несли два рода повинностей: оброк (дань) и барщину. Пока потребности феодала были невелики и он довольствовался изделиями и продуктами, поставляемыми крестьянами, преобладающей формой повинности был оброк. Но с ростом потребностей феодалов, их переставали удовлетворять продукты, вырабатываемые в крестьянском хозяйстве. Принесение оброка в натуральной форме: хлебом, зерном, маслом, яйцами и т. д. все более заменяется другой повинностью—барщиной; оброк остается лишь добавочным приношением и перестает играть значительную роль. Только семьи ремесленников облагались оброком, при чем оброк этот вносился ими изделиями своего ремесла.

Барщина образовалась из той помощи, которую оказывала община в период полевых работ крупному землевладельцу, когда у него не хватало рабочих рук. Постепенно барщина превращалась в периодическую работу на земле помещика. На развитие барщины влияло не только увеличение потребностей феодала, но также отсутствие у помещиков сельско-хозяйственного инвентаря. Насколько бедны были инвентарем поместья феодальной эпохи, можно видеть из списка сельско-хозяйственных орудий в поместьях Карла Великого. Из этих списков видно, что в отдельных поместьях было не больше одной рабочей лошади; повозки имелись только для военных целей; плуги

и борон вовсе не было; серпов имелось два-три десятка и несколько мотыг. Конечно, при таком инвентаре обработка помещичьего поля без помощи крестьян была немыслима. Крестьяне должны были отбивать барщину со своим инвентарем. Они приезжали на поля помещика со своей лошадей, сохой, бороной и т. д. Барщина была разнообразна: кроме полевых работ, которые требовали от крестьян двух-трех дней в неделю, были еще такие работы, как пастьба скота, стрижка овец, очистка прудов, починка дорог, подводная повинность и проч. По мере роста потребностей феодалов увеличиваются повинности, отягчающие крестьянское хозяйство. При максимальном развитии барщины, требовавшей иногда 5—6 дней в неделю, для ведения крестьянского хозяйства не оставалось совершенно времени.

Крестьянские повинности не ограничивались оброком и барщиной. Помещик пользовался всевозможными способами для того, чтобы увеличить свои доходы. Если он имел мельницу, то требовал, чтобы крестьяне везли зерно на помол только на его мельницу и запрещал употребление ручных жерновов отдельными дворами. Он объявлял своим исключительным правом варку пива и т. д. На западе такие „заповедные“ права помещика носили название „баналитетов“. Если крестьяне хотели воспользоваться баналитетом, они должны были откупить эти права у своего помещика, т. е. вознаградить его за разрешение делать то, что составляло помещичью монополию.

Кроме сборов и повинностей в пользу помещиков, были особые повинности церковные. Церковь была защитницей и покровительницей феодалов. Поэтому феодальное общество вводит особые налоги в пользу церкви, которые взимаются одинаково, как с крестьян свободных, так и с крестьян крепостных. Крестьяне отчисляют в пользу церкви „десятину“ — десятую часть всего того, что они производят. Если прибавить к этому еще военную повинность, которая состояла в том, что крестьяне обязаны были выставлять определенное количество ополченцев от каждого двора, то мы поймем, как велики были феодальные повинности, лежавшие на крестьянском хозяйстве.

Поместное хозяйство было хозяйством натурального типа, да и не могло быть иным при отсутствии сбыта для сельскохозяйственных продуктов. Так как потребности феодалов умножались,

Самообслуживание помещичьего хозяйства.

а изделия крестьян были просты и грубы, многие же необходимые для помещичьего хозяйства изделия вовсе не производились внутри крестьянского хозяйства, то помещики начинают заводить в своих хозяйствах собственные подсобные промыслы. Прежде всего заводятся различные ремесленники: сапожники, портные, столяры, кузнецы; затем из дворовых выделяются специалисты по изготовлению пищи: повара, кондитеры, пивовары; строятся мельницы, шерстобалальные, примитивные ткацкие станки, устраиваются даже каменные печи. Хозяйство помещика стремится к полному самообслуживанию и создает, наряду с подсобными промыслами, особые организации для удовлетворения художественных и иных потребностей феодала—начиная с оркестра музыкантов, хора певчих и разных художников, вплоть до скомоухов, шутов и гаремов из наиболее красивых дворовых девушек...

Крепостная
зависимость.

Подчиняя себе земли, на которых сидели крестьяне, феодалы, конечно, стремились подчинить и людей. „Закуп“ на Руси терял землю за долги, но оставался формально независимым так же, как и „лит“ на Западе. Правда, они обязаны были отработывать свой долг на земле заимодавца и не могли уйти до полной отработки; но в случае взноса долга, они были свободны. Только в том случае, когда „закуп“ или „лит“ бежал со своего надела, не уплатив долга, он объявлялся „беглым“. После поимки должник мог обратиться в рабство. Но, так как кроме ссуды, „закуп“ и „лит“ обязаны были платить различные дополнительные вознаграждения заимодавцу за выход: „пожглое“, „повоз“, „поворотное“, то свобода ухода для них в значительной степени превращалась в фикцию.

Когда земли, на которых сидели независимые крестьяне, попадали в зависимость от помещика, положение этих крестьян делалось гораздо более тяжелым, чем положение „закупов“. Таких крестьяне, сидевшие на несвободных землях, считались лично свободными и могли покидать свои наделы; но количество годных для колонизации земель все уменьшалось; для обработки новых земель требовался большой инвентарь — поэтому, маломощным крестьянам очень трудно было браться за подъем нови. В конечном счете, они должны были идти к другому помещику и садиться на несвободные наделы, а это делало их положение гораздо худшим, так как ставило в еще большую зависимость. Поэтому, переходы крестьян на другую

емлю были далеко не такими частыми, как это можно было предполагать.

Крестьяне не столько переходили сами добровольно, сколько смаанивались другими помещиками. Недостаток рабочих рук порождал между феодалами ожесточенную конкуренцию из-за крестьян.

Пока крестьяне сидели на землях помещиков, они должны были вместе со всеми оброчными и барщинными повинностями, выполнять ряд личных повинностей. Помещик распоряжался не только землями, но и людьми, которые на них сидели. Он творил суд и расправу над населением, получая это право от государственной власти, или захватывая его собственными силами. Он делается полным владыкой завпсащих от него крестьян, а после получения иммунитета оказывается совершенно бесконтрольным и безапелляционным решителем всех дел и больших, и малых в пределах своих владений. Права феодалов на людей соответствовали их правам на землю, поэтому чем больше укреплялась собственность феодальная на землю, тем больше возрастали и права феодалов на зависящих от них людей.

6. ОТ ОБЫЧАЯ К ЗАКОНУ.

Первобытную общественность нельзя себе представлять в виде совершенно неограниченных и необузданных действий каждого из членов орды. Совместная жизнь людей заставляла их поступаться некоторыми желаниями, сдерживать свои стремления в интересах остальных членов семьи. Что такое самоограничение наблюдалось в очень древние времена, указывают запреты в области полового общения, вызвавшие разделение орды на возрастные группы. Без этого разграничения орда превратилась бы в стаю самцов, борющихся из-за самок и расплылась бы вследствие антагонизма самцов. Вероятно, так и было в начале: орды распадалась вследствие борьбы самцов; но, так как лишившиеся поддержки других людей человеческие пары погибали, то остальные принуждены были снова сходиться в орды, принимая на себя некоторые ограничения.

Большинство первоначальных запретов, возникших в человеческой орде, имели целью упорядочить общественные связи и облегчить борьбу с природой. „Табу“ и прочие запреты носят ярко выраженный общественный характер. Мы указывали уже на связь запретов в пище (посты) с правильно понятыми общественными потреб-

Табу и
обычай.

ностями. Лежащее в основе поста самоограничение давало возможность человеку использовать наиболее целесообразно свои запасы.

Кроме табу существовали и другие регулирующие обычаи, охватывавшие все стороны как общественной, так и личной жизни человека. Пока интересы совместно живущих людей были однородны, запреты и обычаи были достаточной гарантией нормального течения общественной жизни. В родовом обществе, где общность имущества большой семейной группы и равномерное потребление продуктов внутри нее сводило различия членов семьи к минимальным размерам, личность поглощалась семейным союзом, потому что интересы личности совпадали с интересами коллектива. Конечно, ссоры, драки и обиды были нередки и в семейной общине, но они не играли решающей роли в жизни совместно живущих родственников. Для разрешения этих ссор достаточно было силы традиций: накопленные общественные навыки и привычка к совместному жительству делали недоразумения легко ликвидируемыми авторитетом главы семьи или принудительными решениями всех совместно живущих родственников.

Как ни сильны были обычаи, они не были всемогущи. Помогая разрешить споры внутри семейного или родового союза, обычаи не могли урегулировать жизни коллектива во вне. Традиция теряла всякую силу при сношениях между отдельными семьями, не принадлежавшими к одному и тому же роду. Обычаи таких семей были совершенно различны—каждая группа родственников представляла из себя что то вроде современной иностранной державы... Покушение со стороны чужого рода на какие нибудь права семейной группы могло быть отвращено лишь при мененем силы. Только физические меры защиты заставляли уважать чужие обычаи; поэтому неудивительно, что в родовом обществе, казалось бы, таком мирном в отношении внутреннего распорядка жизни, выделяются во енные группы, и столкновения из-за самых пустяковых поводов приводят к длительным кровавым междоусобицам. При увеличении народонаселения, при росте земельной тесноты, поводов к столкновениям становилось все больше; в представлении сородичей крепло убеждение, что все обиды, нанесенные чужим родом, могут быть смыты только кровью.

Кровная
месть.

Интересы совместно живущих родственников тесно соприкасаются друг с другом. Обиды одного из соро-

дичей должны были восприниматься семьей как обиды всей группе. Убийство или ранение одного из членов семьи создавало в семейном хозяйстве большую брешь. Если эту брешь нельзя было заполнить захватом какого нибудь мужчины (пленного), или девушки (могущей стать родоначальницей нового потомства), то родственники старались причинить хозяйству обидчиков равноценный вред. Отсюда возникла месть, понимаемая как причинение равного ущерба: „око за око“, „зуб за зуб“, „рука за руку“, „жизнь за жизнь“—такова та формула, в которую укладывалось мстительное чувство обиженного. Возмездие заставляло обиженного мстить всему хозяйству обидчика. Конечно, лучше было отыскать самого обидчика и отомстить ему, но это было не всегда возможно. Обидчик старался скрыться, принимал все меры предосторожности, чтобы не подвергнуться мести; поэтому сородичи обиженного, желающие во что бы то ни стало нанести вред чужому хозяйству, мстили любому из ближайших родственников обидчика.

Что в основании кровной мести лежало стремление нанести чисто имущественный ущерб чужому хозяйству, видно из того, что лица, совершившие преступление внутри своей семьи, не подвергались мести: например, одноочажники не мстили за убийство сыном его отца. В тех случаях, когда семья релалась подвергнуть такого убийцу наказанию, они изгоняли его; но, так как члены семейного хозяйства старались набегнуть нового вреда для своего хозяйства, то даже изгнание практиковалось редко.

Ценность мужчины и ценность женщины в развитом земледельческом или скотоводческом хозяйстве далеко неодинакова. Кровная месть имеет в виду нанести наиболее чувствительный ущерб обидчику и направляется, главным образом, на м у ж ч и н—полноправных членов семейных групп. Женщины, в крайнем случае, насилуются, но никогда не убиваются.

Кровная месть может длиться бесконечно; она переходит из поколения в поколение и захватывает все новые слои родственников. Возмездие обидчиком трактуется, как повод к мести, и поэтому каждое новое убийство, (хотя бы это была месть за прежнее убийство), вызывает ответную месть. Только когда бесконечная резня угрожает дальнейшему существованию целого рода, враждующие между собою роды решаются прекратить кровную месть. У горцев Кавказа, в таком случае, семья убийцы платит возмещение деньгами,

Прекращение кровной мести.

имуществом или тем, что отдает в семью обиженного девушку без уплаты калыма. Этим как бы возмещается потеря убитого члена семьи, потому что женщина произведет новое потомство. У кавказских горцев сохранился следующий способ прекращения кровной мести. Во время обряда примирения убийца подходит к матери убитого и прикасается губами к соскам ее груди. Этот обычай бросает свет на более древние способы прекращения кровной мести. В прежнее время убийца мог явиться в семью убитого и добровольно вступить в число членов этой семьи; он как бы заменял матери ее убитого сына. Такая форма погашения кровной мести возможна только потому, что в основе этой мести лежит не чувство личной обиды, не горе по убитому любимому человеку, а возмущение причиненным хозяйству ущербом.

С развитием новых отношений усыновление убийцы или женигба на его родственнице заменяется выкупом. Высота и форма выкупа различны и зависят от богатства хозяйства обидчика или обиженного. Так как всякая, даже случайная, встреча враждующих родов неизменно (согласно обычаю) должна привести к кровавому столкновению, при примирении враждующих сторон кровники избегают личных переговоров, а выставляют посредников—нейтральных лиц. Старейшины рода, принявшие на себя обязанность примирить стороны, сначала договариваются о величине и форме выкупа, а потом уже сводят стороны для окончательного примирения. Третейская форма соглашения оказывается очень удобной в таком деле и все чаще употребляется при других обостренных конфликтах.

Третейский суд.

С распадом родового строя и уменьшением значения старейшин, столкновения не только чужих людей, но и родственников начинают решаться все чаще в третейском порядке. В сельских общинах феодальной эпохи третейская форма разбирательства была преобладающей и в наше время в некоторых местах СССР сохранилась еще такая же форма разрешения конфликтов. В Туркестане (в особенности в Бухаре и Хорезме) третейские суды разрешают споры между односельчанами. В настоящее время третейский суд вводится в законодательном порядке на Кавказе (в Кабарде), хотя, быть может, такое законодательство и отстало, по крайней мере, на 5 или 6 столетий...

В конце прошлого столетия у киргизов третейские судьи назывались „блями“, а в других местах Турке-

стана „казнями“. Они выбирались из среды наиболее уважаемых родовых старейшин и других видных лиц и должны были согласно местным обычаям разрешать спорные дела и приводить стороны к соглашению. (См. рисунок 53). Если соглашение не состоялось, стороны расходились, так как постановления бия или казня не имели никакой принудительной силы. За выполнение своих обязанностей третейские судьи получали вознаграждение от избравших их односельчан в виде особых отчислений, взимаемых с каждого члена

Рис. 53. Суд биев (Сыр-Дарынская область).

общины; позже они стали получать плату или приношения от обращающихся к суду сторон. Должность биев была выгодной, так как величина приношений росла соразмерно увеличению количества конфликтов; поэтому было много охотников получить ее. В феодальную эпоху, когда у киргизов были ханы, бии не выбирались членами общины, а назначались ханами из числа сопоскателей этой должности (за богатые подарки хану). Бии не пользовались никакими особыми правами по сравнению с остальными односельчанами. В случае оскорбления бия во время разбора дела, оскорбитель не подвергался никакому особому штрафу; даже если во время разбора бием дела, одна из сторон убила бия его или изувечила, взыскивался обычный уголовный штраф, как за убийство или изувеченне любого односельчанина.

Когда стороны приходили к соглашению, они брали за два конца пеструю бичевку (аладжин), которая разрезалась бием в знак окончания дела. Бичевка часто

замеялась прутиком. По делам же крупным, когда стороны судились за разбой, грабеж или убийство, вместо веревки употреблялся теленок. При заключении соглашения, стороны брали его—один за голову, другой за хвост—и бий отрезал хвостик. Теленок шел в „бийлык“, т.е. в вознаграждение за суд.

Общинный суд.

Не все дела могли разбираться в порядке третейского разбирательства. Пока дела касались частных интересов отдельных лиц или семей, община не вмешивалась в порядок разрешения этих споров, но как только захватывались интересы всей общины, дело шло совсем другим порядком. Нередко на собраниях родов и племен ставились вопросы о наказании лиц, виновных в пренебрежении к интересам рода, или лиц, нанесших роду явный вред. Измена, переход на сторону врага во время войны, злостное нарушение религиозных обычаев, грабеж, поджог—словом, все то, что опасно было роду или племени в целом, выносилось на решение народного собрания. Решение постановлялось и немедленно приводилось в исполнение всеми присутствующими. В русских летописях мы находим неоднократные указания на такие судебные решения народных собраний, которые заканчивались приговором подвергнуть виновного „потоку и разграблению“, т.е. убийству и уничтожению его имущества. Постепенно, по мере разложения родовой общины и обособления отдельных семейств, общинный суд начинает применяться и в делах более мелкого порядка, заменяя собой третейский суд.

Судопроизводство общинного суда.

Так как судьям не легко было установить истину, если обвиняемый отрицал свою вину, то для выяснения действительных обстоятельств дела вводится система допроса, присяга родственников, заслушивание очевидцев и, в случае недостаточности всех этих мер—гадание.

Если в деле были две стороны, потерпевший и ответчик, то близкие родственники обеих сторон принимали участие в разборе дела. Они являлись в полном составе на суд и своим крепким пытались склонить суд на сторону сородича. В случае необходимости подтверждения правильности показаний, потерпевший и ответчик говорились к присяге, т.е. давали клятву, что они говорили правду. Так как даже в то время не существовало особого доверия к быстрому вмешательству божественной силы, если присягавший солгал, то суд не ограничивался присягой самих заинтересован-

ных лиц, а заставлял их выставлять свидетелей-сопри-
сяжников. Эти свидетели сначала приводились к при-
сяге и потом от них отбирались показания. Свидетели
были, конечно, большей частью сородичи. Обычай не
только не отводил родственников-свидетелей, но в не-
которых случаях даже требовал их в определенном
количестве. Так, например, у германцев в VII веке
обвиняемый в убийстве должен был привести 72 свиде-
телей-родственников, которые бы засвидетельствовали
его невинность. Понятно, что лица, которые не имели
такого большого количества родственников, (например—
одинокие, изгои, случайные пришельцы) всегда оказы-
вались виновными в возводимых на них обвинениях...

Если обвиняемый и после присяги родственников
противной стороны настаивал на своей невинности
и продолжал отрицать вину, он мог требовать „суда
божьего“. Суд божий заключался или в поединке,
или в испытании огнем и водой.

Поединок (на Руси называвшийся „полем“) считался
лучшим способом выяснения истины на том основании,
что правой стороне должна была помочь „высшая“
сила... Тот, кто проигрывал поединок, признавался про-
игравшим дело, т. е. виновным. Судебный поединок
устраивался так, чтобы поставить обе стороны в оди-
наковые условия: драться они должны одинаковым
оружием и даже в одинаковой одежде. Существует
ряд пережитков, указывающих на ту обстановку, в ко-
торой происходили раньше судебные поединки. У чер-
ногорцев на „мегдан“ обе стороны приводят своих
вооруженных родственников и, если поединок идет на
мечах, то с каждой стороны выделяется родственник,
вооруженный дубиной. Назначение помощника—разво-
дить борцов в том случае, если он найдет схватку
опасной для своего родственника. Секунданты в на-
стоящее время просто свидетели поединка, но в древ-
ности они нередко вмешивались в самый поединок
и были его активными участниками. У многих наро-
дов сохранились еще рассказы, что раньше „поле“ было
не единоборством, а столкновением двух сторон, в ко-
тором наравне с потерпевшим и ответчиком участво-
вали все их ближайшие родственники.

Второй способ проверки правильности показаний
сторон состоял в испытаниях, называвшихся „орда-
л и я м и“ (от древне-германского слова *ordal*,—нынеш-
нее *Urtheil*—судебное решение). Обвиняемый должен
был опустить руку в кипящую воду или взять ею
раскаленное железо. Если на руке не оказывалось явных
следов ожога—он считался правым. Так как, в начале,

ордалии применялись одинаково к обеим сторонам, то шансы их были равны... Испытание водой производилось иначе. Человека, заподозренного в каком либо преступлении, (чаще — в сношении с злыми духами и нарушении религиозных обычаев) бросали привязанного на веревке в воду. Если он шел ко дну сразу, то считался невиновным, так как его-де „вода принимает“ если же он всплывал, это было достаточным доказательством его вины... В средневековых процессах против ведьм испытание водой применялось в обратном значении: виновность доказывалась тем фактом, что человек шел ко дну, поэтому и оправданных после такого испытания почти не было.

Наконец, в деле, где виновность была не совсем выяснена или где виновного вовсе нельзя было отыскать, суд прибегал к гаданиям. Гадания производились жрецами или одним из судей и состояли в различных формах испытания воли божьей: гадали по полету птиц, по внутренностям зарезанных для жертвоприношения животных, по направлению дыма, поднимающегося от жертвенника или костра и т. д. Результаты гадания объявлялись жрецами и считались окончательными.

В такой форме суд существовал накануне феодализма.

Суд феодала.

В эпоху феодализма общинный суд заменяется ^{Меню} судом феодала. Общинный суд мог разрешать конфликты только на основе обычаев. При столкновениях общин, у которых обычаи были различны, приходилось прибегать к третьей стороне — к разбирательству или соглашаться на разрешение дела судом феодала. В таком случае, феодал пользовался всеми теми обычными способами выяснения истины, которые применялись в общинном суде: присяга родственников, ордалии, судебный поединок, гадания — все оставалось попрежнему, только усложнялось в своих формах. Вместо простой формы присяги в общинном суде, в феодальном суде приходилось произносить сложнейшие судебные формулы и клятвы; малейшая заминка или ошибка вызывали проигрыш дела.

Суд, как источник дохода.

Интересуясь судом, как новым источником дохода, феодал взыскивал с обеих сторон судебные пошлины независимо от тех уголовных штрафов, которые налагались на виновную сторону. Часть пошлин и добровольных „приношений“ шла на содержание судебных учреждений, а остальная часть — в пользу са-

мого феодала. Так как разбор дел общинным судом устранил феодала от получения судебных доходов, то общинному суду была объявлена война.

Кровная месть также заслужила преследование со стороны феодалов: „кровники“, вырезывая друг друга, наносили явный ущерб феодальному хозяйству и, в то же время, были избавлены от уголовного штрафа. К моменту введения феодализма роды настолько уже разложились, и родовые обычаи настолько ослабились, что кровная месть чаще всего кончалась взносом определенного вознаграждения в пользу рода или семьи убитого. Размер вознаграждения определялся третейским судом; такой способ прекращения кровной мести не мог нравиться феодалу, так как вознаграждение шло целиком в пользу потерпевшего. Взамен таких „бездоходных“ (для феодала) форм возмещения убытков, феодалы вводят уголовные штрафы (в древней Руси — „вира“, „продажа“ и т. д.) за убийство, которые не устранили обязанности убийцы платить роду убитого вознаграждение за имущественный ущерб (в древней Руси — „головничество“). Уголовный штраф взимался в пользу феодала. Он ему служил возмещением за потерю плательщика налогов, а также за необходимость произвести суд и расправу. Общинные суды нередко устанавливали и другие штрафы, взимавшиеся с виновной стороны в пользу потерпевшего; например, за увечье, при ранениях, за побои, за увоз девушки без выкупа, за потраву и захват имущества и т. д. Феодал пытается все эти виды вознаграждения обратить в источник своего дохода: наравне с уголовными штрафами за убийство вводятся штрафы в пользу феодала во всех тех случаях, когда родственники потерпевшего или сам он получают какое либо вознаграждение от обидчика. Суд делается доходной статьей. Даже с сравнительно мелких дел, разрешавшихся в третейском порядке, феодал получал доход — правда, не в прямом виде. Мы указали уже выше, что у киргизов после того, как киргизская община была подчинена ханам, третейские судьи — „бии“ назначались ханами за подарки. Тоже было и у других народов. Корыстный элемент, введенный в отправление правосудия, отразился на характере решений суда. Чем больше платили судьи феодалу за свое назначение, тем скорее они старались возместить понесенные расходы и решали дела в пользу тех, кто больше давал.

При большом количестве подчиненных деревень и общин феодал не имел возможности сам отправлять

Феодалные судьи.

правосудие. Он выделял несколько общин в судебные округа и поручал уполномоченным творить там суд и расправу от его имени, взимая, конечно, в пользу феодала все судебные пошлины.

Приказчики, тиуны, которые наблюдали за жизнью зависимых общин, чаще всего делались уполномоченными судьями.

Сборники
обычного
права.

Общинные суды разрешали дела на основе обычая. Чем сложнее делалась жизнь, тем чаще приходилось вносить в старые обычаи новые черты, сообразно новым видам преступления и новым способам выяснения истины. Никаких других гарантий в правильности решений, кроме точного исполнения обычаев на суде не существовало. В судьи старались выдвигать людей старых, выдавших виды и богатых опытом. Обычай передавался из поколения в поколение, конечно, в устном виде; как всякая устная передача, передача обычаев приводила к множеству упущений, а иногда и к сознательному искажению со стороны применявших его лиц.

Во избежание всех этих явлений, как только появилась письменность, общины стали требовать записи судебных обычаев. Записывались не все обычаи, а только наиболее важные судебные решения, постановленные общинными судьями. Древнейшие записи судебных решений, основанных на обычае, или, как их называли, записи „обычного права“ относятся в Западной Европе к VII—IX столетиями и называются „варварскими правдами“ (*leges barbarorum*). На Руси такие же записи были произведены несколько позже, приблизительно в X столетии и назывались „русской правдой“. У киргизов и у горцев Кавказа подобные же сборники обычного права называются „адатами“.

Когда короли и крупные феодалы стали выделять судебные округа в своих владениях и назначать в эти округа судей-уполномоченных, записи судебных обычаев усилились. Отсутствие знания местных обычаев судьями-уполномоченными чувствовалось очень сильно; назначенцы происходили большей частью из других местностей и не могли нигде узнать сведений об обычаях, на основании которых решались дела в данной местности. Со слов наиболее видных представителей сельских общин или родовых старейшин были записаны тогда сборники тех обычаев, которые применялись в течение последних десятилетий в судебной практике. Сборники обычного права сделались тем

материалом, на основании которого отправляли правосудие уполномоченные феодалов.

Закон.

Однако, такие сборники скоро оказались непригодными для разрешения некоторых дел: во-первых, обычаи разных областей значительно отличались друг от друга; во-вторых, как ни медленно строилась жизнь, все-таки на протяжении двух—трех поколений она ухитилась настолько далеко вперед, что обосновывать свои решения на основании старого обычного права для судей было не всегда возможно. Кроме того, с усилением феодализма многие прежние обычаи пришли в явное противоречие с интересами феодального строя. Поэтому для отправления правосудия феодалы принуждены были прибегать к специальным **н а к а з а м** своим судьям, в которых они точно определяли свое отношение к различным правонарушениям и к тем устаревшим обычаям, которых не следовало бы вовсе применять. Записи судебных решений, постановленных или самими феодалами, или их уполномоченными на основании феодальных наказов, значительно расходились с обычным правом. Сведенные в сборники по типу варварских прав, судебные решения феодалов образовали „судебники“, которые отличались от прежних сборников тем, что имели за собой не обычай, а силу и влияние феодалов. По существу, эти наказания и судебники были **п е р в ы м и з а к о н а м и**, если под законом понимать постановление, имеющее обязательную силу в пределах определенной территории, и за выполнением которого следит какая либо власть.

Общинные суды не следили за выполнением обычаев. Каждому потерпевшему предоставлялось лично добиваться восстановления нарушенного права: община не брала на себя обязательства защищать кого либо перед другими или предупреждать преступление. Феодалы относились несколько иначе к вопросам нарушения своих законов. Для поддержания авторитета своих постановлений, а также для увеличения доходов, феодалы активно следили за выполнением своих постановлений и карали за каждое их нарушение. Уследить за каждым человеком в ту эпоху было невозможно; часто совершенно не удавалось обнаружить виновника того или иного преступления, поэтому феодалы применяли круговую ответственность общины за проступки отдельных лиц. При раскладке оброка, при определении величины барщины круговая порука обеспечивала феодалу своевременное выполнение повинности. При уголовном правонарушении

круговая ответственность была не менее нужна. Когда нельзя было найти отдельного виновника, ответственность за преступление возлагалась на ближайшую общину или селение, в пределах которых было совершено преступление.

Если на дороге, ведущей в какое нибудь село, был найден труп человека, погибшего насильственной смертью, феодалы не пытались розыскивать самого преступника. Они обращались к общине и требовали от нее розыска и выдачи преступника, при чем ответственность за розыск и поимку преступника ложилась на общину. Если преступник находился—община освобождалась от ответственности за убийство. Если же найти его не удавалось, или почему либо община не желала его выдать—она платила все причитающиеся за преступление уголовные штрафы и должна была возместить семье потерпевшего понесенный ущерб. Отказ общины от уплаты штрафа приводил к применению против нее насильственных мер. Феодалыне уполномоченные захватывали у такой общины скот, лишали ее водоюя, запрещали пользоваться угодьями. Если крестьяне были свободными, то у них брались заложники из наиболее влиятельных людей, которые держались в заточении до тех пор, пока община не вносила требуемых штрафов. Применение круговой ответственности облегчало не столько обнаружение преступника и его наказание, сколько правильное поступление судебных доходов, так как даже в тех случаях, когда виновник не был обнаружен, феодал получал причитающиеся ему уголовные штрафы и пошлины...

Социальное
неравенство
в феодаль-
ном суде.

В общинном суде не все члены общины считались равными. Роль человека и его значение в отдельном хозяйстве были той основой, из которой исходил суд при определении ущерба, нанесенного хозяйству в случае смерти человека или его увечья. У земледельцев, с развитой плужной обработкой поля, мужчины и женщины ценились одинаково; у скотоводов же мужчины считались более ценным. У русских в X—XI веке за убийство крестьянина—„смерда“ платили 40 гривен, также как и за убийство крестьянки. У древних германцев было то же самое. У киргизов же—скотоводов, в эпоху, когда у них существовала уплата роду убитого за потерю родственника, за убийство женщины платилась только половина того „хуна“, который причитался за убийство мужчины.

В суде феодальном неравенство людей и социальных групп в отношении наказания усилилось. Чем

богаче и влиятельнее был обвиняемый, тем меньше на него налагался штраф и, наоборот, чем к более „низкому“ т.-е. зависимому слою принадлежал обвиняемый, тем больше должен был он платить за свою вину. Более того—богачу или представителю знати правоту свою доказать было гораздо легче, чем бедняку. Лица, принадлежавшие к классу феодалов, совершенно иначе доказывали свою правоту

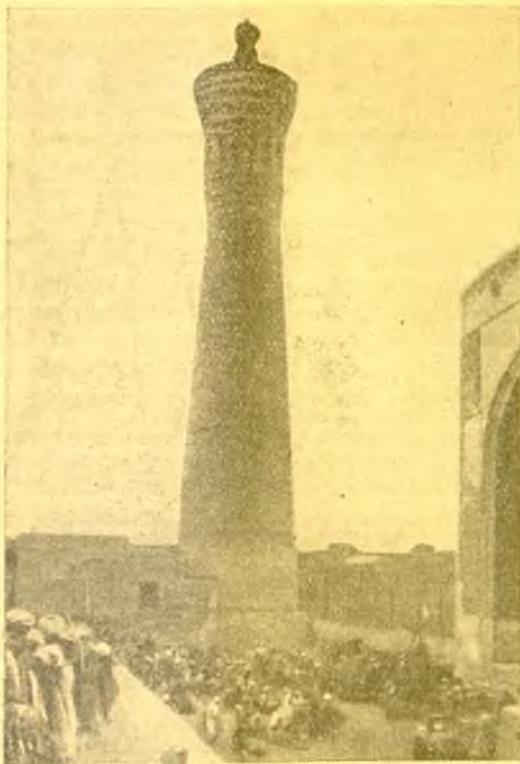

Рис. 54. Шытки у китайцев.

в феодальном суде, чем крестьяне. Если феодал спорил со свободным крестьянином, то правдивость показаний феодала не нуждалась ни в какой иной поддержке, кроме его честного слова; там, где крестьянин подвергался испытанию огнем и водой, феодал ограничивался только клятвой. Когда стороны не приходили к соглашению и суд прибегал к „полю“, феодал мог отказаться от поединка с лицом, ниже его стоявшим в социальном отношении; если же он соглашался на применение „суда божьего“ со свободным крестьянином, то оружие для дуэлянтов назначалось разное: феодал выходил на поединок вооруженный мечем и копьем, часто на коне, а крестьянин обязан был являться на

„поле“ пеший и с дубиной... При допросе феодал освобождался от допроса „с пристрастием“ (т.е. от пытки—мало по малу ордалии превратились в пытки, так как начинали применяться только в отношении одной из сторон); феодал не мог быть подвергнут позорному наказанию—битью кнутом и проч. Все эти способы наказания оставались „привилегиями“ крестьян...

Судить феодала мог только его „сюзерен“—лицо, стоявшее на более высокой ступеньке феодальной лестницы; что же касается зависимых крестьян и холопов-рабов, то они судились местным феодалом или его уполномоченным и жаловаться на них никому не могли.

Наказания
в феодаль-
ном суде.

Рис. 55. Башня смерти (Бухара).

Характер наказания в феодальных судах преследовал совершенно иную цель, чем в судах общинных. В общинном суде наказание стремилось восполнить ущерб, который был нанесен потерпевшей стороне, или удовлетворяло идею равного возмездия („талион“); в некоторых, наиболее тяжелых своих формах, оно имело в виду освободить общество от социально-опасного элемента (изгнание, смертная казнь). Феодальный суд меньше всего интересовался возмещением ущерба отдельных лиц; наказание должно было прежде всего приносить доход феодалу! Если осужденные не могли внести штрафа, они обращались в

рабство или держались в тюрьме до тех пор, пока кто либо не вносил за них выкупа. Для того, чтобы вселить ужас в подданных и заставить их безпрекословно выполнять приказания феодала, вводятся жестокие „казни“, заключающиеся в длительном мучении (см. рис. № 54) или в нарочитом изувечении осужденного, безобразном его на всю жизнь. Даже лишение человека жизни—смертная казнь—приобретает форму длительных мучений, которые могли бы утратить зритель и заставить их уверовать в силу феодального суда. Четвертование, сжигание на костре, удушение железным ошейником с шипами, сбрасывание с высокой башни вниз (см. рис. № 55), и прочее, и прочее— вот те формы казни, которые применяются в феодальную эпоху. Изобретательность человека была очень велика, и перечислить все формы мучительных казней, нет никакой возможности.

Обычай, давший начало праву, в дальнейшем развитии его теряет свое значение. Законы идут непосредственно от феодалов. Принудительной силой вводятся они в тех областях, где распоряжается феодал и силой же феодал поддерживает их выполнение.

7. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

Феодальная эпоха мыслится обычно, как эпоха натурального хозяйства. В общем, это, конечно, правильно. Но натуральная форма хозяйства не была единственной формой, она была только преобладающей. Даже наиболее хорошо организованные поместья не могли обходиться своими силами и своими продуктами: многое, необходимое для феодала, вовсе не производилось в отдельных помещичьих хозяйствах, или производилось в недостаточном количестве. Бронзу, а позднее железо, необходимые для сельскохозяйственного инвентаря, или для вооружения, нельзя было получить каждому отдельному феодалу в пределах своих владений; так же ограничены были районы добычи соли, рыбы, шерсти и проч. Поэтому обмен продуктами между отдельными хозяйствами был неизбежен.

Кроме такого неизбежного обмена монополярными продуктами, существовал и обмен излишками, который наблюдался еще в родовых общинах. Племена, далеко отстоявшие друг от друга, принуждены были входить в обмен в тех случаях, когда на территории, занимаемой ими, не находилось тех или других предметов. Вооружение и украшения

Междупле-
менной
обмен.

проходили часто сотни верст, прежде чем попасть в руки окончательных владельцев. Сношения между племенами затруднялись постоянной враждой, существовавшей между ними.

С выделением военных групп развиваются не только войны и грабежи, но одновременно появляется и междуплеменной постоянный обмен. Во время своих налетов военные отряды знакомились с различными предметами чужого производства и, принося новинки домой, тем самым создавали новые потребности у себя и сородичей. Многие походы предпринимались со специальной целью захватить то или иное „богатство“, т. е. такие предметы, которые для хозяйства дружинника или вождя были редкостью. Войны—грабежи приводили к обогащению военных групп, но бывали удачны лишь в том случае, если нападающие оказывались сильнее тех, кого они хотели ограбить. Так как с увеличением народонаселения росла не только численность людей, но и их умение организовываться, отпор воинам часто бывал настолько серьезен, что многие из них не решались вторично пытаться счастья. У некоторых соседей племен „богатства“ можно было отнять силой, у других—всякая попытка грабежа была обречена на неуспех; с последними то и возник обмен. Однако, обмен не упразднял грабежей, а только отсрочивал их на более удобное время.

Междуплеменной обмен возник из грабежа; он был вызван не столько желанием отдельных племен войти в сношения друг с другом, сколько невозможностью получить желанные „богатства“ никаким другим путем, как кроме отдачи за них чего либо со своей стороны. Наблюдающиеся и ныне формы междуплеменного обмена у отсталых народов подтверждают это самым веским образом. Путешественник Марциус пишет, что когда бразильцы желают вступить между собою в торговлю, они идут на торг вооруженными, но оружие снимают и кладут около себя. Как только торговля окончена, они немедленно хватаются за оружие... На нашем крайнем Севере есть еще более яркие формы первоначального обмена. Путешественник Врангель так описывает рынок в Островном: „Поднятие флага послужило знаком открытия ярмарки. Немедленно после этого чукчи в полном вооружении—с копьями, луками и стрелами—пришли в движение, приблизились торжественным и хорошо исполненным маршем к крепости и поставили свои сани с товарами полукругом перед ней. Как только прозвучали колокола, по всей русской стороне прошел словно электрический удар. Старые

и юные, мужчины и женщины, бросались в безумной пестрой суматохе на ряды чукчей. Каждый спешил подбежать к саям первый, выбрать лучшее и по возможности сбыть по выгоднее собственные товары, которыми были нагружены по уши. Шум, давка, и толкотня превосходили всякое описание“. Обе стороны являются на торг вооруженными, хотя, конечно, в ход они оружия не пускают.

У чукчей и чибуков в Северной Америке существует „немой“ торг, при котором взаимно меняющиеся стороны не видят друг друга. Чужеземец — чукча является, кладет на берег свои товары и уходит. Тогда является чибук, рассматривает вещи, кладет рядом столько кож, сколько считает нужным дать и уходит в свою очередь. После этого снова чужеземец приближается и рассматривает предложенное ему. Если он удовлетворен, то берет себе шкуры и оставляет вместо них свои товары. Если же нет, он оставляет все вещи на месте, удаляется вторично и ожидает придачи от покупателя. Так идет торговля глухо и молчаливо; здесь чукчи покупают шкуры для того, чтобы потом переносить их в северо-восточную Сибирь и обменивать там на табак и разные продукты у русских.

Пережитки немого торга и совершение торговых сделок вооруженными людьми, указывают совершенно ясно на происхождение обмена и на те опасности, с которыми сталкивались стороны во время него. Бывало нередко, что обмен неожиданно прерывался нападением одной из сторон и превращался в кровопролитное сражение.

При начале обмена не существует понятия о ценности предметов; поэтому незначительное сравнительно количество каких либо ярких пестрых бус или блестящих украшений могло быть выменено на большой запас шкур и мехов. Все зависело от желания и потребностей сторон.

Раз начавшись и обнаружив свои положительные стороны, междуплеменной обмен развивается. Предметами обмена служат продукты местного хозяйства и ремесел, и также все те монопольные продукты, которые отсутствуют в другом месте. В X веке прибалтийские славяне меняли с германцами соль, вяленую и соленую рыбу, меха и кожи на оружие, шерстяные ткани, сукино. Русские пускали в обмен те продукты, которые имелись в изобилии в степях, главным образом, предметы охоты — шкуры, но также не прочь были пустить в оборот и живой товар. С развитием рабства торговля рабами делается наиболее выгодным делом.

Не все хозяйства могли одинаково участвовать в обмене. Те общины или те семейные коммуны, в распоряжении которых были излишки (более богатые хозяйства!), имели возможность чаще менять свои продукты на изделия других хозяйств и получать больше в обмен за них. Рабовладельческие хозяйства князей, вождей и дружинников обладали, конечно, большими излишками, чем хозяйства остальных общинников, и поэтому в обмене участвовали более интенсивно. С появлением помещного хозяйства, крестьянские хозяйства могли выносить на рынок значительно меньше товаров, чем хозяйства помещиков. В обмене выдвигаются на первое место те лица, которым принадлежат хозяйства, имеющие большие излишки.

Торговля данью.

Так как обмен между племенами продолжает быть весьма опасным делом, то вожди, князья, герцоги, участвующие в обмене, берут остальных под свою защиту и начинают организовывать обмен в пределах целого племени. Появление междуплеменного обмена несколько не устраняет войн. Наоборот, можно для многих племен установить, что с усилением обмена увеличивается количество столкновений их с соседними племенами. Дань, которую вожди брали натурой, в начале шла на удовлетворение нужд военной группы и на ее вооружение. Она выполнялась предметами, которые непосредственно потреблялись в хозяйстве самих дружинников или князей, и поэтому количество продуктов, бравшихся в виде дани, ограничивалось теми потребностями, которые были у самой военной группы. Размер дани был определенным и увеличение его было совершенно бесполезным до тех пор, пока дань взималась натурой—все равно, и так много собранных припасов пропало зря. С появлением междуплеменного обмена, дань начинает браться не только для непосредственных нужд князя и хозяйств военной группы, но и в расчете на последующую мену ее с племенами и соседними народами. Чем больше развивается междуплеменной обмен, тем сильнее облагается население различными поборами. Для получения большого количества дани предпринимаются походы, которые приводят к тому, что войны не прерываются в течение многих десятилетий. Князья (герцоги, ханы) становятся не только военными предводителями племен, но и крупными торговцами, пускавшими в торговый оборот полученную от подвластного населения дань и захваченных рабов.

Князья не всегда могли сами непосредственно вступать в обмен с другими племенами. Боязнь лишиться власти заставляла военачальников не слишком часто отлучаться из племени: каждая длительная отлучка вызывала неурядицы. Ведение обмена передавалось ими особым уполномоченным, которые выделялись из княжеской дружины или из числа рабов, отпускавшихся на свободу. Купцы—уполномоченные отправлялись с княжеским товаром и с товарами других богатых лиц за сотни верст и меняли их на изделия местных ремесел и наиболее ценные местные продукты. За удачное выполнение поручения они получали щедрые награды со стороны князей. Уполномоченные, приезжавшие с иностранными товарами, носили название гостей или „торговых гостей“. (Слово „гость“, происходит от латинского слова *hostis* и значит в точном переводе—враг). Гостей принимали охотно, но и сами гости, и местные жители держались друг от друга настороже. Бывало неоднократно, что гости нападали на местных жителей, или, наоборот, те нападали на гостей и грабили их беспощадно.

Торговые
гости.

Развитие торговли было тесно связано с теми путями сообщения, по которым торговля направлялась. Наиболее удобными торговыми путями были водные: реки, моря, большие озера. Поэтому и междуплеменная, или, как мы ее дальше будем называть, внутренняя торговля, прежде всего развивалась у тех народов, которые поселились вблизи больших водных путей. Не всегда можно было пользоваться при торговле одними водными путями; приходилось перевозить товары и по сухопутью, прокладывая дороги и устраивая приспособления для перевозки товаров по суше.

Торговые
пути.

Дороги того времени нельзя представлять себе в виде современных шоссе и путей, на которых проложены колеи от массы проезжающих телег, которые тянутся в определенном направлении, нигде не прерываясь, и которые без всякой опасности заблудиться приводят человека к намеченной цели. В древнее время были не столько дороги, сколько направления. Направления, по которым ориентировались путники, определялись отдельными характерными чертами местности—горами, холмами, ущельями, болотами, а также людскими поселениями, которые были расположены поблизости. Торговый путь прибалтийских славян к городу Штеттину, по рассказам купцов, ездивших по нем в XI—XII столетия, был настолько опасен в смысле

передвижения, что кто не очень хорошо изучил его, рисковал утонуть в болоте или заблудиться в дремучих лесах. Товары перевозились не на телегах, а вьюком. Караваны верблюдов и лошадей двигались всегда в сопровождении проводников, но для того, чтобы попасть в нужное место, они нередко должны были проделывать большие крюки в сторону, обходя леса, горы и болота. Поэтому, наиболее простым и прямым путем, конечно, был путь речной. Что же касается морей, то плавание по ним производилось, главным образом, вдоль берегов, или по направлению островов. В тех местах, где реки отделялись неширокими водоразделами, купцы перетаскивали лодки „волоком“ по сухопутью (как, например, делали это варяги и русские), ставя сваю лодки на колеса. Таким образом, несмотря на отсутствие прямого водного пути из Балтийского моря в Черное, варяжские торговые гости ухитрялись по рекам и сухопутью попадать в Черное море и потом в Константинополь.

Появление
денег.

Торговля была исключительно меновой. Денег не существовало, а благородные металлы выменивались для украшений. С течением времени неудобства меновой торговли стали сказываться все сильнее.

Об одном курьезном случае подобной мены сообщает путешественник Камерон. „Забавно было видеть — пишет он — как мне пришлось платить наемную плату за лодку на рынке, в Кавеле, на берегу Танганяйки (озеро в Африке). Агент Саида требовал ушаты слоновою костью, которой у меня не было; тогда я узнал, что Магомет-Ибн-Салиб располагал слоновою костью и желал иметь сукно; однако, это известие принесло мне не много пользы, пока, наконец, я не услышал, что Магомет-Ибн-Гариб имел сукно и желал бы обменять его на проволоку. Эта последняя у меня была и, таким образом, я дал Магомету-Ибн-Гарибу требуемое количество медной проволоки, он передал Магомету-Ибн-Салибу сукно, а этот последний дал агенту Саида требуемую слоновою кость; тогда только я получил от последнего право воспользоваться лодкой“.

Если обмен делался не случайным, а постоянным явлением, неудобства подобных сделок были тягостны. Проходивши целый день по рынку и найдя подходящий для себя товар, покушник мог неожиданно оказаться ни с чем, если то, что он мог предложить в обмен, было ненужно продавцу... Во избежание такого положения приходилось менять свой товар на наиболее ходкий товар, нужный всем, — в надежде

обменять его позже на то, что было нужно. В этом же ходком товаре удобнее было выражать и соотношение продукта с другими продуктами, при их обмене („цена“ товара). Наиболее ходкими товарами были шкуры, скот, часто даже люди. У славян цены товаров выражались чаще всего в шкурах, в мехах, у древних римлян — в скоте (название денег „resipia“ обозначает также „скот“). Даже цена серебра, когда оно появилось в обращении, определялась количеством скота. В VIII веке у германского племени саксов „солид“ — слиток серебра, употреблявшийся в качестве денег — считался равноценным 12-месячному быку, или овце с ягнёнком. Другой же „солид“, большего размера, приравнивался к 16-месячному быку. У индейцев Северной Америки наиболее ходким товаром является табак, к которому приравниваются все другие товары, обращающиеся на рынке. В Южной Африке и Меланезии для той же цели служат раковины (см. рис. № 56), или слитки меди и куски железа.

Часто таким же мерилом ценности является соль. Достаточно вспомнить 1918 — 1919 годы у нас — когда горожане, желавшие обменять что-либо у крестьян, выно-

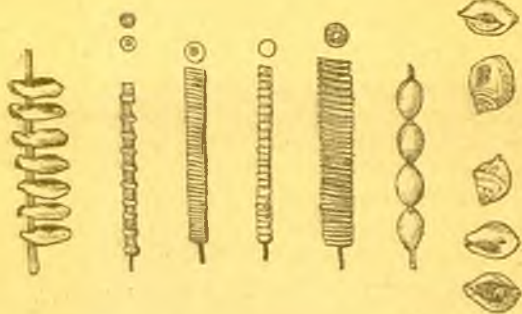

Рис. 56. Деньги из раковин (Меланезия).

сила на рынок мешечки с солью — чтобы понять, каким образом некоторые товары могли выполнять роль денег.

Когда изделия из металлов получают большее распространение, они делают наиболее ходким товаром, выменивающимся на все другие товары. Куски железа, слитки меди, серебра и золота принимаются всего охотнее, так как требуются в каждом хозяйстве, а из серебра и золота чеканятся и льются также украшения. Редкость благородных металлов, их блеск и удобство обработки выделяют серебряные и золотые слитки из прочих денег. Они принимаются повсюду и по наивысшим, по сравнению с другими деньгами, расценкам. С одной стороны, в них выражаются цены всех остальных товаров, но одновременно они и сами обладают определенным значением, как материал для всевозможных украшений. Деньги, в виде монет, по-

являются в обращении позже. В начале монета представляет из себя слиток определенной формы, на котором отмечены вес и качество металла. Чаще всего металл употреблялся чистый, без всякой примеси, чтобы его можно было легко превратить в какой-либо предмет.

8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ.

Городища.

Военный характер феодальной эпохи заставлял жителей строить укрепления, чтобы укрыться в них в случае нападения врагов. Такие укрепления делались или искусственно из земли (см. рис. № 57), или выбиралось какое-нибудь изолированное место, окру-

Рис. 57. Развалины крепости Ахал-теке (Закасп. область).

женное с трех сторон водой, неприступными скалами, обрывами и проч. У славян укрепление чаще всего представляло из себя четырехугольник, окруженный земляным валом с частоколом на нем и неглубоким рвом. „Городища“, как их называли, бывали в 200—300 шагов в окружности, если предназначались для укрытия членов отдельной семейной общины, но бывали и больших размеров. Остатки древних городищ попадаются в несколько тысяч шагов в окружности: такие большие укрепления предназначались, вероятно, для укрытия целого племени.

При приближении неприятеля жители ближайших общин укрывались в городища со всем своим скарбом и скотом и сидели в них до тех пор, пока миновала опасность. Земляные валы, или естественные препят-

ствия (скалы, болота) затрудняли нападение врагов. Городища были одним из наиболее верных способов спасти себя от разбоя или смерти. С развитием междуплеменного обмена, купцы, ожидавшие прихода другой торгующей стороны, также строили городища, в которые складывали свои товары. Часто эти пункты обмена принаравливались к военным лагерям вождей, или каким-либо укрепленным пунктам, имевшим хорошие укрепления и значительное население, могущее оказать военную защиту купцам в случае нападения грабителей.

Устройство пунктов обмена около военных стоянок оказывалось наиболее удобным, так как военные стоянки были одновременно и товарными складами. Сюда свозилась вся дань с окрестностей и потом обменивалась на товары иноземного происхождения. Новгород и Киев в X столетии были именно такими военно-торговыми стоянками князей, в которых складывалась дань, собираемая в Новгороде с северной, а в Киеве — с южной Руси. Вокруг военных лагерей разбивался рынок, на котором происходил обмен с иноземными купцами. Рынок этот не был постоянным торгом; скорее всего он был похож на периодическую ярмарку, которая приурочивалась к определенным временам года. Тот период, когда князья ходили в „полюдье“, т. е. в организованный грабеж, был моментом наибольшего развития ярмарки; иноземный купец мог рассчитывать на изобилие товаров. Наряду с обменом кожами и другими товарами развивается торговля рабами, получение которых не зависит от времен года. Как только является потребность в таком товаре, князья отправляются в поход и привозят рабов в том количестве, какое можно захватить. Торг делается постоянным; под стенами княжеской стоянки одни купцы сменяют других, выменивая рабов и другие товары. Часть местных купцов становится оседлыми жителями этих стоянок, поддерживая регулярные меновые сношения с иноземными торговцами и заранее заготовляя для них товары.

**Пункты
обмена.**

Жизнь возле укреплений была гораздо более безопасной, чем жизнь в обособленных усадьбах или селениях. Она была и веселее застойной жизни домашней общины, так как приезжие и местные купцы искали развлечений. Сюда стекались не только купцы, но всякий свободный люд, не имевший оседлости: безземельные крестьяне, бегущие от кабальных условий аренды, ремесленники, не находящие сбыта своим изделиям в пределах узкой домашней общины и т. д. Все они

**Развитие го-
рода из воен-
ного лагеря.**

надеялись на лучшие условия жизни и, приходя под стены нового поселка, получали участки земли от князя и других земельных собственников на сравнительно хороших условиях. Поселение разрасталось. Для большей безопасности оно обводилось новым валом, который включал не только рынок, но и все заселенные земельные участки. Поселение превращалось в город.

Количество городов в начале было не велико. Какой то географ начала X века насчитал у славянских племен юга и запада около 3.760 городов; но это, конечно, были не настоящие города, а только „городища“. Из этих 3.000 „городов“ настоящих поселений постоянного типа, имевших рынок и склады для товаров, было не

Рис. 58. Ханская ставка (Калмыцкая область).

более десятка. Возникновение городов из военных поселений можно отметить и на Востоке. По преданию, таким образом были основаны города — Самарканд, Бухара, Тегеран и другие крупные города современного Востока, многие города Поволжья и степной полосы (см. рис. № 58).

Развитие
города из
поместья и
сельской
общины.

В эпоху феодализма многие поместья превращались в города, если оказывались на торговом пути. У стен феодального замка, или монастыря располагался рынок, появлялись ремесленники. Крестьяне ближайших деревень также захватывались этим процессом, и с расширением пределов города постройки их оказывались внутри городских стен, а сами они становились горожанами. Москва, которая в начале XI века превратилась из поместья боярина в город, стала городом только потому, что через нее в то время направлялась торговля с Заволжьем.

Появление рынка, поселение вблизи него ремесленников и устройство складов купцов быстро расширяли пределы города, включая в его состав и деревни, окружавшие его. Рост поселений опережал развитие городских стен. С появлением ремесленника под стенами укрепленных мест, города быстро расширяются. Собственники городских земель выделяют для новых поселенцев участки недалеко от основного ядра города, т. е. от укрепления (замка, кремля). Земельные участки даются на правах аренды, которая вносилась натурой; так, например, ремесленники вносили ее изделиями своих ремесел. С установлением же денежного оборота, аренда переводится в деньги.

В пределах города оказалось не мало крестьян и целых сельских поселений со всеми их землями и постройками; эти крестьяне-горожане продолжали вести в отношении помещика барщину и вносить ему оброк. Развитие ремесел и торговли в городе сделало излишним для феодала ведение обособленного хозяйства. Все необходимое можно было получить в городе путем обмена, или привозить из других имений. Собственник городской земли уничтожает свои запашки, а земли пускает в аренду. Вследствие этого, барщина исчезает и заменяется оброком, сначала в натуральной, потом в денежной форме.

Крестьяне, оказавшиеся в пределах городской черты, сделавшись горожанами, несколько не изменили своего быта и своих промыслов. Они продолжали обрабатывать землю, выгонять скот на городской выгон или луга, разводить огороды и сады; словом, внутри города образовывались сельские поселения, продолжавшие жить как бы прежней жизнью. Так как многие села феодальной эпохи представляли из себя не усадебные поселения, а большие деревни, застроенные крестьянскими избами очень густо, с прилегающими к ним огородами, а поля были за околицей, то с захватом деревни городскими стенами, некоторые горожане оказывались отделенными от своих полей. Они утром отправлялись из города на сельские работы, а к вечеру возвращались обратно в городские стены. Города такого типа сохранились во многих местах; в пределах нашего Союза можно найти подобные же городки, хотя некоторые из них носят громкое название „столицы“; город Нальчик. — столица Кабарды и Балкарии (сев. Кавказ) с населением в несколько тысяч человек, заселен по окрестностям крестьянами, имеющими поля около города. На заре они отправляются обрабатывать свои участки, а вечером возвращаются в город.

Помещичьи
дворы в го-
родах.

Внутри образовавшегося города были не только земли крестьян. Сельские общины нередко, наряду с крестьянскими дворами, включали в себя и дворы мелких помещиков. Феодал, в зависимости от которого находилась община, господствовал над ней не путем непосредственного подчинения отдельных дворов, а часто только захватом угодий. Община платила оброк феодалу, или отбывала у него барщину взамен пользования этими угодьями, дворы же мелких помещиков оставались свободными. После превращения такой сельской общины в городское поселение, помещичьи дворы оказывались вкрапленными в город-

Рис. 59. Замок Тамары (Кавказ).

скую территорию в различных местах. Они сохраняли попрежнему весь свой уклад, пользовались трудом крепостных, имели свою дворню. Раскрепощение горожан, переводившихся из зависимого состояния в оброчное, несколько не отражалось на внутреннем положении крепостных и дворовых в этих помещичьих дворах, которые являлись как бы пятнами крепостничества в новом полусвободном городе.

Несмотря на различное происхождение городов (как, например, Киева, возникшего из военно-торгового поселения, и Москвы, развившейся из поместья и окружавших его деревень) в основании возникновения их лежала одна и та же причина — потреб-

ность в обмене. Поэтому и центром каждого города оказывался рынок. Укреплённых пунктов было много (см. рис. № 59), но не все они превращались в города: только те из них делались городскими поселениями, которые были одновременно торговыми центрами.

Развитие обмена и потребность в военной защите создали немало укрепленных пунктов, превратившихся в города. В древнейшие времена существовало много городов, которые своими размерами превышали современные столицы. Так, например, Вавилон, Ниневия, Сузы, Экбатана, Самарканд занимали площадь в несколько раз большую, чем Берлин и другие крупнейшие

Города—
столицы.

Рис. 60. Дворец хана (Хорезм).

западно-европейские центры. Когда племена объединялись и во главе их становились короли, военные лагеря королей превращались в города. Для нужд самих королей строились дворцы, представлявшие собою мощные укрепления (см. рис. № 60). Эти дворцы являлись центром города, расстилавшегося вокруг их стен. Невдалеке от дворца находилась площадь, на которой время от времени купцы обменивали свои товары (см. рис. № 61), а дальше располагались дома придворных и прочих жителей города (см. рис. № 62). В городе сосредоточивались все высшие „государственные“ учреждения, число которых было невелико и назначение несложно. Они сводились 1) к высшему управлению войском, 2) к центральному месту сбора податей—громадным складам, в которые стекались при-

возимые со всех концов страны различные продукты и изделия и 3) к отдельным отраслям дворцового управления, приспособленного к удовлетворению нужд короля и многочисленной челяди.

Средоточие государственных учреждений приводило к тому, что город превращался в столицу. Во дворце жили цари (короли) со своими сокровищами, женами, телохранителями, дружинниками, бесчисленным количеством рабов. Поблизости находились храмы богов (см. рис. № 63), а кругом жили вольные люди, занимавшиеся различными промыслами. Городские жители обязаны были, кроме уплаты налогов, поставлять

Рис. 61. Развалины дворца (Самарканд).

также определенное количество воинов для царя в случае войны. Одни цари сменяли других, строили себе новые дворцы, но города — столицы оставались в течение долгого времени прежними. В некоторых странах, однако, был обычай, по которому каждый, вновь вступающий на престол, царь или король строил для себя новый дворец и новые укрепления на довольно большом расстоянии от прежних и заставлял переносить столицу в новую резиденцию. Так было в древнем Египте, где каждый царь основывал новый город, а старые города разрушались, и жители из них постепенно переселялись в новую столицу.

В Африке и в настоящее время столицы многих негритянских племен переносятся с места на место,

а старые города старятся, бросаются на произвол судьбы, постепенно разрушаясь от времени. В Судане сохранилось много жалких остатков прежних столиц в виде маленьких по количеству населения городков, поражающих громадными размерами своих территорий. Города: Сокото, Кана, Гауда представляют собою громадные каменные ограды, окружающие многоверстные пространства, на которых только небольшие строения сиротливо ютятся друг подле друга; все остальное пространство—пустыри, поля, луга и фиговые рощи. Единственное видное строение в этих городах предста-

Рис. 62. Общий вид Хивы.

вляют бывшие царские дворцы, а ныне резиденции отдельных князьков и мелких административных уполномоченных, управляющих городами и близлежащими сельско-хозяйственными округами. Вблизи дворцов князьков ежедневно происходит торг местных жителей.

Оставшиеся со времени римского владычества, города в Западной Европе сделались к VIII веку средоточием административных учреждений в новых образовавшихся германских королевствах и герцогствах.

Жизнь стран феодальных сосредоточилась в поместьях и деревнях; натуральный характер хозяйства не давал возможности развиваться ни ремеслам, ни

Административные города в Западной Европе.

торговле. Крупные города, построенные для военных и торговых надобностей, сделались центрами почти исключительно административными. В них селились короли, а также высшие феодалы—герцоги и князья. Отсюда они управляли страной, поскольку феодальный порядок допускал некоторое централизованное управление. У каждого короля и крупного феодала было по нескольку поместий, заселенных зависимыми крестьянами, которые вносили оброк, отработывали барщину. Доходами с этих поместий жили королевские и княжеские дворы. Кроме натуральных повинностей, взимавшихся с зависимых крестьян, короли и другие высшие феодалы облагали различными налогами и свободных „государственных“ крестьян; те должны были вносить подушную или подворную подать, а также поставлять, в минуту военной опасности для государства, вооруженных людей.

Вся жизнь города—столицы (будь то резиденция короля, будь то резиденция какогонибудь другого крупного феодала) была приурочена к потребностям находящегося в нем двора. И ремесла развивались, главным образом, те, которые были нужны королю и его придворным: выделка одежды, оружейное дело, ювелирное, золото-серебряное, варка хмельных напитков и проч. Города—столицы росли довольно быстро, но не за счет своего ремесленного населения, а за счет новых усадеб и дворов крупнейшей феодальной знати. Феодальное дворянство различных рангов основывало в столице свои зимние резиденции, чтобы быть ближе к королю. Город—столица долгое время был паразитом, вытягивавшим из деревни все, что можно, и не дававшим ничего взамен.

Появление
внутренней
торговли.

Приток иноземных товаров в города—столицы приводил к расширению ими своих торговых связей. Наряду с крупной внешней торговлей, которую вели „торговые гости“ или сами феодалы через своих уполномоченных, развивалась и розничная внутренняя торговля. Значительное количество горожан превращало мелкую торговлю в свое постоянное занятие; нагруженные коробами, они отправлялись странствовать по феодальным поместьям. Коробейник был желанным гостем в каждом феодальном замке. У него можно было приобрести не только разные украшения, иноземные ткани, ценное оружие, но также и узнать все новости—услышать городские сплетни, рассказы о заморских странах, откуда привезены товары, по „чу-

десах“, совершавшихся на свете. Странствующий купец-коробейник создавал новые потребности у феодалов и подтачивал устои поместного натурального хозяйства. Вместе с тем он был и проводником городской идеологии среди сельских жителей. Все новые представления и поверья, слагавшиеся в городе под влиянием развивавшихся меновых связей, переносились в поместья, благодаря коробейникам. Конечно, пока рассказ о событии совершал свой ход из столицы в отдаленное

Рис. 63. Мечеть Шир-Дор (Самарканд).

поместье, он совершенно искажался; но это не мешало ему производить большое впечатление на легковверных жителей деревни.

Если почему либо коробейник долго не появлялся в замке, оттуда посылались в город гонцы для закупки товара.

Получив новых заказчиков, городские ремесла стали расширять свое производство. Ближайшие к столицам феодалы все чаще наезжали в город для того, чтобы здесь получить нужные товары; но, одновременно, появились в городах и крестьяне из окрестных деревень. Богатые крестьянские семьи оказываются значительными потребителями городского ремесла. Городской рынок оживляется. Вместо сравнительно редких ярма-

Города, как
экономиче-
ские центры
районов.

рок, устраивавшихся 4—5 раз в год, торговля на рынках начинает производиться еженедельно. В XII—XIII столетии торговля на городских рынках производилась два—три дня в неделю, при чем один из этих торговых дней непременно падал на воскресенье. Иногородние купцы устраивали в городах свои склады и постепенно из этих складов товары расходились в окрестные селенья. Наиболее ходкими товарами были соль, железо и изделия ремесла, как например, сукаа, которые вырабатывались в XI—XIII столетиях только в некоторых городах. Потребность в этих товарах заставляла крестьян посещать город все чаще, и обмен между городом и деревней приобретал значительную крепость. Административные города превращались в средоточие внутренней торговли.

С развитием внутренней торговли, города росли, как грибы. Около каждого, более или менее значительного укрепленного пункта образовывался рынок, стягивавший в свой товарный оборот окрестное крестьянство. Потребность деревни в продуктах городских ремесел приводила к тому, что городские рынки, или, вернее, города возникали на очень близком расстоянии друг от друга. Крестьяне утром отправлялись в город на базар, а к вечеру возвращались домой. По вычислениям известного экономиста К. Бюхера, в Германии к началу XVI века было не менее 3.000 городов, причем один город отстоял от другого не более, как на $2\frac{1}{2}$ мили в юго-западной части страны, на три—четыре мили в северной и в северо-западной части, и на 5—8 миль — в восточной части страны. Каждый городок обслуживал определенный сельскохозяйственный район.

Количество населения в районных городках было незначительное. Редкий городок имел несколько тысяч человек. Количество же городов, имевших население в 10.000 человек, можно было пересчитать по пальцам. Вот численность городского населения в наиболее крупных городах Германии и Швейцарии в XIV—XV столетиях: Любек—22.000, Страсбург—20.000, Нюрнберг—20.000, Ульм—20 000, Аугсбург—18.000, Цюрих—10.500, Франкфурт - на - Майне—10.000, Базель—9.000, Майнц—5.800, Фрейбург—5.200, Дрезден—4.200, Лейпциг—4.000.

9. ГОРОДСКОЙ СТРОЙ и ГОРОДСКОЙ БЫТ.

Что же представляли из себя феодальные города в отношении своего социального устройства и быта?

Городской
рынок и
охрана торго.

Выше мы указали, что города строились или вокруг военных поселений (см. рис. № 64), или возникали на землях феодалов, которые взимали за пользование землей с новых поселенцев арендную плату. Среди городских жителей было немало крестьян, занимавшихся земледелием, торговцев — как крупных торговых гостей, имевших торговые связи с заграницей и большие склады товаров в пределах города, так и мелких коробейников, семьи которых жили в городах, но которые сами постоянно бродили с коробом за плечами из по-

Рис. 64. Постройка города—крепости («Город строят» Рерих).

местья в поместье. Кроме торговцев и крестьян, город населяли ремесленники, количество которых росло по мере его развития.

Торговля и ремесла могли развиваться в городе только в том случае, если для жителей города был обеспечен мир. Никакой торг невозможен в том случае, если собственник товара не уверен, что его товар не будет отобран на дороге каким либо разбойником, или захвачен на рынке самим феодалом. Как только появились городские рынки, феодалы, уступавшие свои земли для торжища, клятвенно обещались не учинять разбоя над торговцами и всячески охранять их от нападений соседних феодалов. Не всегда это клятвенное обещание выполнялось: бывали случаи, что феодал нападал на торгующих и отнимал у них все товары. Так как после таких грабежей рынок переносился на другое место, под покровительство феодала—соседа, а всякое торжище давало феодалу — собственнику земли

большие доходы, такие грабежи делались все более редким явлением. Экономический интерес феодала заставлял его оказывать покровительство рынку и лицам, торгующим на нем.

За охрану рынка феодалы требовали себе вознаграждение, которое получалось в виде налогов, взимаемых с каждого, желавшего продавать на рынке свои товары. Если рынок находился внутри городских стен, то у городских ворот устраивались заставы, которые брали в пользу феодала некоторую часть ввозимых крестьянами и торговцами продуктов и товаров. Заставы, или, как их теперь называют, таможи, устраивались не только перед воротами города, но также и на границах владений феодалов. На Руси торговые пошлины назывались „мытом“. (Название села, находящегося на реке Яуге, недалеко от Москвы, „Большие Мытищи“, указывает на то, что здесь когда-то была подобная таможенная застава).

Чеканка
монеты.

В торговый оборот постепенно входили деньги; феодалы всячески содействовали денежному обращению и брали на себя чеканку монет. При этом они имели в виду не только интересы торговли, но и увеличение своих доходов. Монета должна была иметь определенный вид и вес. Гарантией полноценности служило обязательство феодала принимать ее в уплату причитающихся ему пошлин и налогов. Однако, не всегда эта гарантия оказывалась достаточной. Были случаи, когда феодалы выпускали заведомо неполноценную монету, удерживая в свою пользу весь остающийся металл. Когда приходило время принимать от населения налоги, феодалы повышали их размер в несколько раз, тем самым вознаграждая себя за то, что они принуждены были принимать от населения начекаченную ими фальшивую монету... Такие мошеннические операции часто совершались французскими и английскими королями в XII—XIII веках, доведшими монетную систему до такого состояния, что некоторые сорта монеты совершенно потеряли хождение на рынке. Городское население боролось с ухудшением монеты тем, что принимало ее на вес и в зависимости от количества заключенного в ней драгоценного металла. Так как достоинство монет определить было трудно, то появилась профессия м е н я л, которые сначала были и ювелирами.

Министе-
риалы.

Сбор налогов и пошлин в пользу феодалов производился уполномоченными, которых было несколько, и

которые носили название на Западе „министерялов“. Это не были простые слуги; чаще всего министерялами были мелкие рессалы, которые проживали в данном городе, или другие свободные землевладельцы, имевшие свои поместья в пределах городской черты. Попадались среди министерялов и дворовые крупные феодалов, и рабы, отпущенные на свободу. За услуги, которые министерялы приносили феодалам, они получали землю и освобождались от всяких повинностей. Землевладельцы, жившие в пределах города, относившиеся к составу феодальной знати или к их уполномоченным, составляли довольно сплоченную группу. Они имели одинаковые экономические интересы, так как являлись владельцами городской недвижимости. Свои земли сдавали они новым поселенцам в аренду, а то и продавали ее в собственность. Эта группа крупных земельных собственников была высшей социальной группой феодального города.

В условиях феодального окружения, городская жизнь, естественно, воспринимала те же формы, какие существовали в поместьях. Крупный земельный собственник в феодальном обществе был одновременно и политическим владыкой. Все те лица, которые жили на его земле, находились не только в экономической, но и в политической зависимости от него. То же было и в городе. Экономическое положение городских крупных земельных собственников закреплялось их господствующим положением среди остального городского населения.

Чем больше разрастались города, тем тяжелее была для горожан феодальная зависимость. Постоянное вмешательство уполномоченных феодала во внутренний распорядок городской жизни, мелочная фискальная политика феодалов по отношению к рынку и торговцам, заставляли горожан требовать себе некоторых льгот и прав. В конце концов, пользуясь постоянной нуждой феодала в деньгах, горожане откупались от него, обещая ему вносить определенную сумму ежегодных налогов, которые фиксировались на много лет вперед. Взамен этого, города получали самоуправление и в своей внутренней жизни становились независимыми от самого феодала и его уполномоченных. Во главе городских управлений появились выборные органы, которые сменяли министерялов. Было ли это победой демократии? Ничего подобного. Во главе городского управления оказались все те же крупные земельные собственники. Все городские должности были захва-

Городское
самоуправление.

чены ими. Остальные горожане лишались права голоса, и городские советы, магистраты, раты и управы представляли из себя скорее советы семейных старшин знатных родов, чем выборных представителей городского населения.

Городские управления руководили сбором налогов и податей внутри города. Они брали на себя ответственность перед феодалом за уплату податей, следили за рынком, регулировали меры и вес, наблюдали за выполнением горожанами различных повинностей, в том числе и военной. Выборные из знатных семей, стоявшие во главе городского управления, были также и предводителями городского ополчения, собиравшегося в случае надобности.

Такое одностороннее „представительство“ вызывало, естественно, протест со стороны остальных горожан.

Борьба за
власть в го-
роде.

Пришельцы, взявшие городские земли в аренду или приобретшие их в собственность, требовали себе равных прав с местными старожилами. Между ними и городской знатью возникла длительная борьба за власть в городе, причем в основе этой борьбы лежали чисто-экономические причины. Больше всего раздражала горожан—пришельцев неодинаковость обложения отдельных социальных групп, населявших город. Знать почти совершенно ускользала от всякого обложения.

Занятия знатных не ограничивались отдачей в аренду своих земель; более богатые из них вели крупную заморскую торговлю через своих уполномоченных. С развитием земельной аренды в их руках скопился по тому времени значительный капитал; этот капитал они вкладывали в иноземную и в иногороднюю торговлю—оптовую по преимуществу, но не брезговали и розничной продажей товаров, ввозимых в черту города. Так как в их руках был весь налоговый аппарат, то они освободили себя от всех видов налогов—в том числе и от торговых пошлин. Между тем, передача феодалами своих прав на сбор городских налогов была оговорена регулярным поступлением различных платежей, причитавшихся с городского населения. Города брали на себя обязательство взноса договоренной суммы, при условии круговой поруки всего городского населения. Что касается раскладки этой суммы на отдельных горожан, то это дело целиком предоставлялось городскому управлению. Освобождение знати от всяких налогов возлагало на плечи всех остальных горожан излишние налоговые тяготы. Вот почему их

стремление избавиться от господства знати было таким сильным и активным.

Второй причиной борьбы среди горожан было то обстоятельство, что кроме знати оптовой торговлей занимались и пришельцы. Освобожденная от всех торговых пошлин и налогов, знать оказывалась в лучших условиях при продаже своих товаров, чем новоселы. Стремление уравнять шансы в конкуренции заставляло оптовиков-пришельцев особенно ратовать против господства знати в городском управлении. Борьба между знатью и наиболее богатыми горожанами-пришельцами происходила не только на Западе. В русских городах XIII—XIV столетия также развертывалась эта борьба, причем городская знать состояла из бояр и высшего духовенства. Борьба между знатью и остальным городским населением продолжалась целые столетия и привела, в конце концов, к полному поражению знати и захвату городского управления более демократическими слоями.

Пришлое городское население, облагаемое податями в пользу собственников земельных владений, объединялось в большие союзы, которые брали на себя уплату всех причитавшихся с отдельных членов платежей и полную ответственность за своевременное их поступление. Круговая порука городского населения казалась настолько удобной для феодалов, что объединение горожан всячески им поощрялось. Объединяясь в большие группы по профессиям, горожане преследовали не только фискальные интересы феодала: такие объединения соответствовали самим потребностям горожан.

Купцы, строявшие свои склады вблизи рынка, селились вблизи складов (так образовались торговые кварталы). Запятие торговлей, особенно иноземной и иногородней, было делом далеко не безопасным; оно требовало военного объединения лиц, которые им занимались, следствием чего явилось создание купеческих корпораций, бравших на себя обязанность оказывать военную защиту своим членам при ведении торговых операций и поддержку в различных несчастиях. Купеческие корпорации и „братства“, носили широкий характер, так как принимали в свой состав всех торговцев, которые были связаны общностью торговых операций. В наиболее развитой своей форме эти купеческие организации получили название гильдий.

На Западе первые гильдии появились в конце X и в начале XI столетий в Англии. Целью образо-

Гильдии.

вания гильдий было получение и охрана торговых привилегий, а также защита своих членов. Гильдии откупали у королей и феодалов право монопольной торговли в пределах определенной территории и боролись против всякой попытки со стороны кого либо нарушить их права. Члены гильдии вносили вступительный взнос и периодически отчисляли некоторый процент со своих оборотов; эти деньги шли на уплату гильдийных налогов (гильдия брала на себя круговую ответственность за взнос налогов отдельными членами), а также на взаимопомощь и празднества гильдейцев.

Замкнутая жизнь феодального города накладывала печать на строй гильдии. Гильдия неохотно допускала в свою среду посторонних лиц, старалась всячески ограничить количество своих членов и зорко следила за выполнением отдельными членами гильдийных правил. Чтобы быть вполне уверенным, что члены гильдии не нарушат гильдейских правил ради личных интересов, гильдия брала под надзор не только чисто-торговую деятельность купцов, но даже их семейную жизнь, так как значительное количество торговых сделок производилось (как производится и теперь) при отсутствии всякой гласности, в семейной обстановке. Гильдия старалась связать своих членов возможно теснее, чтобы каждый их шаг находился под взаимным контролем. Устав гильдии регламентировал и общественную, и личную жизнь каждого члена гильдии, требовал от каждого члена гильдии, чтобы он следил за нравственностью остальных гильдейцев, за их личным поведением и выполнением религиозных обрядов (которые, по мнению людей того времени, гарантировали надзор „высшей силы“ за отдельными купцами)... У гильдий были свои боги—„святые“, которые считались покровителями отдельных видов торговли. Гильдии не только защищали общие гильдейские права, но и оказывали поддержку своим членам в случае несчастья. Эта поддержка оказывалась в разных формах в зависимости от потребностей, и выражалась—в вооруженной защите, в материальной помощи, в заступничестве перед феодалами, в помощи во время болезни, в хлопотах при погребении и т. д. Во главе гильдии стоял старшина („оильдермэн“ в Англии, „прево“ во Франции, „альтман“ в Германии) и несколько его помощников. Гильдейские должности были выборными. Наблюдение за выполнением традиций гильдии и контроль над должностными лицами осуществлялись „гильдейским советом“, избиравшимся на

общих собраниях всех полноправных членов гильдии. В Англии купеческие гильдии достигли наибольшего развития к XIII—XIV веку, несколько слабее они были в это время во Франции. Что же касается Германии, то здесь они образовались очень поздно.

Когда гильдии начали бороться с городской землевладельческой знатью, они требовали, чтобы все торговцы — независимо от их знатного или незнатного происхождения — вошли в состав гильдии. С поражением знати гильдии добились такого вхождения: в Италии — принудительным порядком, а в других странах большинство знатных лиц, торговавших оптом, добровольно вошли в гильдию и подчинились гильдейской дисциплине. Вхождение городской знати в гильдейские организации привело к расслоению гильдий. Гильдейская знать (наиболее крупные оптовики) быстро поладила с новыми членами. Породнившись с ними путем многочисленных браков, заведя с ними теснейшие связи, коммерческие соглашения и проч., гильдейская знать настолько слилась с бывшей городской знатью (которую называли также „патрициями“), что даже восприняла сама это название. В XIV—XV столетии в Германии „патрициями“ назывались не крупные городские землевладельцы, а все вообще богатые люди, независимо от их социального происхождения — в том числе и богатые купцы. Гильдейская знать захватила в свои руки городское управление. Демократия и здесь продолжала отсутствовать: городская политика велась попрежнему в интересах богачей — только не землевладельцев, а торговцев-оптовиков.

Первоначально в купеческую гильдию входили не только купцы; принимались туда и ремесленники, если товары, которые производились ими, имели сбыт за пределами города. Однако, такое объединение было невыгодным и для купцов, и для ремесленников. Купцы были не только посредниками по сбыту товаров, но и крупными потребителями изделий ремесленников, наравне с феодалами и теми горожанами, которые продолжали в городе заниматься сельским хозяйством. Интересы их, как потребителей, нередко сталкивались с интересами производителей — ремесленников. В то время, как потребители старались понизить цены на ремесленные изделия, производители добивались их повышения. Примирить эти противоречивые стремления членом одной и той же гильдейской организации было невозможно. Городское управление, перешедшее в руки гильдейской

Выход ремесленников из состава купеческих гильдий.

знати, принимает принудительные меры против повышения ремесленниками цен на свои изделия. Оно вводит таксу цен, выше которых никто не имеет права продавать изделия ремесла на городском рынке. При попытках ремесленников, входивших в гильдейские организации, протестовать против этих мер, гильдии выбрасывали ремесленников из своего состава. В Англии и Германии члены гильдий, под угрозой довольно высокого штрафа, обязывались не заниматься ремесленной деятельностью; начиная с XIII столетия, доступ ремесленников в купеческую гильдию был прекращен.

Цехи.

Ремесленники образовали свои организации, которые в Англии продолжали носить название гильдий, в других же странах приняли название цехов. Под этим названием ремесленные организации получили наибольшее распространение. В отличие от купеческой гильдии, принимавшей в свой состав всех купцов независимо от рода товаров, которыми они торговали, цехи объединяли ремесленников только одной профессии и одного города. Они исходили из того соображения, что будучи производителем в своей части ремесла, ремесленник остается потребителем в отношении остальных ремесленных продуктов, им не изготовляемых; поэтому в борьбе за повышение цен на изделия, которые он сам делает, он может найти себе сторонников только среди тех мастеров, которые занимаются однородными промыслами. Ремесленники понимали защиту своих интересов необычайно узко, как защиту интересов мелкой профессии: за пределами ее они не видели общих интересов. Поэтому и название „цеховщина“ часто применяется к тем видам рабочего движения, которые ограничиваются защитой отдельных категорий рабочих — нередко против всех остальных.

Ремесленные цехи старались устранить конкуренцию между отдельными ремесленниками и установить монопольное господство данного цеха на рынке. Цехи всячески затрудняли занятие ремеслом для тех лиц, которые не входили в состав ремесленных объединений. Они требовали у городских управлений, чтобы городская власть запрещала новые организации ремесленников, если в данной отрасли производства уже успел сорганизоваться цех. Для того, чтобы члены цехов не конкурировали друг с другом, цех устанавливал равные цены; ограничивал ремесленников в их рабочем времени и в пользовании помощниками-подмастерьями;

следил за тем, чтобы товары отдельных отраслей были одинакового качества и одинаковых фасонов. Так как в ремесле много операций не поддается контролю (подобно торговым сделкам), цех распространял свое вмешательство на личную жизнь своих членов, чтобы гарантировать себя от нарушения цехового устава. Он обязывал своих членов вести одинаковый образ жизни — „не хуже и не лучше остальных“ — верить в одинаковых богов. Каждый цех имел своего святого покровителя и зорко следил за выполнением ремесленниками религиозных обрядов, надеясь, что то, что упущено людьми, заметит бог.. Цехи, наравне с гильдиями, оказывали поддержку своим членам в случае несчастья, а также организовывали общую покупку сырья, что было не под силу отдельному ремесленнику. Во главе каждого цеха стоял „цеховой староста“ и „цеховой совет“, выбранные собранием полноправных членов. Не каждый ремесленник, занимавшийся ремеслом и входящий в цех, был полноправным членом. Для того, чтобы обладать правом голоса в цеховых собраниях, необходимо было прожить определенное количество лет в данном городе, иметь свою мастерскую, а также вносить в течение нескольких лет под ряд регулярные членские цеховые взносы.

Количество цехов в отдельных городах было велико. Как только появлялся новый вид ремесла, хотя бы и не составлявшего отдельную отрасль, сейчас же образовывался самостоятельный цех ремесленников; так, например, с появлением выпечки новых сортов хлеба, создавался новый цех хлебопек. Во многих городах хлебопеки были разбиты на следующие цехи: 1) цех, выпекающий черный хлеб, 2) цех пекарей белого хлеба, 3) цех кондитеров и т. д. Для устранения конкуренции как внутри цехов, так и со стороны других цехов, у феодалов цехами откупалось право исключительного занятия определенным ремеслом не только в пределах городской черты, но и на довольно большом расстоянии от стен города, чтобы ремесленники из сельских местностей не могли конкурировать с городскими. Окрестные крестьяне, лишённые возможности получить у сельских ремесленников необходимые изделия, принуждены были покупать их в городе. Это увеличивало сбыт городских изделий и держало цены на них на определенном уровне.

Ремесленники редко работали в одиночку; у них всегда были подручные, которые назывались подма-

Подмастерья.

стерьями. По истечении определенного срока подмастерья делались самостоятельными мастерами, получали право открывать мастерские и принимать к себе подмастерьев. За свою работу подмастерья получали плату, которая состояла из небольшого количества денег, хозяйских харчей и помещения. Рабочий день ремесленника-мастера, так же, как и подмастерья, продолжался с раннего утра до позднего вечера; он прерывался лишь для принятия пищи. Но, так как подмастерья работали вместе с мастерами, их эксплуатация имела предел в выносливости самих хозяев. Работа часто прерывалась различными уличными событиями, привлекавшими внимание работающих, посещением заказчика и соседей. Кроме воскресных дней, которые свято соблюдались, существовало немало праздников, когда также не производилась работа. Даже семейные праздники—в роде дня рождения хозяина или хозяйки, или какогонибудь другого события—прерывали работу. Если учесть все эти перерывы в работе, то окажется, что несмотря на длинный рабочий день (не менее 12-14 часов) положение подмастерьев не было слишком тяжелым. Они входили в семью хозяина, вместе с ней ели и пили, и часто бывало, что, закончив срок обучения и сделавшись мастером, бывший подмастерье женился на дочери своего хозяина.

Ученики.

Введение новых приемов ремесленной выделки требовало длительной подготовки. Когда мастерство было несложно, подмастерье принимался со стороны, и после 5—6 лет обучения он мог уже открыть собственную мастерскую. Чем сложнее были приемы ремесленной выделки, тем труднее было в течение 5 лет действительно подготовить самостоятельного ремесленника. Приходилось вводить предварительное обучение, которое стало предшествовать работе подмастерья. Мастера принимали к себе в ученики детей лет 12—14 и в течение 5—6 лет готовили их к занятию ремеслом, в качестве подмастерьев. Ученичество давало возможность большей эксплуатации рабочей силы: ученики почти не получали никакой платы и работали за стол и помещение. Чем больше учеников имел мастер, тем выгоднее было ему вести дело, так как издержки производства понижались. Для уничтожения конкуренции между отдельными мастерами, цехи устанавливали определенную норму числа учеников для каждого мастера и вводили твердые сроки ученичества.

Ремесленные цехи раньше всего появились в Италии—в IX веке—под названием „братств“ ремесленников; во Франции „метье“ или корпорации образовались в начале XI века, в Англии и Германии цехи сложились лишь в XII веке. В России объединение ремесленников не имело ярко выраженных форм, подобно цехам Запада. Но все же в Новгороде в XII веке, в Пскове и в Москве в XIV веке ремесленники выступали большими группами, организованными по профессиям. Так, в XIV веке, во время возмущения ремесленников в Пскове, упоминается об объединении „стригольников“ (т. е. ремесленников, стригущих сукна),

Время образования цехов.

Рис. 65. Яванские кузнецы.

а в Москве в том же веке часто встречается название „серебренников“ и „иконописцев“, как отдельных корпораций, имевших выборное строение. Вероятно, такие же корпорации существовали и у других ремесленников. На Востоке цехи существовали во многих странах и имели длительную историю. В древнее время цехи были у персов и у арабов. В эпоху распространения Ислама (в IX—XI веке) цехи существовали по всей Средней Азии. В Персии они назывались „амкар“, в Турции и Сирии—„аснаф“, в Средней Азии—„такия“. В XIV—XV веке в Туркестане существовали следующие цехи: 1) ткачей, 2) кузнецов, 3) штукатуров, 4) мыловаров, 5) ремесленников, приготовляющих мед (бекмес), 6) сапожников, 7) гончаров, 8) шелкопрядов, 9) пирульников, 10) мастеров, раскрашивающих седла, 11) медиков, 12) хлебопеков, и т. д. Не каждый город имел все эти цехи полностью: некоторые ремесла существовали только в определенных городах. Каждый

цех на востоке имел свой статут „рисоля“ и постоянную выборную организацию. В основных чертах назначение цехов и их строй почти целиком совпадают с цехами Западной Европы. В Китае цехи сохранились до настоящего времени, так же, как и в городах Северной Африки.

**Внешний вид
города.**

Для того, чтобы получить представление о внешнем виде и жизни феодального города на Западе и в России, достаточно побывать в современном восточном городе. Извилистые улицы—совершенно без мостовой или с мостовой, представляющей из себя беспорядоч-

Рис. 66. Улица в «старом городе» в Ташкенте.

ное нагромождение камней, — заваленные разными отбросами и мусором, не освещаемые но ночам и заполненные стаями собак, которые выполняют санитарные обязанности (поедая нечистоты) — таков был внешний вид феодального города. Если кому либо придется проезжать по мостовой восточного города на арбе (см. рис. № 66) и он будет думать о том, какую пытку представляет подобный способ передвижения, то пусть он вспомнит, что в конце XV столетия германский „император“ Фридрих едва не утонул вместе со своей лошадью в нечистотах посредине города Реттинген — и ему станет легче...

Городские постройки мало отличались от построек деревенского типа. В Западной Европе они были большей частью двухэтажные, при чем верхний этаж выступал над нижним, что превращало улицу в длинную

узкую катакомбу, почти лишенную света. В России бревенчатые срубы домов располагались на более широких улицах. Застроенные места часто прерывались пустырями, но, по мере увеличения городского населения, дома строились все ближе друг к другу и, в конце концов, города настолько оказались заполнены строениями, что не хватало даже места для дворов.

Количество людей в городе, вообще, было невелико, и прирост населения незначителен. Судя по некоторым историческим памятникам, браки горожан были очень плодовиты, но большинство детей погибало еще в младенческом возрасте. В одной купеческой семье г. Франкфурта, по фамилии Рорбах, в течение 100 лет (в XVI столетии) родилось 65 детей, не считая мертворожденных; но из этого числа детей только 16 пережило своих родителей, и только 12 вступило в брак. Семья Рорбах была одной из самых богатых купеческих семей, ее дети находились в гораздо лучших условиях, чем дети мелких торговцев и ремесленников. Какова же была смертность среди детей остального городского населения! Вследствие ужасающей смертности детей и взрослых, численность городского населения в течение столетий почти не увеличивалась. К. Бюхер приводит следующие цифры городского населения во Франкфурте за период в 150 лет.

В 1354 г. Франкфурт имел 7.800 жителей, через 5 лет его население возросло до 9.200 человек, потом начинается уменьшение и к 1370 г. население Франкфурта доходит до 8.100 человек. Далее количество населения начинает слабо расти. Этот прирост продолжается до 1385 года, когда во Франкфурте оказывается наибольшее по численности население — 10 000. Затем численность населения снова падает и с 1394 года по 1409 год составляет в среднем (с небольшими колебаниями) 7.500 человек. Таким образом, в течение 150 лет население г. Франкфурта оставалось количественно неизменным. Между тем, за эти 150 лет во Франкфурт переселилось 15.300 новых граждан, так что только вследствие такого прироста население должно было бы увеличиться. Если бы население Франкфурта увеличивалось в таком же соотношении, как оно увеличивается в современном Франкфурте, оно должно было бы к 1500 году равняться 100.000 душ (вместо 7.500!). Условия, в которых жил Франкфурт, не были исключительными: в таких же условиях находились и остальные феодальные города, как Запада, так и России.

Движение
народонасе-
ления.

Количество
нетрудоспо-
собных

Жизнь феодального города была тяжела. В городах того времени отмечается большое количество умалишенных („тородивых“ и „бесноватых“ — в России) и нервных больных. Постоянные потрясения нервной системы, расшатанной видом всевозможных насилий, казней, голодовок, чумных эпидемий, опасностью войн, междоусобиц, а также картин необычайно развратной и полной пресыщения и наслаждения жизни феодалов и духовенства — приводили к тяжелым нервным заболеваниям: птерип, „пляске святого Витта“, кликушеству, религиозному помешательству и изуверству. Первые заболевания распространялись, как эпидемия, захватывали не только целые города, но и страны. Эта птеричная атмосфера объясняла в значительной степени сильное развитие религиозного фанатизма в ту эпоху, а также наличие большого количества „одержимых“. Поражало также и количество больных хидиотизмом. Очевидно, городское население частично вырождалось. К этому надо прибавить также, что, вследствие отсутствия медицинской помощи, болезни производили страшные опустошения, и что значительная часть населения делалась после болезни калеками (теряли зрение, лишались конечностей и т. д.). Количество нетрудоспособного населения в феодальных городах было очень велико, и содержание его ложилось своей тяжестью на плечи остальных горожан. Городские управления принуждены были вводить налоги для призрения тех лиц, которые не могли работать, но так как приютов для неработоспособных было мало, большие толпы нищих (на Востоке то же можно наблюдать и в наше время — см. рпс. № 67) бродили повсюду, где скоплялся народ — у храмов, на рынках, у городских ворот — и передвигались из города в город. В городах Базеле, Ульме, Нюрнберге, Франкфурте и др. существовали особые цехи нищих, состоявшие из нескольких сот членов каждый. Эти цехи старались уничтожить конкуренцию со стороны припленных нищих, не допуская их на панерти храмов и в общественные места.

Мещане.

Работоспособное население города состояло не только из ремесленников и торговцев, но также из многочисленных местных старожитов, называвшихся, просто, горожанами или, в России „мещанами“. Мещане произошли из прежних мелких землевладельцев, или независимых крестьян, имевших участки земли в пределах городской черты. Постепенно, с экономическим развитием города, это зависимое крестьянство превра-

Рис. 67. Хор диванов. (Картина Верещагина).

тилось в свободных городских поселенцев. Вначале они занимаются земледелием, но, по мере увеличения земельной тесноты, заставлявшей горожан распахивать угодья под огороды или занимать их под постройки, мещане переходят к огородничеству или сдаче в наем своих небольших домиков. Редкий из них знает какое-либо ремесло. Дороговизна жизни заставляет их хвататься за все то, что может дать заработок. Из них пополняется кадр мелких торговцев и низших городских служащих (ночных и рыночных сторожей и пр.), а также ряды городского войска. ●

Кроме горожан-мещан в городе продолжают жить крепостные, составлявшие движимое имущество помещичьей усадьбы-двора в пределах городской территории, и значительное количество городского населения, продававшего свой труд различным нанимателям. В половине XV столетия в западно-европейских городах было уже не мало женской прислуги и чернорабочих.

По своему социальному составу население феодального города было необычайно пестро. На ряду с феодалами, в нем жили купцы, ремесленники, горожане (мелкие земельные собственники), вольнонаемные рабочие и крепостные. Прибавить сюда духовенство, волнов, нищих и проституток — и мы получим полную картину городского населения той эпохи.

IV. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

ЭПОХА ТОРГОВОГО КАПИТАЛА.

204 и 2.

Училищ

1. РАЗВИТИЕ ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА.

Как ни устойчиво было то естественное „районирование“ городских центров, которое сложилось в эпоху феодализма, тем не менее районные города не могли существовать без торговой связи друг с другом. Некоторые виды производства могли развиваться только в определенных районах (суконное производство, добыча руды и т. д.), так что волей-неволей приходилось

Ярмарка.

Рис. 68. Ярмарка.

с этими районами связываться и входить в обмен. Так как потребность в изделиях иногороднего производства не была слишком острою, то купцы принаравливали свои поездки к наиболее удобному времени года, когда дороги сухи и реки полноводны. В центры, где пере-

крещивались торговые пути из различных местностей. приезжало множество купцов со своими товарами и здесь заключали сделки на целый год. Так возникли ярмарки (см. рис. № 68), имевшие не только местный, но и международный характер. Начиная с XII века, ярмарочная торговля в Западной Европе делается важнейшим экономическим фактором. В каждой стране были свои ярмарки, но особенно славилась ярмарка в Шампани (Франция), привлекавшие купцов со всей Европы.

Развитие денежного обращения.

Развитие торговли, как городской, так и международной, приводило к развитию денежного оборота. Многие товары (главным образом, иноземные) можно было приобрести только за деньги. Между тем денег, вообще, было мало, так как добыча золота и серебра находилась в жалком состоянии. Больше всего металлических денег обращалось в международной торговле и скопилось в руках купцов, торговавших с границей. Для нужд внутреннего оборота оставалось совсем незначительное количество монет. Потребность же в них и у горожан, и у феодалов возрастала.

Из горожан более всех других нуждались в деньгах те торговцы, которые вели междугородскую торговлю. Партии товаров иногда в течение целого года передвигались с одной ярмарки на другую, пока раскупались потребителями или мелкими торговцами. Такой медленный процесс обращения капитала требовал для ведения торговых операций больших сумм.

Феодалам деньги требовались для различных целей. Не говоря уже о личных потребностях феодалов и их дворов, нуждавшихся в ремесленных изделиях городов или в заморских товарах, которые могли быть приобретены только за деньги—феодалам постоянно требовались деньги для ведения войн и содержания войск. Уплата городами налогов в денежной форме оказывалась недостаточной для удовлетворения потребностей феодалов. Приходилось прибегать к другим способам добывания денег—к займам. У кого же могли занимать феодалы? У торговых гостей, которые, прекратив торговлю товарами, начинали торговать деньгами. Во внешней торговле металлические деньги появились в обращении в то время, когда городской рынок еще довольствовался натуральной формой обмена. Поэтому иноземные купцы, особенно те из них, которые вели свои операции в течение многих лет, оказывались обладателями большого количества драгоценных металлов. Многие разбогатевшие торговые гости прекращали

торговлю, когда приходила старость. Дело в том, что заморская торговля была в то время очень опасной. Торговые караваны часто подвергались нападениям разбойников, которые не только грабили купцов, но и лишали их жизни. По морям плавали шайки пиратов, по дорогам бродили банды разбойников; феодалы из захолустных замков также занимались охотой на купцов.

В иноземных городах, куда купцы привозили свои товары, торговли и жизнь купцов находились под постоянной угрозой. На торговых гостей смотрели, как на скрытых врагов. Им отводили особые кварталы на окраинах города, чтобы можно было за ними следить и, в случае необходимости, предупредить задуманное ими нападение. Боязнь горожан перед торговыми гостями выражалась в том, что торговым гостям запрещалось иметь при себе оружие. Эта мера была не только стеснительна для иноземных купцов—она делала их совершенно беззащитными; разбойники нападали открыто днем на людей в нескольких шагах от городской стены, а по ночам разбой бывали постоянным явлением и в стенах города. Купцам приходилось принимать меры для ограждения своей безопасности; они тайно привозили с собой оружие, так как нападения на кварталы купцов-иностранцев не были редкостью. Жизнь торговых кварталов в иноземном городе была в сущности жизнью военного лагеря, который должен был быть постоянно готовым к отпору неприятеля. Немало купцов погибло во время различных народных возмущений, когда городская знать, чтобы спастись от народной ярости, указывала на иноземных гостей, как на виновников всех бед. Неудивительно, что, достигши преклонного возраста и скопив кругленькую сумму, торговые гости прекращали заморскую торговлю и переходили к другим видам предпринимательства.

Какие же виды предпринимательства были открыты для торговых гостей, имевших большой капитал? Ростовщичество. При наличии большого спроса на деньги, естественно, должна была возникнуть торговля деньгами.

Ростовщичество.

Легенды и рассказы о ростовщиках рисуют их всегда исхудалыми стариками, скрягами, которые сидят на громадных сундуках золота. В этих рассказах следует отметить всюду подчеркиваемую старость ростовщиков. Старость, действительно, была одной из причин, почему эти люди предпочитали спокойную жизнь ростовщика опасной и богатой неожиданностями жизни

торгового гостя. Была и еще одна причина, заставлявшая торговых гостей переходить к занятию ростовщичеством. Медленность обращения капитала, вложенного в иноземную торговлю, приводила к тому, что прибыль попадала в руки купцов только через год—два. Правда, эта прибыль была очень велика и достигала нередко ста, двухсот и более процентов; но за то как много неожиданностей стояло на дороге у торгового гостя! Между тем, торговая прибыль стала уменьшаться, по мере того, как развивалось местное ремесленное производство. Многие товары, привозимые из-за границы, стали производиться во внутренних городах страны, цены на эти товары падали. Высота торговой прибыли объяснялась монопольным положением торговцев на рынках. Эта монополия создавалась или естественно—вследствие отсутствия местных товаров,—или искусственно—путем сдачи на откуп купцам исключительных прав на торговлю определенными товарами. С развитием местных ремесел количество предлагаемых на рынке товаров увеличилось, что вело к понижению цен. С уменьшением торговой прибыли падал у купцов и интерес к заморским торговым операциям: торговать можно было ближе и безопаснее. Еще проще было пустить деньги в рост. За денежные ссуды взимались громадные проценты. Иначе и быть не могло: торговля деньгами должна была дать собственнику этих денег не меньшую, а большую прибыль, чем прибыль от торговых операций. Мы видели выше, как велика была эта прибыль; не удивительно поэтому, что процент, взимаемый за предоставление денежного займа, достигал 200 и больше процентов.

Главными клиентами ростовщиков были феодалы, которые рассчитывали погасить ссуду удачной войной или повышением налогов. Грабеж населения во время войны давал возможность феодалу полностью расплатиться со своими кредиторами. Войны сделались более частыми; но скоро поблизости грабить было некого,—феодалам пришлось предпринимать далекие походы, иногда многолетние, чтобы иметь возможность погасить долги и получить необходимые средства для ведения прежней роскошной жизни. В случае неуплаты ссуды в срок, размер ее повышался от начисляемых процентов, достигая поистине колоссальных размеров. Один английский аббат (священник) занял для перестройки монастыря у ростовщика 27 фунтов стерлингов; через 4 года ростовщику пришлось отдать 880 фунтов... Военное счастье, говорят, переменчиво. Эту поговорку твердо усвоили себе ростовщики, и в ответ на обещание

феодала уплатить деньги после удачной войны, требовали более солидных гарантий. В виде обеспечения, феодалы принуждены были передавать ростовщикам те доходы, которые поступали к ним от баналитета, налогов и прочих доходных статей. Для контроля за поступлением налогов ростовщик назначал своего уполномоченного или просто откупал сбор доходов на определенное время. Так возникли „откупа“, т. е. передача феодалами своих доходов другим лицам за плату.

В обеспечение поступали не только налоги, но и другие виды дохода, например, земельная рента в городах, судебные пошлины и прочее. Задолженность некоторых феодалов была так велика, что часто все их доходы оказывались уступленными ростовщикам; в обеспечение новых ссуд нельзя было дать никакого другого залога кроме земельной собственности. Земля стала закладываться прежде всего в городах: здесь легче было контролировать поступление доходов с нее. Ростовщики избегали принимать в заклад поместья и другие земельные владения, находившиеся вне городской черты, так как, в случае неуплаты должником ссуды, им пришлось бы организовывать хозяйство на взятых за долги землях. Эти операции были тяжело-весны и весьма сложны. Ростовщик предпочитал получать свой процент, не особенно напрягая ни умственных, ни физических сил. Если земля все-таки шла в заклад и переходила за долги к ростовщикам, то она тотчас же делалась предметом дальнейшей купли-продажи и меняла десятки владельцев, прежде чем окончательно закрепилась за каким-либо владельцем.

В обеспечение шли также драгоценности, украшения и другие ценные предметы. Выдача ссуд под обеспечение стала раньше всего применяться в городах северной Италии, в Ломбардии, где ростовничество раньше всего развилось. В XI веке многочисленные ростовщические семьи в Венеции, Милане, Турине занимались выдачей денежных ссуд под обеспечение и поэтому такой вид ссуд стал называться „ломбардным“, а ростовщические дома „ломбардами“.

Ломбарды.

В XI—XII столетия на Западе ростовщиками оказывались или торговые гости, или иноземные купцы, прибывшие с Востока—главным образом евреи; занимались ростовщичеством также и церковные организации. Церковные налоги — „десятина“—взимавшиеся с крестьян, шли на удовлетворение

Церковь в роли ростовщика.

непосредственных нужд церквей и их служителей. „Десятина“ взималась в натуральной форме, которая не располагала к накоплению излишков. С появлением городского рынка и вовлечением деревни в товарооборот, сельско-хозяйственные продукты получают сбыт в городе. Для церкви появилась возможность превращать остатки от десятины в деньги, и деньги пускать в оборот. Рост церковных имуществ и земельных фондов делается источником церковных доходов. Десятина, превращавшаяся в деньги, привела к накоплению больших денежных капиталов у монастырей, церквей и, в особенности, у центральной церковной организации — папства, которое брало в свою пользу определенную часть всех местных доходов. Громадные капиталы, накопившиеся в церковных организациях, не лежали втуне. Церковь избегала приобретать на них товары. Торговля была делом кропотливым, требовала большого организаторского таланта и постоянного личного участия церковных служителей в торговых операциях. Поэтому церковь предпочитала торговать деньгами. Самыми частыми клиентами церкви оказывались, конечно, феодалы. В обеспечение шло имущество феодалов, настоящие и будущие их доходы, но еще чаще церковь взамен своих ссуд получала новые льготы и привилегии. За поступлением причитающихся от должников взносов церковь не могла сама уследить; папы и отдельные церковные ростовщики передавали по этому свои права особым уполномоченным. Чаще всего такими уполномоченными были зарекомендовавшие себя опытными банкирами (торговцами деньгами) итальянские ростовщики, которые стали вести операции настолько удачно, что им же был поручен церковью сбор всех налогов, которые причитались в ее пользу, в том числе и десятины. Привыкшие иметь дело с деньгами, но не с товарами, банкиры, естественно, тяготились натуральным характером десятинной повинности. Всюду, где это можно, они переводили ее в денежную форму и тем самым заставляли крестьян сильнее связаться с городом для продажи там своих продуктов и для уплаты денег за десятину.

20

Кредит.

Так развивалась торговля деньгами, которая вовлекала в свой оборот не только крупных земельных собственников — феодалов, но, косвенным образом, и крестьян. Рост денежных операций не остался без влияния и на горожан. Ссуды брались не только на феодальные войны или личные потребности феодалов; деньги пужны были и для торговли. Торговцы, бравшие

ссуды, обеспечивали их своими товарами или домашним имуществом. Чаще всего торговцы брали ссуды у родственников, находившихся в одной и той же торговой гильдии; неудивительно, что ссуды давались и без всякого обеспечения „на веру“, в кредит — под расписку или даже под честное слово. Расписки или векселя, выдававшиеся торговцами, были почти исключительно именованными. Они не могли никому передаваться. При незначительном количестве денег, имевшихся в обороте и при постоянно развивающейся торговле, кредит во всех его видах должен был быстро расширяться. Он возник не только в денежной форме (в виде денежных ссуд), но и товарной (в виде уступок товара для продажи, с последующим расчетом между сторонами по мере реализации товара), а также в виде выдачи сырья для переработки его в готовые изделия и последующей продажи их на рынке. Этот вид кредита развивается, главным образом, в отношении ремесленников.

Под давлением цехов, старавшихся обезопасить себя от возможной конкуренции между ремесленниками, городские управления вводили в XI—XII веках известные ограничения при продаже ремесленных изделий на рынках. Сбивать изделия мог только сам ремесленник; не только посредник-купец, но даже и жена ремесленника не имела права продавать на рынке его изделий. Тем самым производители приводились в соприкосновение непосредственно с потребителями, и посредничество устранялось. Но на том же городском рынке допускалась и посредническая торговля изделиями тех ремесел, которые не были развиты в данном городе. Такие ограничения в торговле были терпимы лишь до тех пор, пока рынок был районным. С расширением городского рынка ограничения торговли мешали и самим ремесленникам. В начальной стадии развития города, ремесленник производил, главным образом, для местного городского потребителя. Нередки были случаи работы на заказ, когда заказчик давал ремесленнику свое сырье. За работу ремесленник получал плату, размер которой устанавливался городским управлением и цехом. Как только крестьяне стали чаще наезжать в город для продажи своих продуктов, значение для ремесленника городских заказчиков падает: крестьяне делаются более значительными потребителями изделий городского ремесла. Во вкусам своих деревенских потребителей ремесленник приравнивался, — он хорошо изучил те требования, которые предъявляли к его изде-

История

Организация
сбыта реме-
сленных
изделий.

лиям крестьяне—и, тем не менее, готовый товар часто оставался не проданным...

Работа на
рынок.

Работа на рынок значительно отличается от работы на непосредственного городского заказчика; вынося свои товары на рынок для продажи, ремесленник подпадает под действие законов рынка, закона спроса и предложения. Ремесленник никогда не мог заранее учесть возможного спроса, по той причине, что крестьяне приезжали в город не только тогда, когда им нужно было купить что-либо из продуктов городского ремесла, но и тогда, когда им необходимо было продать свои продукты для уплаты налогов и пошлин. Количество приезжавших в город крестьян не давало ремесленнику никакой ориентировки, так как он не знал, для чего они продают свои продукты,—для того ли, чтобы уплатить налоги, или для покупки городских обнов.

Большие с'езды крестьян были приурочены, главным образом, к праздничным дням, и ремесленник старался заготовить возможно больше товаров к праздничным базарам. Он знал, что следующий с'езд будет не так скоро и ему необходимо продать как можно больше товара. Для того, чтобы приготовить много изделий, необходимо было и большое количество сырья. Когда ремесленник работал на горожан, спрос на его изделия был ровен и постоянен; цеховые организации полностью снабжали всех своих членов сырьем, закупая его оптом и распределяя потом между членами цеха. Но, когда каждый из ремесленников выбивался из сил, чтобы заготовить наибольшее количество товаров к определенному базару, цехи оказывались бессильными удовлетворить возросший спрос на сырье со стороны отдельных мастеров. Ремесленникам приходилось самостоятельно покупать сырье. У большинства мастеров свободных денег не было, спасти могла только ссуда — товарная (в виде отпущенного в кредит сырья) или денежная (для покупки этого сырья). Получение товарной ссуды не всегда устраивало ремесленника. Как ни изворотлив был мастер, но изготовленные им товары частенько не бывали распроданы целиком во время праздничного базара, а между тем ссуду необходимо было погасить в срок... Сырье вернуть обратно было нельзя, — из него уже были сделаны готовые изделия; следовательно, приходилось расплачиваться деньгами или отсрочивать ссуду на неопределенное время.

Товарная
ссуда.

Если ссуду нельзя было получить в виде товарного кредита, ремесленник обращался к ростовщику. В таких случаях неполная распродажа товаров захлестывала петлю на шею мастера. Что же бывало, если весь товар оставался на руках у мастера? В таком случае положение ремесленника было крайне тяжело. Ему приходилось или отсрачивать ссуду (с начислением „приличных“ процентов в пользу кредитора) или уступать заимодавцу за долги свой товар, который кредитор самостоятельно реализовал на рынке. Не спасала ремесленника и осторожность: если учитывая возможность ограниченного спроса на свои товары, ремесленник производил их в ограниченном количестве, то он еле сводил концы с концами...

Нормальная жизнь ремесленника могла продолжаться только в том случае, если сбыт товаров шел ровно. Его оборотный капитал был совсем незначителен, а запасной заключался обычно в чулке жены или какой нибудь кубышке, куда хозяйка складывала деньги, оставшиеся от заработка мужа, „на черный день“. Такие денежные ресурсы оказывались совсем недостаточными. Достаточно было двух—трех неудачных базаров, чтобы мастер оказался разоренным. Вот почему, даже сравнительно хорошо ведущий свои дела ремесленник не мог обойтись без торговых посредников, которые брали на себя продажу его товаров, скидывая конечно, с их цены определенную сумму в свою пользу. Комиссионная продажа оказывалась одинаково удобной и для ремесленника, и для торговца. Торговый посредник, конечно, не меньше ремесленника подчинен законам рынка, но он может переждать уменьшение спроса, так как располагает более значительным оборотным капиталом. В случае же, если спрос в данном городе явно недостаточен и не улучшается в течение долгого времени, торговец везет свои товары на другие городские рынки. Так возникает торговое посредничество при сбыте ремесленных изделий.

Если ремесленник производит свои товары для иногороднего рынка, то тут ему совсем уж не обойтись без торгового посредника. С развитием торгового посредничества, ремесленник совершенно отдалается от потребителя: он его не видит, и только через торговцев узнает об изменяющихся вкусах и потребностях покупателей. Торговец лучше его учитывает вкусы потребителя и возможный спрос. Если он имеет большой оборотный капитал, то часто выступает по отношению к ремесленнику в виде заказчика, заказывая

Торговое
посредни-
чество.

ему партию товара, который тот изготавливает из доставляемого торговцем сырья. Ждать, пока все товары будут проданы на рынке, ремесленник не может; поэтому посредник выдает ему аванс, размер которого колеблется, но никогда не достигает действительной стоимости всего товара. Система авансов окончательно закабляет ремесленника. Он никогда не знает, на какую часть аванса торговец успел продать товар и какая часть аванса является для ремесленника чистым долгом.

Работа на рынок и продажа ремесленных изделий через посредника не всегда связаны друг с другом. Они являются неизбежным исходом только для тех ремесленников, которые не обладают достаточным оборотным капиталом. Наиболее богатые ремесленники предпочитают самостоятельно выступать на рынке даже в том случае, если рынок находится довольно далеко от города, где они живут.

90
Посредничество
отдельных
цехов.

Из предыдущего изложения можно было создать представление, будто бы все ремесленники непосредственно сталкивались ранее со своими потребителями. Это далеко не так. Многие ремесленники, работавшие непосредственно над выделкой сырья, не производили окончательно отделанного товара, а лишь полуфабрикаты и никогда своего потребителя не видели. Полувыделанные товары они передавали другим ремесленникам, только после работы которых товары доходили до потребителя. Так, например, ткачи шерстяной материи, выработывавшие ткани в грубо-отделанной форме, никогда не сталкивались непосредственно с покупателями. Их товар шел сначала к красильщикам, которые также не имели связи с заказчиками, а от красильщиков переходил к подстригальщикам (стригольникам) — и только после окончательной отделки подстригальщиков сукно достигало потребителя. Каждая из отдельных операций по выделке полуфабрикатов была сосредоточена в отдельном цехе. Ремесленники, изготавливавшие полуфабрикаты, ждать окончательной продажи товаров не могли. Поэтому последнее цехи или, вернее, мастера последнего цеха, берущего у предыдущих цехов товары, производили с ними расчет или полностью, или в виде аванса. Ремесленник, подготовивший какое либо изделие, но не закончивший его отделки, оказываясь в таком же положении по отношению к цехам, продававшим эти товары на рынках, как и те ремесленники, которые продавали свои товары через торговых посредников.

Отделочный цех платил всем предыдущим цехам за произведенную ими работу, поэтому за окончательную выделку товара могли браться далеко не все ремесленники: эти виды ремесла требовали значительных капиталов и непосредственно переходили в торговлю и предпринимательство. В XII — XIII столетиях очень трудно было отличить, где кончается ремесленник подстригальщик, и где начинается торговец сукном — обе профессии соединялись в одних и тех же лицах.

В предпринимателей и торговцев превращались и отдельные, наиболее богатые мастера различных цехов. Они брали у других членов цеха их изделия и продавали на рынке вместе со своими. Если они имели значительный оборотный капитал, то пускали его в оборот, выдавали ссуды, (за которые получали проценты не ниже ростовщических), раздавали авансы и превращались в предпринимателей-заказчиков, делая более бедных ремесленников простыми исполнителями.

Ремесленники не имели возможности бороться экономически ни с системой заказов, ни с системой посредничества, ни с системой аванса. Устанавливаемые городами таксы за ремесленные изделия несколько не помогали ремесленнику-производителю и не спасали его от различных торговых потерь. В большинстве случаев, эти таксы использовали торговцы.. Материальное же положение ремесленника и его семьи только ухудшалось. Ремесленник всеми силами пытался понизить себестоимость изделий, чтобы даже при низких ценах на продукты своего труда иметь возможность существовать. Понижение себестоимости изделий возможно двумя способами: 1) активное понижение состоит в новых технических улучшениях, упрощающих труд, сберегающих рабочее время и дающих возможность в течение более короткого времени выработать большее количество товаров; но есть и 2) пассивное понижение себестоимости, заключающееся в повышении человеческой эксплуатации, в увеличении рабочего дня, в понижении заработной платы.

Ремесленная техника, искусственно раздробленная по цехам, плохо поддавалась нововведениям. В ней почти невозможно было ввести улучшенных приемов, которые могли бы упростить или сберечь труд. Ремесленные способы производства в XII — XIII столетиях пришли уже в разительное противоречие с общественными потреб-

Увеличение
эксплоатации
подмастерьев
и учеников.

ностями, которые требовали массового производства, между тем как техника в ремесленном производстве была обречена на застой. Мастера удлинляли рабочий день своих подмастерьев, ухудшали питание подмастерьев и учеников, наконец, увеличивали количество учеников и сроки их обучения — для того, чтобы понизить себестоимость своих изделий. Все эти меры, однако, не давали желаемых результатов, потому что подмастерья были слишком тесно связаны с семьей мастера: ухудшить питание подмастерьям можно было только в том случае, если одновременно ухудшалось и питание семьи мастера.

Для устранения таких неудобств мастера переводили всю натуральную часть заработной платы подмастерьев в денежную. Подмастерья стали получать поденную заработную плату, из которой они должны были и питаться, и одеваться, и нанимать себе помещение. Натуральная же часть заработной платы была сведена к небольшим подаркам, которые мастер делал два—три раза в течение года.

Себестоимость ремесленных изделий, вследствие принятых ремесленниками исключительных мер, действительно, несколько понижалась, но положение ремесленников все-таки от этого не улучшилось, так как между ними усилилась конкуренция, да и, кроме того, отдельный мастер не в состоянии был бороться с торговым капиталом (предпринимателями — скушщиками), приобретающим его изделия. Не имея возможности активно бороться с торговым капиталом, цехи идут по линии все увеличивающихся ограничений, по линии монополюльной исключительности. В монополии они видят спасение против разрушительного экономического процесса.

Ограничи-
тельная
политика
цехов.

Цехи вводят ограничение для получения подмастерьями звания мастера. Экзамен, который должен сдать подмастерье, прежде чем сделаться самостоятельным ремесленником, сначала сводился к изготовлению образцового изделия — шедевра. Шедевр отнимал у подмастерья иногда месяц, иногда несколько месяцев, часто даже год упорного труда. Цехи помогали подмастерьям при изготовлении шедевра, предоставляя им материал, который часто был весьма дорог. Например, если дело шло о платье, то необходимо было и золото, и серебро (шитье), и шелковые материи или бархат. Приобрести все эти материалы мог не каждый подмастерье. С появлением ограничений для вступления в цех, подмастерье обязан был приобретать все необхо-

димые материалы для шедевра за свой собственный счет! Часто, обладая умением и выучкой не меньшими, чем у мастера, подмастерье не мог открыть собственной мастерской в течение многих лет, потому что не имел средств для изготовления шедевра. Шедевр принимался „присяжными“ мастерами, т. е. особыми уполномоченными, выделенными для этой цели из состава цехов. С усилением эксплуатации подмастерьев, мастер был заинтересован в том, чтобы возможно дольше удерживать подмастерье в его зависимом положении и не дать ему возможности открыть свою мастерскую. Поэтому „присяжные“ браковали даже хорошую работу подмастерья. В XII столетии в английских цехах нередко разбирались жалобы на то, что присяжные недобросовестно выполняют свои обязанности. Все эти ограничения относились только к лицам, приходящим со стороны и не принадлежавшим к составу семьи цеховых мастеров. Дети цеховых мастеров, для получения звания мастера, освобождалась от необходимости делать шедевр.

Второй ограничительной мерой, помогавшей усиливать эксплуатацию подмастерьев и подручных, было увеличение количества лет, необходимых для предварительной выучки. Ученичество в начале ограничивалось 3—5 годами, в течение которых ученики настолько подготовлялись, что переходили к более самостоятельной работе подмастерья. В XII—XIII столетиях (в особенности, в XIV) редкий цех сохранял такой непродолжительный срок для обучения. Введено было 8—9-летнее ученичество, но нередко бывали случаи, когда учеников заставляли работать и по 12 лет. Как отмечает М. Н. Покровский, сложность выучки, может быть, требовала 8—9 летнего обучения в золото-серебряном цехе, если ученик готовился к занятию самостоятельно этим мастерством, но если ученик в течение 12—13 лет подготовлялся к тому, как тянуть проволоку, то ясно было, что не выучка требовала такого длительного обучения, не техника производства, а исключительно экономические интересы ремесленных мастеров.

Так как цеховой строй защищал интересы только мастеров, и цеховое представительство ограничивалось представительством хозяев самостоятельных мастерских, то подмастерья и ученики не находили в цеховых организациях никакой защиты. В интересах самосохранения, они образовали особые самостоятельные организации, целью которых была защита против

Союзы под-
мастерьев.

наступления цехов и борьба против самовластия мастеров. Подобные об'единения подмастерьев появились в конце XIII начале XIV столетия в Англии, а в конце XIV столетия мы находим их почти повсеместно: Западной Европе. По форме они напоминали несколько цеховую организацию, т.е. имели свой статут, своих „святых“, которые покровительствовали подмастерьям, имели выборных старост, сшедших за выполнением отдельными членами устава союза и т. д., но по существу это были совсем иного типа организации, чем цехи. После выделения подмастерьев в особые союзы, цехи превратились в организации хозяев. Основной задачей цеха было поддержание монополии ремесла, уничтожение конкуренции между членами цехов и эксплуатация подмастерьев и учеников. Союзы подмастерьев преследовали другую цель — оборонительную, поскольку приходилось отстаивать интересы подмастерьев и учеников против мастеров, а также и наступательную, в виде требования повышения заработной платы, улучшения условий работы, уменьшения рабочего дня и т. д. Если член союза подмастерьев или „братства“, как они назывались, лишился почему либо в данном городе работы и не мог найти ее у другого мастера, ему „братство“ выдавало дорожное пособие для переезда в другой город. Союзы подмастерьев оказывали помощь так же, как и цехи, в случае болезни своих членов, в несчастных случаях и т. д. В своей борьбе против мастеров „братства“ впервые стали применять стачку, которая позже нашла широкое распространение в борьбе труда с капиталом.

Стачки.

Отказ от работы, массовый отказ — одновременно в нескольких мастерских или всех подмастерьев одной мастерской, встречается уже в начале XIV столетия. В г. Лондоне в 1350 году городским властям приходилось улаживать довольно острые конфликты между мастерами сукно-стригальщиками и ткачами с одной стороны и их подручными — подмастерьями и учениками, с другой. Городская власть даже издала особый указ по этому поводу, в котором говорилось: „до сих пор, когда возникали какие нибудь разногласия между мастерами и подручными, последние обходили всех подручных, занимавшихся ремеслом в нашем городе, и вот, по взаимному соглашению, они решали, чтобы каждый из них отказался работать и служить своему мастеру, пока вышеозначенный мастер и его служащие не придут к соглашению. Вследствие этого, мастер сказанного

промысла оказывается в большом затруднении, а народ лишается необходимых для него услуг“...

Так как цеховые организации в то время были прикованы к городской власти, то и борьба цехов против союзных подмастерьев выливалась в ряде насильственных мер городских властей против стачек. Стачки запрещались всячески. В Англии в XV столетии они были объявлены уголовно-наказуемыми, во Франции короли издали специальный ординас (постановление) против стачек всякого рода, при чем для подавления стачек ими употреблялась военная сила. В 1539 году лионскому правительственному уполномоченному были даны неограниченные полномочия по отношению к стачечникам. Он мог присуждать их собственной властью не только к тюрьме и к изгнанию, но даже к пыткам и к смертной казни!

Стачки употреблялись не очень часто, не потому, что союзы подмастерьев боялись репрессий, а потому, что они были обоюдоострым оружием в борьбе подмастерьев против мастеров. Стачки на долгое время лишали подмастерьев работы и истощали союзные кассы; как всякое сильнодействующее средство, стачки возникали тогда, когда все другие способы борьбы оказывались негодными. Союзы подмастерьев были тем зародышем, из которого впоследствии развились профессиональные рабочие организации. Не цехи, а именно эти союзы были зачатками классовых рабочих организаций Западной Европы.

Цеховые организации разлагались. Среди множества цеховых союзов стали выделяться своим экономическим положением наиболее богатые цеховые союзы, которые занимались прибыльными ремеслами (как, например, ювелиры, золото-серебренники и пр.), или те, которые непосредственно соприкасались с рынком и реализовали на нем изделия. Расслаивались и отдельные цехи на 1) мастеров, имевших собственные мастерские, подмастерьев и учеников и 2) рабочих в лице подручных, квалифицированных подмастерьев и неквалифицированных чернорабочих и учеников, интересы которых резко сталкивались с интересами хозяев. Чем сильнее был гнет торгового капитала в отношении ремесла, чем больше попадало ремесленников в кабалу к скупщикам или торговцам, тем сильнее делалась эксплуатация подручных и обострялась борьба внутри цехов.

Расслоение
цехов.

Расслоение
гильдий.

Среди торговцев также происходит расслоение появляется торговая знать. Оптовики и наиболее крупные из розничных торговцев образуют первую гильдию в то время, как весь остальной торговый люд группируется вокруг второй гильдии. Интересы мелких торговцев, стремящихся получить товары на возможно более льготных условиях, сталкиваются с интересами оптовиков, не только являющихся распорядителями товаров, но также и владельцами крупных капиталов, пускаемых ими в обо-

Рис. 69. Купцы оптовики. (Бухара).

рот. „Гости торговые“ и оптовики, с одной стороны, и розничные торговцы, с другой, борются между собой. Арена этой борьбы—городское самоуправление. После удаления из городского управления патрициата, вся городская власть концентрируется в руках богатых торговцев. Первая гильдия чаще всего держит в своих руках бразды правления.

20. с 273-288.

2. БОРЬБА КЛАССОВ В ГОРОДАХ.

Борьба городов за самоуправление.

Пока социальные противоречия среди горожан не особенно обострились, горожане представляли из себя довольно сплоченную группу, выступавшую совместно против феодала—владельца города. Горожане пытались откупиться от феодала, давая обещание платить ему ежегодно определенную сумму налогов; если же такие

попытки не удавались, то горожане поднимали восстание, чтобы превратить город в независимую „коммуну“ (самоуправление горожан). Особенно напряженной была борьба городов с феодалами во Франции. С X и вплоть до XIII столетия продолжалась эта борьба, изобиловавшая массой героических эпизодов. Вот два из них, указывающих и те причины, которые заставляли горожан добиваться свободы.

Рис. 70. Лавка мелкого торговца. (Бухара).

Город Камбрэ в конце X столетия пытался освободиться от власти феодала, но неудачно. Через 100 лет он снова повторяет свою попытку. Пользуясь временной отлучкой своего „сеньора“, жители провозгласили коммуну. Горожане закрыли свои ворота и поклялись не пускать больше „сеньора“ обратно в город. Когда феодал вернулся, ему было поставлено условие: он будет пущен в город только в том случае, если даст обещание признать город коммуной. Феодал, бывший одновременно и епископом, такое обещание дал. Горожане впустили его вместе с дружиной в город и жестоко заплатились за свое доверие: феодал отрекся от своих обещаний... Много горожан было

перебито им и замучено, городская коммуна уничтожена. Через 30 лет горожане снова повторяют свою попытку — возникает восстание, во время которого сеньор-епископ бежит, а горожане объявляют коммуны. Получив военную поддержку короля, епископ возвращается в город и в течение 20 лет „управляет“ жителями, но в 1627 году вспыхивает новое восстание горожан, которое заканчивается их победой, изгнанием епископа из города и выборами свободного магистрата (городского совета).

Коммуна в Камбре просуществовала, однако, недолго. Соседи — феодалы решили помочь изгнанному сеньору и подавили военною силою восстание горожан.

Еще напряженнее была борьба с феодалами французского города Лана (Lan) в конце XI и в начале XII столетия. Город Лан был крупным городом, который находился под властью феодала-епископа, собственника большинства городских земель. Правление епископа отличалось необычайной жестокостью и разнузданностью. Приближенные епископа и другие знатные лица (патриции) открыто разбойничали на улицах города. Прохожие подвергались не только ночью, но даже среди белого дня, опасности быть ограбленными и убитыми. Епископ не боролся с этим злом, кроме того, он обложил горожан большими налогами, и если кто либо не в состоянии был их уплатить, то его бросали в тюрьму. Деньги, получавшиеся от налогов и открытых грабежей, делились между городской знатью (патрициатом) и приближенными епископа. Когда епископ умер и епископская кафедра оказалась временно вакантною (не замещенной), положение горожан ухудшилось: каждый из бывших приближенных епископа спешил награть возможно больше, чтобы к приходу нового кандидата сконить кругленькое состояние. В 1106 году в город был назначен новый епископ, некий Годри. Свою епархию он получил от короля при помощи подкупа и поэтому, конечно, по приходе в город первым делом постарался увеличить тяжесть налогового обложения, чтобы возместить сумму, которую он уплатил королю за свое назначение. С первых же дней пребывания епископа, в городе начались казни и пытки, убийства, которые совершались не только на улицах города, но случались даже в самом кафедральном соборе. Граждане стали волноваться. Волнения вылились в открытое восстание, которое закончилось тем, что горожане предложили Годри или убраться вон из города, или согласиться на введение городского само-

управления, взамен чего соглашались ежегодно платить ему определенную сумму. Видя бесполезность сопротивления, и соблазнившись довольно крупной суммой ежегодных платежей, епископ согласился на установление свободного самоуправления в г. Лане. Однако, через 3 года он снова пытается захватить власть в городе. Сговорившись с французским королем, епископ Годри наскоро собирает своих приспешников, наводняет город в начале пасхальной недели громадным количеством вооруженных людей, пришедших под видом паломников, и подавляет коммуну. Всех главарей городской коммуны он убивает, а граждан облагает новыми налогами. Горожане, однако, не захотели примириться с произведенным епископом переворотом. Наиболее смелые из них открыто говорили на площадях и базарах о том, что необходимо избавиться от жестокого феодала; и вот, в четверг на той же неделе, в городе поднимается страшный шум. Под окнами епископского дворца раздаются грозные крики: „вон, вон!“ Толпа горожан, вооруженная чем попало, занимает соседние здания и осаждает епископский дворец. Дом епископа берется приступом. Годри, переодевшись в платье слуги, спрятавшись в погреб, но его скоро открыли, вытащили на улицу и убили. Вместе с Годри было перебито значительное количество его приближенных; город стал снова свободен.

Другие французские феодалы, боясь, что ланское восстание перекинется и в подвластные им города, объединились и организованно выступили против возмущившегося города. Город был взят приступом. Много жителей было перебито, их дома разграблены. Восстание горожан, тем не менее, не осталось без влияния на последующие судьбы Лана: заместитель Годри на епископской кафедре, боясь новых возмущений, принужден был дать городу Лану свободу, конечно, за довольно крупную сумму постоянных платежей.

Не успела закончиться борьба между горожанами и феодалами, как началась ожесточенная борьба в городах между 1) торговцами-оптовиками, соединившимися с прежними патрициями, и 2) ремесленниками; к ремесленникам примкнула и городская беднота, мелкие торговцы и разоренные торговым капиталом мещане. Наибольшее возмущение ремесленников и мелких торговцев вызывали, конечно, кабальные формы кредита; поэтому при всех столкнове-

Восстания
ремеслен-
ников.

ниях основным требованием восставших является не столько переход городского управления в руки ремесленников и беднейших горожан, сколько уменьшение процентов, взимаемых за денежные ссуды, и установление других форм расчета. Ремесленные революции были оборотной стороной наступления торгового капитала. В Италии восстания ремесленников и городской бедноты начались в конце XIV столетия, в то же время они распространяются в Средней и в Южной Германии, а также в Южной Франции.

Из эпизодов этой борьбы стоит отметить восстание ремесленников против ростовщиков и торговцев-оптовиков в г. Кельне. В 1370—1371 г. цеху ткачей, который имел громадное количество членов в г. Кельне, удалось свергнуть господство торговой буржуазии. На помощь торговым капиталистам пришли ближайšie феодалы. Они победили ремесленников и началась суровая расправа. В Кельгоффской хронике так описывается этот эпизод: „Господа со своими знаменами и с братством ходили по улице и хватали ткачей силой, но они нашли немногих. Ткачи обратились в кротов и залегли под землю. На другой день городские власти проследовали с братствами и городскими знаменами вверх по Проточной улице с трубами и флейтами, и за ними следовало много благонамеренных людей, и где только они могли схватить ткачей, они убивали их тут же на улице. Они отыскивали их и в домах, и в дерквах, и в монастырях. Они не щадили никого: ни старого, ни малого. Зазвонили в колокола у св. Марии bei dem Malzbüchel. Тогда началось бегство. Все, что могло бежать, бежало. Гнали жен и детей ткачей из города вон, и дума взяла себе их наследство, дома и двory, и все их состояние“.

Ремесленные революции были большей частью неудачны не потому, что ремесленники были слабы, а потому что главной и основной целью ремесленников был не захват власти в свои руки, а протест против эксплуатации торгового капитала и ростовщиков; малая активность восставших объяснялась пассивностью их целей.

Подобные революции происходили всюду в ту эпоху, когда торговый капитал начинает разлагать цехи и закабалить ремесло.

На Руси были попытки таких же восстаний. В Новгороде в XV столетии (в 1418 г.) было подобное же неудачное восстание, начавшееся, как будто, без всякого

повода. В летописи рассказывается о том, как некий Степанко напал на улице на боярина Даниила Ивановича „божина внука“ и стал созывать толпу горожан: „Господа, помогите мне против этого злодея“! Судя по тому, как толпа отнеслась к воззванию Степанко, видно, что этот „божин внук“ был одним из ростовщиков (бояре в XIV—XV веках в Новгороде занимались особенно охотно ссудными операциями). Толпа схватила боярина, потащила его на вече и там „казнивши его ранами близ смерти“, бросила с моста в реку Волхов. Когда рыбак, увидевший тонувшего боярина, взял его в свой челнок, толпа бросилась на дом рыбака и разграбила его. Спасшись, боярин велел схватить Степанко и начал его „мучить“, т. е. пытаться. Узнав об этом, горожане пришли в страшное возмущение. „Зазвонили вечером на Ярославском дворе, и на другой день собиралось людей множество, кричали и вопияли много дней: пойдем на этого боярина и разграбим его дом“. Мало-по-малу возбуждение вылилось в попытку погрома не только этого боярина, но и всех бояр вообще. Толпа пошла на Кузьмо-Демьяновскую улицу, разгромила там дом боярина „божина внука“, а также много домов на соседней Яневой улице (аристократическом квартале Новгорода). Бояре перепугались, они бросились к епископу и молили его о вмешательстве. Чтобы утишить народное волнение, бояре выдали толпе обратно захваченного ими Степанко, но этонисколько не успокоило разбушевавшуюся толпу. Она продолжала громить боярские дворы, перешла на Чудинцеву улицу и к Людовицу, а также постепенно стала подбираться и к монастырям, кладовые которых служили боярам для складов их товаров. Затем, толпа перешла в наступление против главного оплота боярства — Прусской улицы, но здесь была отбита. Однако, отбившие нападение толпы бояре не были уверены в своей окончательной победе и решили пойти на мировую. С крестным ходом двинулся их ставленник — „владыко“ на мост через реку Волхов, чтобы разнять дерущихся. Эта вспышка не внесла никакого изменения в социальное положение городских низов в Новгороде, но она показательна тем, что и здесь народное возмущение выливалось в такие же формы, как и на Западе.

На Востоке можно отметить подобные же революции. В г. Бухаре, в 1232 году, ремесленники восстали против феодалов и, в особенности, против торговых капиталистов, взимавших с них громадные проценты за ссуды и закабалявших их различными сделками. Во главе восстания встал экзальтированный ткач

Махмуд из городка Тарабы, в 48 верстах от Бухары. Собрав вокруг себя громадную толпу ремесленников и горожан, он явился в Бухару, где сейчас же вспыхнуло народное восстание, изгнал оттуда хана и его ставленников, перебил часть наиболее ненавидимых народом ростовщиков, а остальных изгнал из города. Восстание было скоро подавлено. Соединившись с ближайшими феодалами, купцы вернулись в город и жестоко расправились с повстанцами.

Повсюду ремесленные восстания протекают почти в одних и тех же формах без всякого плана, без определенных целей, единственно, как протест против непосильного гнета и против нарушения основных устоев цеховой жизни; но, так как экономическое разрушение цехов было неизбежно, то никакие отчаянные попытки ремесленников не могли укрепить распадавшихся организаций. Растущий торговый капитал, при поддержке феодалов, быстро расправлялся с восставшими и еще более усиливался.

3. РАЗЛОЖЕНИЕ НАТУРАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Начало

Рынок для
сельско-хо-
зяйств. про-
дуктов.

Рост городского населения в Западной Европе в XII—XIII столетиях создавал рынок для продуктов сельского хозяйства. Многочисленные города не могли довольствоваться теми сельско-хозяйственными продуктами, которые производились в их пределах. Все больше ввозятся на городские рынки продукты крестьянского хозяйства и усиливается обмен между городом и деревней. Но не только крестьяне ввозят свои продукты в города; и феодалы постепенно начинают сбывать сюда некоторое количество хлеба, льна и шерсти, поскольку потребность в деньгах заставляла их реализовать на городском рынке продукты, получаемые от оброка или барщины. Потребности феодалов настолько разрослись, что не могли быть удовлетворены теми продуктами, которые производились в крестьянском хозяйстве или в их собственных поместьях. Продажа продуктов на ближайших городских рынках была для них необходимостью, так как давала деньги, необходимые для закупки городских изделий.

В сельско-хозяйственных продуктах город нуждался, но это не значило, что горожане готовы были покупать гнилье. Оброчный хлеб, поставляемый крестьянами помещикам, был обычно такого низкого качества, что не только сбывать на городском рынке, но и потреблять

его в своем хозяйстве помещик не мог. Большинство оброков вносилось согласно обычаю, и этот же обычай определял пригодность оброчного хлеба. В Эльзасе существовал такой способ для определения качества оброка. Если помещик сомневался в доброкачественности принесенного ему крестьянами овса, он должен был взять лошадь и в течение трех дней держать ее взаперти без корма. Если через три дня голодная лошадь откажется есть принесенный овес—он признавался негодным... Определение качества вина было еще оригинальнее. Помещик мог отказаться принять только такое вино, которое раз'едало ногу лошади, поставившей ее в сосуд с вином... Поэтому, несмотря на оброк, доставлявший помещику, казалось бы, все запасы, необходимые для его стола, и оставивший значительные излишки, которые можно было бы сбывать на городском рынке, помещик предпочитал, если это возможно, переводить его в денежную форму. Для обмена же с городом помещики получали хлеб иным способом: они увеличивали свои „барские“ запашки (которые в XI—XII столетиях были очень незначительны) и на этих запашках производили необходимый для торговли с городом хлеб.

Хлеб был самым важным предметом торговли помещиков. В течение XII—XIII и даже XIV столетий городской рынок был мало приспособлен к оптовой торговле другими сельско-хозяйственными продуктами. Если на городском рынке и сбывались лен и шерсть, то количество их было очень незначительно, да и то привозилось, главным образом, крестьянами, а не помещиками. Расширение барских запашек требовало усиления барщины, так как все поля помещиков обрабатывались при помощи труда крепостных. В XII—XIII столетия барщина доходила до 3—4 и даже 5 дней в неделю. 2—3 дня, оставшиеся крестьянину для работы на его собственном поле, были, конечно, недостаточны для того, чтобы вполне подготовить землю к посеву и тщательно ее обработать. Земля обрабатывалась на-спех, редко удобрялась и поэтому приносила совсем незначительный урожай.

Если бы в распоряжении крепостных оставалось прежнее количество земли, бывшее до увеличения барских запашек, то, пожалуй, крестьяне, несмотря на понижение урожайности земли, кое-как справились бы с новыми тяготами; но так как для увеличения своих запашек помещик урезывал всячески крестьянские

Расширение
барских
запашек.

Упадок
крестьян-
ского хозяй-
ства.

наделы, оставляя для крестьян худшую по качеству землю и наиболее удаленную от поместья и деревни, то крестьяне остро чувствовали малоземелье. Кроме того, помещики тщательно следили за осуществлением права „мертвой руки“, которое заключалось в том, что, после смерти крепостного, помещик мог взять все его имущество или любую часть. Это право „мертвой руки“ существовало во Франции, в Италии, в Германии и даже в России (в „Русской Правде“ есть статья, определяющая права князя на имущество умершего смерда). Право „мертвой руки“ давало возможность быстро мобилизовать крестьянское имущество, что приводило к еще большей остроте в отношении малоземелья у крестьян.

Аграрные кризисы.

Малоземелье, плохая обработка крестьянских земель имели следствием аграрные кризисы. Если в родовом обществе, при господстве подвального хозяйства, кризис приводил к разорению отдельных семейных хозяйств, то в крепостной общине, при общинной земле, отсутствии собственности на отдельные участки—кризис охватывал целиком всю общину.

В Западной Европе аграрные кризисы начались в половине X столетия—сначала в Южной Франции, затем в Италии, в Германии, и к началу XI века перекочевали в Англию. В течение X, XI, XII вплоть до XV столетия, аграрные кризисы посещали отдельные страны периодически. Тяжелые последствия кризисов одинаково затрагивали и сельское, и городское население. Непосредственным результатом аграрных кризисов были голод, эпидемия и—связанные с ними—и, как отголосок тяжелого положения крестьян, возмущения крестьян против помещиков.

В конце X столетия и в первой половине XI столетия (с 987 года по 1055 г.) из 72 лет 48 отмечены были эпидемиями, которые охватывали не только отдельные области, но почти всю Зап. Европу. Бедствия усугублялись тем, что имевшиеся у помещиков запасы хлеба тщательно скрывались ими в амбарах и в потайных местах; помещики надеялись на повышение цен! Цены на хлеб действительно доходили до небывалых пределов. Современник пишет, что в Южной Франции в конце XI столетия мера хлеба продавалась за 60 золотых, но бывали случаи, когда и за $\frac{1}{6}$ меры

предлагали 15 золотых... Ужасный голод охватил Францию в 1031 году и продолжался до 1033 года. Он начался в Бургундии, потом перешел в юго-западную Францию, но одновременно неурожай и сопряженный с ним голод охватил весь Восток, Грецию, Балканы и Италию. Через несколько лет голод развился в Англии. Картины голода не стоит приводить; достаточно указать, что голод во много раз превосходил последний голод в Поволжье, так как помощи не было ни откуда. Развивалось не только потребление таких животных, которых обычно не ели, например, собак, кошек, ворон, мышей, крыс и пр., но также и трупоедство, и людоедство в громадных размерах. Крестьяне ~~вымирали~~ вымирали массами, а те, которые оставались в живых, бросали свои хозяйства, складывали пожатки на повозки и бежали, куда глаза глядят.

Голод в начале охватил только крестьянское население, но, конечно, он сейчас же отразился и на положении самих помещиков. Лишенные в голодные годы правильного поступления оброков и—вследствие повального бегства населения из голодных местностей—рабочих рук крепостных, помещики оказывались в скверном положении. Помещичьи земли оставались не обработанными. Инвентарь, брошенный крестьянскими хозяйствами, расхищался, селения пустели и многие феодалы, обладавшие большим количеством земли и деревень, после перипетий голода оказывались собственниками совершенно голых пустынных площадей. Недостаток оброчных поступлений заставлял феодалов добывать себе необходимые средства при помощи грабежа. Аграрные кризисы отмечены в истории необычайным развитием больших и малых феодальных войн, во время которых феодалы окончательно истребляли чужие посевы, захватывали скот, жгли постройки, избивали людей. Войска их пополнялись кадрами голодающих добровольцев, а также разным сбродом, который искал легкой поживы. Чем больше росли армии воюющих сторон, тем хуже приходится населению, на которое ложилась вся тяжесть прокормления войск.

Из деревень голод перекидывается в города. Подвоз сельско-хозяйственных продуктов в города прекращался, цены на хлеб непомерно возрастали, вследствие чего беднейшие слои городского населения оказывались не в состоянии его покупать. Так же, как и в деревнях, вслед за голодом в городах появлялись эпидемии, которые косили людей тысячами.

Следом за аграрным кризисом приходил кризис финансовый. Отсутствие поступления каких либо налогов опустошало кассы королей и князей. Ростовщики, ссужавшие феодалов деньгами, лишались платежей по ссудам. Банкирские дома, торговавшие деньгами своих клиентов, прекращали платежи, что разоряло купцов и ремесленников. Никто не верил другому, каждый боялся ссужать деньги и, если у кого либо они были, пытался спрятать их подальше. Кредит, который один давал возможность вести широкие торговые операции при весьма незначительном наличии звонкой монеты, оказывался нарушенным и подорванным на много лет. Все жаждали денег, все их искали, так как видели в них единственное свое спасение.

Так как денег в Европе было мало, взоры устремились в те сказочные страны, откуда купцы привозили золотой песок, шитые золотом и серебром ткани, кованные золотые украшения, драгоценные камни.

Голодные крестьяне, обедневшие помещики, крупные феодалы, банкиры, ростовщики, как светские, так и духовные — все одинаково стремились на Восток. Тяга на Восток создала крестовые походы, которые продолжались более 3 столетий.

Церковь, бывшая самым крупным ростовщиком того времени, сумела придать крестовым походам характер религиозного движения за освобождение „гроба господня“ от „неверных“ турок. Много экзальтированных людей готово было пострадать за эту идею, но еще больше стремились на Восток в ожидании громадных богатств, которые можно было отнять у турок. Свободные крестьяне бросали свои земли, продавали их за бесценок и отправлялись в „святую землю“ в надежде, что там им будут предоставлены лучшие условия жизни, чем в феодальных государствах Западной Европы. Обнищавшие ремесленники и другие слои горожан надеялись на заработки или поживу; феодальное дворянство мечтало о земельных приобретениях и о несметных богатствах; купцы — о восточных товарах и драгоценностях, а все вместе ждали денег и денег...

Результаты крестовых походов не всех удовлетворили в одинаковой степени. Большинство крестоносцев погибло в пути от ран и лишений, и только немногие дошли до Иерусалима. И те, кто достиг цели своего похода, также не все вернулись на родину: часть была перебита на обратном пути. Феодалам удалось захва-

тить большие земельные пространства, но под напором турок, вследствие междоусобных войн, они лишились их так же быстро, как и приобрели. Громадные богатства Востока действительно не оказались мифом. Крестоносцы награбили колоссальные по тому времени ценности, но эти ценности не все были взяты у неверных турок... Крестоносцы грабили и христиан по дороге в „святую землю“, не раз пытались захватить и разграбить Константинополь; во время четвертого крестового похода это им удалось. Вообще, крестоносцы не разбирали вероисповедания того, кто подвергался их грабежам.

Для охраны крестоносцев в пути и для контроля за распределением добычи были созданы специальные организации воинов и купцов, так называемые „рыцарские ордена“. Некоторые из орденов настолько выгодно сумели организовать „охрану“ и контроль, что превратились в обладателей больших капиталов. Были случаи, что „охрана“ на обратном пути сама грабила крестоносцев и отбирала захваченные ими у турок богатства! Но большая часть этих капиталов была создана иным путем. При отправлении крестоносцев в поход, многие отдавали свои ценности на хранение монастырям и церквям. В подвалах храмов и монастырей скоплялась масса драгоценных вещей, золотых и серебряных изделий; так как после первого похода многие из бывших владельцев не вернулись вовсе домой, все богатства остались в распоряжении церквей. Монахи и священство пустили их в оборот. Это обстоятельство способствовало тому, что монахи и духовенство сделались крупными банкирами и ростовщиками того времени.

Особенно отличался ростовщическою деятельностью орден „тамплиеров“ (храмовников), который был создан в начале XII века. Вследствие больших богатств, имевшихся в распоряжении ордена, тамплиеры уже по дороге в Палестину выдавали ссуды феодальным князьям, которые шли в поход, и, таким образом, в походе выполняли функции банкиров. По окончании второго крестового похода тамплиеры еще больше разбогатели. Они открыто занимались ростовщичеством, ссужая свои деньги под высокие проценты. Тамплиеры ссудили в свое время французскому королевскому дому 30.000 ливров для выкупа французского короля Людовика, попавшего в плен к сарацинам во время одного из крестовых походов. Насколько велика была эта сумма, можно судить по тому, что феодалы никак не могли ее собрать. Когда Людовику пришлось заплатить

по счету, он, вместо уплаты денег, постарался избавиться от кредиторов и подверг их гонению. При жизни Людовика деньги уплачены не были. Наследники Людовика разрешили дело совсем просто: орден тамплиеров был уничтожен, а 150 рыцарей, входивших в его состав и не успевших скрыться, были сожжены на кострах, как еретики! Такой способ расплаты с кредиторами не был редкостью в феодальную эпоху. Немало феодалов „погашали“ свои ссуды тем, что захватывали и казнили кредиторов, или натравливали против них городскую толпу в момент народных возмущений, вызванных действиями самих феодалов. Большинство еврейских погромов и различных восстаний против евреев-ростовщиков, совершавшихся в городах Западной Европы в XII, XIII и XIV столетиях, были организованы задолжавшими феодалами.

Результаты
крестовых
походов.

Крестовые походы имели большое значение для всей экономической жизни Западной Европы. Прежде всего, они убили связь с Востоком, заключающуюся в торговле восточными товарами и вывозе на Восток ремесленных изделий западно-европейских городов. Европейские портовые города, как Италии, так и Западной Европы, растут. И ремесленное производство там расширяется. Вторым следствием крестовых походов был приток денег, которые, поцавши в торговый оборот, произвели целую революцию в народном хозяйстве. Денежное обращение проникло не только в город, но и в сельское хозяйство, окончательно подорвав его натуральный характер. Третьим следствием крестовых походов было создание новых потребностей не только у феодалов, побывавших в походах и познакомившихся с восточной роскошью, но и в среде городского населения европейских центров, которые стали также потреблять восточные товары. Наконец, четвертым следствием крестовых походов было влияние их на крестьян, участвовавших в походах в качестве воинов.

Крестьяне-воины, закаленные в боях, не только почувствовали вкус к грабежу, но и стали более свободными. Многие из них за участие в походах получили освобождение от крепостной зависимости. Награбленные в походах деньги они обратили на выкуп земельных участков, которые откупились ими у феодалов в полную собственность. Возвратись в родные деревни, они принесли в них дух свободы; своими рассказами о жизни людей в других странах пробудили у крепостных надежду на освобождение от крепостной зависимости.

Кроме того, накануне крестовых походов многие феодалы, нуждавшиеся в деньгах, отпускали своих крестьян на волю, если те могли заплатить за свое освобождение. Вывозя по мелочам продукты своего хозяйства на городские рынки, крестьяне понемногу скапливали деньги, которые прятались ими в потаенные места. Это небольшое количество денег было основным фондом для выкупа крестьянской свободы. Те же из крестьян, которые не в состоянии были уплатить за свое освобождение сразу, отпускались феодалами на оброк и обязывались платить помещику выкуп в рассрочку в продолжении многих лет.

1294-301/
522/1/100

После крестовых походов рост денежного хозяйства привел к тому, что большинство оброков было переведено в денежную форму. Барщина же кое-где еще сохранялась и крестьяне оставались на прежних своих наделах. В отпускных грамотах того времени поражает нас характерная особенность: все отпускаемые на волю крестьяне брали на себя добровольное обязательство оставаться на прежних наделах: „если мы покинем имение — пишут крестьяне Сент-Обена во Франшкоте в XIII веке — то все наши земли останутся барину“. Это обязательство крестьян вызывалось чаще всего тем, что помещики понижали выкупную плату, если крестьяне соглашались остаться на прежних своих землях. Для помещиков было гораздо выгоднее получить меньшую выкупную плату, чем совершенно лишиться рабочих рук.

Перевод
оброков
в денежную
форму.

Раньше всего заменяется натуральная повинность денежной у крестьян королевских имений. В Англии, например, отмена натуральных повинностей в королевских поместьях произошла в конце XII века.

Один из современников так описывает причины этого процесса: „Первое время после завоевания (завоевания Англии норманнами в XI веке) короли обычно получали доход со своих поместий не золотом и серебром, а припасами, которыми удовлетворяли обычные потребности королевского двора. Те, которым было поручено наблюдать за доставкой припасов, знали, сколько их должны были по установившемуся обычаю доставить с каждого поместья. Чеканенная же монета, предназначенная для уплаты жалованья солдатам и удовлетворения других нужд, получалась в виде судебных доходов короля, а также с тех городов и из тех мест, где не занимались земледелием. Королевские чиновники знали точно, какие именно графства должны доставлять пшеницу, какие различные сорта мяса, фу-

ража для лошадей и другие предметы необходимости. Такой порядок держался вплоть до вступления на престол Генриха I (XII в.). С течением времени Генриху пришлось ездить за море для подавления отдельных восстаний и для покрытия расходов. Около того же времени толпы виллан (крестьян) стали стекаться с жалобами к его двору или, что еще больше его огорчало, встречаясь с ним во время его поездок, приподнимали лемехи своих плугов, показывая тем, что земледелие падает, так как они терпели много лишений от того, что им приходилось возить припасы на далекое расстояние. В виду этого король внял их жалобам и, посоветовавшись с вельможами, назначил лучших людей, каких только мог найти для этого дела, и разослал их во все стороны по своему королевству, чтобы они объехали все мэноры (поместья) и оценили на деньги стоимость натуральных повинностей⁴. Таким образом, ближайшим поводом отмены натуральных повинностей и перевода их в денежную форму были военные экспедиции английского короля.

Влияние крестовых походов, во время которых не только король, но и большая часть всех феодальных владетелей снималась с мест и отправлялась на Восток, должно было сказаться самым радикальным образом на замене натуральных повинностей деньгами.

Фаскрепоще-
ние крестьян.

Во Франции крепостные королевских поместий получили свободу в следующем, XIII столетии. Они были освобождены на своих участках, но за пользование ими обязались платить королю определенную сумму. К началу XIV столетия вся юго-восточная Франция провела освобождение крестьян, которые были превращены в арендаторов тех земель, на которых сидели; в остальной Франции в том же веке все натуральные повинности были переведены в денежную форму. В Германии замена натуральной повинности денежными платежами произошла в XIV веке, но не сопровождалась личным освобождением крестьян.

Одновременно с переводом оброков в денежную форму переводятся на деньги и барщинные повинности. В X—XI столетиях многие помещики для того, чтобы иметь возможность штрафовать крестьян за неаккуратное выполнение барщины, вводили определенные таксы, которыми определялся размер штрафа с неявившихся на работу в помещичьи усадьбы. Богатые крестьяне предпочитали вносить штраф, который был не очень высок, чем лично отбывать повинность. Таким образом, барщина была посте-

менно заменена платежами, размер которых устанавливался на много лет вперед. Так как ценность денег падала, тяжесть платежей для крестьян уменьшалась с каждым годом. Крестьяне охотно шли на перевод барщины в деньги, да и помещик не противился этому. Вместо барщины и оброка крестьяне обязаны были уплачивать „денз“ или „чинш“ за ту землю, на которой они сидели. Этот „чинш“ уплачивался деньгами, но в некоторых местностях частично продолжал вноситься и натурой. Однако, барщина и оброк исчезли не сразу и не во всех местностях одновременно. В некоторых местностях Германии, например, так же, как и в юго-западной Франции, сохранились обязательства крестьян, которые были раньше крепостными, работать на землях помещиков в течение нескольких дней в году: по сравнению с прежней барщиной, отнимавшей у крестьян несколько дней в неделю, разница, конечно, была колоссальная.

Вследствие освобождения крестьян исчезали и некоторые „дурные обычаи“, как их называло крестьянское население Франции. Самым вредным для крестьян в хозяйственном отношении было „право мертвой руки“, о котором мы говорили выше. Когда крестьяне стали вместо оброка и барщины платить деньгами, переход всего имущества крепостного к помещику стал заменяться отдачей только лучшей штуки скота или определенной денежной суммы, которая была в известном соотношении с количеством земли умершего крестьянина.

Отменяется и второе право феодала—право „первой ночи“. Происхождение этого права относится к очень далекому прошлому. При разложении группового брака сохранился кое-где обычай, по которому невеста, считавшаяся собственностью группы родственников, должна была в свадебную ночь отдаваться всем мужчинам данной общины. Со временем этот обычай выродился, и в конце концов сделался привилегией исключительно главы племени или жреца. Феодалы пользовались этим обычаем, так как он служил выражением их власти над всеми женщинами, живущими на зависимой от них земле. Феодал пользовался лично правом первой ночи, если того желал, но мог и отказываться от него за известную плату со стороны жениха или невесты. Когда крестьяне начинают высвобождаться из крепостной зависимости, они, прежде всего, стараются освободить своих новобрачных от этого позорного наследия прошлого и заменяют натуральную повинность взносом денег. Если помещик от-

существовал, то его права переходили к управляющему поместьем. „Кто хочет жениться на дворовых людях—написано в одной из феодальных инструкций начала XIII столетия—тот должен пригласить управляющего, а также его жену; и управляющий должен ссудить жениха котлом, чтобы он мог сварить барана, а также управляющий должен привезти на свадьбу дров, а также управляющий и его жена должны принести четверть свиного жаркого; но когда свадьба окончится, жених должен предоставить управляющему провести с новобрачной первую ночь или должен откупиться 6 шиллингами и 4 пфенигами“.

В конце XIII и в начале XIV столетия в большинстве местностей Франции и южной Германии „право первой ночи“ было пережитком, но насколько оно крепко держалось в более раннее время, видно из массы обычаев, сохранившихся вплоть до XIX столетия. Когда крестьянка—новобрачная ложилась в постель, местный помещик клал одну ногу в эту постель или переступал через нее. Затем, новобрачный обязан был дать помещику приличное угощение или некоторую сумму денег. Из архива конца XV столетия одного швабского монастыря видно, что крепостные Бертлингена выкупали право первой ночи тем, что жених вносил пуд соли, невеста же—1 ф. 7 шилл. или такую сковороду, „чтобы она могла сесть на нее заднею частью“. В других местах невеста вносила помещику в виде выкупной платы „столько сыра и масла, как тяжела и толста была ее задняя часть“. Отрицать существование „права первой ночи“, конечно, продолжают большинство буржуазных ученых, хотя эти яркие и недвусмысленные пережитки должны бы заставить замолкнуть все возражения.

Так происходила замена натурального налога денежным и превращение крепостных крестьян или в арендаторов, или в собственников. К XIII веку почти во всей Западной Европе завершилась первая часть этого процесса, т. е. замена оброка платежами. Что же касается полного освобождения крестьян, то оно встретило много препятствий и задержек.

Наемный
труд в сель-
ском хозяй-
стве.

Крестьянские земли, освобожденные от крепостной зависимости, сделались предметом купли и продажи. Вследствие этого расслоение крестьян шло довольно быстро. Наиболее богатые из них увеличивали свои земельные участки, а наиболее бедные обезземеливались. В Италии и Англии в XIII столетии за крестьянами были оставлены не только те земли, на которых они

сидели, но также и значительная часть помещичьих земель была сдана им в аренду. Однако, помещики не совсем отказались от своих собственных запасок. Если крестьяне совершенно освобождались от натуральных повинностей, то они работали на барских запашках в качестве вольнонаемных рабочих, получая за свой труд поденную плату. Крупные помещики предпочитали пользоваться наемным трудом, чем сохранять барщину. Они на опыте убедились, что барщинный труд крайне непродуктивен. Увеличивавшийся обыв в города сельскохозяйственных продуктов требовал, чтобы эти продукты были качественно хороши и дешевы. Обоим этим требованиям крепостной труд не удовлетворял. Несмотря на кажущуюся „бесплатность“ барщинных повинностей, они обходились в Англии, например, (или в Италии, где раньше, чем в других странах, стал применяться свободный труд на помещичьих землях) очень дорого. Крестьян, согласно обычаю, надо было кормить в продолжении всей работы и по окончании работ устроить им угощение. Стоимость кормежки и угощения была гораздо выше чем заработная плата свободных рабочих, а, между тем, качество крепостной работы оказывалось значительно ниже качества труда свободных.

Вторая причина, заставлявшая помещиков отказываться от барщины (даже в том случае, если они экономически считали ее для себя достаточно выгодной), состояла в том, что после многочисленных войн, голодовок и эпидемий, сельское население значительно сократилось. Недосток рабочих рук чувствовался очень остро, а наличие свободных для колонизации земель приводило к массовому уходу крестьян от тех помещиков, которые сохраняли крепостную повинность. Во избежание переселения крестьян, помещики предпочитали отказываться от барщины и других видов крепостной зависимости, чем совершенно терять рабочие руки.

Разложение натурального хозяйства в Западной Европе происходило в течение XI—XII столетий и почти закончилось к XIII-му. В России же этот процесс совершился значительно позже, и только в половине XVI столетия мы находим те же формы хозяйства, что в Западной Европе в XII-м.

Рост больших городов происходил и в России, хотя с некоторым запозданием и неодинаково интенсивно. Место Новгорода, в половине XVI столетия, окончательно заняла Москва, которая насчитывала в то время

1 205 509.
Разложение
натурального
хозяйства
в России.

до 200.000 человек населения. Как велико было экономическое значение Москвы показывает хотя бы тот факт, что по одной Ярославской дороге через заставу ежедневно везжало в Москву 700—800 возов. Москва не была единственным городом в эту эпоху. В северной и средней России появилась масса мелких городов, каждый из которых имел тысячное население. Для питания городского населения требовалось большое количество сельско-хозяйственных продуктов, что создавало постоянный внутренний рынок для крестьян и помещиков.

Раньше всего этим новым рынком воспользовались монастыри. Они ввозили в города соль, рыбу, масло, скот. Так, например, Соловецкий монастырь продавал ежегодно до 130.000 п. соли. Кириллов-Белозерский монастырь торговал солью, как написано в одной грамоте, „на Двине, и во Твери, и в Торжку, и на Угличе, и на Клинре, и в Дмитрове, в Ростове, и на Кинешме, и на Вологде, и на Белоозере с пригороды и по иным местам: где соль живет поценнее, и они тут и продают“. Даже и мелкие монастыри не отставали от своих собратьев. Монастырская торговля вела не только солью, но и рыбой. Они торговали и другими сельско-хозяйственными продуктами, среди которых наибольшее значение имел хлеб. Немало и крупных помещиков торговали хлебом. Вследствие ограниченного поступления хлеба в города, он служил предметом самой откровенной спекуляции. Вояре барышничали хлебом, взвинчивая его цены в годы неурожая. Таким образом, хозяйство помещиков переставало быть натуральным и переходило к производству на городской рынок.

Большая часть хлеба, продаваемого в городах помещиками, получалась ими от оброка. Вплоть до XV столетия в России преобладал оброк в натуральной форме, а барщины почти не существовало. Помещики предпочитали разбивать свои земли на множество мелких участков, на которых сажали крестьян, обязывая их оброком. В половине XVI века часть повинностей уже вносилась деньгами: в земледельческих районах денежная часть составляла 20 % оброка, в неземледельческих районах повышалась до 75 %. Так как потребности городов в хлебе удовлетворялись не в достаточной степени, цены на хлеб неизменно росли. В течение 50 лет хлеб увеличился в цене почти в десять раз. Это толкало помещиков на увеличение оброка. Но величина оброка определялась обычаем и повысить его было не легко. Для того, чтобы увеличить количе-

ство хлеба, которым можно было торговать, помещики расширяли барские запашки. В новгородской земле барские запашки в течение половины столетия увеличились не меньше, чем в 5 раз. Обработка боярских земель производилась руками холопов—„страдающих людей“, но количество холопов было невелико. По отношению к крестьянам холопы не составляли и 10%. Поэтому, те возможности, которые открывались помещику в применении труда холопов, были крайне ограничены. Необходимо было изыскивать новые рабочие руки.

Помещики жадно захватывали под пашни все пустоши, при чем забирали и сельские пустоши, и выморочные крестьянские дворы. В поисках рабочих рук для своих запашек, помещики, естественно, приходили к усилению барщины. И здесь первыми, пожалуй, оказались монастыри. Они ввели барщину взамен оброка. Барщина вводилась в своеобразной форме, и размер ее соответствовал земельному наделу, на котором крестьянин сидел. На каждые пять десятин своей земли крестьяне обязаны были запахать одну десятину земли монастырской. Вслед за монастырями тянутся и остальные помещики,—сначала наиболее крупные из них, у которых хозяйство было трехпольным. Барщина состояла не только в запашке помещичьих земель: крестьяне должны были распахать землю, увозить ее за свой счет и собрать урожай. Появившись в наиболее крупных хозяйствах и на монастырских землях, барщина проникает и в мелкие хозяйства, так что к концу XVI века барщинная обработка помещичьих земель была в России преобладающей формой.

Развитие денежного хозяйства в городах совершенно перестроило отношение деревни к городу и отразилось не только на крестьянах, но и на феодалах. На Западе развитие денежного хозяйства было вызвано увеличением потребностей класса феодалов; среди этих потребностей преобладали военные. И в России потребности феодалов оказали решающее влияние при развитии денежного хозяйства. Военная служба, отправляемая феодалами, была очень разорительна для них. От несения ее разорились не только мелкие землевладельцы, но и крупные. Чем больше был боярин, чем больше было у него войска, тем богаче он должен был держать свой двор. Расходы по содержанию дружины возрастали по мере знатности боярина. Между тем, доходы от боярских поместий, которые держались на оброках,

Появление
барщины.

не только не увеличивались, но с каждым годом падали. Величина оброка оставалась прежней, в то время как потребности феодала и количество обслуживающих его людей росли. Попытки перейти к барщинной обработке полей давали хороший результат только в том случае, если боярин сам принимал участие в ведении своего хозяйства и сам наблюдал за сбытом хлеба в городах. Немногие бояре считали такое дело достойным для себя... Они совершенно не интересовались своим хозяйством, возлагая ведение его на наемных лиц или бывших дворовых. При нежелании же „хозяйствовать“ и при отсутствии коммерческих способностей разорялись, как раз, наиболее крупные бояре.

Так же как на Западе феодалы, бояре старались поправить свои дела займами и окончательно запутывались. В половине XVI столетия был следующий случай. Царь Иван IV просватал дочь одного из знатнейших бояр, князя Горбатого-Шуйского за князя Мстиславского. И, вот, оказалось, что матери невесты не в чем выехать на свадьбу, так как ее муж, отправляясь на царскую службу, т.-е. наряжая себя и дружину к походу, заложил все, что только можно было заложить—в том числе и весь женин гардероб.

Осточные походы.

Не имея возможности поправить свои дела при помощи улучшения хозяйства, всюду задолжавшие бояре постоянно мечтали о военных походах. Военным настроением бояр заражались и горожане, да и крестьяне не прочь были пойти в поход, так как положение их ухудшалось по мере развития барщины, и война для многих казалась лучшим исходом. Городское население мало страдало от войн, которые велись на окраинах России, где и городов почти не было. А купечество определенно выигрывало от них: приток новых товаров с Востока (в особенности денег) оживлял торговлю и приносил большие барыши. Как на Западе из этой тяги на Восток развились крестовые походы, так и на Руси увеличившиеся потребности бояр и рост торгового капитала привели к восточным походам Ивана IV. Эти походы ускорили процесс первоначального накопления и создали базу для развития торгового капитализма в России, но они же расширили и пределы московского государства, давая возможность многим захудалым боярам поправить свои дела земельными приобретениями. Захват Казани открыл путь на Восток, принес много богатства феодалам, участвовавшим в походах; он пополнил и сундуки ростовщиков. А покорение Астрахани передало

в руки московского государства прямой путь в Персию, с ее обильным рынком восточных товаров и громадными местными богатствами.

Если крестовые походы на Западе ускорили процесс высвобождения крестьян, то восточные походы в России оказали как раз обратное действие. После них барщина в России не только не уменьшается, но увеличивается. Положение крестьян делается все более тяжелым и создает почву для возмущений и восстаний.

Одной из главных причин, вызвавших закабаление русских крестьян после восточных походов, был острый недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве. Однако, и в Западной Европе раскрепощение крестьян не прошло так гладко, как можно было ожидать, судя по началу этого процесса. Не прошло и 100 лет с начала замены натуральных повинностей денежными, как картина положения крестьян резко изменилась. Процесс раскрепощения сначала замедлился, а потом пошел на попятную. Это попятное движение в развитии общественных форм так характерно, что на нем придется остановиться подробнее.

1305-309!

в 1306 году!

4. РЕЦИДИВЫ КРЕПОСТНИЧЕСТВА.

Возврат крепостничества был вызван двумя основными причинами: 1) ростом городов, куда массами уходили крестьяне, освобождаемые от крепостной повинности, и, вследствие этого, недостатком в сельском хозяйстве рабочих рук; и 2) новыми аграрными кризисами.

Аграрный кризис XIV столетия.

Несмотря на замену натуральных повинностей денежными, в большинстве местностей Западной Европы положение крестьян почти не улучшилось. Отсутствие сельско-хозяйственного инвентаря и недостаточное количество скота приводило к плохой обработке земли и к частым неурожаем. Крестьяне голодали периодически. В течение XIII и XIV столетий голодовки охватили громадные районы; так, например, в Англии в течение XIII столетия отмечено 7 больших голодных лет (1257, 1258, 1259, 1271, 1294 годы); в Германии за 75 лет (1326 по 1400 год) было 32 года голодных! Почти каждый голод вызывал развитие эпидемий, для распространения которых была подготовлена хорошая почва, вследствие недостаточного питания населения. Эпидемии начинались в деревнях, потом переходили в города и замки.

Самой ужасной эпидемией была чума или „черная смерть“, как ее называли, разразившаяся в Европе в 1337 году и продолжавшаяся по 1350 год. Она была занесена в Европу из Азии на торговых судах; появилась сначала в портах Средиземного моря—в Мессине, Генуе, Амальфи (Италия)—и быстро распространилась на побережья, а затем и в центральных областях Италии и Испании. К 1338 году чума перешла во Францию, а через год в Германию и в Англию. Население пораженных чумой областей в ужасе разбегалось и, конечно, разносило эпидемию, таким образом, все дальше и дальше... От чумы вымирали целые селения, пустели многие города. По рассказам современников, из каждых 10 человек вряд ли один оставался в живых после этой ужасной эпидемии. Подобный подсчет, конечно, следует признать преувеличенным, но, судя по переписям городского населения и по числу налогоплательщиков различных государственных налогов, можно установить, что в центральных странах Европы эпидемия унесла не менее одной трети населения. Что же касается некоторых областей Франции и Англии, то там убыль населения достигла половины всего состава. Лечить чуму не умели и никаких способов борьбы с ней не существовало за исключением изоляции—карантина для заболевших. При массовом распространении чумы, провести такую изоляцию было невозможно.

Бедняки, жившие в грязи и тесноте, раньше других делались жертвами эпидемии, но и богачи не избегали заражения. Феодалы запирались в своих замках, звать—в городских домах и загородных дворах, и прекращали к себе доступ посторонних лиц. Тщательно запертые дворцы и замки казались подвергнутыми осаде. Но чумная осада оказалась гораздо опаснее осады военной: от нее нельзя было спастись отсидкой. Чума проникала в замки и дворцы вместе с приносимыми с рынка продуктами, она приходила со слугами и, несмотря на самую строгую изоляцию, все-таки вырывала из среды богачей свои жертвы. Когда, наряду с bubonic чумой, стала распространяться и легочная—никакие каменные стены не могли спасти людей от заразы.

Результаты
чумы.

Чума свирепствовала в течение 3—4 лет, перекочевывая из одного района в другой и снова возвращаясь. Наконец, она исчезла из Европы, и население вздохнуло свободнее. Экономические результаты чумной эпидемии сказывались не только в течение

того года, когда эпидемия закончилась, но в течение многих десятилетий. Масса деревень совершенно вымерла, поля превратились в пустоши, значительное количество поместий совершенно лишилось рабочих рук. Пашни заросли кустарником и лесом, и для того, чтобы снова превратить их в годные для обработки поля, необходимо было затратить громадное количество труда. Несмотря на уменьшение городского населения, потребности его в хлебе не могли быть удовлетворены привозом из деревень, так как убыль в сельском населении значительно превышала смертность от чумы в городах. Сельско-хозяйственное производство не могло удовлетворить потребностей городского населения в достаточной мере. Хлебные цены в городах непрерывно росли и, кое-где, появились даже попытки ввоза хлеба из-за границы. Хлебная заграничная торговля развивалась даже в таких странах, которые до этого, как, например, Англия, довольствовались своим собственным зерном. Запустевшие земли никем не обрабатывались. Помещики прибирали к рукам крестьянские пустыри и выморочные хозяйства; земельные владения их увеличились во много раз, но для обработки всех захваченных земель они не могли найти достаточного количества рабочих рук. Крестьян было мало и тем из них, которые соглашались работать на помещичьих полях, предоставлялись различные льготы в виде пониженной платы за аренду земли, полной отмены натуральных повинностей и т. п. Однако, все эти льготы не могли увеличить количества рабочих. Острый недостаток в рабочей силе для обработки полей привел к дороговизне хлеба и, вследствие этого, быстро повысилась заработная плата сельско-хозяйственных рабочих.

В Англии, где недостаток рабочих рук чувствовался особенно сильно, феодалы стали прибегать к насильственным мерам, чтобы заставить окрестных крестьян работать на полях помещиков. Когда же заработная плата сельско-хозяйственных рабочих стала возрастать, помещики заставили правительство принять репрессивные меры против повышения заработной платы. В 1349 году английские помещики добились введения правительством „устава для рабочих“. Устав устанавливал для сельско-хозяйственных рабочих предельную заработную плату, которая не должна была превышать существовавшую до чумы. Но, кроме того, „устав“ предоставлял помещикам право брать насильно на работу всякого человека, не занятого в ремесле или

«Устав
о рабочих»
в Англии.

горговете, и не имевшего земли. От предложенной помещиком работы ни один крестьянин не имел права отказаться. В случае же лености его или самовольного ухода с работы, рабочий подвергался наказанию: его садили в тюрьму и клеймили лоб раскаленным железом. Крестьяне были сильно возбуждены применением „устава“ и увеличивавшимся своеволием помещиков. Они понимали, что при помощи этого „устава“ их закабалляли еще худшим образом, чем при существовании открытого крепостного права.

Когда в 1358 году в Англии был введен поголовный налог, чтобы покрыть расходы по войне с французскими феодалами, терпение крестьян лопнуло. Каждое лицо, не принадлежавшее к духовенству и к классу феодалов, должно было уплатить правительству по 1 шиллингу. От налога освобождались лишь дети до 15 лет. Учитывая, что многие крестьяне и беднейшие горожане не будут в состоянии уплатить этот налог, правительство разрешило людям состоятельным „помогать“ несостоятельным, т.-е. указало выход в виде получения бедняками ссуды у более богатых людей для уплаты налога. Ясно, что подобные узаконенные ссуды открывали широкое поле для совершения различного рода кабальных сделок.

В половине 1381 года, когда наступил последний срок уплаты налога, оказалось, что он не собран в значительной своей части. Тогда несколько феодалов, приближенных короля, взяли сбор налога себе на откуп. Они внесли в казначейство откупную сумму, а сами снарядили карательную экспедицию и отправились в округа Кент и Эссекс для того, чтобы силой выжимать налог из населения. В результате карательных мер, применявшихся откупщикам, население Кента и Эссекса восстало, перебило сборщиков и, заодно, расправилось с королевскими чиновниками и окрестными феодалами.

Восстание
Уота Тейлора.

Почва для народного возмущения создавалась годами, поэтому восстание приняло сразу грандиозные размеры. Крестьяне целыми округами восставали, и образовавшаяся толпа в несколько десятков тысяч человек, под предводительством уроженца Кента — Уота Тейлора, двинулась к Лондону. По дороге повстанцы захватывали города, выпускали из тюрем заключенных, уничтожали замки наиболее ненавистных феодалов, большинство которых принадлежало к духовенству или состояло при дворе короля. В среде освобожденных заключенных оказался и народный проно-

ведник Джон Болл. В течение многих лет он проповедывал уничтожение власти светских и духовных феодалов, исходя из принципа равенства всех людей перед богом, и за это, конечно, подвергался со стороны феодалов ожесточенным преследованиям. В 4 милях от Лондона Джон Болл произнес перед восставшими речь, в которой призывал их сбросить вековое иго и получить свободу.

— Когда Адам копал землю, а Ева прила, кто тогда был дворянином? — спрашивает он толпу словами популярного среди крестьян двустишия. Он требовал равенства для всех и поэтому заклинал восставших стереть с лица земли всех господ, судей и духовенство. Проповедь Болла не была для повстанцев чем то новым: каждый из них видел, что без радикальной перемены существующих порядков положение крестьянства не улучшится. Крестьяне помнили сравнительно лучшие времена—до „черной смерти“. Значение сельских и городских общин в то время было велико, и „сам“ король Ричард ничего не предпринимал без одобрения представителей общин. Поэтому, лозунгом крестьян было—сохранение верности заветам короля Ричарда и общин. Считая нового короля последователем этих заветов, повстанцы не требовали его смены, а лишь устранения дурных советников. Эта наивная вера в доброжелательство короля была одной из причин поражения восстания.

Без всякого сопротивления со стороны лондонских ремесленников, охранявших городские ворота, восставшие вошли в столицу и осадили королевский замок Тоуэр. Перезуганный король вначале пошел на все требования крестьян. Он явился к ним и заискивающе „приветствовал“ восставших.. Депутаты восставших изложили ему требования, которые сводились к следующему: 1) чтобы все крепостные Англии были освобождены от всякой зависимости и рабства и чтобы впредь в стране не было ни одного крепостного; 2) король обязан объявить полную амнистию лицам, замешанным в восстании, в битвах и проч., и обеспечить каждому крестьянину крепкий действительный мир (том самым крестьяне протестовали против длительных и разорительных войн, которые велись английскими феодалами с французскими соседями); 3) все подданные короля должны получить право свободно покупать и продавать во всех городках, уголках и селах Англии; 4) арендная плата за те земли, которые находились во владении крестьян, не должна превышать 4 пенсов в год; если за какую либо землю раньше платилась

более низкая плата, то она должна быть сохранена и впредь; 5) король обязан отказаться от дурных советников, которые его до сих пор окружали.

Изложив эти требования, депутаты сообщили королю, что они отпустят его в столицу только в том случае, если он обещает все это выполнять. Король согласился на все требования. Была заготовлена королевская грамота, подтверждавшая обещание короля, и вручена депутатам восставших. Часть повстанцев сейчас же разошлась, и только жители кентского округа, во главе с Уотом Тейлором и Джоном Боллом, не доверяя обещаниям короля, решила остаться в Лондоне. Уот Тейлор потребовал от короля нового свидания для предъявления окончательных условий, которые он предполагал выставить королю. Только после удовлетворения этих условий повстанцы соглашались вернуться в свои родные места.

Встреча состоялась вблизи Лондона. В то время, когда Уот Тейлор передавал королю требования восставших, один из королевских приближенных ударил Уота сзади кинжалом в шею... Раненый Уот упал с коня и был сейчас же умерщвлен королевскими придворными. Повстанцы растерялись. Между тем, феодалы бросились в город для мобилизации своих дружин и слуг.

Вера в доброжелательство короля сослужила плохую службу крестьянам. Когда, непосредственно после убийства Уота, король обратился к восставшим с речью, в которой обещал им выполнить все их желанья, если они последуют за ним, большая часть крестьян двинулась за королем и у ворот Лондона попала в ловушку. Крестьяне были окружены, обезоружены и отброшены от города, а король скрылся в своем замке.

С этого момента начинается ликвидация восстания и расправа с крестьянами. Все грамоты, выданные королем, были объявлены недействительными. Феодалы, собрав до 40.000 войска из своих вассалов и челяди, жестоко расправились с крестьянами восставших местностей. Летопись так описывает заключительную часть этого усмирения: „Тогда были воздвигнуты виселицы там, где их не было, *) и их было недостаточно для осужденных. Ужаснулся народ при виде такого множества тел, висевших при свете дня, и опечалился он, видя, что многие, как изгнанники, покидают род-

*) В феодальную эпоху виселицы стояли на границах владений каждого феодала, как символ его верховной власти; на этих «символах» производились и казни.

ную землю... После подавления восстания были восстановлены действовавшие до тех пор статуты и уставы, в том числе и знаменитый „устав для рабочих“. Крестьяне ничего не добились, но восстание не оказалось бесполезным. Боязнь новых народных возмущений заставила феодалов несколько уменьшить применение карательных мер против крестьян.

Во Франции происходил аналогичный (схожий) процесс возврата крепостничества, закончившийся также крестьянским восстанием. Жакерия..

После неудачных для французских феодалов войн с феодалами английскими, положение французских крестьян сделалось необычайно тяжелым. Не оправившееся еще от последствий чумных эпидемий, крестьянство было разорено тяжелыми поборами, введенными феодалами для покрытия военных издержек. В течение нескольких десятков лет в начале XIV столетия крестьянские поля поочередно разорялись то французскими, то английскими феодалами, которые вели между собою бесконечные войны. Наконец, в 1358 году во Франции наступил ужасный голод. Сельское население, не получая ни откуда помощи — ни от помещиков, ни от короля — бросало свои земли и отправлялось в другие места в поисках хлеба. Крестьяне, которых французские феодалы презрительно называли „Жак Боном“, (Яшка — простофиля), собирались толпами и без всякого руководства и организации нападали на ближайшие поместья; замки сжигали, а хлеб и продукты из помещичьих амбаров распределяли между собою. Во время нападения на феодальные замки крестьяне нередко избивали их владельцев, но надо, однако, признать, что, вообще, крестьяне слишком мягко обходились со своими помещиками, так как большинство из них получило возможность скрыться и позже жестоко отомстило восставшим.

Крестьянское восстание, не имевшее ни общих руководителей, ни общих целей, было быстро подавлено, тем более, что, при усмирении крестьян, английские феодалы действовали заодно с французскими: когда надо было расправляться с эксплуатируемым ими классом, феодалы забыли свои распри. Благородные французские и английские рыцари оказались гораздо менее жалостливыми, чем крестьяне. Зная, что на карту поставлено существование их, как класса, и что их господство может продолжаться только до тех пор, пока крестьянство будет находиться в полном и беспрекословном подчи-

нени, феодалы хотели терроризировать (запугать) крестьян; восставшие убивались тысячами, а деревни их превращались в пепел. „Жакерия“, как называлось это восстание крестьян, была жестоко подавлена, но память о ней долго еще сохранялась и у крестьян, и у феодалов.

И в Англии, и во Франции крестьянские восстания одинаково закончились неудачей. В чем же причина этих неудач? Подавленное столетним феодальным гнетом, крестьянство очень туго поддавалось организации. Во Франции, крестьянское движение — „жакерия“ — не имело ни центрального руководства, ни общепризнанных вождей. Английское крестьянство, правда, имело даровитого вождя Уота Тейлора, но крайнее легковерие и дезорганизованность крестьян сводила на нет все планы предводителя. Повстанцы не чувствовали крепкой спайки между собой. Так, например, жители округа Эссекса сразу удовлетворились обещаниями, данными королем, и разошлись по домам раньше, чем это было решено их вождями. Никакой дисциплины, никакого центра восстания не создали и английские повстанцы. Но главная причина, содействовавшая быстрому поражению крестьян, была не в этом. Повстанцы не собирались захватывать власть, организовывать новый государственный строй; они только оборонялись против попыток восстановить прежний порядок, и в этом оборонительном характере крестьянских восстаний заключалась основная причина их поражения. В случае победы, что могли бы предпринять повстанцы? Они выказали бы свои пожелания, получили бы широковещательные грамоты, но, в конце концов, передали бы власть снова в руки того же короля и феодалов; успех восстания ни в коем случае не мог бы предохранить крестьян от дальнейшего закабаления.

Попытки возврата крепостничества произошли не только во Франции и в Англии. Через 100 лет они повторились в Испании (в провинции Каталонии в результате этих попыток вспыхнуло крестьянское восстание), а через 200 лет — в Германии и в России.

Образование хлебного рынка давало далеко неодинаковые возможности для использования его различными слоями помещиков. Чем большим количеством обработанных земель обладал помещик, тем больше хлеба мог он продавать на городском рынке. Между тем, количество рабочих рук, имевшихся в распоряжении

помещиков, было ограничено, и так как помещики были заинтересованы в постоянном расширении своих запасов, то они старались переманить к себе побольше крестьян от других помещиков. В результате, между ними возникла конкуренция из-за рабочих рук крестьян. Эта конкуренция с одной стороны вызывала быстрое разорение мелких помещиков, не имевших возможности предоставить крестьянам те льготы, которые им давали крупные феодалы, а с другой стороны служила причиной закрепощения крестьян и попыток введения барщины там, где она уже успела исчезнуть.

В Германии в XV и в начале XVI столетия положение крестьян ухудшилось вследствие 1) прекращения колонизации и 2) захвата помещиками крестьянских земель. К концу XV столетия все земли в стране, годные для земледелия, оказались распаханными. Поэтому колонизация крестьян на окраинах прекратилась, и крестьяне быстро почувствовали недостаток земель для своих посевов. Кроме того, помещики, всеми мерами расширявшие свои запасы, захватили у крестьян все пустыри и нередко отбирали у сельских общин даже угодья (альменду), которые превращали в свои пашни. Размер крестьянских наделов вследствие естественного прироста населения сильно уменьшился. Крестьянские хозяйства дробились и достигали часто размера $\frac{1}{3}$ гуфа (нормального крестьянского надела XII—XIII столетия).

Крестьянам было очень трудно сводить концы с концами. Плохая обработка полей, вызванная недостатком рабочего скота и плохим удобрением земли, и малоземелье создавали весьма неустойчивое положение в крестьянском хозяйстве. В редких крестьянских семьях собственного хлеба хватало на весь год. Его приходилось покупать, а между тем, вследствие барышничества хлебом, цены на него все росли и росли. До XIV столетия крестьяне имели некоторые подсобные промыслы: охота и рыбная ловля были большим подспорьем в их хозяйстве. Но к XV веку помещики объявили все леса своим заповедным имуществом и запретили в них крестьянскую охоту. Они лишили крестьян права рубить лес на топливо, собирать хворост, снимать сено с лесных полей, жечь уголь на продажу или для своего хозяйства и т. д., и т. д. Все это объявлялось „банальтетом“, т.-е. исключительным правом помещиков. Так как крестьянское хозяйство не могло обойтись без топлива, то приходилось покупать

Рецидив крепостничества в Германии.

его у помещиков, или платить за право порубки. Запрещена была ловля рыбы в прудах и озерах. Крестьяне должны были платить помещикам за многое, что прежде они получали совершенно бесплатно. Кроме того, со стороны помещиков делались открытые посылки увеличить барщину, а также отнять у крестьян право переселяться с земель одного помещика на землю другого. Крепостное право возвращалось вновь и притом в гораздо худшем виде, чем прежде.

Крестьянские
восстания.

Ответом на эти рецидивы (возвраты) крепостничества были крестьянские волнения. Начались они с половины XV столетия. К восставшим крестьянам нередко примыкала и городская беднота, которая надеялась, в случае победы крестьянства, добиться ограничения ростовщичества и уменьшения податных тягот. В 1476 году, в одном из крестьянских округов (на реке Таубери), стали волноваться крестьяне. Их вождем был пастух и музыкант Ганс Бегайн, который, переходя из одного села в другое, призывал выступить против духовенства и помещиков, забрать у них земли и разделить их между крестьянскими общинами. Он довольно оригинально убеждал крестьян, говоря, что „за убийство 30 священников крестьяне получают от бога награду“. Имущественное неравенство, по словам Бегайна, было установлено дьяволом. „Настанет день—говорил он—когда и князья, и помещики будут работать, как поденщики!“ Восстание не успело развиваться. Бегайн был схвачен епископом Вюрцбургским и заключен в замок. Горожане г. Вюрцбурга пытались его освободить, но неудачно. Ганс Бегайн после этой неудачной попытки освобождения был публично сожжен на костре.

В 1493 году произошло большое восстание крестьян в аббатстве Кемптон (в Швабии), но восстание было быстро подавлено. В 1500 году образовался тайный союз повстанцев под названием „Вашмак“. Ему удалось поднять восстание в ряде местностей, при чем наиболее известно восстание в Вюртемберге (под названием „бедного Конрада“ и в Штирии и Каринтии. Из требований, которые предъявлялись восставшими, видно, что состав их был далеко не однородным. Среди них были и крестьяне, и горожане.

Наконец, в 1524 г. отдельные местные восстания охватили почти всю страну. Почти все крестьяне отказывались от выполнения различных повинностей, налагавшихся на них помещиками, нападали на бли-

жайшие замки, прогоняли правительственных должностных лиц и т. д. Первая вспышка восстания обнаружилась в юго-западном районе; затем к крестьянам юго-западного района примкнули франконцы и, наконец, тюрингенцы и саксонцы.

Крестьяне одного из поместий, близ города Шафгаузена, отказались от выполнения феодальных повинностей и подали жалобу. Они жаловались на то, что 1) граф захватил общественные выгоны, 2) запретил охоту и рыбную ловлю, 3) заставлял крестьян участвовать в барской охоте, причем вытапгывал их поля, 4) в самый период созревания урожая он пускал на крестьянские поля воду из рек и прудов для того, чтобы удобнее было ловить рыбу... Они жаловались также на то, что крестьяне, пойманные во время охоты в помещичьих лесах, ослеплялись; при чем не только браконьеры, (незаконно охотившиеся), но также и те крестьяне, которые спасали от птиц свои посевы, подвергались этому наказанию... Они указывали на то, что граф заставляет их ухаживать за охотничьими собаками и кормить их крестьянским хлебом, а также на то, что охотничьи своры безнаказанно душат крестьянскую домашнюю птицу. Не получив удовлетворения на свои требования, восставшие крестьяне, в количестве 1000 человек, вооружились и отправились к ближайшему городу. Во главе восставших встал бывший ландскнехт (наемный солдат) Ганс Мюллер.

В августе 1524 года повстанцы без всякого сопротивления заняли город Вальдсгут (на Рейне) и окончательно оформили свою военную организацию.

Под командой Ганса Мюллера оказалось свыше 35.000 вооруженных людей. К декабрю 1524 г. восстание перекинулось в Эльзас, где крестьяне выставили требования, сводившиеся в основе к следующему: 1) уничтожение „десятины“—налога в пользу церкви, 2) запрещение взимания процентов, 3) отмена всех запрещений на воду, лес и дичь, 4) уничтожение крепостной зависимости, 5) выборы государя, назначение чиновничества самим народом и 6) возврат общинам захваченных дворянами общинных земель.

Повстанцы быстро захватывали город за городом и все новые районы присоединялись к ним. В марте 1525 года, представители восставших сошлись и установили свою главную квартиру. Требования повстанцев были здесь окончательно сформулированы и составлены так называемые „двенадцать статей“, которые распространялись по Германии в виде специальных воззваний.

Крестьянская
война.

Главным требованием крестьян было полное уничтожение крепостной зависимости. Затем шли различные экономические требования: право охотиться и ловить рыбу, возврат общинам лесов, лугов и пашен, уменьшение барщины и платности ее и т. д. Наконец, многие требования касались духовенства: выборы и смещение общиной священника, отмена десятины со скота, определение точного назначения зерновой десятины, которая должна идти не только на содержание священника, но и на содержание бедных данной общины.

Государство и отдельные феодалы вначале боялись выступить против восставших. Они всячески затягивали переговоры с ними и в то же время собирали войска, необходимые для подавления восстания. После того, как возникшее одновременно восстание рыцарей, разорившихся вследствие конкуренции из-за рабочих рук с крупными землевладельцами, было подавлено, феодалы решили предпринять окончательные шаги для разгрома восстания крестьян. Началась „крестьянская война“. В 7-ми больших сражениях крестьянское ополчение было разбито, и после этого началась расправа с отдельными отрядами повстанцев. Большинство вождей повстанцев было убито во время сражений, а остальные захвачены в плен и казнены после жестоких пыток. Многие крестьяне пали во время сражения, еще больше погибло их во время карательных экспедиций феодалов, которые переходили из села в село. Подавление восстания сопровождалось бесчисленными жестокостями. Так, например, начальника одного из крестьянских отрядов сковали цепью, привязали к дереву и начали зажигать костер так, чтобы огонь не сразу его охватил, и чтобы поджигаемый мог прыгать вокруг дерева. Один из феодалов, захватив город, в котором укрывались повстанцы, выколот глаза 70 горожанам, виновным в соучастии в восстании, и многим отрубил пальцы. Всего пало в битвах и было казнено не менее 130.000 крестьян.

Разгром крестьянского восстания заключался не только в громадном количестве убитых и казненных: еще сильнее было экономическое разорение крестьянства. Захватывая села, феодалы совершенно уничтожали все крестьянское имущество, а на жителей накладывали громадные контрибуции в возмещение за те убытки, которые были причинены восстанием окрестным помещикам.

Причины поражения восставших были те же, что и при крестьянских восстаниях в Англии и Франции. Восстание начиналось в 3 районах, которые связывались

между собой чисто-механически. Несмотря на то, что во главе восстания было немало даровитых вождей, в роде Ганса Мюллера или примкнувшего к крестьянскому восстанию рыцаря Флориана Гейера, военное ополчение крестьян ни в коем случае не могло идти в сравнение с небольшими, но хорошо вооруженными войсками феодалов. Крестьянское восстание было лишено не только военной централизации, но и идейного руководства. Идеологами его были Карлштадт и, в особенности, Томас Мюнцер—люди, безусловно, незаурядные, но они отражали чаяния ремесленников и горнорабочих; большинство крестьян, темных и забитых, готово были идти на всякие уступки и охотно, поэтому, соглашалось на переговоры с феодалами, в то время, как события требовали вооруженного наступления. Главной же причиной неудачи восстания было опять таки то, что, несмотря на свой широкий размах, „крестьянская война“ носила исключительно оборонительный характер. Она была протестом против крестьянских тягот, но не волей к власти.

Итак, развитие торгового капитала в Западной Европе привело к рецидивам крепостной зависимости в тех странах, где количество рабочих рук оказалось не покрывающим потребности в них со стороны помещичьих хозяйств. В России происходило то же самое. Мы уже отметили переход помещичьего хозяйства к производству хлеба на городской рынок в начале XVI века. Недостаток рабочих рук для обработки своих полей помещики пытались устранить развитием барщины и переманивали крестьян с земель других помещиков. Так как мелкие хозяйства находились в худшем положении, чем более крупные, в смысле предоставления льгот вновь поселяемым крестьянам, то они постепенно теряли своих крестьян. Конкуренция между хозяйствами оказалась невыгодной для мелкого дворянского землевладения. Служилый класс, бывший главной опорой московского царя в его борьбе против родовой знати, все настойчивее требовал от правительства принятия решительных мер для устранения конкуренции и для ограничения в переманивании крестьян помещиками и перехода их с одной земли на другую. Необходимость поддержки со стороны служилого класса заставила правительство пойти на эти ограничительные меры, тем более, что масса свободных для колонизации земель на окраинах государства давала возможность крестьянам вовсе уходить

321-28
Закрепощение крестьян в России.

с помещичьих земель и создавать свои собственные заимки.

Как и в других странах, в России, наряду с зависимыми крестьянами, существовал довольно большой слой свободных, государственных крестьян. К XVI столетию количество зависимых крестьян составляло около $\frac{2}{3}$ всего крестьянского населения. Зависимые крестьяне сидели на землях помещиков, но могли уйти с них, если внесли „пожилое“. Это „пожилое“ в конце XV века состояло из денежной платы в размере 1 рубля за каждые 4 прожитых года. Плата вносилась за пользование предоставленным помещиком крестьянину двором. В половине XVI столетия были введены новые платежи, которые взимались с уходящего крестьянина—„повоз“, по алтыну со двора. И „пожилое“ и „повоз“ были для того времени достаточно велики (не менее 100 руб. на наши деньги) и сами по себе затрудняли переход крестьян с одной земли на другую. Но помещик никогда не удовлетворялся законными размерами „пожилого“, а требовал обычно в 5, а то и 10 раз больше! Однако, свобода перехода крестьян не определялась стоимостью „пожилого“. Большинство зависимых крестьян должны были помещикам различные суммы денег, взятые в виде ссуды, в разное время. Эти ссуды, называвшиеся „боярским серебром“, настолько опутывали крестьян, что для многих из них уход с помещичьих земель был совершенно невозможен. Они могли „отказаться“ от помещика только в том случае, если какой либо другой помещик внес за них деньги и перевел на свою землю. Брать на себя долги переведенных крестьян, платить за них „пожилое“ и „повоз“ могли только богатые помещики. Вот почему, для уравнения шансов в конкуренции, служивший класс добивается отмены „отказа“ крестьян и запрещения перехода их к другим помещикам.

Отмена „отказа“ установилась не сразу. Вначале правительство издало указ (в 1597 году) „о беглых крестьянах“, по которому устанавливалась пятилетняя давность для розыска сбежавших с земель помещиков зависимых крестьян. Этот указ не удовлетворил служилого класса, так как он вовсе не касался вопроса о вывозе крестьян. Тогда были изданы (в 1601 и 1602 г.г.) новые указы, по которым некоторым категориям помещиков запрещался временно своз крестьян от других помещиков, а для землевладельцев Московского уезда такой своз отменялся навсегда. Несмотря на изданные правительством указы, не только продолжался

эвоз крестьян крупными помещиками, но и все чаще наблюдалось бегство крестьян, что лишало поместья рабочих рук.

Задержать уход крестьян при тогдашней неустойчивости государственных границ, при отсутствии прочной администрации на местах, для помещика было очень трудно. Поэтому, многие из них начинают превращать крестьянские земли в деньги и продавать за бесценок крестьянское имущество. Ближайшие к городам помещики предпочитали торговать этим имуществом, чем вести собственное хозяйство. Поредко они просто слоняли крестьян с насиженных мест для того, чтобы освобождающиеся земли пустить в торговый оборот. В самом конце XVI века в селе Погорельцах Владимирского уезда жил крестьянин, некий Иван Сапуров. В 1599 году Погорельцы были пожалованы в поместье „боярскому сыну“ Соболеву. Этот последний, в отсутствие Сапунова, явился к нему на двор и произвел там полный разгром. Забрал себе холопов хозяина, увел лошадей, корову, быка, 4 овец, отобрал у жены Сапунова деньги (1 р. 13 алтын), увез к себе, сколько мог, ржи, овса, конопли, а также улья с пчелами... Когда Сапуров вернулся, помещик выгнал его из его дома и присвоил себе не только землю, но и двор. Подобное самоуправство бояр и более крупных помещиков было обычным в ту эпоху и заставляло крестьян покидать насиженные дворы и искать себе новых мест.

Для удовлетворения возросших потребностей помещики спекулировали всем, чем могли. Те из них, которые продолжали вести свое хозяйство и обладали запасами хлеба, не брезговали и хлебной спекуляцией. Они искусственно ограничивали предложение хлеба на городских рынках и этим добивались повышения цен.

К концу XVI столетия положение крестьянского хозяйства, вследствие хищничества помещиков и увеличившегося малоземелья, было настолько бедственным, и поля крестьян были настолько запущенными, что урожаи сделались хроническими. В 1601 году аграрный кризис разразился с необычайной силой; он охватывал все большие и большие районы. Возникший в деревне голод распространился на крупные города. Цены на хлеб повысились, хлеб исчез с городских рынков, хотя, по записям современников, многие боярские и монастырские амбары были полны зерна... Голодные крестьяне бросали свои земли и отправлялись на окраины для того, чтобы найти там лучшие условия жизни. Многие

дворяне, испуганные наступившим голодом, и не надеясь на то, что им удастся перебиться до лучших времен с тем количеством дворовых, которые их обслуживали, выгоняли своих холопов и дворовых из своих домов, отказываясь их кормить. Бездомные люди соединялись вместе, присоединялись к бродившим по большим дорогам голодным крестьянам и создавали разбойничьи шайки. Почва для народного восстания была подготовлена, а за ближайшим поводом к нему дело не стало.

Крестьянское
восстание в
России в на-
чале XVII в.

Московское государство, к концу XVI и в начале XVII столетия, было ареной напряженнейшей социальной борьбы служилого класса против крупных феодалов собственников, крестьян против помещиков, ремесленников и городской бедноты против торгового капитала и феодалов... Все эти противоречия достигли необычайной остроты и выразились в многочисленных попытках государственных переворотов, восстаний и битв. В 1606 году разразилась, наконец, гражданская война. Во главе крестьян, восставших в ряде местностей, стал беглый холоп Волотников, энергично работавший над военной организацией восстания. Начавшись в ближайших к Москве и к более крупным городам деревнях, восстание крестьян нашло себе поддержку со стороны мелкопоместного служилого класса, стремившегося расправиться с крупными феодалами, которым они приписывали свое разорение. Но этот противоестественный блок эксплуататоров и эксплуатируемых—помещиков и крестьян—быстро распался. Служилый класс отступился от восставших крестьян, когда выяснил себе всю опасность крестьянского движения для помещичьего господства. Рязанские служилые люди, бывшие на стороне крестьян, перешли на сторону феодалов, войска и, сговорившись с ними, напали на крестьянских дружинников Волотникова. Крестьянское ополчение было разбито; Волотников бежал в Тулу, но при взятии города был захвачен в плен и казнен. Со смертью Волотникова крестьянское восстание не прекратилось. Волны крестьянского движения расходились все дальше по Руси; но, лишенное центрального руководства, крестьянское восстание разбилось на ряд мелких вспышек и в 1612 году было окончательно подавлено совместными усилиями феодалов, служилого класса и представителей торгового капитала.

Чего же хотели крестьяне? Крестьяне интересовались, главным образом, не политическими, а социальными моментами. Основным требованием крестьян

было уничтожение барщины и всех ограничений перехода крестьян; но крестьяне не только не добились выполнения своих требований, но даже не приблизились к их осуществлению. После подавления отдельных крестьянских восстаний и установления крепкого правительства, дворяне и торговый класс постарались отыграться на тех же крестьянах. За издержки гражданской войны, начатой не ими, крестьяне заплатили своим окончательным закрепощением.

Как и в крестьянском восстании Запада, у повстанцев отсутствовали ясно-сознанные цели, не было правильного руководства восстаньем и обще-признанных вождей. Блок с мелкопоместным служилым классом оказался для русского крестьянства особенно вредным: в самый критический момент служилые люди превратились из союзников в самых непримиримых врагов!

Развитие торгового капитала привело к закабалению городских ремесленников и расслоению цехов на мастеров-предпринимателей и подмастерьев, превратившихся в наемных рабочих - пролетариев. Давление торгового капитала не ограничилось пределами города. Появление городского рынка для сельско-хозяйственных продуктов вызвало разложение помещного хозяйства и переход его от натуральной формы к товарной. В некоторых странах это привело к раскрепощению крестьян, в других — к еще большему их закабалению. Торговый капитал произвел переворот в экономической жизни. Дальнейшее усиление его привело к такому росту нищеты городских и сельских низов, которого не было даже в эпоху феодализма. Но одновременно с ростом нищеты одних слоев населения сконцентрировались большие денежные капиталы в руках других слоев — торговых капиталистов.

1301-325!

5. ДВОРЯНСТВО.

Феодальная зависимость строилась весьма стройной лестницей. В зависимости от величины своих земельных владений, феодалы занимали ступени на этой лестнице один ниже другого; на самой нижней ступени стояли владельцы мелких участков, размеры которых не превышали среднего надела крестьянина. Внутри феодального общества происходили постоянные передвижки групп и даже отдельных лиц, то поднимающихся вверх по этой лестнице, то спускавшихся вниз. Мелкопоместные служилые люди, получая в награду за свою службу земли, превращались в крупных земле-

Борьба феодальных групп.

владельцев и оказывались на верхних ступенях; крупные феодалы, наоборот, разорившись, или в вассальную зависимость к более удачливым соседям и постепенно превращались в зависимых служилых людей. Ни одна из феодальных групп не хотела опуститься по лестнице вниз—каждая тянулась вверх, и, поэтому, между феодалами происходила постоянная борьба за власть и место на феодальной лестнице.

В основе феодальной власти лежало землевладение. Чем крупнее оно было, тем большая власть принадлежала феодалу. Мелкие землевладельцы были в подчинении у крупных, и только увеличение размеров земельных участков давало возможность подняться выше. Уже это одно заставляло каждого мелкого землевладельца жадно тянуться к земле, стремиться к увеличению своего участка. С другой стороны, короли и великие князья все сильнее чувствовали свое бессилие по отношению к крупнейшим своим вассалам. Рост феодального землевладения привел к уничтожению государственной власти. Попытки королей противиться распылению своей власти не приводили к успеху до тех пор, пока процесс феодализации владений продолжался. Военная диктатура королей отошла в прошлое. Каждый феодал становился сам себе владыкой; его подчинение сюзеренам и королю определялось не силой их, а выгодой самого вассала. Если король слишком бесцеремонно обращался со своими вассалами, то последствия не заставляли себя ждать.

Борьба феодалов за конституцию.

В Англии, в начале XII века, феодалы находились в сильной зависимости от короля. При короле существовал совет, составленный из феодальной знати— „витенагемот“ (совет мудрых), в который допускались высшие феодалы (как светские, так и духовные) и дружинники короля, но средние, провинциальные феодалы не пользовались никаким влиянием и не определяли собой королевской политики. Они беспрекословно вносили в королевскую казну „реллифы“ (пошлины за переход феодальной собственности к новым владельцам), которые нередко превышали годовой доход переходящего к другому собственнику поместья. Они терпеливо сносили злоупотребления, допускаемые королем над правом опеки: король выдавал замуж или женил малолетних наследников своих вассалов и брал с них большие суммы за свое согласие на брак. Они мирились с тем, что иногда короли просто продавали вдов и невест вассалов другим вассалам за определенное вознаграждение, давая вассальные владения в виде прида-

ного выходящей замуж женщине... Изобретательность некоторых королей в отношении получения доходов была изумительна: один из королей приказал собраться ополчению вассалов и потребовал, чтобы все явились снабженными вооружением и деньгами. Когда ополчение собралось, уполномоченные короля отобрали у ополченцев деньги, а воинов распустили по домам...

Как ни неприятна была средним феодалам зависимость от короля, они не могли оказать ему должного отпора, так как были лишены между собой связи и постоянно враждовали. Но, когда короли затронули духовных феодалов и своими действиями нанесли ущерб доходам церкви (местному духовенству и папам), картина резко изменилась. Централизованное церковное управление было гораздо сильнее отдельных феодалов. Что же касается корыстолюбия духовенства, то и оно во много раз превосходило корыстолюбие английских королей! Ни в этом, ни в других отношениях тягаться с духовенством королям было не под силу... Сначала последовал „интердикт“ (закрытие церквей), потом отлучение короля от церкви, освобождение феодалов от всех клятв королю в верности и, наконец, открытая организация духовенством восстания феодалов против короля. Так ответила церковь на попытки уменьшить ее доходы.

Во время восстания феодалов церковь умело пользовалась все перемены положения. Когда короли отменяли свои налоги с духовенства и церковных имуществ, церковь переходила на сторону королей и отвергивалась от феодалов. Она заявляла, что всякое восстание против короля противоречит божеским законам... Но, как только короли начинали допекать церковь, она становилась на сторону феодалов. Эта двуличная политика духовенства делала церковь весьма надежным союзником и при малейшем конфликте превращала ее в весьма опасного врага.

Поддерживаемые духовенством, феодалы (в 1215 г.) заставили английского короля подписать „великую хартию вольностей“. Эта хартия (грамота) была своего рода феодальной конституцией, подтверждающей права отдельных феодалов и, в особенности, духовенства. В хартии король обещал сохранить свободу церкви, освободить ее от государственных налогов, дать ей полную независимость от королевской власти. По отношению к феодалам короли устанавливали предельный размер „релифа“ и других феодальных повинностей, отказывались от корыстного пользо-

звания своих прав опеки и т. д. Главным пунктом хартии было обещание вводить подати и налоги только с согласия самих феодалов. Размеры податей и порядок взыскания их должны были определяться „общим собранием королевства“, которое составлялось из представителей высшего духовенства, крупных феодалов и королевских уполномоченных по округам. Таким образом, в результате борьбы феодалов с королевской властью, в Англии зародились периодически собираемые представительные собрания, которые значительно ограничили королевскую власть.

Попытки ограничить власть короля делались феодалами и в других странах. Во Франции, в этот же период, кроме „королевской думы“, состоявшей из представителей родовой и феодальной знати, при дворе французского короля периодически собирались с'езды вассалов, которые обсуждали различные вопросы военного и налогового характера. Влияние феодалов основывалось на их военной мощи. Среди феодалов были не только светские, но и духовные, пользовавшиеся большим влиянием, так как они представляли собою церковь, обладавшую большими богатствами и земельными угодьями. Французские короли так же, как и английские, были не прочь позаимствовать кое-что из доходов церкви, но встречали энергичный отпор со стороны высшего духовенства. Феодальные с'езды значительно ограничивали власть королей и во Франции.

В Германии, феодалы обладали не меньшим влиянием. К XIV веку их с'езды („рейхстаг“) разрешали многие вопросы государственного управления, которые сводились, главным образом, к введению налогов и к военным повинностям. И в России, вплоть до XVI столетия, существовало представительство феодальной знати в виде „боярской думы“, без согласия которой царь не мог предпринять ни одного решения.

Видя в феодалах и в их попытках ограничить королевскую власть угрозу своему господству (часто даже и личному существованию), короли и цари ищут себе союзников. Самой сильной организацией в эту эпоху была церковь. Союз с ней придал бы королевской власти достаточную устойчивость, но для этого нужно было заставить церковь вести политику, угодную королю, а не свою собственную. В том централизованном состоянии, в каком находилась церковь в XII—XIV столетии в Западной Европе, и в XIV—XVI в России, в тех необычайно широких международных связях и, наконец, в том колоссальном могуществе, ко-

торым обладала церковь—для королевской власти заключалось гораздо больше опасности, чем в оппозиции феодалов. Высшие представители духовенства открыто стремились к светской власти. Папы и патриархи домогались назначения и смещения королей, коронация их (т.е. утверждения церковью) и даже вассального подчинения. Вот почему, несмотря на могущество и крепкую организацию церкви, короли неохотно входили с ней в соглашения и союзы. „Двум медведям в одной берлоге не жить“—так говорит народная поговорка. Короли и церковь были медведями, попавшими в одну берлогу.

Дворянство.

В противовес крупным земледельцам и церкви, создается в феодальном обществе новая социальная сила, которая растет не по дням, а по часам; она одинаково ненавидит как феодальную знать, так и духовенство. Эта сила—мелкопоместное дворянство и рыцарство, служилый класс. Получившие небольшие поместья от королей или от королевских вассалов, под условием военной службы, дворяне и рыцари могли существовать более или менее сносно только до тех пор, пока продолжались войны, и пока на них сыпались дождем награды и пожалования. Пока земля было много и феодалы щедро раздаривали их, служилым людям жилось неплохо. Но, как только в XIII—XIV столетиях в Западной Европе и в XVI в России земля оказалась распределенной окончательно между феодалами и изсякли запасные земельные фонды, естественное размножение рыцарей и дворян привело к дроблению их поместий, вследствие чего возникло малоземелье.

Новые войны были единственным источником, из которого пополнялись земельные наделы дворян. В эпоху крестовых походов на Западе и восточных походов на Русь дворянство и рыцарство несколько ожили. Они обзавелись землей, многие даже разбогатели, но эти походы имели и другое следствие—полное захудание мелкопоместного дворянства. Обилие денег, влившихся в торговлю, привело к росту городов, образованию рынка для сельско-хозяйственных продуктов и к хозяйственному перевороту. Натуральное хозяйство превратилось в товарное; поместья стремились к увеличению земельной площади, к лучшим формам обработки земли, к увеличению количества скота, к более усовершенствованному инвентарю. Хозяйственные потребности, возникшие вследствие превращения натурального хозяйства в товарное, дворянам и рыца-

рям было трудно удовлетворять. Когда же к этому прибавилась конкуренция с крупным землевладением из-за рабочих рук крестьян и сманивание крупными феодалами крестьян у мелкопоместных владельцев, положение последних стало критическим. В надежде на поправление своих дел и получение новых подачек, мелкопоместные служилые люди переходили от феодала к феодалу, ища самого сильного и самого богатого. Наконец, большинство из них превращается в вассалов королей и царей—самых богатых и владетельных собственников.

„Вассалы моих вассалов не мои вассалы“, презрительно говорили короли в начальной стадии образования феодализма, пока они еще чувствовали свою силу, но угроза их власти со стороны богатейших феодалов заставляла королей изменить отношение к мелким помещикам. Они понизили значение мелкопоместных владельцев, как не в вой силы, на которую можно было опираться в борьбе с феодалами. В конце XIII столетия, короли в Англии уничтожили институт аррьер-вассалов (вассалы вассалов): все свободные землевладельцы были подчинены непосредственно королевской власти.

Для того, чтобы уменьшить давление феодальной знати на королевское управление, английские короли вводят в „общее собрание королевства“ представителей дворянства. В продолжении всего XIV и половины XV столетия идет напряженная борьба феодалов с королевской властью, при чем обороняющейся стороной являются феодалы; на стороне же перешедших в наступление королей оказывается дворянство—главная военная сила и опора королевского могущества.

Феодализм в Англии оказался настолько сильным, что усилия дворян не смогли отменить крупного феодального землевладения, а вместе с этим землевладением остались существовать и связанные с ним права.

Во Франции борьба с феодальной знатью была успешнее. Начиная с XIII столетия, дворянство стало переводиться в непосредственное подчинение королей и сделалось оплотом их власти. Непокорные феодалы, не желавшие уступить своих вассалов королю, приводились в подчинение силой. Замки их уничтожались, а аррьер-вассалы становились вассалами короля. К концу XV века был побежден французским королем последний крупный феодальный сюзерен—герцог Бургундский. Вся Франция оказалась в прямом подчинении королевской власти.

В России дворянство (служилый класс) сложилось в сплоченную группу только к концу XVI столетия. Опираясь на служилый класс, Иван IV провел грандиозную конфискацию крупного землевладения — боярских земель, расположенных в центральных и северных областях государства. Конфискация привела к двум одинаково значительным следствиям: 1) в руки царя попали громадные земельные фонды, из которых можно было жаловать служилых людей, и тем самым усилить ту базу, на которой держалась царская власть; 2) конфискация земель лишила феодальную знать основного экономического оплота. Конфискация боярских и княжеских земель коснулась наиболее крупных и свободолюбивых феодалов, что придало перевороту устойчивый характер, так как лишило феодальную оппозицию главарей. Конфискация была дополнена арестами, ссылками и казнями. „Опричнина“ (конфискация феодальных земель) не уничтожила крупного землевладения вообще; она не коснулась феодальных владений, расположенных на окраинах государства; земли эти были выделены в „земщину“, которая сохранила своих прежних феодальных владельцев. Феодальное крупное землевладение уцелело на окраинах только потому, что заботы о военной безопасности государства не позволили оголить крайние форпосты и разрушить сложившееся здесь военное управление. Опричнина на Руси привела к тому, что служилый класс освободился от подвластного положения и перестал быть мелкопоместным: переворот, произведенный Иваном IV, привнес служилому классу землю.

Наиболее тяжелым было положение мелкопоместных владельцев в Германии. Поместья рыцарей делились, владельцы их разорялись и, по мере своего захудания, все более ненавидели крупных феодалов, которых считали виновниками своего разорения. Крупные феодалы были откровенными грабителями: они захватывали земли у общин, не стеснялись отбирать у купцов товары на больших дорогах... Мелкопоместное рыцарство не потому восставало против своих сюзеренов, что те производили грабежи, а только потому, что оно не могло в этом грабеже принять участия. Рыцари были мелкими хищниками, возмущенными тем, что их доля в феодальном грабеже была слишком незначительна... Феодальная знать заключила союз с церковью, которая поддерживала феодализм в Германии. Отсюда и ненависть рыцарства против церкви, отсюда и борьба с католицизмом. В начале XVI столетия рыцари восстали. Под предводительством Франца фон-Сиккингена рыцари

напали на замок одного из крупнейших епископов, земли которого надеялись поделить между собой. Восстание оказалось неудачным. Крупные феодалы сразу почувствовали всю опасность возмущения рыцарей и соединенными силами подавили его.

Непрерывная борьба внутри класса феодалов продолжалась в течении нескольких веков. Причиной этой борьбы было возрастающее противоречие интересов отдельных феодальных групп. Каждая из них желала захватить более лакомый кусок в феодальном пироге и обеспечить за собой монопольные права на эксплуатацию крестьян. Во время этой борьбы усиливается королевский абсолютизм (самодержавие), опирающийся на мелкопоместный служилый люд (рыцарство и дворянство) и подготовивший окончательную ликвидацию феодализма.

Города и
борьба их
против фео-
далов.

Борьба социальных групп в феодальном обществе не ограничивалась только борьбой внутри самого класса феодалов. Мы уже отметили выше непрерывную борьбу горожан против феодалов, восстания ремесленников и крестьян против феодального гнета. Борьба феодалов между собой давала возможность горожанам получать некоторые льготы. Присоединяясь то к одной, то к другой стороне, города освобождались от оброчной зависимости и от управления феодальных „министерналов“. Когда феодалы были заняты борьбой между собой и, поэтому, нуждались в деньгах, большинство городов не столько освобождалось от власти феодалов путем восстаний (хотя и таких героических примеров борьбы было не мало), сколько откупалось от своей зависимости деньгами. Что же касается восстаний низов городского населения (ремесленников и мелких торговцев) и восстаний крестьян, то они были вызваны не феодальной зависимостью, а гнетом появившегося торгового капитала. Ремесленники выступали самостоятельно или примыкали к крестьянскому движению.

Все восстания крестьян были отмечены явным сочувствием к ним городских низов. Во время „Жаке-ри“ в Париже вспыхнуло восстание ремесленников под предводительством Этьена Марсея. Ремесленники воспользовались крестьянским восстанием, чтобы добиться и для себя лучшей жизни. В Англии, во время восстания Уота Тейлора, было отмечено также искреннее сочувствие горожан повстанцам: восставшие крестьяне попали в Лондон только потому, что лондонские ремесленники, охранявшие городские ворота, про-

пустили их беспрепятственно. В Германии во время крестьянских восстаний XV столетия возникли и восстания городских ремесленников: Кельн, Росток, Брауншвейг, Магдебург—все эти города были охвачены ремесленными восстаниями. Во время крестьянской войны (в 1525 г.) многие города добровольно переходили на сторону восставших крестьян. За это феодалы жестоко мстили горожанам.

Мелкопоместный служилый класс держался в стороне от выступления ремесленников и крестьян. Он понимал, что борьба этих социальных групп диаметрально противоположна его стремлениям. Только в Германии, во время крестьянских волнений, и в России, в „смутное время“, мелкопоместный служилый класс выступил совместно с крестьянами и оказал ему поддержку. Но это продолжалось только до тех пор, пока дворянство и рыцарство не поняли своих классовых интересов.

Торговые капиталисты принимали активное участие в подавлении восстания ремесленников; по отношению к крестьянам они занимали не такую откровенную позицию. Представители торгового капитала никогда не становились безоговорочно на сторону одной из борющихся феодальных групп: они поддерживали то крупных феодалов, то дворянство—в зависимости от выгод, которые могли получить. К феодализму, как таковому, представители торгового капитала относились недоброжелательно, но это не мешало банкирам и ростовщикам: 1) ссужать феодалам значительные суммы денег для восстаний против королей и 2) одновременно поддерживать королей против феодалов...

Более прямой была политика оптовых торговцев, которые больше страдали от феодального порядка, чем выигрывали. Торговля в феодальную эпоху была опасна, так как грабежи на больших дорогах были обычным делом. (Грабители не всегда были бездомными разбойниками: нередко рыцари ближайших к торговым путям замков также занимались этим „прибыльным“ делом!) Но с грабежами можно было бороться: купцы переставали ездить в одиночку, собирались в большие караваны, сопровождаемые хорошо вооруженной стражей. Так как купцы феодальной эпохи были людьми храбрыми, разбойничьи налеты не могли заставить их прекратить торговлю. Гораздо большую опасность таил в себе незаконный грабеж—торговые пошлины, взимаемые каждым феодалом, через землю которого приходилось проезжать купцу.

Дворянство
и торговый
капитал.

Насколько разнообразны были эти пошлины, видно из следующего перечня. В России взимались два разряда пошлин: 1) проездные, собиравшиеся при провозе товаров по рекам и дорогам, и 2) торговые, которые брались во время торговых операций. К проездным пошлинам относилось „мыто“, делившееся на „мыто сухое“ (при перевозе товара по сухопутным дорогам) и „мыто водное“, (при перевозе товаров по воде). Кроме „мыта“ брались еще „кости“ и „головщина“ с лиц, сопровождавших товары. При обратном возвращении купцов тем же путем, по которому они проходили, с них брались „задние калачи“, при помощи которых феодал хотел принять участие в торговой прибыли... При проезде через мосты брались пошлины, называвшиеся „мостовщиной“, при переправах через реку— „перевоз“. Если берега реки принадлежали разным феодалам, то при отходе плота или лодки от берега—один феодал брал „отвальное“, а при причале лодки к противоположному берегу—владелец его брал „причальное“... Таковы были пошлины, которые взимались при провозе товаров. Когда купец приступал к продаже товаров, он платил новые пошлины. Первой из них был „замыт“, взимавшийся за привоз товаров на рынок или ярмарку. При объявлении купцом, что он хочет продать товар, он платил „явку“. Когда товары ввозились в гостинный двор, в амбар или складывались в лабаз—платились пошлины „гостинные“, „амбарные“ и „лабазные“. При вывозе проданного или даже непроданного товара из гостинного двора или лавки, платились „поворотные“ и „дворовые“ пошлины, при взвешивании—„весчелудовые“ и т. д.!

Количество пошлин, взимавшихся в России, несколько не отличалось от количества пошлин, бравшихся с купцов в Западной Европе: феодалы там были не менее изобретательны при выдумывании различных налогов. И поэтому, чем больше было феодалов, тем больше было границ и всяческих пошлин. Естественно, что купцы помогали всякому, кто хотел сократить число феодалов.

При обилии всяческих пошлин, торговать безубыточно можно было только при условии монопольной торговли. Оптовые торговцы, объединенные в „ганзы“ и „гильдии“, откупали от феодалов право исключительной торговли, так как конкуренция разорила бы их. Цены приходилось держать необычайно высокие, чтобы „оправдать“: 1) пошлины, 2) торговые расходы и 3) высокие проценты за полученный от ростовщика или банкира денежный кредит. Чем крупнее были тер-

риториальные границы феодалов, продавших монополию, тем выгоднее было торговать. Эти соображения заставляли торговые организации всячески содействовать укрупнению феодальных владений. Наконец, сила феодала имела большое значение для купца: у слабого феодала купец не был никогда гарантирован от грабежа—у сильного феодала он мог безопасно торговать, не боясь ни разбойников, ни постороннего вмешательства.

Интересы торговли объясняли позицию представителей торгового капитала в феодальных междоусобицах. В то время, как ростовщики и банкиры поддерживали каждого феодала, поскольку они ссудили его деньгами, купцы держали сторону только наиболее крупных феодалов, обладавших большими территориальными владениями и большой военной силой. Когда мелкопоместный служилый класс начал свою борьбу с феодальной знатью, купцы изменили свою позицию и стали поддерживать дворян и рыцарей, не потому, что они симпатизировали им, а лишь, потому, что победа дворянства облегчала установление единой государственной власти и уничтожение мелких феодальных территорий. Купцы нисколько не сочувствовали дворянским стремлениям увеличить размеры своих поместий; в дворянском движении купцы поддерживали его объединительные тенденции. Это сказывалось, например, в том, что, поддерживая во Франции королей, оправившихся на рыцарей, и ссужая им деньги для борьбы с феодалами, купцы вовсе не примкнули в Германии к рыцарям, когда те восстали против феодалов и князей. Победа рыцарей в Германии ни мало не приближала момента объединения государства. Разгром крупных феодалов, если бы рыцарям удалось победить их, был бы полезен только самим рыцарям, которые хотели пустить крупные поместья в раздел и этим увеличили бы только феодальную раздробленность владений. Королевская же власть в Германии была слишком слаба, чтобы воспользоваться успехами рыцарского движения. Этим объясняется резко-отрицательное отношение представителей торгового капитала к рыцарским восстаниям Германии.

В России политика торгового класса была еще определеннее. Ожесточенная классовая борьба внутри феодального общества в начале XVII столетия превратилась в гражданскую войну. Десятилетия длилась эта война и продолжалась бы еще в течение неопределенного времени, если бы торговый капитал не решил

активно поддерживать „партию порядка“, которую в то время было дворянство. Торговый капитал использовал дворян, чтобы, опираясь на них, создать единое государство, в котором торговому капиталу были бы предоставлены различные льготы и монополии. Торговые люди, просто на просто, наняли дворян. За участие в походе они хорошо платили и, вследствие этого, ополчение, собранное торговыми людьми, было многочисленно и хорошо вооружено. В грамоте Пожарского к вычегодцам так описывается деятельность нижегородцев (представителей торгового класса) по собиранию ополчения. „В Нижнем Новгороде гости и все земские посадские люди, ревнуя по бозе и православной христианской вере, не пощадя своего имения, дворян и детей боярских, смолян и иных многих городов сподобили неоскудным денежным жалованьем“... „И ныне—пишет Пожарский—из всех городов приезжают всякие люди, а бьют челом всей земле о денежном жалованье, а дати им нечего, и вам, господа, что ести у Соли Вычегодской в сборе прислати к нам, в Ярославль, ратным людям на жалованье“.

„Новый летописец“ в других словах описывает то же самое: „От многих городов, привезших многую казну в Нижний, и от городов ратные начати с'езжаться, первые приехаша коломничь, та же рязанцы, последи же из градов украинских многие люди и казаки и стрельцы, тии, которые сидели в Москве при царе Василии и всем дадеша жалованье: и бысти там тогда во всех людях тишина“. Как видно, уплата жалованья дворянам была также одной из причин прекращения междоусобиц, так как дала возможность отступиться от грабежей, в которые выдвигались войны той эпохи. Торговые люди платили своим наемникам хорошо. Смолянам, например, давали „первой статье по 50 рублей, а другой по 45 рублей, по третьей— по 40 рублей, а меньше 30 рублей не было“. (Для сравнения стоит отметить, что дворянам той эпохи цари обычно платили не более 6 рублей, и даже наиболее привилегированные из них не получали свыше 15 рублей).

Торговый класс взял на себя содержание дворянского ополчения и этим самым гарантировал себе определенные уступки со стороны дворянства, когда оно пришло к власти.

Без денежной поддержки, которую оказали торговые люди дворянству и королям (царям), королевская власть не скоро с'умела бы победить феодалов. На Западе,

как и в России, поддержка королей торговым капиталом выражалась не только в деньгах. Торговые люди набирали наемные войска, сами участвовали в походах, и, только благодаря их энергии и большому количеству израсходованных денег, борьба королей с феодалами закончилась полным поражением последних. В Западной Европе, к началу XVI века, большинство феодальных замков было срыто или разоружено. Для того, чтобы впредь феодалы не могли получить военной поддержки со стороны своих вассалов, был уничтожен вассалитет. Все землевладельцы были одинаково подчинены королю и стали „государевыми служилыми людьми“. На смену иммунитета феодальных владельцев пришел общий для всех феодалов королевский суд и королевское управление, а по отношению к остальному населению — общая система налогов и централизация управления.

6. ДВОРЯНСКО-КУПЕЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

337-338.

(Абсолютная монархия).

С падением феодализма начинает усиливаться государство. В феодальную эпоху оно было фикцией, так как феодалы никому не подчинялись. Победа дворянства делает государство сильным и централизованным и облекает его в форму монархии — единоличного управления короля (царя). Все люди, жившие в пределах государственной территории, считались подданными монарха и были обязаны беспрекословно выполнять все его требования и желания. Не все „подданные“ обладали одинаковыми правами: одни из них занимали привилегированное положение, не платили налогов, податей — другие находились в зависимости и несли всю тяжесть податного обложения. В зависимости от своего социального положения подданные делились на сословия.

Сословная монархия.

В XV—XVII веках в государствах Западной Европы и в XVII—XVIII веках в России существовали следующие три сословия 1) дворянство — в него входили все землевладельцы — помещики, как крупные, так и мелкие, 2) духовенство и 3) горожане — в сословие горожан входили купцы, ремесленники и мещане. Все эти три сословия были свободными, т. е. каждое из входящих в них лиц лично не зависело ни от кого. Что же касается крестьян, то они стояли вне сословий, независимо от того, были

Сословия.

ли они свободными, государственными крестьянами, или крепостными.

Служилый
класс.

Во главе государства стояло дворянство, оно было высшим сословием. В его руках находилось распоряжение всеми землями и всей военной силой. После уничтожения феодализма, мелкопоместные служилые люди получили от королей много земель и превратились в крупных землевладельцев, заменив собою прежнюю феодальную знать. Отдельные представители феодальной знати, сохранившие вотчины и поместья, окончательно слились с дворянством. Все они были обязаны одинаковой „службой“ государству за то, что владели землей; кроме этой „службы“, выражавшейся в управлении государственным аппаратом, и военной повинности, они не несли никаких иных повинностей и налогов.

Среди дворян не было полного равенства в экономическом отношении. Крупные землевладельцы обладали значительно большими правами, чем мелкопоместные служилые люди. Зависимость последних от государства была гораздо больше и служба тяжелее, чем крупных землевладельцев. Так, например, в Московской Руси XVII столетия „думные люди“ („думные бояре“ и „думные дворяне“), бывшие крупнейшими помещиками, стояли у кормила государственного управления, ведали главнейшими „приказами“ (министерства), сидели по областям в качестве „наместников“ и „воевод“ и т. д. Между ними, обладавшими колоссальными земельными фондами (боярин Н. И. Романов, например, имел в первой половине XVII столетия 7.017 крестьянских дворов), и между провинциальным дворянством, особенно—мелкопоместным, была глубокая пропасть.

Провинциальное дворянство, называвшееся также „городовыми дворянами“, должно было нести „полковую службу“, непосредственно участвовать в походах, вооружать себя, а также снабжать и питать во время походов своих людей—холопов и крестьян, которые составляли военное ополчение. И среди городских дворян не все были равны: были среди них более крупные помещики, была и совсем мелкота. В зависимости от своего экономического положения, дворяне несли или „дальнюю“ службу, или „ближнюю“, или „осадную“. Последняя служба была уделом самых бедных дворян, которые не могли выступить в поход, вследствие малой мощности своего хозяйства.

За службу дворяне получали, в зависимости от характера службы, землю и жалованье. Земля, полученная за службу, оставалась за дворянами лишь до тех пор, пока они служили, а потом отбиралась в казну; но, постепенно, так же, как раньше феодалы, эта жалованная земля превратилась в наследственную собственность. Что же касается „жалованья“, то оно не всегда было денежным. Часть его заключалась в „кормлении“, т. е. в том, что дворянин мог обращать в свою пользу доходы от тех городов или селений, где он служил.

На Западе дворянство никогда не было настолько подчинено государству, как на Руси в XVII столетии. Однако, и там оно должно было отбывать „службу“ государству, при чем характер службы соответствовал количеству имевшейся в распоряжении дворянина земли. Никаких податей и налогов дворяне не платили; кроме „службы“ они не несли никаких повинностей, да и „служба“ была скорее привилегией, чем повинностью.

„Знатность“ дворянина соответствовала количеству имевшихся в его распоряжении земель. В среду знатных, владетельных лиц, стоявших во главе государственного управления, мелкопоместным дворянам попасть было трудно. Поэтому, большинство государственных высоких постов занималось лицами, принадлежавшими к бывшей феодальной знати. Вследствие „пожалования“ королей и царей, попадали на высшие посты люди совсем не „родовитые“, но такое явление было исключением.

Отменив феодальные вольности и феодальное управление, короли принуждены были взять на себя все те обязанности, которые лежали раньше на феодалах. Феодальные налоговые и судебные округа превращались в государственные области, в которые назначались королевские уполномоченные. Назначались они из дворян. Так как уполномоченные сами не могли уследить за сбором налогов, за отправлением правосудия, за отбытием населения различного рода повинностей, они набирали себе помощников. Помощники эти зависели непосредственно от них и получали „жалованье“. Так постепенно слагалась бюрократия (чиновничество)— как в отдаленных от центра областях государства, так и в столицах. Жила она на жалованье и подачки, получаемые от государства.

Бюрократия.

Духовенство составляло второе сословие. Положение отдельных представителей духо-

Духовенство.

венства было неодинаково и зависело от духовного звания и величины богатств и земельных владений, имевшихся в распоряжении священников. Значительная часть высшего духовенства выделяется из дворянской среды и, сделавшись священниками или монахами, продолжает сохранять за собой владение землей. Никаких налогов и податей духовенство также не несло, но кроме того оно было освобождено и от ратной службы.

Горожане.

Третье сословие составляли горожане: в него входили богатые „торговые гости“ и просто „гости“ (в России), откупщики, купцы, мелкие торговцы, ремесленники и мещане. Богатые „торговые гости“ и оптовики не несли никаких личных повинностей; они не платили „подушных“ податей. Торговые пошлины взимались не с лиц, а с товаров. Остальные мелкие торговцы, а также ремесленники (в России — посадские люди), кроме пошлин должны были платить также различные личные подати. Подати уплачивались по раскладке. За взиманием налогов наблюдали объединения самих ремесленников и купцов, бравших на себя круговую ответственность за внесение налогов своими членами. Другими словами, горожане принадлежали к податному сословию, но неодинаково облагались податями, в зависимости от своего богатства и влияния.

Верхушки торгового класса, которые всячески поддерживали королевскую власть, пользовались многими привилегиями. Хотя они и считались ниже дворян и, как податное сословие, не были с ними политически равноправными, для них делались многочисленные изъятия. Так, например, лица, принадлежавшие к податным сословиям, не имели права владеть поместьями, иметь дворовых и крепостных. Это было исключительное право дворян. Но богатые купцы и, в особенности, банкиры получали это право. Пользуясь им, представители торгового класса начинают скупать дворянские земли, в которых живут как помещики, или используют их для промышленных целей.

Откупа.

Наибольшие выгоды верхушки торгового класса получали от откупов. Система откупов достигла в сословных монархиях большого развития. Купцы-откупщики вносили в государственную казну причитающуюся с населения сумму налогов и получали право взыскивать налоги с отдельных лиц. Сумма налогов определялась гуртом; для того, чтобы получить ее с процентами, откупщики нажимали налоговый пресс. Они самовольно увеличивали размеры обложения, бес-

Рис. 71. Тюрьма Зиндан (Самарканд), картина Верещагина.

пощадно взыскивали недоимки. Для облегчения взыскания недоимок на помощь им приходила государственная власть, которая карала недоимщиков и неплательщиков тюрьмой (см. рис. № 71). В тюрьме недоимщики содержались за свой счет — они должны были сами себя питать... Заключение продолжалось до тех пор, пока недоимщик не уплачивал всей суммы причитавшихся с него налогов. Если же налогоплательщик не хотел платить и всячески уклонялся от уплаты налогов, государство применяло к нему различные позорные и жестокие наказания.

При помощи откупов, торговый класс приобщался к государственному управлению настолько, что его представителям короли часто поручали весь сбор налогов в государстве и даже государственное финансовое управление. Так осуществлялся блок (соглашение) дворянского абсолютизма с верхушками торгового класса. Этот блок был крепок потому, что обе стороны получали от него одинаковые выгоды. Кроме откупов, торговый класс приобретал выгоды при помощи различных монополий.

Крестьян-
ство.

За счет кого же кормились эти два класса—дворянство и торговый класс? За счет того же крестьянства, которое и раньше кормило феодалов, а также за счет ремесленников, постепенно разоряемых и превращаемых в пролетариев. Крестьянство было той основной массой, от которой получали свои доходы помещики, с которой жили купцы, которыми держалось государство, представлявшее громоздкий и дорогой аппарат. Независимо от того, принадлежали ли крестьяне к категории свободных или крепостных, они одинаково подпадали под тяжелый пресс податных обложений, экономической зависимости и политического бесправия. Сословная монархия всячески старалась сохранить бесправное положение крестьянства, которое и кормило, и поило, и защищало. Государство старалось укрепить сословные перегородки между отдельными сословиями, уничтожить возможность перехода из одного сословия в другое — особенно из низшего в высшее. Сословные перегородки нарушались изредка в отношении откупщиков, заслуженных чиновников-бюрократов, но никогда не нарушались в отношении крестьян. Крестьянину было запрещено занимать государственные должности. Где бы он ни был, пользовался-ли он землей или не пользовался, был-ли он свободным или крепостным — он всегда должен был платить подати, взимаемые лично

с него. Подушная подать — вот нововведение дворянско-купеческого государства. Подушная подать не освобождала крестьян от других повинностей — подворной, пососной, аренды, церковного сбора, подводной и военной! Если крестьянин, как то было в России, оставался крепостным, то он, кроме всех этих повинностей, обязан был отбывать барщину и вносить оброк помещику. Таково было положение крестьян в этом „свободном“ государстве. Сословное государство было двуликим Янусом: одна сторона его была обращена в сторону дворянства и купечества и улыбалась, а другая сторона одним глазом сурово косилась в сторону ремесленников, а другим зверски впивалась в крестьянство...

Система кормления, раздача дворянам теплых готовых мест, передача откупов купцам приводила к необычайной бюрократизации государственного аппарата. Каждый хотел служить, чтобы кормиться. Боязнь, что крестьянин выйдет из под государственной опеки, перестанет платить и повинываться, заставляла государство усиливать органы надзора и сыска, напрягать карательную политику. Следствием этого было необычайное развитие полицейщины во всех видах. Так как открытая полицейщина могла вызвать возмущение крестьян и, во всяком случае, помочь им разобраться в сущности государственной системы, то государство облакает свои органы надзора в самые заманчивые формы. — „Как хотел бы я, — вздыхает один французский король, — чтобы у крестьян была всегда курица в супе!“ — „Будьте оком государевым, отирайте слезы вдовицам и сиротам“, — пишет другой — русский царь, в своем наказе... жандармерию. И „курица в супе“, и „отирание слез сиротам“ — все имело одну цель: убедить крестьян, что государство заботится о них, и что, только вследствие этой заботы, оно принуждено содержать громадное количество кормящихся за счет крестьян людей. В самом деле, все государство как будто приспособлено было к нуждам крестьян: царь (король) существовал для того, чтобы „думать“ о крестьянах; дворяне — чтобы защищать его от врагов, купцы-откупщики — чтобы „помогать“ ему вносить во время налоги, чиновники и полицейские — чтобы „направлять“ его, а духовенство — чтобы молиться за его грехи...

Сословная монархия есть ничто иное, как соглашение дворянства с верхами торгового класса в интересах лучшей

Полицейщина.

эксплоатации крестьянства. М. Покровский метко называет эту монархию полицейско-бюрократическим государством. По своей структуре этот государственный аппарат классового господства несравненно лучше феодального, так как он гораздо централизованнее и крепче.

Строение полицейско-бюрократического государства проходило несколько последовательных стадий. В Западной Европе система государственного управления дворяноско-купеческого государства начала складываться в начале XV века, но полное развитие получила лишь в конце XVI века. В России этот же процесс начался в половине XVI столетия, а закончился в начале XVIII.

Дворцовое управление.

В феодальном обществе „государственное“ управление королей и царей сводилось к сбору оброков со своих поместьев, да к устройству личной жизни. При дворах королей была масса всякой челяди, которая обслуживала их нужды. Для руководства каждой отдельной отраслью дворцового управления назначались особые уполномоченные. Эти уполномоченные не всегда были простыми слугами. Нередко над холопами и зависимыми слугами, которые выполняли различные обязанности при дворе, назначались для надзора вассалы помельче — „придворные“, которые носили звание сообразно своим обязанностям. Были заведующие конюшнями, столом, вином, одеждой, кухней и т. д., и т. д.

В дореволюционной Бухаре — всего 4 года тому назад — были следующие должности при дворе эмира: самая младшая называлась „афтабачи“ — его обязанности состояли в подавании эмиру воды во время омовения; затем шел „букча-бярдар“ — он заведывал платьем и бельем эмира; „сагат-бярдар“ заведывал часами эмира; „китаб-бярдар“ — книгами, которые читал эмир; „музя-бярдар“ ведал сапогами и, вообще, обувью эмира; „шербет-бярдар“ заведывал питьем эмира; „мяхрям дях-баши“ и „пянджь-сад-баши“ не имели определенного назначения. Затем шли лица, наблюдавшие за строениями: „катаул“, которые следили за всеми постройками, сооружаемыми для эмира или за его счет. „Бакаул“ был начальником придворных поваров. „Саям агасы“ имел более сложные обязанности — он ходил перед эмиром, когда тот выезжал в город и отдавал за него народу поклоны... „Шагаул“ принимал иностранных посланников и, вообще, иностранцев, представлявшихся эмиру. „Тун-катар“ дежурил ночью около спальни эмира. „Дябран“ охранял двери той комнаты,

в которой эмир принимал прошения. „Удайчи“ (двое) выступали во время торжественных выездов эмира и кричали: „да поможет господь хазрату эмиру при жизни из закона справедливости не выходить!“ „Михтар“ ведал эмирской казной. „Достар-ханчи“ подавал эмиру кушанье и, наконец, следовал самый высокий чин „кушбег“, или „визирь“—совмещавший все предыдущие должности, а также он был заместителем эмира, хранил эмирскую печать, собирал таможенные пошлины, ведал эмирскими войсками; он же назначал и всевозможных чиновников.

Бухарские дворцовые должности были весьма разнообразны, но по своему количеству они далеко отставали от западно-европейских придворных должностей. В Западной Европе и в России придворных было гораздо больше и назначение их было сложнее. Каждая придворная должность давала право на различного рода награды и пожалования. Охотников служить—в прямом смысле—царю и королю было столько, что должностей домогались как милости. Высшие государственные чины нередко соединялись с такими должностями, которые в нашем представлении ничего общего не имеют с государственным управлением. Наибольшим влиянием в московском государстве пользовался „постельничий“ боярин, стлавший царю и спавший с ним в одной комнате, но он же был и хранителем царской печати и поверенным царя в секретных делах.

Вначале государственная казна была одновременно казной государя, верховный суд—судом над феодалами, а управление войском сводилось к начальству над личной стражей, оберегавшей безопасность царя. „Кушбег“ в Бухаре концентрировал все нити государственного управления и одновременно являлся главным экономом царского двора. На Западе ему в точности соответствовали „сенешаль“ и „канцлер“, которые также были одновременно и государственными управителями, и королевскими слугами. По мере роста владений, непосредственно подчиненных королям и царям, и с ослаблением феодальной разобщенности областей, государству пришлось взять на себя много новых обязанностей по сбору доходов, разбору судебных дел, организации войска. Для выполнения всех этих государственных обязанностей, в области посылались особые уполномоченные. Во Франции такие уполномоченные носили название „губернаторов“, в Англии—„шерифов“, в России—„воевод“. Не доверяя

Государственный аппарат.

уполномоченным и боясь, что они утаивают часть государственных доходов, король назначал надзирателей из среды своих придворных, которые следили за уполномоченными. Они живут при дворе. Все придворные ведали какой либо отраслью дворцового управления, поэтому надзор за уполномоченными в округах оказывался для них делом второстепенным. Не освобождаясь от главных обязанностей (как, например, хранение царских туфель, присмотр за кухней, заботы о конюшне), большинство из них уделяло делу надзора небольшую часть времени; доходы, получаемые от правительственных округов, которые были к ним приписаны, они обращали на пополнение средств тех отраслей дворцового хозяйства, которыми они сами заведывали. Выходило так, что обувь королю приобреталась на доходы с одного округа, а расходы по столу покрывались другим. Неудобство такой децентрализации расходов сказалось быстро и заставило короля выделить заведующих определенными отраслями государственного правления—министров.

Во Франции раньше всего образовалось министерство налогов; в центре его стоял „сенешаль“ и позже „супер-интендант“, а на местах „интенданты“, которые ведали сбором налогов и отсылкой их ко двору. И в России „Большой Приход, или „Большой Приказ“ (министерство финансов), был самым ранним министерством. В московском государстве министерства назывались „приказами“. Название приказа, как указывает М. Покровский, происходит от одного корня с приказчиком. „Министры московского царя, по происхождению и характеру власти, ничем не отличались от приказчика любой вотчины. Учреждения государственного характера и различных отделов царского частного хозяйства перепутывались в приказе не менее пестро, чем города. Те и другие функции сплошь и рядом осуществляются одним и тем же учреждением. Приказ „Большой Казны“, около 1680 года стянувший к себе приблизительно половину всех государственных доходов, был настоящим министерством финансов, но его отнюдь не следует смешивать с приказом „Казенным“, который заведывал царским гардеробом, а в то же время ведал и некоторых торговых посадских людей. Приказ „Золотого и серебряного дела“ собственно занимался царской посудой, золотой и серебряной, по еще при Петре в его же компетенцию входили и некоторые полки „пнвоземного строя“—драгуны, рейтары и копейщики. Иногда, эта комбинация различных функций в одном и том же учреждении

ставит историка государственного права перед настоящей загадкой. Почему, например, конюшенный приказ заведывал сбором с бань? Ответ может быть только один: когда-то поручили оба эти дела одному и тому же приказчику, потому ли, что это был ловкий человек, который мог со многим сразу управиться, или потому, что хотели увеличить доходы старшего конюшего—персоны очень важной в московском государстве, как и соответствующий ему „коннетабль“ в средневековом французском королевстве“.

Государственный аппарат непрерывно изменялся и, постепенно, образовалась более стройная система управления, уничтожившая ненужные приказы и министерства и сохранившая лишь те, которые оказались существенно необходимыми. В момент наибольшего развития торгового капитала в России, приказная система была отменена и вместо приказов появились немногочисленные „коллегии“. То же происходило и на Западе. И там количество особо-уполномоченных сокращалось, постепенно превращаясь в централизованные министерства. Наибольшей централизации государство добилось в двух отраслях: в области финансовой и в области надзора. Судебная власть отправлялась на местах воеводами, губернаторами, шерифами, которые самостоятельно судили население. Государство не спешило создавать в центре какой либо высшей кассационной коллегии, куда можно было приносить жалобы на решения судебных уполномоченных в областях. Но сбор налогов был отделен от местных властей. Он поручался специальным уполномоченным короля или царя, ответственным лишь непосредственно перед министром. Во Франции „интендант“ был подчинен только своему шефу и совершенно не зависел от губернатора; в России воеводы также были освобождены от сбора налогов, которые были переданы представителям откупщиков.

Еще большей централизации подверглись органы полицейского надзора. Основная сила, предназначенная для усмирения и военных действий на недовольных, заключалась в войске, которое находилось в распоряжении короля. В Западной Европе—„ландскнехты“, в России—„стрельцы“ образовывали довольно большие войсковые единицы, группировавшиеся в столицах. Правда, и в областях были небольшие военные ячейки, но они не играли значительной роли. Для надзора за населением были созданы центральные местные органы сыска, всевозможные „тайные канцелярии“, „тайные приказы“ и проч. Они имели

многочисленных агентов в стране и тратили на содержание их большие суммы. Так было организовано дворянско-купеческое государство.

7. КАНУН ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА.

Международная
торговля.

После крестовых походов торговля между Востоком и Западом непрерывно развивалась. Шла она через порты Средиземного моря, главным образом, но также и через некоторые порты Северного и Балтийского морей. Венеция—на Адриатическом море, Генуя, Пиза, Барселона и Марсель—на Средиземном море, Амстердам, Бремен и Гамбург—на Немецком море, Любек, Дандиг и Бреславль и, позднее, Рига—на Балтийском море—были теми пунктами, через которые направлялась иноземная торговля. В конце XIV столетия торговый обмен между различными государствами Европы и Востоком, а также между отдельными странами внутри Европы, достиг необычайного развития. В торговле участвовали не только портовые города, но и различные крупные торговые центры внутренних областей Европы, расположенные на берегах больших рек, были втянуты в международный торговый оборот. На Западе, среди таких городов, можно отметить Флоренцию (в Италии) и Кельн (в Германии), а на северо-востоке—Новгород и Псков. От портов вглубь страны шли речные и сухопутные дороги, пересекавшие Европу во всех направлениях. Дороги служили как бы артериями, по которым с Востока шли пряности и предметы роскоши, а туда ввозились с запада ремесленные изделия и текло обратно золото и серебро, награбленные крестоносцами во время крестовых походов.

Одновременно с ввозом восточных товаров, торговцы развозили по всей Европе изделия местных ремесел и сырье, шедшее на переработку в центры ремесленного производства различных стран. В обмен между городами и отдельными странами могли идти только те ремесленные изделия, которые, в силу каких-либо условий, могли изготовляться только в определенной местности. К таким изделиям относятся суконные и шелковые материи и различные металлические изделия. Изготовление сукна и шелковых материй зависело от развития овцеводства и шелководства. И то, и другое (по климатическим и почвенным условиям) было возможно только в ограниченном количестве областей. Овцеводство было развито на севере Франции, позже в Англии, а также в низовьях германских рек, на тучных лугах приморской низменности.

Шелководство имело своим главным районом Ближний Восток, Италию и южную часть Франции. В местах добычи этих видов сырья развивалась и переработка его в ремесленные изделия, хотя, например, Англия в течение долгого времени не обрабатывала свою шерсть, а вывозила ее во Фландрию, где она превращалась в сукно.

Суконное производство обслуживало городское население, но начиная с XV в, особенно, в XVI столетии сукно получило большой спрос для других слоев населения. Непрерывные войны, которые вели между собою государства торгового капитала, требовали большого количества сукон для армии. В феодальную эпоху обмундирование и снаряжение воинов лежало на обязанности самих феодалов: государству не приходилось ни о чем заботиться. С появлением наемных войск, государство принуждено было скушать большие количества сукна для их обмундирования.

В тех странах, где суконное производство не было развито, короли начинают покровительствовать развитию местной суконной промышленности. В страну выписывались иноземные ремесленные мастера для того, чтобы завести необходимое производство. В XVI столетии Англия всячески поощряла переселение из Фландрии мастеров по выделке сукон и оказывала им помощь при открытии мастерских в английских городах. К такому же покровительству ремеслам прибегали и другие государства, если хотели организовать местное производство ремесленных изделий, которые до тех пор ввозились из других стран. Московское государство — в эпоху Петра I, и даже раньше — широко использовало этот способ организации местного ремесленного производства.

Потребность населения в ремесленных изделиях (внутреннее потребление) и, в особенности, спрос на эти изделия для внешней торговли с более отсталыми странами значительно превышали те возможности, которыми обладала городская ремесленная промышленность. Дальнейшее расширение производства сталкивалось с отсутствием у ремесленников необходимого капитала и ограничительной политикой цехов, которая вызывалась чувством самосохранения. Цехи затрудняли вложение в ремесленное производство капиталов со стороны. Они тормозили развитие системы авансов и скупки ремесленных изделий торговыми капиталистами, думая тем самым предотвратить подчинение ремесла торговому капиталу. Но, так как и в среде цехов многие

Покровитель-
ство го-
судар. власти
ремеслам.

мастера превратились в посредников — скупщиков изделий мелких ремесленников, то запретительная система цехов ударяла не по системе скупки, а по отдельным лицам. Влияние торгового капитала на ремесло не уменьшалось, проникая в цеховую среду не через купцов—посредников, а через богатых ремесленных мастеров. Статуты нюрнбергского медно-котельного и позолотного цехов в половине XVI столетия запрещали ремесленникам работать по заказам купцов, но позволяли работать для других мастеров. Таким образом, капитализм все-таки разлагал ремесленное производство и развивался несмотря на все старания цехов.

Кризисы
сбыта.

Запретительная политика цехов не только не облегчала положения ремесленников, но приводила ремесленное производство к тяжелым кризисам. Сбыт ремесленниками своих изделий на отдаленных рынках был почти невозможен, вследствие отсутствия у них оборотных капиталов. Если в данной отрасли ремесла не была развита скупка ремесленных изделий купцами (торговое посредничество), то часто наступали кризисы сбыта, которые больно ударяли по целым отраслям ремесленного производства. В Страсбурге, в XVI столетии, ткачи жаловались, что не находят сбыта свои изделия, так как они „очень бедны и не в состоянии ждать более благоприятного времени“; они обращались к капиталистам и всячески упрашивали их купить произведенные продукты. В Лионе, в начале XVII века, положение мастеров суконного цеха дошло до того, что они стали закладывать в городские ломбарды свою одежду и одежду членов семей и выпрашивать подавание. В поисках исхода, ремесленники, несмотря на запрещение цехов, стали обращаться к купцам с просьбой взять на себя сбыт их изделий.

Кустарное
производство.

Цеховая форма ремесленного производства создавала значительные затруднения для применения торгового капитала. Поэтому капиталисты обратили внимание на ремесленников в селах. В села уходили многие разбогатевшие ремесленные мастера и превращались в скупщиков. Они скупали у сельских ремесленников их изделия и организовывали сбыт на отдаленных рынках. Так как сельские ремесленники не были организованы в цехи, с ними скупщикам легче было договариваться, сбивать расценки и всячески прижимать их при расплате. Так появились в селах кустари, конкурирующие с ремесленниками и работающие на скупщиков.

Они изготовляли продукты по заказам предпринимателей из их сырья и получали за это определенную плату. Кустарное производство развивалось очень быстро и приводило к разорению ремесленников однородных отраслей производства.

На развитие кустарного производства повлияло также и продолжавшееся ухудшение жизни сельского населения. Рост налогов, малоземелье и растущая дороговизна заставляли крестьян изыскивать подсобные заработки. Кустарное производство давало эту возможность. Кустари не бросали занятия земледелием, если род промысла позволял им отдавать ему не все свое рабочее время. В тех же случаях, когда мужчина работал исключительно на скупщика, земледелием занималась его семья. В деревне развивались только такие виды кустарного производства, которые не требовали значительного оборудования и были просты по своим приемам. Члены семьи кустарей втягивались в производство—и жены, и дети—выполняя в нем различные подсобные операции. Наиболее удобным для кустарного производства было ткачество. Оно делало быстрые успехи, превращая целые селения крестьян в кустарей—ткачей.

Небольшие городки, обслуживавшие в феодальную эпоху сельскохозяйственные районы, могли выполнять свою экономическую роль только до тех пор, пока окрестное крестьянство тяготело к их рынку—для сбыта своих продуктов и закупки изделий городского ремесла. Городское ремесло было тем магнитом, которое притягивало сельское население на городские рынки. Развитие помещичьего хозяйства, производившего хлеб непосредственно для городского рынка, и разорение крестьянства привели к тому, что крестьяне почти перестали продавать хлеб на городских рынках; с появлением же кустарных промыслов в деревне, крестьяне редко покупали городские ремесленные изделия. Многие города, бойки торговавшие на своих базарах, к XVI столетию начинают пустеть и терять всякое экономическое значение.

Вследствие запустения таких мелких центров городского ремесла, разоряется масса ремесленников. В половине XVI столетия, в Англии, целая отрасль ремесленного производства сукна оказалась разоренной, вследствие развития кустарного производства в селах.

Разорение
городских ре-
месленников.

„Многие хорошие суконщики—пишет английский король в одном из своих указов—жившие в Устере и других сити и городах, и занимавшиеся выделкой сукна в продолжении 5—6 лет, при чем некоторые взяли себе и жен из среды суконщиков, были принуждены оставить свое ремесло и прекратить производству сукна к их великому обеднению и крайнему разорению множества бедных людей и ремесленников, обычно добывавших себе пропитание при помощи сказанных суконщиков“. Закрывались ремесленные мастерские, а подмастерья и ученики уходили в деревню. „Ткачи и рабочие суконщиков, прозанимавшиеся ремеслом сукнодела и ткачеством 3 или 4 года, бросают своих мастеров и, становясь суконщиками, ведут дело на свой страх, без капитала, искусства и знания к великому поношению настоящих сукноделов“. Не закончившие курс обучения, подмастерья селились в селах, и они оказывались тем слоем, из которого формировались кадры кустарей. Не видя выхода из тяжелого положения, многие самостоятельные ремесленные мастера переселились из городов в сельские местности, так как надеялись выйти там из-под надзора цехов и свободно работать на скупщиков. „За последние годы—пишется в одном из правительственных актов—лица, занимающиеся делом или мастерством изготовления сукна, перестали довольствоваться той жизнью, какой живут ремесленники и тем промыслом, на котором они выросли, и поселяются в деревнях и в тех городах, которые не принадлежат к числу сити (т. е. торговых, имеющих цехи городов) в местечках или в корпоративных городах, и здесь, занимаясь делом и становясь в положение сельских хозяев, не только скупают различные фермы и пастбища, но и увлекают за собою из сити всякого рода ремесленников“. Запретительные меры, которые принимались под влиянием цехов городскими управлениями, не приводили к цели. Кустарное производство и сельское ремесло, оказавшись в зависимости от скупщиков, продолжали развиваться, а цеховое производство падало.

О размерах разорения ремесленников нельзя привести точных данных. Тем не менее, можно сделать определенное заключение по тому количеству ремесленников, которое было в различных городах XVI столетия, и которые или совершенно перестали заниматься ремеслом, или переселились в другие страны. Наибольшее количество цифр имеется в отношении сукно-ткачества. С половины XIV столетия в некоторых городах Западной Европы сукно-ткачеством было занято значитель-

ное количество ремесленников. В Нидерландах многие города имели тысячи и даже десятки тысяч ткацких станков. В Лувене их было 4.000, столько же в Ипре, в Мехельне 3.200. В Генте 18.000 человек было занято сукно-ткачеством, в Брюгге с его округом до 50.000. С появлением кустарного производства в этой же отрасли, ремесленники большинства городов Фландрии совершенно разорились. Многие из них эмигрировали в Англию и там создали суконное производство.

Капитал делал в кустарном суконном производстве и, вообще, в кустарном производстве большие успехи. Он завоевывал себе одну позицию за другой, приводя к значительному расширению производства, но, одновременно, и к разорению цеховых ремесленников. Еще большее применение нашел себе капитал в другой отрасли производства, которая не находилась под бдительным наблюдением цехов—в горном деле.

Потребность в драгоценных металлах для нужд денежного обращения заставляла разрабатывать серебряные рудники и золотые россыпи; но, кроме того, в XV столетии началась в широких размерах разработка медных, железных, оловянных и свинцовых руд. Сырье из этих рудников едва удовлетворяло растущую потребность населения и военные надобности.

Горное дело.

Разработка руды имела место в древнейшие времена, но руда добывалась самым примитивным способом. Рудники устраивались по тому типу, который мы описывали во второй части очерка (см. стр. 142). Владение рудниками принадлежало сельским общинам, и крестьяне разрабатывали рудные залежи на свой риск и страх. Добычу руды в эту эпоху можно сравнить с современным „старательством“, которое у нас наблюдается на Лене или на Урале при промывке золота, или с крестьянской разработкой каменного угля в Донбасе. Шахты были неглубоки, никаких приспособлений для под'ема руды на поверхность земли и для откачки воды не существовало; в каждой из шахт работала одна—две семьи, обходившиеся собственными силами. Примитивна была и доставка руды (см. рисунок № 72) на „заводы“ (ремесленного типа).

После крестовых походов денежное обращение в Западной Европе увеличилось, и награбленных на Востоке металлов хватало не надолго. Пришлось обратить внимание на разработку местных рудных богатств, и, поэтому добыча руды—серебра, главным образом,—повы-

силась. Во второй половине XV столетия серебряные рудники разрабатывались в Саксонии, Богемии, Тироле, Венгрии, Зальцбурге и других местах центральной Европы. Добыча этих рудников достигала 44.000 килограмм в год, т.-е. 2.700 п. Свободные „государственные“ крестьяне, владевшие рудными участками и занимавшиеся добычей руды, были частично обезземелены государством. Оно экспроприировало самые богатые рудные месторождения и отдало их на откуп отдельным предприятиям.

За эксплуатацию рудников брались только самые крупные капиталисты того времени: государство требовало от откупщиков солидных гарантий, да, кроме того, и само производство требовало значительных издержек. Руда, находившаяся близко к поверхности земли, была уже вся вынута, шахты приходилось делать глубоко, для чего устраивались приспособления по откачке воды, удаления из штолен рудного газа и подачи руды на поверхность. Шахты, которые продолжали устраиваться примитивным способом, быстро заливались водой. Для устройства приспособления по откачке воды крестьяне-рудокопы должны были прибегать к помощи скупщиков, от которых получали необходимые средства на ведение работ. Рудные залежи, оставшиеся в распоряжении крестьян, попадали все в большую зависимость от этих скупщиков: они брали на себя продажу руды и авансировали производство. К половине XVI столетия скупщики имели в своих руках всю добычу серебра и значительную часть добычи меди и олова.

Рост капитализма.

Небольшие шахты сливались, отдельные владельцы входили в сотоварищества. Члены этих сотовариществ сами работали в шахтах и получали „долю“ из общей добычи пропорционально количеству земли и участию в производстве; вскоре, обедневшие мелкие шахтовладельцы стали продавать свои „доли“ посторонним лицам, а сами превращались в наемных рабочих. В английских рудниках олова в XVI столетии все мастера и литейщики, работавшие в производстве, а также рудокопы, были в полной зависимости от лиц, скупивших нап („доли“), и тех посредников, которые сбывали продукты производства на рынке. В Германии крупнейшие капиталисты—Фуггеры захватили в свои руки большинство серебряных рудников. Часть они получали на откуп от государства, а остальные приобрели путем скупки паев. Как расчетливые капиталисты, Фуггеры не скупали всех паев целиком; в каждом руднике они приобретали лишь большинство паев мелких пайщиков, заставляя

Рис. 72. Царовозка руды. (Царгича Рубенка).

остальных подчиниться своему руководству. Словом, Фуггеры действовали так же, как теперь в акционерных обществах акулы капитализма заставляют акционерную кильку служить интересам капиталистов и вручать им последние свои сбережения. В конце концов, серебряные рудники попали в руки представителей торгового капитала.

Разрабатываться рудники стали чисто капиталистическим способом. В них применялся наемный труд все в больших размерах. Рабочие рудокопы имели фиксированный рабочий день в 6—7 часов. На подземных работах они работали в три смены; при работах на поверхности земли — в две смены. За свою работу они получали денежную плату и хозяйские харчи. Кроме серебряных и других рудников, существовали и золотые россыпи, добыча от которых была незначительна. Эти россыпи попали в руки тех же откупщиков, и их хозяйственная эксплуатация была организована по тому же типу, что и в серебряных рудниках. В руки Фуггеров попали все золотые россыпи Венгрии.

К началу XVII столетия горное дело достигает еще более высокого уровня, усиливается разработка медных и железных рудников. Появление железных пушек потребовало громадного количества металла. Для литья его устраивались целые заводы. В 1652 году английское правительство заказало литейным мастерам 335 пушек, а через 5 месяцев еще 1.500. К этим орудиям нужно было изготовить ядра, повозки и проч. Неудивительно, что такой громадный спрос сразу поднял производство и привлек в него большое количество рабочих рук.

Таким образом, с половины XVI столетия капитализм делает значительные успехи: он проникает в такие отрасли производства, где до того безраздельно господствовали самостоятельные производители и развивает новые отрасли, не существовавшие до тех пор. Дальнейший рост капитализма упирается в архаическую (устаревшую) организацию ремесла, тормозящую развитие техники. Основательно разложив цеховую организацию, капитал превращает самостоятельных мелких производителей в наемных рабочих, сводит их в крупные мастерские (мануфактуры) и, вводя детальное разделение труда, подготавливает базу для замены человека машиной. Одновременно капитал делает попытку радикально изменить и государственный аппарат, приспособив его к своим нуждам.

8. ТОРГОВОЕ ГОСУДАРСТВО.

В тех странах, где внутренняя и внешняя торговля завоевывали новые рынки, кустарное производство расширялось, и увеличивалось количество занятых в нем людей, создавались новые отрасли промышленности, — торговый капитал все больше определял государственную политику. Экономический застой, наоборот, привел к потере торговым капиталом его позиций: интересы дворян-помещиков начали выступать вперед, наступала „реакция“, которая отодвигала купцов на второе место и частично восстанавливала феодальные порядки. В XVI и XVII столетиях торговый капитал в Западной Европе добился исключительного положения. Он стоял неофициально во главе государственного управления многих стран, он вертел и внутреннюю и внешнюю политикой. В зависимости от экономического развития отдельных стран, торговый капитал занимал в них не одинаковое место.

Экономическое развитие и формы государства.

Формы государственного устройства довольно точно отражали изменяющееся положение торгового капитала. Когда дворянство, поддерживаемое торговым капиталом, боролось за власть в государстве, то в противовес феодалам, выступившим сплоченным фронтом, оно пыталось объединить вокруг себя не только мелкое и среднее землевладение, но также и горожан. Верхи торгового капитала были заинтересованы в приходе к власти дворян; не настолько велика была заинтересованность остальных горожан — мелких торговцев и ремесленников. Во всяком случае, дворянство старалось привлечь и их симпатии, обещая различные льготы и уменьшение налоговых тягот для горожан после своего прихода к власти. Для того, чтобы ограничить притязания феодальной знати, имевшей объединенные центры в виде „вигенагемота“ в Англии, „с'езда феодалов“ во Франции, „рейхстага“ в Германии, „боярской думы“ в России, короли организовывали различные с'езды и совещания, в которые включали представителей феодалов, дворян и горожан. Такая система представительства давала возможность подавлять голоса феодалов голосами других, более демократических классов слоев населения.

В Англии и для установления новых налогов короли собирали „парламент“. Он состоял из двух палат: 1) „верхней палаты“ (лордов или пэров), в которую входили феодалы и высшие королевские чиновники, и 2) „нижней палаты“ (палаты общин) — из представителей мелкопоместного дворянства и горожан. Каждая палата

собиралась и разрешала предлагаемые вопросы отдельно. Но, так как постановления палат могли проводиться в жизнь лишь с согласия короля, а король мог присоединиться к решению любой из палат— „нижней“ или „верхней“,—то такое строение представительных органов давало возможность королю опираться на мнение нижней палаты вопреки решениям палаты лордов. Большинство налогоплательщиков были представлены в нижней палате; в ней же были и представители главной военной силы—дворянства. Поэтому значение нижней палаты было очень велико.

Во Франции совещание представителей сословий называлось „генеральными штатами“. Начиная с XIV века, „генеральные штаты“ созывались королем каждый раз, когда нужно было ввести новые налоги. Депутаты собирались по сословиям—отдельно представители феодалов, духовенства и горожан. Каждое из сословий выносило определенное решение, и король мог—так же, как в Англии—присоединиться к любому из них. Ни в Англии, ни во Франции крестьянство не принимало участия в обсуждении государственных вопросов и, вообще, не принималось в расчет... Представительство горожан также было кудое: депутаты не выбирались, а назначались городскими управлениями, в которых сидели кушцы и богатые ремесленные мастера.

В России, с половины XVI вплоть до конца XVII века, цари изредка собирали „земские соборы“, если нуждались в проведении экстренных налогов. В „земских соборах“ были представлены феодальная знать, духовенство и служилое дворянство. В XVII столетии на „земских соборах“ появляются и представители торгового капитала. Крестьянство и здесь не призывалось к обсуждению государственных дел.

Все эти с'езды, парламенты, штаты, соборы, созывались королями лишь до тех пор, пока нужно было противопоставить силе феодалов какую либо другую организованную силу. Когда дворянство стало у кормила правления, и феодальная знать была разгромлена—надобность в созыве таких совещаний отпала. В Англии в XVI столетии, когда короли почувствовали себя достаточно сильными, они распустили парламент и не собирали его в течение десятилетий; во Франции генеральные штаты перестали созываться с начала XVII столетия: в течение последующих 170 лет короли обходились без представительных органов. В России земские соборы отмерли в последней четверти XVII столетия. Словом, с усилением власти дворян-

ства, для королей делается совершенно излишним сбор совещаний из представителей сословий.

Из роспуска представительных учреждений можно было бы сделать вывод, что королевская власть стала совершенно неограниченной, и что было устранено всякое влияние на нее каких бы то ни было социальных групп. В действительности это было не так. Несмотря на уничтожение представительных учреждений, в которых были депутаты от разных сословий, (отчасти и вследствие роспуска этих учреждений), королевская власть попала в необычайно сильную зависимость от дворянства и торгового класса. Эта зависимость проявлялась не в голосованиях и резолюциях, но в непосредственном влиянии дворян, купцов и откупщиков на царскую власть и органы государства. Дворянство стояло во главе всего государственного аппарата и непосредственно им распоряжалось, торговый же класс приобрел такую силу, какой он раньше никогда не имел.

Чем было вызвано усиление влияния торгового капитала на государственный аппарат? Нуждаясь постоянно в деньгах, короли залезали по уши в долги. Ростовщики и купцы охотно давали им ссуды, рассчитывая на то, что при уплате они сумеют получить определенные выгоды. В обеспечение своевременной выплаты долгов, короли отдавали на откуп различные государственные доходы; откупщикам не только продавалось монопольное право торговли, но для взимания налогов предоставлялся в их полное распоряжение весь государственный аппарат. При таких условиях „независимость“ и „самодержавие“ многих королей и царей становились фикцией. В некоторых случаях фиктивность королевского самодержавия обнаруживалась необычайно ярко. Германский „император“ Карл V (в XVI веке) был ставленником торгового капитала. Он и не скрывал этого. На престол он попал только потому, что заранее обещал крупнейшим капиталистам того времени—Фуггерам и Вельзерам—передать прибыльные монополии и откупа. Купцы организовали его избрание курфюрстами (великими князьями) таким образом: каждому из курфюрстов они вручили перед „актом избрания“ приличную сумму денег и... избирательные бюллетени с именем Карла. Все царствование этого „народного избранника“ проходило в сдаче государственных доходов на откуп своим кредиторам и в предоставлении им различного рода

Зависимость
государств.
аппарата
от торгов.
капитала.

концессий. В выборе этого „самодержавного“ царька участвовали не только немецкие капиталисты: часть денег на „избрание“ вручили и генуэзцы, и фламандские банкиры. Мог ли при таких условиях Карл V ввести „самостоятельную“ внутреннюю и внешнюю политику? Конечно, интересы торгового капитала обеспечивались такими дарами в первую очередь. В других странах капиталисты не выступали так открыто, но от этого их влияние несколько не уменьшалось.

Регалии.

Изыскивая средства для пустующей казны, короли не прочь были и сами торговать. Для этого существовал удобный путь—объявление „регалиями“ (королевской собственностью) некоторых предметов внешней и внутренней торговли. Московские цари пытались в XVII столетии ввести государственную монополию на хлеб при торговле им с заграницей и объявить своей регалией торговлю шелком, который шел транзитом из Персии за границу; они ввели винную монополию внутри страны, отдав ее на откуп капиталистам. „Царев кабак“, как называлась эта монополия, давала большие доходы царской казне. То же делали и другие короли. Испанский король, например, объявил регалией торговлю золотом и серебром, португальский—золотом и слоновой костью и т. д.

Одного объявления регалий было все же недостаточно для того, чтобы получать доходы. Государственный аппарат оказался совершенно неприспособленным к тому, чтобы самостоятельно торговать. Без помощи капиталистов регалии приносили настолько незначительные доходы, что приходилось или отказаться от них, или переуступать капиталистам. Для эксплуатации различных регалий нужен был сложный торговый аппарат, который мог бы скупать товары, складывать в базисные магазины и распродавать внутри страны или за границей; нужны были оборотные капиталы. Ни того, ни другого у государства не было. Необходимость обращения к купцам была быстро осознана представителями государственной власти; большинство регалий было передано различным купеческим компаниям на определенных условиях. Наиболее богатые купцы составляли группы, которым—за круговой порукой—государство передавало право закупать от его имени необходимые товары и реализовать их, отчисляя в королевскую казну часть торговой прибыли.

В России купцы—уполномоченные государственной власти,—назывались „гостями“. Они раз'езжали по всей стране, имели свои склады и агентов, скупали монополизированное сырье, сортировали его и продавали. Государство получало от этих регалий, переданных на откуп, солидные доходы. Но и гости получали не меньше. Купцы, выступавшие царскими уполномоченными, не прекращали своих частных операций; очень трудно было отличить, где кончаются государственные полномочия „гостя“ и где начинаются интересы его собственного кармана. В результате, вся торговля—как внутренняя, так и внешняя—оказалась частным делом купцов.

В Португалии, Голландии и Англии наиболее крупные операции по торговле с заграницей, по вывозу сырья из других стран и продаже изделий ремесла попадали в руки могучих купеческих компаний, получивших исключительное право вести эти операции.

Об'единения купцов, торговавших с заграницей, не были явлением, свойственным только XVI столетию. И раньше существовали такие компании, а одна из них—нижне-немецкий союз, под названием „Ганза“—получила мировую известность. „Ганзой“ называлось всякое купеческое товарищество, имевшее своей целью защиту купцов во время торговых операций. Нижне-немецкая „Ганза“ была союзом не отдельных купцов, а купеческих гильдий различных портовых и других крупных городов. С течением времени, купечество приобрело в этих городах большое влияние и взяло в свои руки городское управление. Города откупались от феодалов, получили внутреннее самоуправление, превратились в, так называемые, „вольные города;“ союз купеческих гильдий, фактически руководивших свободными городами, сделался союзом городов, входивших в одну компанию внешней торговли под названием „Северо-Германская Ганза“.

В XIV и XV столетиях Ганза об'единяла все вольные города Балтийского и Немецкого морей. Ее членами состояли также некоторые наиболее могущественные города континента. В противовес раздробленным феодальным владениям центральной Европы, Ганза в XIV веке была мощной централизованной державой—союзом из 90 городских торговых общин, обязавшихся не только торговать сообща, но и обороняться против всякого покушения со стороны феодальных соседей.

Ганза торговала и сырьем, и ремесленными изделиями. На своем главном пути (Брюгге—Новгород)

Ганза.

Ганза возила на север шерстяные и шелковые ткани, полотно, обувь, пиво, металлические и галантерейные товары. Все это она выменивала в Новгороде на меха, кожи, мед и воск. Из Швеции Ганза везла камни для построек, железо и медь; из других северных стран— хлеб и рыбу. По всей Центральной Европе она развозила предметы роскоши с Востока и пряности. Вторым путем Ганзы, имевшим меньшее значение, был путь из немецких портов в Лондон. В Англию Ганза везла вина, шелковые материи и сукна, а оттуда вывозила грубую шерсть для фландрских мастерских.

Портовые города, участвовавшие в Ганзе, становились центрами, в которых необычайно развивалась и росла промышленность; население быстро увеличивалось; появлялись новые отрасли производства, работавшие не для сбыта внутри страны, а исключительно для вывоза.

По типу северо-германской Ганзы организуются и другие союзы купечества— в Италии, Испании и Португалии, но до половины XV столетия они не имели большого экономического значения и конкурировать с Ганзой не могли.

Когда в половине XV столетия Константинополь— центральный рынок восточной торговли— попал в руки турок, международная торговля Европы оказалась в тупике. Поступление восточных товаров приостановилось; многие торговые фирмы были разорены, и даже могучая Ганза почувствовала недостаток товаров. Торговые организации стали искать новых путей для торговли с Востоком. Они пытались завязать непосредственную связь с Индией и Китаем, минуя Малую Азию.

Морские экспедиции, целью которых был прямой морской путь в Индию, снаряжаются на средства торговых компаний и приводят к открытию новых стран.

Открытие
Америки.

В 80-х годах XV столетия португальским купцам удалось обогнуть южную оконечность Африки, но путь через океан был необычайно опасен. У мыса Доброй Надежды постоянно разыгрывались бури и разбивались корабли. Поиск более близкого и менее опасного пути привели к тому, что генуэзец Колумб снаряжает, при помощи испанского правительства, экспедицию, которая отправилась не на Восток, а на Запад. По этому направлению Колумб надеялся открыть более близкий путь в Индию. Вместо Индии экспедиция наткнулась— на полпути предполагаемого маршрута— на группу островов (Куба и Гаити), которую приняла за материк.

Открытия Колумба и других мореплавателей, подерживавших связь с Америкой и островами, не дали тех результатов, которые ожидалось от них торговыми и феодальными кругами Испании. На первых порах Америка не принесла ни золота, ни восточных товаров. Однако, дальнейшие открытия привели к находке больших серебряных рудников в южной Америке, и, лет через 40—50 после экспедиций Колумба, серебро потекло широким потоком в Европу.

В конце XV столетия одному из руководителей португальских торговых экспедиций, Васко де-Гама, удалось, объехав южное побережье Африки, достичь Малабарского берега Индии. Следующие португальские мореплаватели достигли Индо-Китая и завязали с ним торговые сношения.

Морской путь
в Индию.

Центр мировой торговли передвинулся. Ганзейские города потеряли свое первостепенное значение; начали развиваться южные портовые центры, главным образом — Лиссабон. Восточные товары из Индии и Индо-Китая вывозились в Европу в большом количестве; но еще больше привозилось в Европу американского серебра из южно-американских рудников и золота, награбленного в туземных странах. Все это свозилось в Испанию и оттуда расходилось по Европе.

Колониями (так назывались вновь открытые страны) обзавелись все торговые государства. Португалия обзавелась многочисленными факториями (места для закупки и сбыта изделий) в Африке и в Азии. На побережье Индии она соорудила несколько крепостей, которые превратились в опорные пункты для продвижения португальских купцов внутрь страны. Купцы своеобразно понимали задачи торговли: они приходили во вновь открытые страны с большими военными отрядами и, попросту, отнимали местные богатства у туземцев. Португальские купцы, торговавшие с Индией, были организованы в компании, которые — формально — выполняли королевские поручения. Все предметы колониальной торговли были объявлены королевскими регалиями и, поэтому, купцы считались королевскими уполномоченными. Монополия колониальной торговли, в сущности, была монополией грабежа. Население колоний приучалось смотреть на европейцев, как на разбойников, а сами купцы смотрели на туземцев, как на дойных коров.

Колониальная «торговля».

Грузы из Индии привозились в Лиссабон и здесь распродавались пноземным купцам. Все индийские товары скупались предприимчивыми нидерландскими купцами. Сохранив значительный транспорт от своих северных торговых экспедиций в эпоху наибольшего развития Гавзы, нидерландцы развозили скупленные товары по всей Европе. Таким образом, выгоды от колониальной эксплуатации Индии получали не только португальцы, но—в еще большей степени—нидерландские купцы.

Монополия торговли с колониями несколько не обогащала ни Испанию, ни Португалию в целом. Королевские дома в этих государствах получали, конечно, от торговли большие выгоды; богатели и члены колониальных торговых компаний. Но население обих стран непрерывно нищало. Грабительский характер торговли приводил к тому, что ни в Испании, ни в Португалии не развивались ремесла и промышленная жизнь. Деньги доставались очень легко, все необходимое для верхушек общества можно было покупать за границей. Не было нужды поощрять собственное ремесленное производство. В результате, городское население почти не увеличивалось, а сельское разорялось, не будучи в силах конкурировать с ввозом дешевого хлеба. Так сказалась на этих странах колониальная политика.

После распада Гавзы, в руки нидерландских купцов попала вся торговля Европы. Торговые операции субсидировались крупнейшими купцами Германии и Фландрии. В XVI столетии нидерландцы сумели закупить у португальцев все восточные пряности и сделались монопольными поставщиками их для Европы. Нидерландские торговые компании богатели и строили все новые и новые корабли. Обзаведясь собственным флотом, нидерландцы решили сами завязать непосредственную связь с Востоком. Они достигли Индо-Китая, стали вывозить туда изделия средне-европейской ремесленной промышленности и на островах Зондского архипелага основали многочисленные фактории.

Нидерландская «Ост-индская компания».

В 1602 году нидерландские купцы объединились в „Ост-индскую компанию“ для торговли с Востоком. Основной капитал компании составлял 6½ милл. флоринов. О том, как велики были доходы компании, можно судить по размеру ежегодных выплат, делавшихся компанией в пользу государства: „Ост-индская компания“ платила за монопольное право торговли в колониях ежегодно 8 милл. флоринов! За эти деньги

Рис. 73. Покорение Сибири. (Картина В. Верещагина).

она получала право вести торговлю пряностями, получившимися с островов—Цейлона, Зондских и Молукских—а также полуострова Малакки. Нидерландцы удалили с этих островов всех европейцев, завели там многочисленные плантации, на которых нещадно эксплуатировали туземцев. Все те туземцы, которые не соглашались работать на плантациях, или которые протестовали против введенных нидерландцами условий работы, беспощадно истреблялись. Фактически, „Ост-индская компания“ была не только торговой, но и самостоятельной государственной организацией, имевшей значительную территорию на островах Зондского архипелага.

Колонии подобного же типа завели и другие страны: Англия—в Северной Америке, там же получила значительное количество земель и Франция. Для России колонией служила Сибирь, захваченная в XVI—XVII столетиях (см. рисунок № 73). Словом, в половине XVII столетия все торговые государства стали обладателями колоний.

Эпоха первоначального накопления.

Путем беззастенчивой эксплуатации туземцев колоний, купцы старались накопить капиталы. Эпоха начала колониальной политики имела большое значение для дальнейшего развития капитализма в Европе. Накопленные капиталы были вложены в промышленность и создали материальную базу для появления крупного капиталистического производства. Вот почему К. Маркс назвал эту эпоху „эпохой первоначального накопления“.

Рост международной торговли привел к образованию мировых торговых центров. Первым таким центром был Амстердам (в Голландии). С изменением взаимоотношений между отдельными странами, втянутыми в международный торговый оборот, должна была измениться и внутренняя политика этих стран и их государственное устройство. Купечество в тех странах, которые получали наибольшие выгоды от колониальной торговли, приобрело значительную силу внутри своих стран и не могло уже мириться с тем зависимым положением, в которое ставила их существовавшая форма государственного устройства.

Нидерланды.

Нидерланды были провинцией—сначала Германии, а потом Испании. Между тем, экономическое значение Нидерландов было гораздо больше, чем Германии.

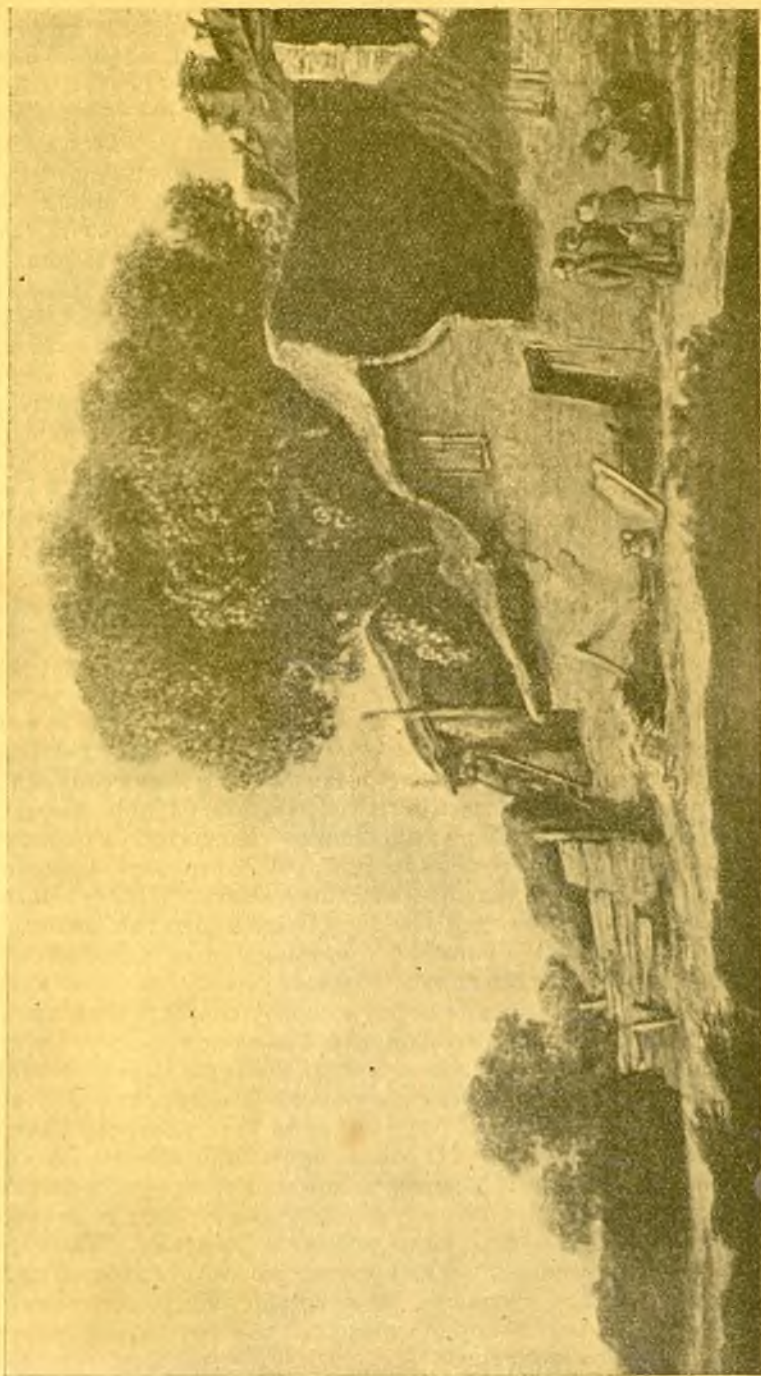

Рис. 74. Голландский пейзаж. (Картина Гофена)

и Испании, вместе взятых. Политическая зависимость Нидерландов от других стран необычайно тяготила нидерландских купцов. Они должны были уделывать часть своей прибыли иноземным государям. В XVI веке Нидерланды состояли из 17 провинций, расположенных на территории современной Бельгии и Голландии. Северная часть (см. рисунок № 74) Нидерландов лежала у устья рек, протекавших по центральной Европе. Она замыкала собою выход из этих стран к морю и являлась местом, куда свозились товары из Германии, Чехии и Швейцарии. Портовые города, расположенные у устья этих рек, были центрами торговли всей Средней Европы. Количество земли, годной для занятия земледелием, в Нидерландах было не велико; пашни приходилось отвоевывать у моря, поэтому земледелие могло обеспечить лишь немногих. Большинство населения занималось рыболовством и мореходством.

Юго-западная часть Нидерландов — Ф л а н д р и я — была заселена необычайно густо. Вдоль главной водной артерии страны — реки Шельды — было выстроено много городов, в которых преобладала суконная промышленность. Знаменитые фризские сукна были одним из главных предметов торговли ганзейских городов. В XVI веке фландрская суконная промышленность стала переживать кризис. Кризис был вызван двумя причинами: с одной стороны влияла конкуренция Англии, в которой зарождалось собственное суконное производство, с другой стороны кризис вызывался и политическими причинами — переходом Нидерландов из под владычества Германии под владычество Испании. Устранить первую причину конкуренции было трудно. Овцеводство в Англии делало большие успехи. Шерсть вывозилась в Англию до тех пор, пока в Англии не существовало своей суконной промышленности, но, с организацией в английских городах местного суконного производства, английские суконные товары могли производиться значительно дешевле фламандских, вследствие близости производства к месту добычи сырья. Конкурировать с английскими сукнами фландрские изделия могли только в том случае, если бы удалось удешевить производство. Цеховая промышленность не поддавалась никаким искусственным мерам удешевления производства, и поэтому фландрские купцы перенесли свою деятельность из городов в деревни. Там они устроили суконные мастерские, которые производили сукна гораздо дешевле, чем городские ремесленники, но тем самым в корне убивали все городское ремесленное производство.

Вторая причина была еще сложнее. Зависимость Нидерландов от Испании была источником всевозможных бед для этой страны. Испания смотрела на Нидерланды как на источник дохода, облагала купцов различными поборами и отделила Нидерланды от окружающих стран таможенным барьером. Фламандские сукна находили наибольший сбыт в Германии и в северных странах. С момента перехода Нидерландов под власть Испании, Германия оказалась отделенной от Нидерландов пограничными таможенными; свободный доступ фландрских сукон в эту страну прекратился. Кризис сбыта фландрских сукон привел к разорению городского населения. Жители Нидерландов воспринимали поэтому господство испанцев, как главную причину их разорения и прекращения сбыта ремесленных изделий Фландрии.

В некоторых городах недовольство испанским владычеством выразилось в ряде возмущений, с которыми испанское правительство повело самую решительную борьбу. В Нидерланды была отправлена карательная экспедиция под начальством испанского феодала—герцога Альбы. Первые же шаги Альбы привели к тому, что разрозненные вспышки превратились в общее восстание. Альба расправлялся с повстанцами жестоко: он их тысячами вешал, пытал, высылал. Восстание разрасталось, к городским низам присоединилось местное дворянство и все торговцы, которые были взбудоражены введением нового налога, называвшегося „алькабала“ и состоявшего в отчислении в пользу государства 10% со всякой торговой сделки.

Несмотря на усилия испанцев, восстание никак нельзя было ликвидировать военными мерами. Затянувшаяся карательная экспедиция требовала громадных денег. Доходы поступали вяло, и испанские солдаты в течение многих месяцев оставались без жалованья. Среди них вспыхнул бунт. Солдаты захватили город Антверпен, разграбили его и сожгли. Разграбление Антверпена подняло и южную часть страны, которая до того оставалась спокойной. В 1576 году представители восставших собрались в Генте и здесь образовали „общенидерландский союз“. Испанцы добились своей политикой лишь объединения всех недовольных, к которым примкнули, кроме горожан и крестьян, также значительная часть дворянства. Обще-нидерландский союз оказался непрочным. В южных областях был силен феодализм, так как там преобладало дворянское землевладение. Боясь восстания городских низов, южное

Революция
в Нидер-
ландах.

дворянство откололось от восставших и перешло на сторону испанского короля. Тогда семь восставших северных областей образовали постоянный союз в Утрехте (в 1609 г.). Этот союз известен под именем „утрахтской унии“. Союзники обязались поддерживать друг друга в борьбе против испанцев и всячески защищать свою независимость. В основе союза лежало признание самоуправления областей и городов, полная независимость в отношении местных дел; что же касается военного дела и сношений с другими государствами, то области обязаны были выступать сплоченным фронтом и создать централизованный орган государственного управления.

Утрехтский союз не прекращал военной борьбы. С переменным успехом, война с испанцами продолжалась 41 год. За это время фландрская индустрия оказалась совершенно разрушенной. Ремесленники и обученные подмастерья перекочевали частью в Англию, частью в северные провинции, где и создали новое производство. В 1609 году испанцы принуждены были заключить с восставшими мир, по которому отделившиеся провинции были признаны самостоятельным государством под названием „Соединенных Штатов“ или Голландия.

Голландская
республика.

„Соединенные Штаты“ были республикой, в которой политическое верховенство принадлежало торговому классу. Основной экономической базой этой республики были многочисленные города. Городское управление повсюду находилось в руках богатейших купеческих фамилий. Никаких выборов в органы городского управления не существовало. Городские советы, состоявшие из 30—40 членов, составлялись следующим образом: наиболее богатые семьи купцов выдвигали своих представителей, которые сохраняли полномочия в течение всей своей жизни и даже передавали по наследству. Каждая из провинций, входивших в союз, имела свои „штаты“, т. е. представительный орган, в котором были депутаты от горожан и от дворянства. Наибольшее количество представителей дворян в местных штатах было в южной части страны, но и там оно не превышало 1/3 всех депутатов: купечество обладало повсюду наибольшим количеством представителей. Во главе государства стояли федеративные „генеральные штаты“. В них входили представители областных штатов, в которых было засилье представителей торгового капитала; поэтому, и в генеральных штатах большинство принадле-

жало купцам. Для внешних сношений генеральные штаты выделяли особо-уполномоченного, называвшегося „великий пенсионарий Голландии“. „Великий пенсионарий“ был одновременно председателем генеральных штатов. Военно-морские силы Голландии находились в подчинении главнокомандующего, „стат-голдера“. „Стат-голдер“ выбирался, обычно, в пределах одной и той же аристократической семьи—герцогов Оранских, так что и его власть, в конце концов, оказалась наследственной. Итак, строение купеческой республики было далеко от демократизма. Никакого правильного представительства отдельных социальных групп не существовало. Несмотря на кажущуюся выборность, всюду господствовало купечество, которое безраздельно управляло всеми государственными делами.

Многочисленный торговый флот, имевшийся в распоряжении республики, требовал для своего обслуживания большого количества рабочих, матросов, рабочих на судостроительных верфях, грузчиков и проч. Пока заморская торговля развивалась нормально, положение этих рабочих было сносным, но, как только в иноземной торговле получалась маленькая заминка, и торговые операции сокращались, среди матросов и пролетариата, обслуживающего транспорт, возникала безработица. Недовольство нидерландского портового пролетариата выражалось в стачках и небольших вспышках возмущения; но они редко приводили к желательным результатам. Голландская „купеческая демократия“ каждый раз показывала здесь свое истинное лицо. Для подавления стачек и возмущений всегда почти применялась вооруженная сила, которая была недостаточна для ведения внешних войн, но вполне пригодна для полицейских усмирений.. Таково было типичное торговое государство начала XVII столетия. Торговый капитал в нем царствовал неограниченно, он не делил ни с каким другим классом своей власти. В голландской купеческой республике права городских низов и пролетариата были ничуть не лучше защищены, чем в полицейско-бюрократических государствах соседей.

Торговый капитал пытался стать у власти и в других государствах. Для Англии внешняя торговля имела большое значение; но так как из Англии вывозилось сырье, а туда привозились, главным образом, ремесленные изделия, то в стране почти не увеличилось количество денег. С целью увеличить доходы

Английская
внешняя
торговля.

казны, английские короли поощряли переселение в страну иностранных ремесленников и организацию ими своего производства. Одновременно была сделана попытка создать вывоз хлеба, для того, чтобы улучшить положение сельского хозяйства. Эта поощрительная политика государства известна под именем меркантилизма.

Меркантилизм.

М. Вебер так определяет меркантилизм: „Меркантилизм есть возведенное в политический принцип поддержание предпринимательства с целью обогащения“. Первые признаки меркантилизма появились в Англии в конце XIV века, но только к половине XV века меркантилизм сложился окончательно. Почувствовав сильные денежные затруднения, государство издало акт (в 1440 году), по которому 1) все иностранные купцы, привозящие в Англию товары, должны были полученные за них деньги обращать в английские товары и 2) английские купцы, отправляющиеся за границу, должны привозить в Англию хотя бы часть своей выручки в наличных деньгах. Таким путем государство хотело привлечь в страну деньги, оживить экономическую жизнь и, тем самым, увеличить государственные доходы.

Представители английского торгового класса получили различные льготы, которые должны были их поставить в более привилегированное положение по сравнению с иноземными купцами. Однако, сохранение государственных монополий привело к тому, что всеми „поощрительными“ мерами воспользовались только крупнейшие капиталисты. Они откупили монопольное право торговли с определенными странами; по образцу голландской ост-индской компании, в Англии были образованы компании—„русская“, „турецко-левантинская“, „африканская“ и „ост-индская“. Наибольшее значение среди всех этих компаний имела ост-индская. Она захватывала в пределах Индии все большие территории и постепенно вытесняла оттуда португальцев.

Войны из за колоний.

В первой четверти XVII столетия внешняя торговля Англии достигла больших размеров, но попытки укрепиться в колониях привели к столкновению с ранее осевшими там испанцами и португальцами. Возникли войны. Для ведения войн нужны были деньги, между тем как парламент, составленный в большинстве из представителей купечества, недовольного государственными монополиями, очень скудно их отпускал. Тогда король, опираясь на дворянство, решил обойтись без

парламента. В течение 11 лет налоги собирались без всякого одобрения представителей сословий, и парламент не созывался. Оказалось, что парламент нужен не только для одобрения налогов, но и для правильного их взимания... Налоговый пресс работал плохо, денег поступало в казну все меньше и меньше. Когда (в 1640 году) вспыхнуло восстание шотландцев, королю пришлось созвать парламент, чтобы добиться от него денег на новые расходы. Парламент оказался недостаточно сговорчивым, деньги отбускал в небольшом количестве, но сумел сгруппировать вокруг себя всех, кто был недоволен внутренней и внешней политикой королевской власти. Король пытался арестовать нескольких наиболее видных членов парламента, но достиг этим не умиротворения, а как раз обратного: возмущение действиями короля сделалось настолько сильным, что, опасаясь за свою жизнь, король принужден был бежать из Лондона.

Для борьбы с парламентом, король стал собирать армию, в которую вошли представители феодальной знати и провинциального дворянства. Но и парламент, в своем большинстве, оказался не менее воинственно настроенным, чем король. Он приготовился к отпору и сформировал многочисленные войска из ремесленников, торговцев и мелкопоместных дворян. Возникла гражданская война. Она не была напряженной и не изобиловала крупными боями, так как парламентское большинство, состоявшее из представителей торгового класса и мелкого дворянства (дворянско-купеческий блок), надеялось на соглашение с королем. Оно требовало только отмены государственных монополий и изменения политики по отношению к дворянству.

В дело вмешалась третья сторона, на которую никто не рассчитывал. Ремесленники, мелкие торговцы и фермеры, принадлежавшие к секте пуритан*), примкнули к войскам парламента и в одном из сражений одержали над королевскими войсками крупную победу. После этой победы значение пуританского отряда возросло. Пуритане превращаются в основное ядро войск повстанцев и добиваются коренных реформ повстанческой армии. Армия составляется из наемников, большинство которых принадлежало к сектантам. Горожане составляли основную группу этой повстанческой армии. Армия превратилась в

Английская революция.

*) Пуритане («очистители») были разновидностью кальвинизма, пересаженного на английскую почву.

самостоятельную силу, которая ни мало не считалась с парламентом, возглавлявшим восстание. Во главе новой революционной армии стал бывший мелкий помещик—Кромвель, пользовавшийся популярностью за свою храбрость и организаторские таланты.

Армия
Кромвеля.

Армия Кромвеля имела своеобразную организацию. Солдаты интересовались не только военными делами: для решения общественно-политических дел у них существовали правильно организованные собрания, которые начинались обычно пением божественных гимнов, но заканчивались принятием политических резолюций. Для сношений с другими организациями, солдаты выдвигали представителей, которые назывались „агитаторами“. Из агитаторов были образованы постоянные совещания по типу советов солдатских депутатов 1917 г. Организованная таким образом армия представляла из себя не только военную, но и политическую силу. Кромвелевская армия предъявила и королю, и парламенту—одновременно—ультиматум. От парламента она потребовала передачи ей короля, который находился в плену у парламента, а от короля—признания однопалатной системы народного представительства, свободы вероисповедания и проведения различных социальных реформ. Мелкопоместные дворяне, узнав о захвате кромвелевскими солдатами короля, поднялись на его защиту. Они соединились с феодалами и к ним примкнули также крупнейшие купцы Англии, перепуганные социальными требованиями солдат. Гражданская война снова вспыхнула, но кромвелевская армия и здесь одержала победу. После попытки к бегству, король был судим и казнен, монархия уничтожена, и Англия провозглашена республикой.

Англия—
республика.

Парламент продолжал оставаться у власти. Он выдвинул „государственный совет“, который состоял из 40 членов. В этом совете представителей радикального течения, требовавшего коренных социальных преобразований, было меньшинство. Большинство принадлежало к довольно двусмысленным сторонникам демократии: целью их было, во что бы то ни стало, устранить возможность захвата власти в государстве народными низами. Когда армия увидела, что парламент не только не проводит необходимых социальных реформ, но и всячески тормозит их, она разогнала парламент и созвала „конвент“ (учредительное собрание), в который попали в большинстве представители сектантов.

Конвент, несмотря на свой необычайно благочестивый вид, всерьез занялся проведением социальных реформ. Он ввел гражданский брак, свободу совести, реформировал суд, отменил церковную десятину. Но деятельность конвента оказалась не всем по сердцу. Среди победителей произошел раскол. Армия не была однородна в социальном отношении. Среди нее были „умеренные“, отражавшие воззрения провинциального купечества, среднего лондонского купечества и богатых ремесленных мастеров.

Умеренные
и уравнители.

„Умеренные“ хотели создать торговую республику по типу голландских соединенных штатов. Они довольствовались небольшим изменением государственного аппарата и, во всяком случае, восставали против коренных преобразований, могущих изменить обычные сложившиеся отношения. Другая часть армии, отражавшая воззрения городских пизов и, отчасти, мелких фермеров, желала полной демократии, полного равенства. Поэтому они назывались уравнителями — „левеллерами“. Левеллеры требовали однопалатной системы, всеобщего избирательного права, ежегодно собираемого парламента и перераспределения земель, т. е. конфискации земель у помещиков и раздачи их фермерам и крестьянам. „В начале времен — говорили левеллеры — великий творец — Разум создал землю и положил ей быть общим для всех достоянием“. „Земля должна принадлежать тем, кто на ней работает“, а поэтому помещики должны быть лишены земли и прогнаны из своих поместий. Кромвель встал на сторону умеренных. Бывший мелкий помещик не мог сочувствовать крупным социальным переменам, которых требовали левеллеры; частная собственность и подчинение крестьян помещикам — были для него святыней. Выступление левеллеров встретило с его стороны резкий отпор, а при попытке провести эти требования в жизнь, он стал применять против левеллеров вооруженную силу.

При такой разнородности армии, постановления конвента не были в состоянии удовлетворить армию в целом. И правая, и левая сторона оказались одинаково недовольными деятельностью конвента. Конвент был распущен.

Боязнь левых — в лице левеллеров, с их крупными социальными притязаниями — и правых — феодалов и откупщиков — заставила „умеренных“ прибегнуть к военной диктатуре. Опираясь на большинство армии,

Протекторат
Кромвеля.

Кромвель произвел государственный переворот; сам он был назван „протектором“ (регентом), получил право безконтрольного назначения на все государственные должности угодных ему лиц и самостоятельного сбора—без согласия парламента—налогов, „достаточных для содержания армии и флота“... Парламент остался существовать; он получил даже законодательную власть, но просуществовал недолго. При первом же конфликте Кромвель его распустил.

Чьи же интересы защищал протекторат Кромвеля? В течение 5 лет своего протектората Кромвель вел совершенно определенную политику. Внутри страны он пытался создать базу для развития промышленности, поощряя всячески вывоз товара за границу и содействуя развитию торговли. Ему пришлось вести многочисленные войны; часть из них была обороной против феодалов и их попыток реставрации, но большинство было войнами внешними. Для того, чтобы уничтожить главную конкурентку английской внешней торговли—Испанию, он объединился с Голландией, вошел в соглашение с итальянцами, и благодаря этим союзникам, захватил ряд опорных пунктов для морской торговли. После победы над Испанией началась таможенная война с Голландией, которая привела к усилению английской вывозной торговли. Все это указывает на истинный характер кромвелевской внутренней и внешней политики: та и другая были в интересах торгового капитала. Но торговый капитал не во всех своих слоях был заинтересован в этой политике одинаково. Крупнейшие лондонские капиталисты — откупщики и банкиры, ссужавшие колоссальные деньги прежним королям и земельным собственникам, были недовольны сменой государственных руководителей. Они мечтали о возврате прежних королей, так как надеялись при помощи них получить опять прежние откупа и монополии. Верхушки торгового капитала, поэтому, поддерживали феодальную реакцию.

Феодальная
реставрация.

По смерти Кромвеля, феодалы снова захватили государственную власть. Королевская власть была восстановлена, и от реформ Кромвеля не осталось почти ничего. Попытка ввести в Англии республиканское правление, на подобие голландского, оказалась преждевременной. Торговый капитал в Англии не накопил еще достаточно сил, чтобы управлять государством самостоятельно, не деля власти с дворянством. В руках феодального дво-

рянства были громадные земельные владения; кроме того, они были распорядителями всего шерстяного сырья, без которого не могла развиваться суконная промышленность. Игнорировать такую экономическую силу, как крупное землевладение, было нельзя. Единственным способом, который мог бы сразу покончить с экономическим значением крупных помещиков, была конфискация их земель. На такую меру предстатели купечества решиться не могли: они понимали, что конфискация земель есть нарушение права частной собственности, и что такая крупная мера, проводимая в государственном масштабе, в конце концов, „потрясла бы основы“, так как это было требование левеллеров, которые боролись не только против феодалов, но и против самого купечества. Принужденные колебаться в выборе между дворянским господством, с одной стороны, и призраком социальной революции — с другой, купцы выбрали дворянство. Так погибла английская республика. Власть феодалов, ограниченная в XVI столетии парламентом, снова возродилась.

В половине XVII столетия большинство европейских стран было монархиями. Кажущееся „самодержавие“ королей и царей в действительности было фикцией, так как ограничивалось дворянством и верхушками торгового класса. Блок среднего помещичьего землевладения и торгового капитала составлял ту форму государственности, которая известна под именем „полицейско-бюрократического государства“ или „абсолютной монархии“. В тех же странах, где торговому капиталу удалось захватить власть — в наиболее развитых в экономическом отношении странах, как, например, — в Голландии, формальная „республика“ была в действительности самой неприглядной формой диктатуры торговых капиталистов над городскими низами и крестьянством.

9. СЕМЬЯ И БРАК В ЭПОХУ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА.

Семейный уклад какой либо эпохи можно определить по тому положению, которое занимает в нем женщина. Место женщины в семье, уважение к ней со стороны мужа и детей, отношение к ней родителей и братьев — все это определяется уча-

Положение женщины в семье и ее роль в производстве.

стием женщины в хозяйстве и ее ролью в нем.

У народов-земледельцев, в родовом обществе, положение женщины было высокое, потому что в земледельческом хозяйстве женщина играла далеко не последнюю роль. На ней держалась значительная часть операций по сбору урожая и вся переработка продуктов в хозяйстве. У народов скотоводов, особенно у тех, у которых скотоводство не вышло из кочевой стадии, положение женщины граничило с рабством: ее покупали и продавали, как вещь, наследовали, уступали в виде подарков. Унизительное положение женщины у скотоводов вполне соответствовало ее зависимой роли в скотоводческом хозяйстве: она была лишь домашней хозяйкой, а уход за скотом лежал исключительно на мужчине. Там, где женщина выполняет лишь обязанности домашней хозяйки, изготовительницы плщи, воспитательницы детей, но где она активно не участвует в основных промыслах, — она всегда находится в зависимом положении.

В обществе феодальном и на заре капитализма — в эпоху развития торгового капитала — положение женщины в семье определялось теми же причинами. В различных классах и сословиях той эпохи положение женщины было не одинаково. В высших сословиях женщина была, главным образом, орудием наслаждения, а по своей роли в хозяйстве — паразитом. У купцов и ремесленников она была домоправительницей, у крестьян — работницей. Такое различное значение женщины должно было отражаться и на ее положении в семье:

Положение женщины в семье феодала.

Женщина из класса феодалов была свободна от всех обязанностей по добыванию средств к существованию. Сообразно паразитической роли мужчины-феодала, который ничего не организовывал и не производил, а только потреблял, женщина из феодальной семьи также была освобождена от всяких хозяйственных забот. Об удобствах феодальной семьи заботились управляющие, приказчики, экономы, слуги. Женщина же, если она была молода и красива, была только половым существом. Идеал женщины в феодальную эпоху заключался в утонченности, изнеженности и покорности.

Как ценный хрупкий цветок выращивалась феодальная девушка в замках, теремах и гаремах. От нее удалялся всякий намек на работу. Ее оберегали, как

вещь, которую можно при неосторожном прикосновении испортить. Родители растили девушку для того, чтобы сбыть ее подороже при выдаче замуж, и охрана целомудрия, которое считалось наибольшим достоинством женщины, вызывалась тем же корыстным расчетом. Но вот, девушка подросла и сделалась невестой. К заботам родителей присоединялись заботы жениха, которые не прекращались и после того, как девушка становилась женой: муж продолжал ревниво оберегать жену, но уже из других соображений. Он боялся похищения, насилия со стороны других людей, но еще больше он боялся измены со стороны своей жены... Как же совместить было затворническое содержание женщины, строгое воспитание, имеющее целью полнейшее неведение и покорность, и—сознательное стремление к измене, которое приписывали феодалы своим женам, и от которого можно было спастись лишь крепкими запорами и высокими стенами? В этом нелепом несоответствии строгого воспитания с предполагаемой заранее, половой распущенностью сказывается все лицемерие „преклонения“ перед женщиной в эту эпоху.

Замки, терема и гаремы служили вовсе не для выращивания тепличного растения, а для порабощения женщины. Несмотря на внешнее поклонение, женщина не была ни госпожей, ни повелительницей. Как ни вымуштрована была женщина из феодальной семьи, но и у нее должно было быть стремление к свободной жизни. И за рабство, за заточение в крепких высоких стенах она мстила мужчине тем, чем могла—изменой.

Рыцарская поэзия—легенды и песни—описывает поклонение женщине в самых возвышенных словах. „Поклонение даме“—в этих песнях—было высшей целью, которую имел рыцарь: за даму он дрался, за даму он умирал, при чем поклонение это было совершенно безкорыстным.. Тщательный разбор рыцарских уставов указывает на совсем иной характер культа дамы. „Поклонение даме“ заходило гораздо дальше простого обожания; конечной целью оно имело полную близость рыцаря к даме сердца. „Дама сердца“ всегда была женой другого рыцаря—ни один рыцарь не избирал „дамою сердца“ свою жену: по рыцарским воззрениям это было бы дико. Добиваться же любви замужней женщины,—несмотря на строжайшие требования половой верности от своих жен,—не было преступлением... В одном из параграфов рыцарского устава описываются права и обязанности рыцаря при служении „даме сердца“.

Рыцарское
„поклонение-
женщине“.

Что же в нем говорится? Рыцарь мог сражаться на турнире за даму, совершенно ему неизвестную, цвета которой он признавал своим знаменем. Если он побеждал—и тем самым доставлял торжество цветам той дамы, за которую сражался—он мог получить „награду любви“ („миннезольд“). Взяв ванну и утолив голод, он делил со своей дамой ложе и на другое утро отпра- влялся дальше. Если же рыцарь терпел поражение, то дама его сердца не оставалась без утешителя: победи- тель ее рыцаря должен был доказать, „что он умеет побеждать не только мужчин, но и женщин“; он заме- нял побежденного...

Чем же была вызвана узаконенная охота за замужними женщинами? Главной причиной такого „изисканного“ рыцарского домогательства любви первой встречной женщины был ф е о д а л ь н ы й б р а к, а также отсут- ствие всяких интересов, кроме половых, как у самих феодалов, так и у их женщин.

Феодальный брак редко бывал соединением любящих людей. Затворничество женщины не давало возможности молодежи свободно общаться. Девушки на выданьи и юноши, готовые вступить в брак, почти никогда не видели друг друга и, когда приходила пора женить их, дело разрешалось родителями. Родители сговаривались о браке детей, имея в виду или личные, корыстолюбивые интересы, или интересы политики, или интересы фео- дальной карьеры. В большинстве случаев и жених, и невеста относились к браку совершенно пассивно: они ничего не могли возразить на выбор родителей, так как друг друга до момента заключения брака не видели... Были случаи и явно насильственных браков, когда молодых людей соединяли против их желанья. Власть родителей была так сильна, что ни о каком сопроти- влении и отказе не могло быть и речи.

**Брак—
делка.**

Какую роль могла играть в таком браке любовь? Конечно, никакой. Да она и не требовалась! Обычай, который отражал существовавшее положение, считал брак только ф о р м а л ь н о с т ь ю. Брак был сделкой, но не союзом двух любящих людей. В феодальную эпоху брачный обряд в Германии заключался в том, что священник освящал ложе, на котором новобрачные должны были провести первую ночь. Когда новобрачные ложились на это ложе, брак считался заключенным. Так как брак в феодальной семье был событием не только для лиц, вступающих в брак, но и для соседей, и для крепостных крестьян, которые давались в при- даное невесте, то постепенно вошло в обыкновение

совершать брачные обряды публично, чтобы никто не мог отрицать совершенной сделки. Жених и невеста публично ложились на брачное ложе. К сожалению, не всегда женихи имели достаточно времени, чтобы, отказавшись от интересной охоты и прочих „государственных дел“, заниматься такой надоедливой формальностью, как брачный обряд. Они отряжали для выполнения брачной сделки своих уполномоченных. Вместо жениха на ложе рядом с „счастливой“ невестой ложился посланник, выступивший в качестве официального заместителя господина, и брак считался заключенным...

Внебрачная
половая
жизнь.

Отсутствие любви в браке—сделке привело к тому, что любовь, возникавшая в свое время, удовлетворялась помимо брака. Мужчина—феодал имел много возможностей удовлетворить половую потребность. Для его услуг были целые гаремы дворовых девушек, рабынь и наложниц. Рыцарский ритуал давал возможность открыто домогаться любви замужней женщины, а там, где этот покладливый ритуал не достигал цели и мужчина никак не мог победить женского сердца, он пускал в ход насилие. Половое насилие было не только формой любви, часто оно бывало и формой мести. Если феодал хотел отомстить своему врагу, он нападал на его дом, насиловал жену и дочерей. У немецких крестьян той эпохи существовала поговорка: „мужики убивают друг друга, а благородные делают друг другу детей“.

Женщины не имели возможности открытого удовлетворения любовных потребностей и поэтому возмещали это неудобство тайными связями. Вокруг замужних женщин в феодальном замке вилась целая плеяда юношей из семей вассалов. Они приставлялись к даме для того, чтобы исполнять малейшие ее прихоти. Иметь молодого послушного „друга“ тут же у себя под боком, не возбуждая ничьего возмущения, было очень удобно для женщины, не нашедшей любви в браке. Если не было пажа, адюльтер заводился на стороне; если этот путь был закрыт, взоры затворниц обращались на мужскую прислугу. „Ваньки-ключники“ существовали не только в песнях и легендах: связь с прислужгой была обычным явлением в ту эпоху. Природа не мирилась с условностями феодальных понятий о сословиях и ломала сословные перегородки там, где дело шло об удовлетворении наиболее сильного чувства—полового.

„Общественное мнение“ феодального общества осуждало такие связи, если они получали широкую огласку.

Муж, как глава семьи и повелитель жены и детей, волею был поступать, как он желает. Жена же была существом подчиненным. Она не должна была никогда выходить из повиновения; если она изменяла—значит, муж был слаб. Обвинение в зверстве, в грубости, в насилии не было бы для феодала оскорблением, но обвинение в слабости, недостаточной строгости по отношению к домашним и подданным, было самым тяжелым оскорблением—поклепом, который можно было смыть только кровью... Если об измене жены узнавал муж, он мстил, не потому, что в нем пробуждалась половая ревность, а потому, что боязнь навлечь на себя ужасное подозрение в отсутствии строгости в обращении с женой было для мужа нестерпимой. „Жена да боится мужа“—этот лозунг повторялся в феодальную эпоху на всех европейских языках одинаково. Тот факт, что этот лозунг повторялся слишком часто, заставлял усомниться—верили ли в его могущество сами мужья...

Обеспечение
верности
жен.

Самая большая опасность—в смысле верности жены—возникала для феодала тогда, когда он отправлялся в поход. Как будет вести себя жена во время длительного отсутствия мужа? Этот вопрос волновал многих. В национальном музее в Венеции, в королевской коллекции в Мадриде, в музее Tousand в Лондоне, в музее в г. Пуатье во Франции—попадаетея замечательное механическое приспособление, которым муж обеспечивал себе полную верность жены. Оно носит название „пояса целомудрия“. Отправляясь в далекий поход, ревнивый муж надевал на свою жену вязанную решетку, ключ от которой брал с собой. Один из итальянских писателей XV века пишет об этих поясах: „Знатные люди Милана опоясывают свою жену золотым или серебряным, искусно сделанным, поясом, запирающимся на ключ и имеющим несколько мелких отверстий для естественных потребностей, и затем позволяют ей жить свободно и без надзора“. Бывшие затворницы замков и гаремов получали относительную свободу после того, как мужья обезопасили себя чисто-механическим способом. Можно ли было придумать более грубый и более глупый способ охраны целомудрия! „На женщину, которая не желает защищаться, ты тщетно наденешь пояс“, гласит пословица той эпохи. Наряду с искусными мастерами, изготовлявшими пояса, находились не менее опытные слесаря, которые в несколько минут открывали самый сложный пояс и могли приготовить по заказу подходящий к поясу ключ. Нередко мастер, продавший

мужу надежный пояс, одновременно сбывал за хорошую цену жене этого человека второй ключ...

В России и на Востоке, в эпоху феодализма, не додумались до такого „гениального“ изобретения, и поэтому приставляли к женам всевозможных соглядатаев и слуг. На верность женской прислуги феодалы полагались мало. Частенько рабыни или служанки оказывали явную помощь своей госпоже в ее любовных похождениях, и поэтому для охраны гаремов стали применяться мужчины — евнухи. Феодалы покупали мальчиков и калечили их, чтобы подготовить верных стражей.

Из приведенных примеров видно, что воззрения на целомудрие, верность и любовь отличались в ту эпоху необычайной грубостью. Это не мешало, однако, рыцарям нанимать сладких певцов для серенад своим возлюбленным и клясться даме сердца в своей „возвышенной“ любви. В отношениях полов в феодальной семье господствовали лицемерие и ханжество. Преклоняясь перед женщиной, как святыней, на турнирах, рыцари самым глубоким образом попирали в семье ее права, как человека.

В семье купца положение женщины было иным. Идеалом женщины купец считал домоправительницу, которая могла бы держать в своих руках хозяйство и руководить членами семьи в случае отсутствия мужа. В купеческом браке любовь также не играла большой роли. Интересы торговли, увеличение кредита, служили причиной большинства браков. Некоторые купеческие фамилии заключали браки для того, чтобы объединить капиталы, другие — чтобы воспрепятствовать их дроблению.

Если купец был „торговым гостем“ и уезжал часто в торговые экспедиции, домом правила его мать. В случае же отсутствия ее — жена. Режим в купеческих семьях был самый строгий; каждый шаг молодой невестки контролировался свекровью. Строгостью надзора, а также постоянной занятостью женщины в купеческой семье, объясняется редкость адюльтеров и открытых измен. Между тем, в половом отношении браки часто бывали неудачными. „Стернится — слюбится“ — вот мораль купеческого брака. В общем, жизнь молодых купчих была безрадостной. Неудивительно, что наиболее смелые из них пользовались отъездами мужей для того, чтобы „дать себе волю“. Молодые приказчики, случайно встреченные на улице франты-рыцари,

Положение женщины в семье купца.

были объектами любви молодой купчихи. Купцы редко бывали страдающей стороной в браках по расчету. За строгую семейную жизнь они вознаграждали себя во время поездок кутежами на ярмарках и в иноземных городах. Рассказы из жизни итальянских купцов XIV—XV столетия, французских и голландских, в этот же период, и в особенности русские песни, относящиеся к эпохе наибольшего развития в России торгового капитала дают представление о том, как веселились купцы, когда не чувствовали за собой надзора строгих матерей и не слышали осуждающего говорка соседей. „Ехал на ярмарку ухарь купец, ухарь купец—удалой молодец“... Для такого „ухаря“ деньги давали возможность всяких любовных утех, как на ярмарке, так и в проезжих селах.

Строгая жизнь купеческой семьи тяжелее всего отражалась на женщине; смолоду, она подчинялась родителям, потом—свекрови и мужу, но, под старость, сама превращалась в оплот семейных традиций и следила за невестками. Женщина в купеческой семье занимала иногда и почетное положение. Но добивалась она его лишь тогда, когда „вошла в лета“, и не за то, что была матерью многочисленного потомства, не за то, что принесла мужу любовь и счастье, а за то, что сделалась опытной хозяйкой — домоправительницей.

Положение женщины в семье ремесленника.

Семья ремесленника значительно отличалась и от семьи феодала, и от семьи купца. Жизнь ремесленника проходила в городе в узких улицах (см. рисунок № 75—ремесленный квартал в восточном городе; на Западе были улицы не шире), где живущие напротив видели, что делает каждый из членов чужой семьи, и скрыть самые мелкие семейные события от любопытных глаз соседей здесь было совершенно невозможно. Эта близость людей создавала постоянный надзор друг за другом, но, в то же время, и облегчала общение молодежи. Ни терема, ни гаремы, ни высокие стены не отделяли дочерей ремесленников от остальных горожан; они свободно ходили по улице, имели знакомых, подруг, встречались с мужской молодежью. Пока девушка была молода, ей никто не запрещал танцевать на различных вечеринках с сыновьями мастеров и с молодыми подмастерьями.

Когда экономическое положение ремесленников было хорошее — конкуренция еще не давила, не вытягивал соки торговый капитал, — браки по любви были частым явлением. Женщина, вышедшая замуж, не

теряла своей свободы, она оставалась независимой, хотя формально и считалась под властью мужа. Войкость, которою она отличалась до замужества, жена ремесленника меняла на другие качества: бережливость и расчетливость—на них держалось хозяйство ремесленника. Жене ремесленника нечем было угра-

Рис. 75. Улица в ремесленном квартале. (Бухара).

влять — как домовитой купчихе, не перед кем было охорашиваться — как изнеженной рыцарской даме; ей нужно было самой работать и умело изворачиваться в тех ограниченных заработках, которые имел ее муж. Семья должна была быть чисто одета („не хуже, чем другие“) сытно питаться — чтобы не лишиться подмастерьев, а в праздничные дни не должна была избегать угощать соседей и ходить к ним в гости — чтобы не пошла молва о ней, как о жадной и бедной.

Но, с разложением цехов и разорением ремесленников, изменяется их семейная жизнь. Не только сча-

стливая, но и просто спокойная жизнь делается уделом немногих мастеров. Денег на домашние расходы не хватает; несмотря на всю свою бережливость, хозяйки не могут свести концов с концами. Постоянные ссоры и попреки вызывают семейный разлад. Так как наступающей стороной в семейных ссорах обычно бывали женщины, то цехи брали ремесленников под свою защиту и выступают с нападением по отношению к женам. Они так формулируют обязанности жены и права мужа: „Муж да будет утешением и господином жены, муж да будет хозяином ее тела и состояния“. „Женщина да слушается советов мужа и поступает по его воле“. Но эти, ни к чему не обязывающие, увещания относятся только к тем женщинам, которые беспрекословно выполняют желания мужей. Если же женщина упряма и не желает слушать слов, тогда — советуют цеховые руководители — „брось ласковость и возьми в руки дубину, и испробуй ее на ее спине, и чем чаще, тем лучше, со всей силой, чтобы она признала в тебе господина и забыла свою злость!“.

Добрачная
половая
жизнь.

С ухудшением экономического положения ремесленников, браки начинают заключаться все позднее, чтобы жених имел возможность скопить себе небольшой капитал. От подмастерьев, желавших вступить в брак, цехи требовали взноса определенной суммы; так как большая часть подмастерьев этой суммы в своем распоряжении не имела, то цехи запрещали им жениться — между тем, подмастерья не получали звания мастера до тех пор, пока не были женаты... Получался порочный круг, искусственно созданный цеховыми статутами, для того, чтобы уменьшить количество мастеров. Подмастерья, лишённые возможности жениться, обращались к проституции или сближались с девушками вне брака. Как и во времена родового строя снова возвращалась добрачная половая жизнь, но воспринималась она горожанами теперь совсем иначе. Мораль господ—феодалов и кушцов — сильно отражалась на ремесленниках, и они считали целомудрие величайшей добродетелью, а добрачную половую жизнь тяжчайшим грехом. Девушка из семьи ремесленника жила на виду; скрыть любовную связь ей удавалось редко. Соседи, заметив что либо, начинали шутливаться, а при встречах отворачивались. Девушка считалась „опозоренной“. Если же ей удавалось скрыть связь до поры до времени, то боязнь раскрытия тайны постоянной угрозой висела над девушкой.

Застойная среда цеховых ремесленников не мирилась с нарушением строгих обычаев. Заподозренные в добрачной связи девушки не могли найти себе женихов. Что же было делать? Отказ от половой жизни был возможен не для всех; те из девушек, которые решались на тайную любовь, принуждены были впоследствии прибегать к обману, чтобы выйти замуж. Так возникли всевозможные средства „восстановления целомудрия“, и среди них особенное распространение получила „мазь невинности“. Аптекари наживали на продаже этого „чудодейственного“ средства целые состояния. В XIV, XV и XVI веках по Западной Европе бродило много шарлатанов и торговцев, которые продавали „мазь невинности“ в разнос... Так как мужчины знали про эти махинации, то они переставали доверять и действительной девственности. Для испытания своих невест, подозрительные женихи придумали „верное средство“, которое давали выпить испытуемым. Одним из самых употребительных средств была вода „гагат“ (раствор смоляного угля). Эта „чудодейственная“ вода была во многих случаях той причиной, что подозрительные женихи сами себя оставляли в дураках.

Для девушки из семьи ремесленника было величайшим позором и в то же время величайшим несчастьем внебрачное рождение ребенка. Родители часто выгоняли дочь из дома, если она приносила ребенка; между тем найти заработок в городе, в котором женский труд почти не применялся, было невозможно. Для несчастных девушек-матерей был лишь один выход: идти в проститутки. Кадр проституток пополнялся, главным образом, теми девушками, от которых отказывались родители.

Для предупреждения такого тяжелого исхода, девушки применяли в большом количестве всякие предупредительные меры против зачатия и аборты. Самые отсталые народы, стоящие почти на первобытной ступени развития, знают много предупредительных или, вернее, плодонзгоняющих средств. Неудивительно, что в XIV—XVI веках в Западной Европе каждая акушерка обладала многочисленными рецептами. В одном из списков рецептов, дошедших до нашей эпохи, сохранилось до 250 названий таких плодонзгоняющих средств. Среди этих средств были и совсем невинные, применение которых было основано на недоразумении; но были и очень вредные—употреблявшие их женщины могли легко превратиться в калек. Несмотря на применение массы предупредительных средств, число внебрачных рождений росло.

Семья ремесленника больше всего страдала от развития торгового капитализма: она не только разорвалась, но и распадалась.

Положение
женщины
в семье
крестьянина.

В крестьянской семье женщина была почти равноправной. Ее участие в крестьянских промыслах, большая работа по домашнему хозяйству ставили ее в лучшее положение, чем женщину—горожанку. Женщина-крестьянка ценилась, главным образом, как рабочая сила, и браки в деревнях строились, большей частью, из хозяйственных соображений. Однако, это не устраняло из них элемента любви. В деревне господствовала, вообще, большая свобода половых отношений, чем в городе. Молодежь могла открыто любить друг друга, и только близость рождения ребенка заставляла ускорять заключение брака. Трудно сказать, выпало ли в таких случаях опасение, что ребенок родится внебрачным, или более веское основание—нежелание, чтобы ребенок остался в семье девушки и оказался потерянным, как будущая рабочая сила, для семьи его отца... Во всяком случае, рождение ребенка не считалось для девушки позором.

В богатых крестьянских семьях, хозяйство которых требовало большего количества рабочих рук, к деторождению относились, как к священной обязанности. Многодетство было „божьим благоволением“, а бездетность граничила с позором. Если почему либо муж не мог произвести детей, он должен был прибегнуть к помощи „высшей силы“ или... своих друзей. В бохумском праве так излагаются права и обязанности мужа, в случае отсутствия у него детей: „Муж, имеющий здоровую жену и неспособный удовлетворить ее женские права, пусть приведет ее к соседу, а если и этот не в состоянии ей помочь, то пусть муж ее бережно возьмет на руки, не делая ей больно (не избивая ее за то, что у нее нет детей!), и пусть опустит вина (в прежнее время дом крестьянина строился в два этажа—в нижнем были склады и комната для гостей, а в верхнем жили сами хозяева), оставив ее там на пять часов, и позовет других людей на помощь; а если и тогда нельзя помочь ей, то пусть он бережно поднимет и снова опустит, не делая ей больно, пусть даст новое платье и кошелек с деньгами для пропитания и пошлет ее на ярмарку; а если и тогда ей нельзя помочь, то пусть ей помогут тысяча чертей“.

Но во всех крестьянских семьях многодетство было „божьим благоволением“. Если в богатой семье

крестьяне готовы были воспользоваться помощью любого „ухаря-купца“ с ярмарки, лишь бы иметь детей, то в бедной крестьянской семье обилие детей было бедствием. Поэтому в деревню постепенно начинают проникать всевозможные средства, избавляющие от детей.

В феодальную эпоху и в эпоху торгового капитала в Европе единственной легальной формой брака была „моногамия“ (единобрачие). Это не мешало феодалам и богатым купцам иметь много любовниц, которые „дополняли“ такое единобрачие. На Востоке, где многоженство сохранилось до сих пор, феодалы и богатые купцы содержат многочисленные гаремы. В них они держат своих „свободных“ жен и совершенно бесправных наложниц. Так как в сословном государстве все права подданных строго регламентируются законом и привилегии их соответствуют принадлежности к определенному сословию, то для того, чтобы и в области полового наслаждения купцы не могли сравняться с высшим сословием, им запрещается иметь в гаремах свыше определенного количества женщин. Эмир бухарский имел право набирать в свой гарем женщин в неограниченном количестве: при бегстве его из Бухары в 1920 году, он вывез с собою до 300 женщин, из которых некоторые были его женами, а остальные просто наложницами. Беки, сидевшие в городах бухарского ханства и находившиеся в зависимости от эмира, не имели права содержать таких многочисленных гаремов: эмир строго наказал бы каждого, пожелавшего тягаться с ним в отношении количества наложниц. Что же касается бухарских купцов, то обычай разрешал, даже самым богатым из них, не более двух — трех десятков гаремных женщин. Желая показать, что они достаточно богаты, чтобы содержать и большее количество жен, купцы — наряду с гаремами женщин — держали гаремы мальчиков — „бачей“, (см. рис. № 76) с которыми практиковали однополую любовь. Это половое извращение почти не наблюдалось среди бедняков. И теперь еще много „именитых“ купцов держат при себе гаремы мальчиков, причем явление это одинаково наблюдается как в Бухаре, так и в Хорезме. Мужская проституция, каковой является существование особой профессии мальчиков — танцовщиков на Востоке („бачи“ — см. рис. № 77) — явление сравнительно редкое. Женская же проституция — явление очень распространенное и, в условиях капиталистического общества, совершенно неискоренимое.

Гаремы.

Проституция.

Продажа женщинами своего тела появилась несколько раньше капитализма. Те экономические причины, которые создали единобрачие, как-то: дробление хозяйств, частная собственность на землю, развитие деножного хозяйства — создали и проституцию. Наибольшего развития проституция достигла в городах и, пожалуй, ее можно считать детищем города. В городах эпохи торгового капитала проституция достигла очень широкого развития. Главными причинами, влиявшими на развитие этого позорного промысла, были всевозможные экономические препятствия, мешавшие некоторым слоям населения вступать в брак. Под-

Рис. 76. Обожатели бача (плясуна). Картина В. Верещагина.

мастерья, ремесленники, наемные солдаты, молодые приказчики, мелкие рыцари и чиновники, католическое духовенство — все они жаждали любви, но жениться не могли по разным соображениям. Если прибавить сюда всех мужей, не нашедших любви в браке (из различных слоев горожан — как высших, так и низших), то мы поймем, почему в ту эпоху спрос на продажную любовь был такой большой.

Кадр проститутки пополнился девушками, — брошенными в период беременности своими любовниками, безработными женщинами и наконец, девушками отбывшими от своих домов во время различных войн, взятых солдатами с собой и позже брошенных где либо на дороге.

При военных передвижениях, вслед за войском ходили большие толпы девушек, питавшихся у солдат-

ских котлов. Разорение населения было так велико, что проституция для многих девушек была единственным спасением от голодной смерти. Количество солдатских девушек было колоссально. В половине XIV века в войске одного из феодалов, которое насчитывало три с половиной тысячи человек, было не менее тысячи проституток. При походе французов в Италию (в 1570 году) к французским войскам присоединилось такое количество проституток, что движение войска сделалось затруднительным. Полководец вышел из затруднения тем, что утопил 800 девушек в реке.

Рис. 77. Шляка бачей.

Девушки, следовавшие за солдатами, были для них не только проститутками; они им приносили безусловную пользу своей помощью, так как готовили им пищу, носили за солдатами их утварь и даже оружие, заботились о раненых. Из проституток вышли первые маркизетки, заботившиеся о продовольствии солдат; они же были и первыми сестрами милосердия. В песенке солдатских девушек, относящейся к XV—XVI веку, так описывается их жизнь: „Мы, проститутки и мальчики, обслуживаем по собственному желанию наших господ. Мы, мальчики, выносим все, что можем продать; мы, девушки, почти все из Фландрии, отдаемся то одному, то другому ландскнехту, но и мы полезны войску: мы стряпаем обед, стираем белье и ухаживаем за больными, а после работы мы не прочь

повеселиться. Если бы мы вздумали ткать, мы немного бы заработали. И хотя ландскнехты часто нас колотят, все же мы предпочитаем служить им“.

Когда походы прекращались и войска расходились по домам, солдатские девушки заполняли города. Но это был самый низший слой проституток—как и наемный солдат был ниже всякого горожанина.

Проститутки занимали в городе то положение, которое соответствовало социальному слою, обслуживаемому ими. Для городской знати существовали хорошо одевающиеся гетеры и кокотки. Они жили на лучших улицах города, принимали именитых посетителей, пользовались даже почетом. Их приглашали на городские празднества и садили на лучшие места. Когда город желал почтить какогонибудь знатного гостя самым отменным образом, он устраивал ему встречу с большим количеством кокотов и прочих красивейших проституток.

Проститутки, которые обслуживали клиентов попроще, не пользовались никакими особыми правами, но и без них не обходилось ни одно городское празднество. Они считались членами городских общин, иногда—так, например, в Париже—составляли замкнутый цех, имевший свой статут и организацию. Как и все цехи, цех проституток нес различные официальные обязанности, и к этому промыслу горожане относились, как к профессии, несколько не худшей, чем все остальные. Каждый цех имел свои отличительные признаки. Для того, чтобы отличить проститутку от прочих горожанок, городские управления изобретали для них формы и значки, носившиеся на платье. В Цюрихе в начале XIV века проститутки обязаны были носить красную шапочку в виде капюшона, в Милане в XV столетии они носили на башмаках желтые бантики, в Аугсбурге—белую полосу на вуали, в городах Франции должны были вкалывать в платье булавки около плеча, а в Берлине—покрывать голову плащом. В некоторых странах и до сих пор проститутки имеют отличительные признаки. В Японии проститутки носят бант на платье спереди (а не сзади, как прочие женщины); там, где женщины носят покрывала, проститутки ходят с открытыми лицами (Туркестан).

Регламентация проституции не ограничивалась внешними отличительными знаками. „Веселые девушки“, как их называли, обязаны были селиться только в определенных кварталах, расположенных на окраинах города, за воротами. И теперь еще в Китае и в Индии проститутки селятся подле городской стены и на окраинах городов.

Когда торговый капитализм достиг наибольшего развития, в городах появились особые дома, содержимые ловкими предпринимателями; в этих домах жили проститутки. Города заключали с предпринимателями специальные договоры, один из которых—„устав женского дома в Ульме“—сохранился. Относится этот устав к XIV веку и содержит подробнейший перечень тех обязательств, которые берет на себя содержатель публичного дома для наилучшего и более полного обслуживания горожан. „Во-первых—говорится в этом уставе—пусть он присягнет, что будет содержать свой дом в порядке и снабжать его хорошими, опрятными и здоровыми женщинами, и что он никогда не будет иметь их меньше 14-ти. Если же он лишится одной из них, вследствие болезни или по какой либо другой причине, то он обязан в течение месяца возместить ее другою или другими, опрятными и здоровыми женщинами так, чтобы не уменьшалось вышеозначенное число 14“.

Из за чего же хлопотали почтенные „отцы города“, заключая такой договор? Кроме забот об удовлетворении половой потребности горожан, отцы города заботились о своих доходах. В XIII столетии проститутки были обложены налогами, доставлявшими городу изрядный доход. Налог этот брали не только города—даже представители духовенства, „посредники между людьми и богом“, не гнушались таким заработком. В Италии папа Сикст IV получал от одного только дома терпимости не менее 20.000 дукатов в год. Некоторая доля этого дохода была обращена в совсем богоугодное дело — постройку знаменитой Сикстинской капеллы... Этот же папа часто „жаловал“ любимых священников правом собирать налоги... с домов терпимости! В Гамбурге в конце XV столетия городское управление заключило договор с двумя содержателями домов терпимости, по которому они обязывались платить в пользу города за каждую девицу ежегодно от 5 до 9 талантов. В половине XV столетия курфюрст (великий князь) майнцский, бывший в то же время епископом, жаловался на конкуренцию горожан, которые „нанесли ущерб его правам на публичных девушек и женщин“.

Публичные дома сдавались городами в наем и в аренду. Доходы с них шли в пользу городов, светских и духовных феодалов. Вот уж, поистине, „деньги не пахнут“. С развитием капитализма в проституции появилось предпринимательство. Небольшой капитал, вложенный в это дело, давал настолько большие проценты, что между арендато-

рами публичных домов возникало даже соревнование. Публичные дома стали отдаваться в аренду с торгов. К сожалению, история умалчивает о том, каково было число конкурентов на этих торгах.

Капитализм не только принес величайший позор и несчастье для женщины, он сумел из этого позора сделать прибыльное дело. Получая громадные доходы от продажи женщины, духовные и светские предприниматели оставались лучшими „отцами семейства“; вероятно, всюду трубили о святости брака и в то же время готовили из жалких грошей проституток богатое приданое для своих „невинных дочерей“.

10. ХРИСТИАНСТВО.

Религия довольно точно отражает всякое изменение общественных отношений, поэтому социальные эпохи отличаются одна от другой не только экономической структурой, но и религиозными воззрениями.

Феодальные
религии.

В эпоху феодализма общественная жизнь носила необычайно замкнутый характер. Различные кооперации и группы были обособлены одна от другой; эта замкнутость и обособленность вызывались натуральным характером феодального хозяйства. Религиозный культ дробился на множество местных культов, а взаимоотношения богов соответствовали взаимоотношениям феодального общества. У древних греков, у которых религия успела наиболее феодализироваться, бог племени (и природы) Зевс стал, в конце феодальной эпохи, сюзереном (властителем) остальных богов, которые превратились в его вассалов. Среди богов—вассалов были столь влиятельные божества, как Посейдон (бог моря) и Гадес (бог огня и преисподней), которые почти не признавали над собой власти своего сюзерена... Божеские и человеческие законы в феодальную эпоху совпадали и по форме, и по содержанию. Назначение их заключалось в том, чтобы поддерживать существующий общественный уклад. Каждое нарушение божественного закона вызывало „небесную кару“, которая всегда была жестока. В представлениях людей феодальное божество было мстительно и беспощадно, но действовало всегда соответственно своим законам.

Религии
менового
общества.

Развитие торговли нанесло феодальным религиозным воззрениям сильный удар. Законы рынка, которые

были скрыты от понимания современников, настолько влияли на общественную и личную жизнь каждого связанного с рынком человека, что вера в феодальное божество стала колебаться. Божественные законы, отражавшие феодальный режим, были попрежнему устойчивы; а, между тем, экономическая жизнь шла вразрез с ними и поражала своей капризностью. Купец и ремесленник видели как тот же самый товар, который продавался накануне по определенной цене и брался нарасхват, на другой день не находил покупателей. Еще большее недоумение вызывала конкуренция, которая заставляла продавать товары не по тем ценам, по которым хотел продать их купец, а по тем, которые диктовал ему рынок. Чем больше у торговца было товаров, тем сильнее подвергался он всем колебаниям рынка; нередко из богача мог он, совершенно неожиданно, превратиться в бедняка. Когда, вследствие нарушения законов кредитного обращения, возникли кредитные кризисы, вера во всемогущество феодальных богов оказалась совершенно подорванной. Люди видели, что старые боги не могут предохранять их от всех неожиданностей. Человек не находил закономерности в деятельности той силы, которая вмешивалась в его судьбу: все казалось ему случайным. Кроме того, эта сила не считалась ни с какими божескими законами. Человек мог разориться, тщательно выполняя все божеские законы и, наоборот, — разбогатеть, несмотря на то, что нарушал эти законы на каждом шагу... „Сверхсила“ стояла, очевидно, или над богами, или вне их. Кроме того, она была „внеразумна“ (побаваясь ее всемогущества, человек не решался непочтительно назвать ее глупой...).

Значение „сверхсилы“, вмешавшейся в деятельность человека, было велико. Не видя никаких разумных доводов для отдельных вмешательств сверхсилы в свою жизнь, человек приходил к выводу, что ему уж, видно, „так на роду написано“. У каждого-де человека была „своя судьба“, „свой путь“, который „записан“ при рождении, и от которого уйти нельзя...

Вера в судьбу, в предопределение отразилась в греческих религиозных представлениях тем, что греки поместили рок — „Мойру“ — выше всех феодальных богов и заставили Мойру даже богам определять их жизненный путь. Вера в Мойру возникла у греков среди торгового класса и распространялась среди других слоев общества медленно, по мере увеличения их зависимости от рынка.

Вера в высшую силу, властвовавшую над феодальными богами и над людьми, руководящую не только отношениями людей между собою, но также и законам денежного и товарного обращения, появлялась всюду, где развивалась торговля. Религии древнего Египта, Вавилона и Ассирии, по мере превращения этих государств в торговые государства, начинают изменять свой первоначальный характер и превращаться в, так называемый, торговый монотеизм (торговое единобожие); или над богами ставилась „сверхсила“, повелевающая всем миром и всеми общественными отношениями, или один из главных богов превращался в великого творца, — вседержителя, распорядившегося всем миром.

**Иудейская
религия.**

Иудейская религия до вавилонского пленения (2500 лет тому назад) носила феодальный характер. Йегова—бог, культ которого поддерживался храмом иерусалимским, был в глазах евреев реальным божеством, представляемым в виде человека-старика и имевшим в своем вассальном подчинении многих местных богов. Так как Иерусалим находился на торговом пути, соединявшем Малую Азию с Египтом, и, постепенно, превратился в большой торговый центр, то представление о божестве у иудеев постепенно менялось и все ближе подходило к торговому монотеизму.

Во время господства в Палестине вавилонян, иерусалимский храм был разрушен и, только после окончательного крушения вавилонской монархии и возвращения изгнанников-иудеев из вавилонского пленения—был восстановлен. Десятки тысяч еврейских „именитых“ фамилий за время вавилонского пленения окончательно превратились в торговцев или в ростовщиков; под влиянием торговых религий Востока они стали представлять божество совсем в ином виде, чем прежде. Бог, по их представлению, был той сверхсилой, что называлась у греков Мойрой. Он был великим, бездушным, неумолимым и капризным. В честь этого бога, который продолжал попрежнему называться Йеговой, евреи построили новый храм и обложили налогами на его содержание все окрестное население.

Храм был грандиозен—он занимал целый квартал, расположенный на горе. В нем хранились драгоценности, которые стекались сюда в виде золота в слитках и громадного количества камней. Доходы храма были так велики, что, для управления храмом и правильного расходования получаемых отовсюду сумм, пришлось создать многочисленный чиновничий аппарат из духо-

венства, как высшего, так и низшего, кормившегося вокруг этого центрального места религиозного культа. Храм не только взимал налоги и сборы с окрестного иерусалимского населения, но и собирал приношения по всей стране: для этого выделялись специальные кадры сборщиков (по гречески—апостолы).

Значение иерусалимского храма выходило далеко за пределы Иерусалима. Обширные торговые связи евреев раскинулись по всему побережью Средиземного моря. Еврейские купцы имели свои торговые ячейки, в виде колоний или кварталов в больших городах Рима и Египта. Растущая мощь еврейского торгового капитала приводила к тому, что евреи все чаще мечтали о мировом господстве, при котором их торговое влияние было бы обеспечено повсюду, а иудейский бог сделался бы высшим богом для всех народов. Мечты о торговом господстве и о мировом боге не соответствовали действительному политическому положению Иудеи. Римская империя цепко держала ее в своих руках, лишая всякого подобия политической самостоятельности. Во главе Иудеи стояли римские управители; они третировали иудейских „царей“, не признавали еврейских народных верований и обычаев. Несоответствие между полной политической зависимостью Иудеи и ростом национального торгового капитала создавало у евреев стремление к национальному освобождению. Национальные идеи всячески культивировались социальными верхушками еврейского общества, которые поддерживали в народе надежду на появление „мессии“ (избавителя) и восстание против римского владычества. Скрытая пропаганда восстания велась под прикрытием чтения „священного писания“ и толкования различных пророчеств. Эта пропаганда находила горячий отклик в народной массе, которая ожидала от избавителя (мессии) не только освобождения от владычества римлян, но и кое-чего другого. Мессианизм (надежда на появление избавителя) объединял разнородные социальные группы, которые вкладывали в это понятие различное содержание. Верхи иудейского общества ждали от мессии национального освобождения; чего же ждали от этого избавителя народные низы?

В первом столетии до нашего летосчисления (2000 лет тому назад) Иудея была ареной напряженной классовой борьбы. Торговый капитализм быстро разорял городских ремесленников и, проникая в сельское хозяйство, вызывал обнищание крестьян. Большинство торговых ка-

Мессианизм.

питалистов группировалось вокруг храма иерусалимского, который был центром всех торговых и денежных операций города; высшее духовенство, располагавшее громадными капиталами, принимало самое деятельное участие в этих операциях—неудивительно, что среди разоряемых горожан и крестьян росло недовольство не только торговыми капиталистами, но и церковной организацией. В ней они не без основания видели главный оплот торгового капитализма. Культ божества—безликого безразличного,—созданный иерусалимскими торговцами, для ремесленников и беднейших горожан был чужд. Капризный, бесжалостный бог городской бедноте не нравился: ей нужен был бог-утешитель, заступник. Мессия представлялся этим социальным группам не столько в виде организатора восстания против римлян, сколько религиозным и социальным реформатором, который должен был принести им улучшение жизни и новую религию.

Не менее чужд был иерусалимский бог и крестьянам. Они верили в своих прежних богов-предков, верили в духов, наполняющих вселенную. Культ храма иерусалимского для них не был безразличен, но только потому, что они несли главную тяжесть налогов по его содержанию... Мессия, которого они ждали с нетерпением, должен был освободить их одинаково—и от разлагающего влияния торгового капитала, и от самого города, с его дорого стоящим храмом.

Иудейские секты.

Тяжелая жизнь бедноты в Иерусалиме заставляла многих ремесленников, потерявших самостоятельность, и обедневших горожан уходить в провинцию и там основывать сельско-хозяйственные или ремесленные общины; эти общины превращались в секты, т.-е. в замкнутые организации, имевшие религиозный оттенок. Нам не должна удвлять религиозная окраска таких общин: в феодальном обществе и в эпоху торгового капитализма всякая организация горожан—купцов и ремесленников—носила религиозный оттенок. Это был один из самых верных способов теснее связать членов организации. Каждая секта имела особый внутренний распорядок и свое вероучение, т.-е. программу социальных преобразований.

Среди иудейских сект наибольшей известностью пользовались „зелоты“ и „ессы“. „Зелоты“ были наиболее активным элементом среди разорившихся горожан. Они жаждали коренных преобразований, как в экономической жизни, так и в религиозной. Секта зелотов состояла из беднейших ремесленников, которых давил

торговый капитал. „Ессеи“—в большинстве своем были деклассированными горожанами, занимавшимися вокруг городских стен сельским хозяйством, рыболовством и проч. Их верования ближе подходили к крестьянским: они верили в ангелов (в духов), наполнявших вселенную и — в противовес развратной жизни городских верхов — требовали отказа от всех радостей жизни, пропагандируя воздержание и проч. Когда, позже, народное возмущение вылилось в восстание, ессеи оказались во главе его, а ессеи не приняли в нем никакого участия.

Наиболее смелые из разорявшихся ремесленников и крестьян уходили в горы, превращаясь в разбойников. Разбойники грабили почти исключительно богатых. Этим они как бы мстили за социальное угнетение народа. Поэтому, в глазах беднейшего населения разбойники были окружены ореолом „борцов за угнетенных“. Во главе разбойничьих отрядов изредка становились отчаянные талантливые предводители, вроде Иуды Галлилеянина (в конце правления римского императора Августа—1930 лет тому назад). Под их предводительством неорганизованные разбойники превращались в сплоченные отряды, которые организовывали восстания иудейского населения против римлян и высших иудейских властей. К этому времени легенды относятся жизнь Иисуса.

До сих пор ученые спорят—существовал ли в действительности Иисус, или в его лице объединены предания о различных революционерах той эпохи—предания, искаженные многими деталями, взятыми из религиозных мифов других народов. Мы не пытаемся здесь разрешить этот спор, так как он имеет второстепенное значение. Нам интересуют не личность Иисуса, а те социальные корни, из которых произошло его учение, превратившееся позже в мировую религию.

Секта ессеев имела ряд провинциальных общин, находившихся в различных местах Палестины. Среди этих общин выделялась разновидность ессеев, называвшаяся „назарейми“ (жаждущие спасения—по гречески „христиане“). Учение этой секты „назареев“ было первоначальной формой христианства. О сущности учения „назареев“ можно лишь строить более или менее вероятные предположения. До нас почти не дошло никаких исторических памятников, относящихся к этой эпохе; а те памятники письменности, которые приписывают данному времени, большей частью ненадежны. Существует подозрение—и весьма основательное,—что

Назарей
(христиане).

часть исторических заметок, имеющихся в трудах историков той эпохи и описывающих события из жизни Иисуса и его учение, попала в эти работы без всякого участия авторов трудов... Заметки представляют просто вставки, сделанные в более позднее время христианскими богословами. Ни одна рукопись, приписываемая первыми христианам, не была написана ими самими. Самые древние из этих рукописей—откровение Иоанна (Апокалипсис) и „Евангелия“ написаны через несколько столетий после смерти первых христиан, и поэтому судить о социальных корнях учения назареев очень трудно. Однако, сопоставляя различные христианские источники и распределяя их в порядке предполагаемого появления на свет, можно установить наиболее вероятные формы первоначального христианского вероучения, которые дают возможность определить ту социальную базу, на которой это учение выросло.

Наиболее древним памятником письменности, относящимся к описываемой эпохе, является „Апокалипсис“ Иоанна; но в нем нет никакого намека ни на учение назареев, ни на жизнь Иисуса. Следующим, по древности, источником можно считать „Евангелия“ и некоторые „апостольские послания“. Евангелия были написаны не в одно время. Не говоря уже о том, что они не были написаны первыми назарейцами или „учениками Иисуса“, они не являются и пересказом повествований этих учеников последующими поколениями. Это, просто, поучения, которые были составлены наиболее грамотными верующими для вновь входящих в назарейские общины. Написаны они на основании преданий, циркулировавших среди верующих.

Самым древним из евангелий считается „евангелие по Марку“, т. - е. составленное по рассказам Марка. Евангелия по Матфею и Луке написаны позже и, приблизительно, в одно время. Что касается „евангелия по Иоанну“, то оно написано богословом, жившим не ранее III века нашего летоисчисления, т. - е. через три столетия после предполагаемой смерти Иисуса. Если мы примем, что „евангелие по Марку“ более или менее отражает состав назареев и их учение, то мы сможем выяснить ту социальную базу, на которой впервые возникло христианство.

Главное действующее лицо „евангелия по Марку“— Иисус. По профессии он плотник, и вся семья его также принадлежит к этой профессии. Проповедь Иисуса все время обращена к ремесленникам и рыбакам; из этой среды он набирает себе первых последователей. Отно-

шение Иисуса к богатству отрицательное. Для того, чтобы стать членом секты назареев, необходимо не принадлежать к классу богатых. „Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в царство божие“ — так говорит Иисус. Иисус ненавидит торговцев и менял, он гонит их из храма иерусалимского; но к бедноте он относится иначе: увидев, как бедная вдовица отдает последние деньги на содержание храма иерусалимского, он говорит, что эта вдовица положила больше всех, так как отдала последнее, между тем, как остальные богомольцы отдавали только из своих излишков.

Что же обещает Иисус своим последователям и во имя чего он зовет их за собой? Он говорит, что „первые будут последними“, т. е. бедняки станут богачами. Учение Иисуса (по евангелию от Марка) имеет в виду радикальное изменение социальных условий на земле; Иисус проповедует „хрилизм“, т. е. царство божие на земле. Вот те основные черты учения назареев, которые находятся в этом евангелии. Из них можно заключить, что наиболее ранние христианские общины — (общины секты назареев) состояли из бедных горожан и ремесленной бедноты, и учение Иисуса отражало чаяния этой социальной среды. Христианство, таким образом, было протестом социальных низов против развития торгового капитала.

В следующих евангелиях — по Матвею и по Луке — находят совершенно иные черты, заставляющие нас усомниться, была ли в то время секта назареев по-прежнему представительницей социальных низов. Наиболее частыми собеседниками Иисуса в этом евангелии являются „мытари“ — сборщики податей. Эти сборщики выдвигались из среды торговых капиталистов, откупавших у правительства сбор налогов среди населения. В пределах Иерусалима мытарей было немало. Они представляли из себя, правда, не крупных капиталистов, но, безусловно, представителей капитала. Мытари попадают и в число первых учеников Иисуса — например, мытарь Матвей и мытарь Левей¹. Изменяется характер пропаганды Иисуса: все чаще появляются в его речи слова: „мины“, „таланты“ (тогдашние деньги), проценты, драгоценные камни — сравнения, которые были бы странными в речи представителя социальных низов... А содержание проповедей? Оно еще разительнее. Наиболее характерна „притча о талантах“: Уезжавший в чужую страну человек, обладавший большими капи-

Изменение
учения назареев.

талами, отдал на сохранение своих рабов деньги и по возвращении потребовал их обратно — с процентами... Те рабы, которые вернули деньги обратно в двойном размере, так как пустили их в рост, удостоились награды господина; тот же раб, который вернул деньги в прежнем размере, получил от своего господина следующую отповедь: „Лукавый и ленивый раб! Ты знал, что я жну, где не сеял и собираю, где не рассыпал. Поэтому тебе следовало отдать серебро мое торгующим, и я, вернувшись, получил бы свое с прибылью. Итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов—потому что всякому имеющему дастся еще больше и его имущество увеличится, а у немущего отнимется и то, что он имел. Негодного же раба бросьте во тьму кромешную“.

Отношение Иисуса к труду—в евангелии по Матвею и Луке—отрицательное. „Взгляните на птиц небесных—говорит он—они не сеют и не жнут, и отец небесный питает их!“ „Посмотрите на полевые лилии — они не трудятся, не прядут“, и т. д. Трудящимся Иисус внушает, что они не равны своим господам. „Слуга не выше господина своего“, говорит он в одном из своих поучений; а заработная плата не столько является возмещением за работу, сколько наградой, размер которой целиком зависит от „господина“. „Разве я не волен в своем делать что хочу“—говорит „господин“.

Чем же объясняется такой, совершенно иной, характер учения Иисуса в этих евангелиях? Ясно, что социальная среда, в которой можно было пропагандировать подобные вещи, не имела никакого отношения к трудящимся, и что секта назареев (христиан), очевидно, успела коренным образом изменить свой социальный состав. Для того, чтобы выяснить действительный состав секты назареев в эту эпоху, приходится обратиться к истории Иудеи.

Долго подготавливавшееся восстание разразилось в Иерусалиме в 66 году. В начале оно было направлено против римлян; но после того, как победа отдала в руки повстанцев город и власть над Иудеей, выяснилось, что горожане по разному представляли себе цели революции. Власть в городе захватили торговые верхи и духовенство. Они пытались продолжать прежнюю политику покровительства ростовщичеству и торговле, но городская беднота скоро поняла, что от смены властей она ничего не выиграет. По истечении двух лет — в течение которых представители торгового капитала господствовали в Иерусалиме и в то же время тяжесть налогов беспрерывно увеличивалась — город-

ская беднота восстала. Во главе восставших оказались ремесленники, которым удалось организовать новое правление и прогнать из города капиталистическую клику. Гражданская война продолжалась почти полтора года. Прибывшие в 70 году римские подкрепления дали возможность римлянам подавить восстание, взять Иерусалим и уничтожить революционную власть. Много горожан было перебито, а наиболее богатые из них, уцелевшие от погрома, переселились в колонии, которые были раскинуты по побережью Средиземного моря.

Самые большие колонии иудеев существовали в Риме и Александрии. Прибывшие в эти колонии богатые эмигранты вызвали повышенное сочувствие евреев, постоянно живших в колониях, к бедствиям своих братьев в Иерусалиме. Каждая весточка из Иерусалима, сведения о восстании принимались с живейшим интересом и сочувствием. Эмигранты жадно ловили все рассказы о появлении новых вождей; они все время ждали „мессии“, который освободил бы снова Иерусалим от римского господства. Рассказы и отдельные эпизоды из закончившегося восстания пользовались большим успехом. Создались легенды о различных героических личностях, погибших во время восстания. А так как эмиграция по своему социальному составу была разнородна, то и легенды о героях значительно различались. „Евангелие по Марку“, очевидно, возникло в среде более демократических слоев эмиграции. Это евангелие было предназначено для народных низов. „Евангелия по Матвею и Луке“ возникли среди богатых групп и были предназначены для представителей торгового капитала. Этим об'ясняется разница в проповедях Иисуса по различным евангелиям. Изгнанные из родной земли эмигранты, на время, об'единились. Есть указание на то, что в „синагогу“, т. е. в религиозное собрание всех совместно живущих эмигрантов в колониях, допускались представители различных сект, которые там защищали свое учение. Таким образом, назареи получили доступ в собрание более богатых горожан и, пытаясь найти себе новых последователей, должны были видоизменить свое учение.

Положение оставшихся в Иерусалиме жителей после подавления восстания сделалось еще хуже. В 132 году возникло новое восстание против римлян, которое было через три года подавлено. Восстание известно по имени его вождя — Бар-Кохбы. Подавленное с необычайной жестокостью, оно привело к тому, что город был совершенно разрушен, храм иерусалимский разграблен

и стерт с лица земли (осталась только одна стена— см. рис. № 78), а жители— частью перебиты, частью выселены. Большинство сект, живших в Иерусалиме и окрестностях, приняли самое деятельное участие в последнем восстании, за исключением назареев. Назареи остались в стороне и „держали нейтралитет“, т. е. выжидали, чья сторона победит. Когда в еврейских колониях Рима и Александрии узнали о подавлении последнего восстания и об измене назареев, не оказавших никакой поддержки борцам за национальное освобождение, назареев стали травить. Их исключили из состава синагоги, и они принуждены были обособиться в самостоятельные общины. Это не значит, что синагога разбилась по социальному признаку. Среди назареев

Рис. 78. Соломонова стена. (Картина В. Верещагина).

оказалось не меньше богатых, чем среди оставшихся в иудейской общине, а, может быть, даже и больше. В секту назареев вошли все те, кто был недоволен официальным иудейством.

Социальный
состав
христианских
общин.

Что социальный состав назарейских общин во II— III веке был вовсе не демократический, видно из того же „евангелия по Матвею“ и из посланий апостола Павла — одного из наиболее ярких проповедни-

ков новой религии. Всюду обращается он к богатым и заклинает их не увлекаться накоплением богатств, лучше относиться к беднякам. Строеие назарейских (христианских) общин первых веков нельзя представлять себе в виде коммунистического хозяйства — на подобие семейной замкнутой группы родовой эпохи. Никакого общего производства у христианских общин не было, было только общее потребление, да и оно не являлось постоянным, так как многие из членов общин жили в своих домах и вели свое хозяйство. Христианская община на больше всего напоминала кассу взаимопомощи, торговую гильдию, так как в основе объединения лежало стремление оказывать друг другу поддержку. Члены христианских общин превращали свое имущество в деньги и эти деньги сдавали на хранение апостолам — главам общин. В „Деяниях апостолов“ так говорится про эту передачу денег: „все, кто владел домом или землей и продал таковые, приносили суммы, полученные в уплату и клали к ногам апостолов, а затем каждому давалось, смотря по надобности“. „Иосиф, прозванный апостолом Варнавой, что значит „сын утешения“, родом с Кипра, продал принадлежавшее ему поле и принес деньги, и положил их к ногам апостола“. Деньги эти не распылялись. На кормление нищих и подачки бедным уходила совсем незначительная часть, так как кормление совершалось только по праздникам.

Один из случаев проливает свет на ту форму, в которую облекалась отдача капиталов. Когда некто Ананья со своей женой Сапфирой, продавший имение, сдал только часть полученных денег, апостол общины, Петр, сказал ему: „Ананья, зачем ты солгал духу святому и утаил цену имения? Разве оно не осталось бы у тебя, если бы ты его сохранил? и после продажи — разве сумма не осталась бы в твоей власти?“. Очевидно, деньги, перелававшиеся апостолам, вовсе не превращались в общественное имущество, а сдавались для каких то других целей.

Для чего же было богатым людям, вступавшим в секту назареев, продавать свое имущество и обращать его в деньги? Разгадку этого мы находим в тех общественных условиях, которые существовали в римской империи. Общий упадок рабовладельческого хозяйства, громадные поборы и налоги, вводимшиеся римской бюрократией, и часто производившиеся конфискации имущества заставляли многих собственников превращать свое имущество в деньги и складывать его в не-

Превраще-
ние учения
назареев
в торговый
монотеизм.

легальные кассы, обеспечивавшие им сохранность капиталов. Никаких обществ и касс взаимопомощи римское государство не допускало, поэтому всякая попытка застраховать себя—путем перепродажи имущества и сохранения капиталов—должна была превращаться в нелегальную. Как каждая нелегальная организация, секта назареев имела свой статут и строгую дисциплину; она должна была строго следить за всеми „верующими“ (т. е. входящими в общину членами) для того, чтобы не попасть под карающую руку римского государства. Секта назареев во II и III веках была организацией, объединявшей собственников, обладавших значительным количеством денег и надеявшихся, путем нелегального объединения, сохранить свои капиталы от конфискации и налогов. Таким образом, через два века после своего возникновения, христианство радикально изменило свой социальный базис. Это изменение должно было отразиться и на вероучении. II, действительно, евангелия по Матвею и Луке являются апологией торгового капитализма, а не оппозицией против него, как это было в начале. Но наиболее четко выступили все особенности нового христианства в „евангелии по Иоанну“. Самое позднее из всех евангелий, оно трактует божество совершенно отвлеченно, как высшую силу; „бога никто не видал никогда“, но он был повсюду, „в нем была вся жизнь“ и без него ничего не было—так писал евангелист. В этом воздусущем, но безликом, боге пробивал себе дорогу торговый монотеизм.

В христианские общины охотно вступали „вольнотпущенники“ (отпущенные на волю рабы)—богатые люди, занимавшиеся торговлей и ростовщичеством, но совершенно бесправные в римском государстве. Вхождение вольнотпущенников в христианские общины придавало им интернациональный характер (вольнотпущенники были различных национальностей) и помогло распространению христианства. В III веке христианские общины имелись и в Риме, и в Александрии, и в Константинополе. Их капиталы вкладывались в различные предприятия, главным образом, торговые, причем этими операциями руководили выборные „апостолы“ и другие высшие духовные лица. В IV веке количество христиан и экономическое могущество их были настолько велики, что римский император Константин нередко обращался к ним для получения кредитов на беспрерывные войны, и взамен ссуд, которые ему выдавались, предоставлял христианским общинам

различные привилегии. В начале IV столетия христианские общины Константинополя были освобождены от несения каких бы то ни было государственных повинностей. Они не вносили налогов, имели право приобретать земельные участки, торговать беспошлинно по всему государству.

Социальный состав христианских общин в то время был пестрый: с одной стороны, в них группировались представители торгового класса и, главным образом, денежные капиталисты; с другой стороны—в общинах было немало ремесленников, портовых рабочих, и различной бедноты (главным образом, иностранцев, живших в крупных населенных центрах). Наиболее демократическим был состав христианской общины в порту Александрии: община эта состояла из портовых рабочих и различных ремесленников. Во главе христианской общины Александрии стоял епископ Арий, который принужден был приравниваться к составу своей общины и, поэтому, резко выступал против торгового уклона константинопольских христианских общин.

Первые ереси.

Одной из наиболее характерных особенностей торгового монотеизма является безликость бога, его вездесущие, всемогущество и полное отсутствие каких бы то ни было материальных качеств. Бог, по учению торговых монотеистов, не сверхчеловек, а сверхсила. Ремесленники и портовые рабочие Александрии не могли мириться с таким вероучением. Для них христианство было программой социальных преобразований, в результате которых можно было бы создать на земле „царство божье“. Арий и общины, его поддерживавшие, были „хилластами“. Так как „хиллазм“ стремился к коренному изменению существовавших социальных условий—к социальной революции—то отношение христианских верхов к этому учению было резко отрицательным. Боясь распространения хилластических учений, константинопольские христиане добились созыва „собора всех епископов“ (в Никее) и постановления его о борьбе с хилластическими учениями, как с учениями вредными. „Ересь“ (т. е. лжеучение) Ария была осуждена: его заставили отказаться от поддержки хиллазма.

Христианство—государственная религия.

Отрицательное отношение официального христианства к хиллазму, начиная с IV века, делало эту религию опорой существовавшего общественного уклада; неудивительно, что государственная власть благоволила к христианству и всячески содействовала его распро-

странению. Христианство было объявлено государственной религией в пределах римской империи (как в восточной, так и в западной ее части) и насильственно распространялось среди подданных. Должностные лица христианских общин (клирики), распорядившиеся большими капиталами общин, получили от государства множество привилегий и превратились в высшее сословие. Клиры совершенно обособились от „мирян“, (т.-е. рядовых членов общин), они создали свою „иерархию“ (священноначалие), основанную на строжайшем подчинении низших должностных лиц высшим. Принцип единоличного управления стал господствовать во всех христианских организациях.

В Италии христианские общины, обладавшие большими капиталами, сумели ничего не потерять при частой смене государственной власти, которая происходила в течение IV, V и VI столетий. Христианские епископы (т.-е. главы общин) получили необыкновенно широкие права. Городские управления, а также распорядок в сельских общинах, находились под их надзором. Им было вручено наблюдение за правильностью ведения торговли. Их суду подчинялись все дела, касавшиеся брака, семьи, наследования. Наконец, всякие светские лица, которые судились с представителями духовенства, должны были обращаться к суду епископов, иначе подвергались громадному штрафу.

Церковь и
ее земле-
владение.

В VI веке церковь была не только самым крупным капиталистом, но и самым крупным землевладельцем. Владения римской „церкви“ (объединение христианских общин Италии) были раскинуты по всей Сицилии, а также по областям Кампании, Южной Галлии, Северн. Африке и на Далматийском побережьи. Отдельные имения соединялись в большие крупные единицы, которые назывались „массы“, а несколько масс составляли „патримониум“. В одном только сицилийском патримониуме было 400 масс! Эти громадные богатства были накоплены церковью различными путями: 1) захвачены во время народных бедствий, когда население покидало насиженные места, уходя перед нашествием варваров, 2) получены на хранение от различных земельных собственников и, впоследствии, оставлены в постоянном пользовании церкви, 3) отобраны сплюю у крестьян.

Церковные хозяйства велись таким же путем, как они велись в то время окружающими помещиками. Церковные поместья были разбиты на небольшие участки, отданные арендаторам. В большинстве вла-

Церковь владела не только землей, но и людьми, которые работали в хозяйстве—так называемыми „колоннами“, т. е. крепостными. Колонны были лишены права свободного передвижения, хотя и считались лично-свободными. Помимо различных мелких пошлин и повинностей, колонны были обязаны вносить в пользу церкви подать, называвшуюся „канонном“. Подать взывалась хлебом, но на сумму денег, заранее определенную. В урожайные годы, когда цены на хлеб были низки, колонны должны были отдавать громадное количество хлеба, что окончательно их разоряло.

Церковные имущества находились в полном и бесконтрольном управлении высших представителей духовенства. Так как духовенство имело свои семьи, то оно пыталось передавать церковные имущества по наследству у детей и другим родственникам. Для уничтожения опасности распыления церковного имущества, введено было запрещение епископам и другому, более мелкому, духовенству жениться. Так возник „целибат“ или безбрачие духовенства. На Востоке, где основные богатства церкви заключались в денежных капиталах, целибат оказался ненужным; на Западе, где главным богатством церкви были земельные владения, целибат оказался существенно необходимым.

Накопившая громадные земельные богатства церковь, объединенная под властью пап (высшего епископа, выбиравшегося на церковных соборах), начинает домогаться государственной власти. В XIII веке папа получил—отчасти путем подкупа, а отчасти вооруженной силой—большую провинцию Италии—Равенну, которой он стал управлять, на подобие феодального государя. Город Рим, в котором находилась папская резиденция, превратился в папский город. Отсюда папы господствовали над подвластными территориями, отсюда они управляли церковными имуществами.

К IX веку западная церковь окончательно превратилась в феодального владельца. Церковные поместья и церковные феодалы получили иммунитет, наравне с феодалами светскими. Наиболее крупные церковные феодалы—епископы добились даже права чеканки монеты. Превратившиеся в феодалов епископы и аббаты (настоятели монастырей) начинают выполнять различные феодальные повинности: если они вассалы—то лично являютя ко двору сюзеренов и, во время походов, предводительствуют своими военными дружинами.

Церковь—
феодалный
собственник.

Изменение социального базиса, на котором держалась церковь, отразилось и на вероучении. Торговый монотеизм мог существовать только до тех пор, пока церковь опиралась на представителей торгового капитала. С превращением церкви в крупнейшего феодального землевладельца, должно было измениться и учение о божестве. Христианство обращается в типичную феодальную религию—католицизм, как называла свое вероучение западная церковь.

Католицизм.

Бог—высшая сила—превратился в представлении католиков в сюзерена, имевшего в своем подчинении всех остальных богов. Выше всех был „бог-отец“; несколько ниже—„бог-сын“ (мужчина, наследник); а мать бога-сына—которая не была в то же время женой его отца—заяла совсем подчиненное положение „заступницы“ и „покровительницы“ угнетенных, „ходатая“ перед своим сыном. Остальные святые превратились в вассалов. Самое высокое место среди этих феодалов занимали апостолы, близкие Иисусу, затем—великомученики, еще ниже—мученики, напомнившие по своему положению аррьер-вассалов французского короля... Наконец, каждая отдельная организация феодального общества стала вводить и своего местного патрона (покровителя), который являлся ее заступником перед более высокими божествами. Католицизм был осложнен учением об аде и рае. Появилась вера в „чудеса“, вера в „мощи“, вера в отпущение грехов (в то, что священник может сам своей властью очистить человека от всех совершенных им преступлений). От христианства более ранних веков католицизм сохранил только внешность, и эта внешность дала возможность апологетам христианства утверждать, будто они продолжают развивать и утверждать „веру Христа и его апостолов“.

Возрождение учения назареев.

Как учение назареев явилось протестом иудейской бедноты против социальных условий, так и тяжелая жизнь в феодальную эпоху в Западной Европе создала—в противовес официальной католической религии—новые вероучения, отражавшие чаяния городских и сельских низов.

Через тысячу лет после появления секты назареев человечество как бы возрождает забытое учение с его ярко выраженным дуализмом и аскетизмом.

„Дуализмом“ мы называем двойственность представлений; в области религиозной—учение о двух силах, борющихся между собой. По представлению дуали-

стов, весь мир разделен на две части. Во главе одной части стоит добро (Христос), во главе другой — зло (Дьявол). Борьба этих двух сил и определяла-де собой жизнь человечества. Иногда побеждают добрые силы — тогда людям живется лучше; когда же побеждают злые силы — человеку приходится совсем плохо. Несмотря на то, что дуализм предполагает как бы равновесие или, во всяком случае, одинаковое значение различных сил, каждый дуалист больше верит в зло, чем в добро.

Чем же объяснялось возрождение в XI веке этой веры в зло и в борьбу двух высших сил? В Западной Европе в эпоху феодализма было, конечно, много причин, заставлявших человека, принадлежавшего к социальным низам, верить в господство зла. Насилия феодалов, грабежи, непрерывные войны, голодовки, эпидемии, наконец, неуверенность в завтрашнем дне — все убеждало человека той эпохи в том, что зло было сильнее добра. Раз зло господствует в мире, то для того, чтобы людям лучше жилось, необходимо с ним активно бороться. Представителями зла — в социальном отношении — были феодалы. Вся жизнь их, насыщенная наслаждениями, но и, одновременно, грабежами и насилиями над бедняками — объявлялась злом. Люди, желавшие установить „божеские“ порядки, должны были отказаться от всего того, что напоминало бы жизнь этих „представителей зла“: от наслаждений, от чистоты, от хорошей одежды и т. д. Из борьбы против зла возникал аскетизм (отказ от всех радостей жизни). Сущностью всех аскетических вероучений был социальный протест против тяжелых условий жизни городских и крестьянских низов. Так возникали многочисленные „ереси“, из которых мы отметим только ересь „богомиллов“ и ее разновидности.

Критическое отношение ересей к официальной религии, (в особенности, к духовенству) группировало вокруг новых вероучений всех, недовольных почему-либо церковью или самим христианством. Оппозиционеры принадлежали к различным социальным слоям. Каждый из них находил в ереси то, что ему было нужно: одни ценили в ересах их отрицательное отношение к торговому капиталу, другого притягивала критика нравов духовенства, третий видел в ересах только аскетизм. Но несмотря на пестроту социального состава еретических групп, в каждой из ересей можно было заметить преобладающее течение, которое являлось выразителем одной какой-нибудь социальной группы.

В IX и в X веках в Болгарии появилась секта „богомиллов“. Учение богомилов заключалось в том, что творцом всего материального мира является дьявол. Все телесное, плотское есть порождение злого духа — в отличие от духовного, которое связано с богом. Материальная жизнь оскверняет человека. Всякий, желающий спастись и заслужить лучшую жизнь, должен истощать свою плоть и избегать житейских радостей, чтобы душе его было легче преодолеть материальную оболочку. Многие богомилы, истощая свою плоть, отрицали и одежду, которая предохраняла тело от влияния климата; они считали, что всякое укрытие тела, всякая защита тела от вредных воздействий есть дело неугодное богу.

Учение богомилов возникло среди болгарских крестьян, разоренных непрерывными войнами и хищнической политикой греков-завоевателей. Восточно-римское государство наносило болгарским крестьянам громадный вред, отнимая у них имущество и облагая налогами на содержание чиновников и духовенства. Кроме того, государство, в глазах болгарских крестьян, было главной причиной излишеств богатых классов. Государство, по их мнению, „тешило плоть“ богатых; поэтому, богомилы не признавали никакой власти и законов, считая их проявлением злого духа. Что же христианского было в учении богомилов? Только личность Христа. Христос, по учению богомилов, пришел в мир, чтобы изгнать из него дьявола, „князя мира сего“. Но, так как его миссия не увенчалась успехом, то каждый из богомилов сам для себя должен был приобрести спасение.

Аскетический характер учения, отрицание государства и духовенства делали учение богомилов необычайно притягательным для разоренных городских ремесленников, мелких торговцев и, вообще, горожан. При возвращении домой, в Западную Европу, крестоносцы разнесли учение богомилов по всей северной Италии и южной Франции. В XII и XIII веках во Франции секта богомилов имела многочисленных последователей среди мелких торговцев и ремесленников и, особенно, среди ткачей. Во Франции еретики так и назывались — *tisserands*, т. е. ткачи. Но гораздо употребительнее было название, которое они сами давали себе — „каттары“ (чистые).

Каттары. Ни города, ни феодалы не боролись вначале с этой ересью. Многие феодалы южной Франции даже сами сначала вступили в эту секту, из оппозиции к папе.

Им нравилось в ней отрицание прав католического духовенства на взимание доходов с феодальных владений и отрицание власти папы. По мере распространения ереси, доходы католического духовенства стали быстро падать. Южная часть Франции, Лангедок, совершенно прекратила взимание с крестьян обычной „десятины“ в пользу церкви. Тогда папа решил принять насильственные меры, чтобы подавить ересь и, заодно, покончить с непокорным лангедокским дворянством. Против центра ереси в Лангедоке — города Альби, в округе которого скопилось наибольшее количество сектантов — был объявлен крестовый поход. Северо-французские рыцари и различный сброд из городов охотно откликнулись на призыв папы, ожидая от крестового похода против сектантов неменьшие доходы, чем от крестовых походов против турок. „Альбигойцы“, как называли сектантов сторонники папы, мужественно сопротивлялись, но были раздавлены соединенными силами папы и северо-французских феодалов. Остатки альбигойцев скрылись в город Безье, который (в 1209 г.) был взят приступом, причем все население его, насчитывавшее до 60.000 человек, было перебито. Награбленное в городе имущество не задержалось в руках французских рыцарей: они передали его одному богатому купцу, „откупившему поход“, т. е. давшему под будущую добычу заем „христилюбивому“ войству.

Дуалистическое учение богомиллов - катаров было воспринято городским населением, как протест против тяжелых условий жизни и оказалось революционным знаменем ремесленников при столкновении с торговым капиталом. Неудивительно, что крупные откупщики оказались заинтересованными в скорейшем подавлении ереси и субсидировали военные операции папства против еретиков.

Подобные же еретические учения возникли и в других странах и нашли себе горячих последователей среди городских низов. В XIV веке в России, в г. Пскове, во время наибольшего разгрома торгового капитала, аскетическая пропаганда сектантов (учение которых напоминало учение богомиллов) стала привлекать к себе значительные слои горожан. „Стригольники“ (подстригальщики сукна), примкнувшие к этому учению, настолько активно принялись за распространение его, что представители торгового капитала, да и сама государственная власть, почувствовали близость больших событий. Они поспешили расправиться с сектантами, не дожидаясь, пока те перейдут в наступление. Ересь

Ересь стригольников.

стригольников была той же ересью, которая распространилась и в Болгарии, и в южной Франции, только несколько видоизмененная, приспособленная к русским условиям.

Вырождение ересей.

После разгрома ремесленных движений, ереси начинают вырождаться. Они теряют свой социальный характер; появляются всевозможные аскеты, вроде „флагеллантов“ (бичующихся), которые всячески истязали свою плоть и в торжественных процессиях стегали себя бичами. Появляются носители вериг, власяниц и пр. (см. рпс. № 79). На Востоке (и на Кавказе) до нашего времени сохранились у мусульман массовые религиозные обряды самоистязания („шахсей вахсей“ в Персии, „магерам“ в Азербейджане—см. рпс. № 80). Это указывает, что подобный изуверский аскетизм не является особенностью только христианской религии.

Изуверские устремления этих сектантов, совершенно не обращавших внимания на социальные условия, в которых они жили, а ставившие в основу спасения только личный аскетический подвиг—личное самоусовершенствование—были несколько не опасны ни государству, ни официальной церкви. Скорее наоборот: пропаганда воздержания и личного самоусовершенствования, лежавшая в основе этой секты, была необычайно удобна для господствующих классов тогдашнего общества. Пропганда эта отвлекала социальные низы от недовольства социальными условиями и заставляла их еще сильнее подпадать под влияние церкви, обещавшей „спасение“ на небе...

Под влияние еретических учений подпадали не только городские ремесленники. Крестьянство, во время своих движений за освобождение от крепостной зависимости или от церковных поборов, также пыталось создавать новые вероучения, которые оно могло бы противопоставить государственной религии. Но, так как среди крестьян почти не было лиц, знавших священное писание, то большинство религиозных проповедников и реформаторов выдвигалось из среды горожан. Во время восстания крестьян в Англии, известного под именем „восстания Уота Тейлора“, выдвинулся священник Джон Болл—сектант, отрипавший официальную церковь и ее вероучение. Его учение в точности отражало все чаяния социальных низов. Он требовал полного равенства для всех, уничтожения различных налогов и упразднения государственной власти, которая была, по его мнению, одной из причин тяжелого положения крестьянства и городских ремесленников.

Одновременно с этим учением возникло и другое учение, отражавшее чаяния средних классов — главным образом, торговцев и мелких дворян. Это уче-

Учение
Уиклиффа.

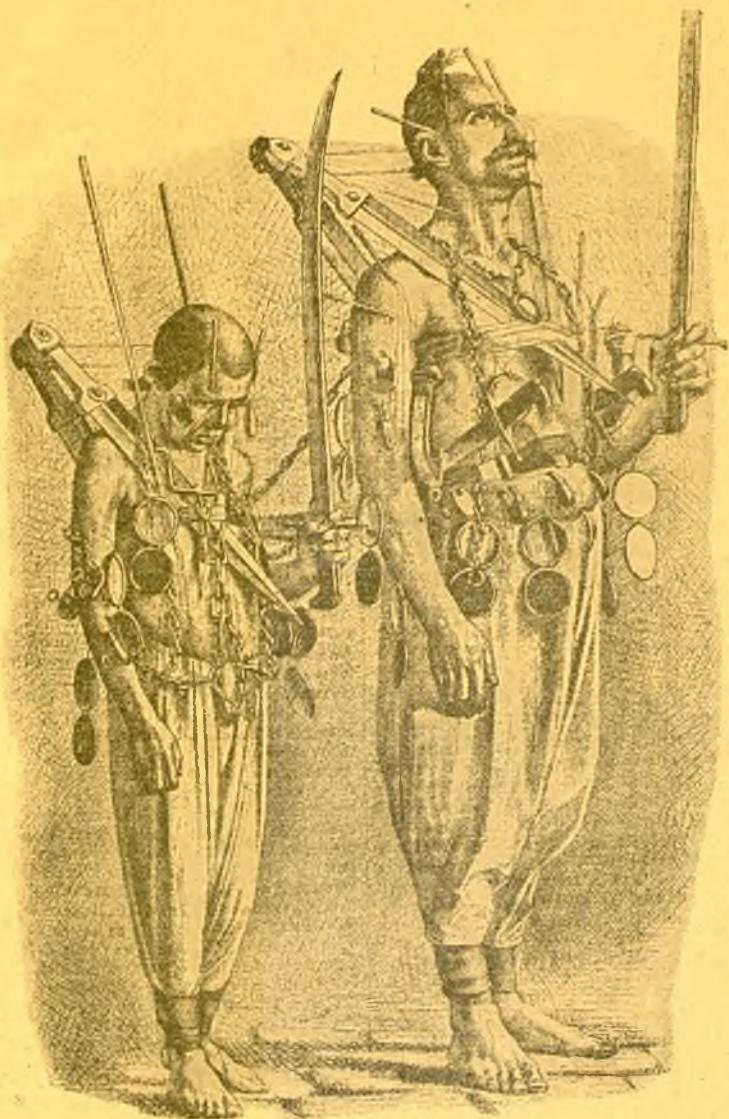

Рис. 79. Добровольные мученики в Армении. (Картина В. Верещагина).

ние пропагандировалось доктором богословия одного из английских университетов, Уиклиффом. В отличие от сектанта Болла, Уиклифф признавал церковную

иерархию, но требовал освобождения ее от зависимости папы. Основой учения Уиклиффа была пропаганда личного усовершенствования. Отношения человека с богом основаны на совести, говорил Уиклифф; только совесть определяет деяния человека. Что же касается власти—как мирской, так и духовной—то по отношению к ней Уиклифф советовал покорность: как бог допустил в сотворенном им мире власть дьявола, и Христос подчинился дьяволу добровольно, приняв искушение злого духа, так и миряне должны повиноваться всем властям, даже несправедливым—за это они получают право на все блага мира... Учение Уиклиффа пользовалось большим успехом среди представителей средних классов в тех странах, где зависимость от папы чувствовалась сильно и где не было реальных сил для того, чтобы отделаться от этой зависимости.

Гуссизм.

В XV столетии учение Уиклиффа возродилось в одной из центральных стран континента — Чехии, в виде учения профессора Пражского университета, Яна Гуса. Тяжелое положение чешского крестьянства, угнетавшегося немецкими помещиками-феодалами и католической церковью, которая стояла на стороне этих помещиков, вызывало постоянно брожение среди крестьян. Спл, которые могли бы дать возможность крестьянству открыто восстать против угнетателей, еще не накопилось, и поэтому крестьянство пока прислушивалось к учению различных сектантов, пропагандировавших „царство божие на земле“ и возврат церкви к прежним „апостольским“ временам. В течение столетия такие проповедники переходили из одного места на другое, всюду находя сочувствующих. Но дальше сочувствия дело не шло. Крестьяне ждали более активных выступлений. Пропаганда всеобщего равенства соответствовала их чаяниям, но аскетизм, к которому призывали сектанты, действовал на массу расхолаживающе—он совершенно не ладился с крестьянской жизнью.

Когда в начале XV столетия Ян Гус выступил проповедником нового учения, он нашел себе сторонников только среди студенчества и городских ремесленников. Крестьянство совершенно не было затронуто пропагандой Гуса. Но вот начались гонения против Гуса. Папа отлучил его от церкви, а архиепископ чешский предал проклятию. Гус, который заявил себя раньше сторонником учения Уиклиффа с его безразличным отношением к власти и вопросам социального переустройства, принужден был более активно выступить в своих про-

поведях и стал открыто нападать на духовенство, подчинявшееся папе. Он подвергал резкой критике право папы давать отпущение грехов. Он указывал, что это

Рис. 80. Иступленные. (Картина В. Верещагина).

отпущение превращается в доходную статью, так как продается за деньги. Он требовал „равенства всех мирян и священников перед богом“, в виде доступа мирян ко

всем христианским таинствам и причащения их под обоими видами *).

Пропаганда Гуса, заостренная против духовенства и формулирующая только религиозные воззрения, уперлась в общественные отношения: если перед богом все люди равны, почему же на земле одним живется лучше, а другим совсем плохо?—вставал вопрос перед горожанами и крестьянами. Ответ был такой: „очевидно, феодалы и духовенство искажают божеское учение“ и, поэтому, должны быть свергнуты... Пропаганда равенства людей перед богом оказалась, таким образом, направленной против феодализма и капиталистов, в первую голову, и против католического духовенства—во вторую.

Активный гуссизм был сформулирован в 4-х „пражских статьях“. Они сводились к следующему: 1) свободная пропаганда „слова божия“ (доступность евангелия мирянам); 2) причащение под обоими видами; 3) возвращение церкви к первоначальной чистоте апостольской—путем отобрания у нее земельных богатств и раздела их между крестьянами; 4) равенство клириков с мирянами перед судом (наказание их за проступки светским судом). Вокруг учения Гуса начали группироваться народные массы. Последовавшая казнь Гуса, сожженного на костре, как еретика, только подлила масла в огонь.

Вспыхнувшее восстание крестьян против помещиков осложнилось одновременным восстанием мелкопоместных рыцарей и городских ремесленников против феодалов и торгового капитала. Талантливое военное руководство дало возможность повстанцам разбить двинутые против них войска феодалов. Но, с момента победы, среди восставших началось социальное расслоение. Интересы рыцарей и мелкого дворянства были диаметрально противоположны интересам крестьян: рыцари стремились к разделу церковных имений для того, чтобы использовать их в своих интересах, но вовсе не были заинтересованы в уменьшении крепостной зависимости крестьян; крестьяне же, которые также надеялись на получение земельных участков, принадлежавших церкви, хотели, в первую очередь, отмены крепостной зависимости. В области религиозной идеологии, которая в глазах повстанцев являлась как бы основной причиной восстания, различные социальные интересы выразились в том, что образовалось два религи-

*) Католическая церковь делала строгое различие между мирянами и духовенством. Духовенство причащалось „телом и кровью Христа“ (хлебом и вином), а миряне—только одним „телом“ (т.-е. хлебом): они считались недостойными вкушать „кровь бого-человека“.

озных течения — „чашников“ и „таборитов“. Чашники были представителями мелкопоместного дворянства и богатых пражских горожан. Они хотели уменьшения власти папы, но готовы были примириться с церковью, если клирики будут уравнены с ними во всех отношениях. Это уравнивание прав клириков с мелкопоместным дворянством выражалось в требовании „причащения под обоими видами“ (отсюда и название их „чашники“ — от чаши с причастием). Табориты состояли из крестьян и городских ремесленников; они требовали социальных реформ, упразднения крепостных отношений, конфискации церковных земель и стояли за выборы священников всей общиной — „табором“ (отсюда и название их — „табориты“).

После соглашения „чашников“ с феодалами и папой движение раскололось: „чашники“ предали своих союзников, таборитские войска были разбиты, а вожди частью убиты в сражениях, частью казнены. Единственным религиозным завоеванием гуссизма было причащение под обоими видами и уменьшение зависимости чешского духовенства от папы. Но социальные чаяния крестьян и городских низов не были выполнены ни в какой мере. Так под знаменем религиозной борьбы развертывались отдельные эпизоды борьбы социальных низов против угнетателей.

Не менее широкий религиозный характер носило движение немецкого крестьянства, известное под именем реформации. Движение крестьянства было направлено против возврата крепостных отношений. В первой половине XVI столетия оно вылилось в гражданскую войну, в которой приняли участие не только крестьяне и городские низы, но даже и мелкое рыцарство. Подобно тому, как учение Гуса было знаменем чешских крестьян в антифеодальном движении, в Германии такую же роль играло движение Лютера. Лютер был монахом, который выступил против папизма.

Реформация.

В XVI столетии власть духовенства использовалась им самым грабительским образом: не довольствуясь „десятиной, которая шла в пользу церкви, духовенство облагало крестьян различными поборами, размер которых не уменьшался и, с увеличением малоземелья и бедноты крестьянства, делался все более тяжелым. Папа пытался использовать в качестве дохода и свое право на отпущение грехов. Это право он передал на откуп капиталисту Фуггеру, который вместе с монахами, продававшими „индульгенции“ (грамоты об отпущении грехов), посылал всюду и своих контролеров-сборщиков.

„Индульгенция“ давала возможность верующему получить отпущение грехов не только тех, которые уже совершены, но и тех, которые человек намеревался еще совершить—лишь только он приобрел индульгенцию, он делался свободным от всех прегрешений...

Отсутствие сильной центральной власти в Германии делало папский престол всемогущим. На духовные должности папа назначал большею частью не немецких дворян, а иностранцев, покупавших у папы свободные места за деньги. Церковь в Германии обладала большим количеством и, притом, лучших земель. Земли эти управлялись епископами и архиепископами. Высшие представители духовенства вели необычайно роскошную жизнь и богатели со дня на день, в то время, как самые крупные князья (курфюрсты) залезали по уши в долги и выпрашивали себе субсидии у капиталистов, типа Фуггера или Вельзера. Князья и мелкопоместное дворянство с завистью смотрели на богатства церкви; но еще больше возмущало против себя духовенство—крестьян. Таким образом, учение Лютера, который выступил против папы и духовенства, нашло себе самую благоприятную почву среди различных слоев общества: князей, богатых горожан, ремесленников и крестьянства.

Учение
Лютера.

Чему же учил Лютер? Основой его учения было требование непосредственного общения с богом. Только сам человек, говорил Лютер, может получить, раскаявшись, отпущение своих грехов от бога. Лютер резко выступил против индульгенций и возможности отпущения грехов папой. На лейпцигском диспуте он заявил себя сторонником учения Уиклиффа и Гуса и, тем самым, определил окончательно свою оппозицию в области вероучения. Пропаганда личного самоусовершенствования занимала в учении Лютера не меньшее место, чем в учении Уиклиффа. Несмотря на скромный размах религиозных реформ, которые предлагал Лютер—реформ, лишенных какого бы то ни было социального содержания,—и горожане и крестьяне возлагали на Лютера преувеличенные надежды, считая его защитником своих интересов. Ошибка открылась тогда, когда Лютер открыто примкнул к „сиятельной оппозиции“, т. - е. к князьям и феодалам, которые видели в реформации лишь способ освободиться от влияния папы и поделить между собой духовные поместья.

Лютеранство
на практике.

Восстание ремесленников и городских рабочих в Саксонии заставило Лютера резко выступить против него. Также отрицательно отнесся Лютер и к движению

рыцарей, которые возмутились против его новых покровителей. Пропагандируя личное самоусовершенствование, Лютер отрицал право народа силой добиться улучшения социальных условий. „Словом будет побежден мир, словом будет побеждена церковь, словом же будет она реформирована“—писал он. Никакие насильственные меры, вообще, недопустимы; только пропаганда и убеждения могут применяться против несправедливости. Когда же отдельные восстания крестьян перешли в крестьянскую войну, и все „социальные устои“ оказались поколебленными, Лютер окончательно отбросил туманную фразеологию. „Слово“, которое было таким хорошим оружием для борьбы угнетенных с угнетателями, оказалось вовсе необязательным для феодалов, когда им пришлось плохо... Перецуганный проповедник призывал на головы восставших все грома небесные, но в то же время советовал феодалам не зевать. „Всякий, кто в силах—писал он—должен помогать подавить его (восстание) и резать (восставших) тайно и явно. Всякий должен думать, что нет ничего более ядовитого, вредного и дьявольского, чем восставший человек. Он подобен бешеной собаке, которую надо убивать! Если ты не убьешь ее, то все равно она искушает тебя и целую страну. Поэтому нельзя дремать. Теперь нужны не милость и терпение, теперь время меча и гнева, а не милосердия!“ В другом послании он писал: „Кто не хочет добром слушать слово божие, должен слушать палача с топором“. Таков был этот сладкий проповедник „личного самоусовершенствования“..:

Неудивительно, что учение Лютера оказалось вскоре совсем не к лицу восставшему народу. Выдвигаются другие проповедники, создаются другие учения, которые отражали надежды иных социальных групп. И эти учения коренным образом разошлись с лютеранством.

В 1520 г. в г. Цвикау восставшие горнорабочие и ремесленники Саксонии организовали коммунистическую общину. Основным ядром общины были суконщики, а во главе ее стали: суконщик Шторх и горнорабочий Томас Мюнцер. По своему внешнему облику цвикауская община представляла религиозную секту. Она исторично перекрещивала всех тех, кто вступал в нее, и поэтому гораздо более известна под именем „анабаптистов“ (перекрещенцев). Анабаптисты стремились к полному религиозному и социальному равенству, поэтому первым требованием их было—уничтожение частной собственности и введение полного коммунизма. Человек не имеет права

Анабаптисты.

эксплуатировать другого человека, каждый должен сам работать. „Кто не работает, тот не ест“—лозунг двикауских коммунистов, который на много веков пережил их. Государство анабаптисты отрицали—оно слишком много отнимает у человека, но взамен не дает ничего. Они отказывались от военной службы—не потому, что были непротивленцами, но потому, что не хотели служить феодалам, богачам и духовенству. „Вера без дел мертва есть“, цитировали анабаптисты слова из послания апостола Павла; из этих слов они делали вывод, что всякий, стремящийся к полному равенству, должен принять все меры, чтобы эти верования были воплощены в жизнь. Анабаптисты были „хилластами“, и хиллизм их был необычайно активен; они не боялись революции и считали ее делом божеским.

Слащавое христианство лютеранства превратилось в воззрениях саксонских суконщиков и рудоксцов в религию восстания социальных низов. Они не отрицали того, что являются революционерами. Томас Мюнцер писал: „Посмотрите, главной поддержкой ростовщичества, воровства и грабительства являются наши владыки и князья. Они присвоили себе собственность всех живущих. Они грабят живущих бедных ремесленников и земледельцев, но, когда человек берет самую ничтожную вещь, его вешают за это, а доктор Лугер (т.-е. лгун; здесь игра слов—вместо Лютер) приговаривает при этом: „аминь“. Эти господа сами восстаивают против себя бедных людей. Они не хотят устранить причин возмущений, и поэтому продолжительное спокойствие невозможно. За эти слова меня называют бунтовщиком—и пусть!“

Анабаптистам удалось захватить город Мюнстер, в котором они устроили коммуны. Но коммуна просуществовала недолго. Взятый войсками епископа, Мюнстер жестоко распятился за свой коммунизм: город был разграблен, а большинство анабаптистов, оставшихся в живых после резни на улицах города, было подвергнуто жестоким пыткам и казнено.

Лютеранство,
как государственная
религия.

Разгром революционного движения и поражение крестьянских восстаний привели к уничтожению анабаптизма, между тем как лютеранство, оказавшееся такой удобной религией для князей, стало официальной государственной религией северной Германии. Подданным лютеранских князей не дано было права выбирать себе вероисповедания. При замиреннии князей с папой было решено: „чья власть,

того и религия“,—вероисповедание князя определяло собою вероисповедание их подданных. Так закончилось свое эпопею реформаторское учение, которое начало пропагандой личной и политической свободы, а закончилось тем, что стало служанкой феодализма и торгового капитала в его самой хищнической и неприглядной форме—в виде власти скупщиков и ростовщиков.

Дальнейшие судьбы христианства на Западе были, опять таки, связаны с различными социальными движениями более поздних эпох. Торговый капитал пытался приспособить католицизм—феодалную религию—к своим нуждам. Он достигал этого различными путями: 1) или путем отделения местной церкви от власти папы—как в Англии пресвитерианство, 2) или, под давлением социальных низов,—некоторой демократизацией церковного управления. Сущностью всех религиозных преобразований эпохи было стремление создать из христианства торговый монотеизм. И в учении Лютера, и в учении Гуса, и в учении Уиклиффа, и в учении Кальвина и других апологетов протестантизма (протестантов против католицизма) снова выступает идея предопределения. Добрые дела имеют небольшое значение, так как судьба человека заранее предопределена при его рождении. Вера в судьбу уничтожила прежнее христианское учение об искуплении (по которому Христос искупил грехи всего человечества). По учению протестантов, бог-отец только и есть действительно бог; остальные виды божества—его воплощение. Что же касается гуманитарной миссии Христа, пострадавшего за человечество, то, по учению протестантских богословов, это была неудачная попытка изменить заранее определенный богом путь человечества. Мученичество бого-человека не могло отменить божественных законов: они остались неизменными, что доказывает—де самым решительным образом подчинение им не только людей, но и богов (Христа)... Безликий и бездушный бог, „бог-судьба“, выявлен в этом религиозном толковании протестантов в достаточной мере.

К половине XVII столетия во всей Европе „торговый монотеизм“ стал преобладающей государственной религией. В России торговый монотеизм появился несколько позже. „Иконничество“ при Петре I было первой серьезной попыткой введения торгового монотеизма государственным порядком. Церковный раскол

Учение
о предопре-
делении.

показал, что торговый монотеизм еще не понятен для большинства населения России, и что власть рынка и денежных отношений имеет недостаточно глубокие корни во всей стране. В представлениях русского крестьянства бог оставался по-прежнему богом-стариком, власть которого носила крепостнический характер, а местные святые—заступники заменяли собой прежних богов-предков.

На протяжении полутора тысяч лет христианство подверглось многим превращениям. Из религии протеста социальных низов против хищничества национального торгового капитала, оно превратилось в торговый монотеизм; из религии социальных низов— в религию социальных верхов. Из учения небольшой секты иудеев оно стало государственной религией Восточной и Западно-Римской империи. Государственный характер этой религии и необычайная приспособляемость ее были причиной того, что германские и славянские князья охотно принимали христианство и крестили своих подданных. Религия давала им новое оружие в деле угнетения подвластных племен. Но, кроме того, князья хорошо учитывали и значение христианского духовенства, которое помогало внедрять в умы привыкших к родовому строю подданных идею верховной власти. Духовенство выступало в эту эпоху, как самый ярый защитник самодержавия и королевского господства.

Новая метаморфоза постигла христианство, когда Европа стала феодализироваться. Христианство распалось на две большие церкви— восточную и западную. Восточная осталась выразителем власти торгового капитала и централизованной монархии, а западная стала быстро видоизменяться: она приспособилась к феодальным условиям—и из монотеистической религии христианство превратилось в феодальную религию с культом вассалов-святых и верой в чудеса и мощи. Католицизм на Западе резко отразил все эти новые черты феодальной религии. Но и восточная церковь не осталась без изменений, когда изменились окружающие ее социальные условия. Приноровленное к социальному быту остальных племен и народов восточной Европы и православие (восточная церковь) восприняло много анимистических черт и, в некоторых случаях, даже совсем слилось с местными первобытными верованиями. В дальнейшем, и в православии, с некоторым опозданием, повторились все те изменения, которые произошли в католицизме.

Развитие в Западной Европе торговых сношений, выступление торгового капитала заставили христианство снова омолодиться: оно стало чистым торговым монотеизмом. Лютеранство, кальвинизм, пуританство (и даже католицизм) были приспособлением к новым социальным условиям.

Христианство было не только официальной религией господствующих классов—оно нередко превращалось в учение революционное. Во все эпохи социальных возмущений, при всех восстаниях и протестах народных низов—еще до эпохи промышленного капитализма—христианство приспособлялось к чаяниям и нуждам восставших. Религия была самой привычной формой общественной идеологии, и в религиозную форму, поэтому, даже революционерам было легче всего вкладывать необходимое содержание.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ «ОЧЕРКА».

(В перечень включена только литература, имеющаяся на русском языке. Иностранная литература, а также мелкие статьи и сводки этнографических материалов на русском языке—в перечень не вошли).

-
- Нидерле Л.—Человечество в доисторич. времена.
Обермайер.—Доисторический человек.
Липперт.—История культуры.
Бюхер К.—Возникновение народного хозяйства.
Шурц Г.—История первобытной культуры.
Тахтарев К.—Очерки по истории первобытной культуры.
Бюхер К.—Работа и ритм.
Богданов А.—Наука об общественном сознании.
Потебня А.—Мысль и язык.
Ферворн М.—Развитие человеческого духа.
Погодин.—Язык, как творчество.
Гроссе Э.—Происхождение искусства.
Тейлор Э.—Антропология.
Кунов Г.—Происхождение брака и семьи.
 » Возникновение религии и веры в бога.
 » Очерки по истории первобытной культуры.
Зибер Н.—Очерки первобытной экономической культуры.
Бушан—Иллюстрированное народоведение.
Ратцель Ф.—Народоведение.
Морган Л.—Первобытное общество.
Энгельс Ф.—Происхождение частной собственности, семьи и государства. Изд. «Москов. Рабочий».
Ковалевский М.—Закон и обычай на Кавказе.
 » Современный обычай и древний закон.
 » Социология, т. II.

- И а к и ф.—История первых четырех ханов из дома Чингисова.
 Г р а н о в с к и й.—Собрание сочинений, т. II.
 П е т р у ш е в с к и й.—Очерки по истории средневекового общества и государства.
 К е н а н.—Степная жизнь в Сибири.
 М и к л у х а-М а к л а й.—Путешествия.
 С е р о ш е в с к и й В.—Якуты.
 М и х а й л о в с к и й В. М.—Шаманство.
 К о ч н е в Д.—Очерки юридического быта якутов.
 Г р о д е к о в.—Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области.
 С б о е в В.—Чуваши.
 Х а н ы к о в Н.—Описание Бухарского ханства.
 В е р б и ц к и й.—Алтайские инородцы.
 Г а в р и л о в.—Рисоля сартовских ремесленников.
 К н и г а д л я ч т е н и я п о и с т о р и и с р е д н и х в е к о в (главным образом, статья М. Покровского—«Хозяйственная жизнь Европы в конце средних веков»)
 К н и г а д л я ч т е н и я п о и с т о р и и н о в о г о в р е м е н и, т. I.
 К а у т с к и й К.—Рабочее движение в средние века.
 Б е л о в Г.—Городской строй и городская жизнь средневековой Германии.
 У д а л ь ц о в А.—Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов.
 К о в а л е в с к и й М.—Экономический рост Европы до возникновения капиталистич. хозяйства.
 Д ж и в е л е г о в.—Торговля на Западе в средние века.
 Е у л и ш е р И.—Лекции по истории экономич. быта Западной Европы, т. I и II.
 З о м б а р т В.—Современный капитализм, т. I.
 М а р к с К.—Капитал, т. I.
 В е б е р М.—История хозяйства.
 П а в л о в-С и л ь в а н с к и й.—Феодализм в древней Руси.
 П о к р о в с к и й М.—Очерки истории русской культуры, т. I и II.
 > Русская история с древнейших времен, т. I и II.
 Р о ж к о в Н.—Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I—V.
 М ю л л е р-Л и э р.—Формы брака, семьи и родства.
 Ф у к с Э.—Иллюстрированная история нравов, т. I.
 Б е б е л ь А.—Женщина и социализм.
 В и п п е р.—Возникновение христианства.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

№№	СО Д Е Р Ж А Н И Е Р И С У Н К А.	Стр.
1.	Европа в период наибольшего развития своей поверхности в межледниковый период	26
2.	Нижняя челюсть человека из Мауера (Германия)	27
3.	Типы каменных орудий до-ледникового периода (III межледниковый период)	31
4.	Типы каменных орудий IV ледникового периода	33
5.	Типы каменных орудий после-ледникового периода	35
6.	Костяные и роговые орудия после-ледникового периода	37
7.	Лагерь бушменов в южной Африке	43
8.	Танец в круг (айны в Японии)	63
9.	Танец девушек на острове Гапаи	65
10.	Барабан из дерева (с острова Нов. Гвинея)	66
11.	Барабан, обтянутый кожей (из Конго—Африка)	—
12.	Флейта из шифера (Аляска—сев. Америка)	67
13.	Флейта из тростника (у даяков—остров Борнео)	—
14.	Арфа из габуна (зап. Африка)	68
15.	Гитара из Усого (вост. Африка)	—
16.	Рисунки на стене пещеры Пасьега (Испания)	69
17.	Живопись австралийцев	—
18.	Рисунки первобытного человека на роге и кости в после-ледниковый период	71
19.	Самка бизона. Раскрашенный рисунок на потолке Альтамирской пещеры	72
20.	Отдыхающий бизон. Раскрашенный рисунок на потолке Альтамирской пещеры	—
21.	Рисунки бушменов (южн. Африка) на скалах	72
22.	Охотник, подкрадывающийся к страусам. (Живопись бушменов)	—
23.	Скульптура после-ледников. периода (из кости, зуба и мыльного камня)	73
24.	Женские фигуры (из мыльного камня) после-ледникового периода	74
25.	Ушная подвеска (мужчина массаи—вост. Африка)	76
26.	Губное украшение (женщина лавира—вост. Африка)	—
27.	Рубцы на теле и вставка в носу (Австралия)	77
28.	Татуировка (индейцы племени гауда—сев. Америка)	78
29.	Изображение зубра с воткнутыми дротиками (пещера Нио—Франция)	91
30.	Кремневые орудия неолит. периода (отжимная техника)	100
31.	Подготовленный к шлифовке и отшлифованный топор	101
32.	Шлифованные орудия современных отсталых народов	—
33.	Просверленный молоток-топор	102
34.	Лодка из бересты у индейцев—ненепотов (сев. Америка)	103
35.	Хижина на Никобарах (Бенгальский залив)	104

№№	СО Д Е Р Ж А Н И Е Р И С У Н К А.	Стр.
36.	Пловучий дом в Спаме	105
37.	«Кухонные кучи» в Дании.	107
38.	Кирпки-мотыки (из раковин и камня) современных отсталых народов	109
39.	Кладовая эскимосов	112
40.	Проконченная мумия австралийца из Аделаиды	123
41.	Способы погребения у северо-американских индейцев и у эскимосов	128
42.	Изображение предка, с о-ва Целебеса, с приспособлением для жертвоприношений	131
43.	Шаман, в момент камлания, высматривающий духов	133
44.	Кибитка киргизов	139
45.	Кабильский земледelec (сев. Африка)	141
46.	Каменные формы для отливки меди	142
47.	Медные топоры и секеры	143
48.	Орудия и оружие из бронзы (ранняя эпоха)	144
49.	» » » » (поздняя эпоха)	145
50.	Каменные топоры (подражание формам медных топоров)	146
51.	«Белая кость». Тип знатного киргиза	193
52.	«Черная кость». Тип киргиза-бедняка	194
53.	Суд биев (Сыр-Дарьинская область)	227
54.	Пытки у китайцев	235
55.	«Башня смерти» в Бухаре	236
56.	Деньги из раковин (Меланезия)	243
57.	Развалины крепости Ахал-теке (Закасп. область)	244
58.	Ханская ставка (Калмыцкая область)	246
59.	Замок Тамары (Кавказ)	248
60.	Дворец Хана (Хорезм)	249
61.	Развалины дворца (Самарканд)	250
62.	Общий вид Хивы (Хорезм)	251
63.	Мечеть Шпр-Дор (Самарканд)	253
64.	Постройка города-крепости	255
65.	Яванские кузнецы	265
66.	Улица в «старом городе», в Ташкенте	266
67.	Хор диванов (Картина В. Верещагина)	269
68.	Ярмарка	273
69.	Купцы-оптовики (Бухара)	288
70.	Лавка мелкого торговца (Бухара)	289
71.	Тюрьма Зиндан (Самарканд)—(Картина В. Верещагина)	341
72.	Перевозка руды (Картина Рубенса)	355
73.	Покорение Сибири (Картина В. Верещагина)	365
74.	Голландский пейзаж (Картина Гойена)	367
75.	Улица в ремесленном квартале (Бухара)	385
76.	Обожатели бача (Картина В. Верещагина)	390
77.	Пляска бачей	391
78.	Соломонова стена (Картина В. Верещагина)	404
79.	Добровольные мученики (Картина В. Верещагина)	415
80.	Исступленные (Картина В. Верещагина)	417

Содержание.

	Стр.
Введение.	
1. Общественные формы и их развитие	3
2. Источники наших сведений о человеческом обществе	12
I. Первобытное общество.	
1. Первобытный человек и его древность	25
2. Первобытное хозяйство	29
3. Орда	49
4. Происхождение речи	53
5. Происхождение искусства	61
6. От раскраски тела к украшениям и одежде	74
7. Первобытная психика	80
II. Родовое общество.	
А. Раннее родовое общество.	
1. Переход от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему	99
2. Родовые (тотемные) группы	114
3. Возникновение религии	122
Б. Развитое родовое общество.	
4. Развитие скотоводства и земледелия	138
5. Родовой союз (патриархальный род).	147
6. Брак и положение женщины	154
7. Союз родов (племя)	163
8. Эволюция религии в развитом родовом строе	169
III. Феодальное общество.	
1. Экономическая подготовка феодализма	181
2. Происхождение феодальной власти	188
3. Феодальные отношения	201
4. Крепостная (крестьянская) община	213
5. Поместное хозяйство	219
6. От обычая к закону	223
7. Происхождение внешней торговли	237
8. Возникновение городов	244
9. Городской строй и городской быт	254

IV. Капиталистическое общество

(Эпоха торгового капитала).

	Стр.
1. Развитие торгового капитализма	273
2. Борьба классов в городах	288
3. Разложение натурального хозяйства	294
4. Рецидивы крепостничества	309
5. Дворянство	325
6. Дворянско-купеческое государство	337
7. Канун промышленного переворота	348
8. Торговое государство	357
9. Семья и брак в эпоху торгового капитала	377
10. Христианство	394
Перечень литературы	425
Список иллюстраций	427

ГЛАВНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ:

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует:</i>
8	9 сверху	с слабым	со слабым
19	7 снизу	Африке	Африки
31	8 снизу	4-й межледник. период	3 межледн. период.
48	20 сверху	питания семьи	в питании семьи
70	3 снизу	народов, ушло	народов ушло
81	23 сверху	действительности	деятельности
88	6 >	действия, слов	действия слов
89	9 >	это	Это
92	1 снизу*	магий	магии
102	18 >	по каменные	но каменные
106	3 сверху	цорода	порода
111	14 снизу	и часть	но часть
112	6—7 снизу	полях	колях
118	12 сверху	«пира-ура»	«пира-уру»
147	15—16 сверху	требовала единой	создавала иную
—	—	организации	форму родства у
152	3 снизу	по отношении	по отношению
154	12 сверху	защиты	защита
166	16—17 снизу	Глава племени	Глава племенн
172	10 сверху	Боги—племени	Боги племени
186	15 снизу	обрушивается	обрушиваются
202	20 сверху	пастбица	пастбища
214	12 снизу	но	но и
215	21 сверху	бщинные	общинные
222	11 снизу	также	также
286	3 сверху	начале	и начале
350	22 снизу	свои	своим